

МАГИЯ  ФЭНТЕЗИ



Ульяна КАРШЕВА  
**ВОРОНЫ  
ЧЕРНОБОГА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

## Annotation

Две силы охраняют старинный город и избавляют его от напастей. Это алконосты – белые стражи дня и вороны Чернобога – стражи ночи. Белых стражей больше. Ведь стражи ночи вынуждены сражаться с нечистью и нежитью в самое опасное время суток и потому чаще погибают.

Молодой ворон Данияр однажды оказывается единственным уцелевшим из ночных стражей. И теперь ему предстоит подыскать трех воронов-новичков, спасти их от натравленных на них упырей. А значит, придется искать и лежки неизвестно кем и для какой цели поднимаемой нежити. Как все успеть? Как защитить живых?

Но вскоре Данияр сталкивается с юной соседкой по дому и с изумлением понимает, что Чернобог решил помочь своему адепту, подарив ему знакомство с самым ценным в мире человеком.

- 
- [Ульяна Каршева](#)
    - [Пролог](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
    - [Глава пятая](#)
    - [Глава шестая](#)
    - [Глава седьмая](#)
    - [Глава восьмая](#)
    - [Глава девятая](#)
    - [Глава десятая](#)
    - [Глава одиннадцатая](#)
    - [Глава двенадцатая](#)
    - [Глава тринадцатая](#)
    - [Глава четырнадцатая](#)
    - [Глава пятнадцатая](#)
    - [Глава шестнадцатая](#)
    - [Глава семнадцатая](#)

- [Глава восемнадцатая](#)
  - [Глава девятнадцатая](#)
  - [Глава двадцатая](#)
  - [Глава двадцать первая](#)
  - [Глава двадцать вторая](#)
  - [Глава двадцать третья](#)
  - [Глава двадцать четвертая](#)
  - [Глава двадцать пятая](#)
  - [Глава двадцать шестая](#)
-

# Ульяна Каршева

## Вороны Чернобога

*Тот, кто Ворона видал,  
Знает силу мрака,  
Ворон к Одину летал,  
В вечный он глядел кристалл,  
Принял тайну знака.*

*К. Бальмонт. Птицы Чернобога*

## Пролог

Ранним июльским утром по тропам лесопарка бежала... нет, совершала пробежку девушка в спортивной белой маечке и серых шортах. Ноги в кроссовках легко несли ее с одной кручи на другую в дальней части лесопарка, изрезанной оврагами, весьма востребованными у спортсменов и бегунов-любителей. Солнце лениво проглядывало сквозь ветви тополей и лип. Голубые небесные кусочки наверху шелестели громадными листьями дубов и кленов, а внизу стояла едва ли не черная благодатная тень, и невысокая курносенькая девушка, не старше двадцати лет, поневоле улыбалась движению и свободе. Светло-русые волосы резинкой стянуты в хвост, решительно мотавшийся в ритм бега, а небольшие карие глаза с удовольствием следили за вьющейся среди кустов тропкой или приветливо скидывались на других бегунов, в одиночестве или группками наслаждавшихся стремительной утренней прогулкой. «Еще круг, – размышляла чуть запыхавшаяся бегунья, – и пора домой...»

Она спускалась с одной из круч, глядя на тропку следующей, а потому не видела, что происходит под ногами.

Множество тощих ручонков с трудом втащили на самое узкое место тропинки сук с трухлявой от старости и дождей корой. В месте облома ветка оказалась размером с кулак. Сук быстро развернули поперек узкой дорожки. И плохо видные в пятнистой от солнечных лучей и древесных теней существа резво бросились в кусты орешника по обочинам тропы.

Кроссовки бегуньи предсказуемо врезались в неожиданную преграду. Девушка замахала руками, тщетно стараясь удержать равновесие... и, ахнув, грохнулась в высокие травы, выбросив вперед руки в последней попытке хоть что-то сделать, хоть как-то смягчить падение. Бегунья, может, и отлежалась бы, а потом, раздраженно кряхтя и постанывая, встала – и либо продолжила бы бег, либо поплелась домой... Но чуть только она повернула голову, собираясь с мыслями и силами, как лопухи сбоку шевельнулись, из них высунулась тощая, даже костлявая ручонка с зажатым кулачишком.

Девушка изумленно моргнула. Ручонка замахнулась, кулачишко резко открылся. Зеленоватый дымок пыхнул перед лицом бегуньи. Еще одна чисто инстинктивная попытка приподняться на локтях – и девушка рухнула плашмя.

Как в болезненном сне, она видела, но не могла сопротивляться: из кустов и травы выскочили странные существа, похожие на сухощавых старушек в лохмотьях. Их седые космы были подвязаны такими же тряпками, какими они укрывали свои тощие тела. И все эти старушки, отличительной особенностью которых кроме роста были еще и куриные клювы вместо ртов, бросились к голове упавшей. Бегунья, неподвижно лежа и не веря своим глазам, смотрела, как тощие, чуть ли не куриные ноги суматошно бегают рядом с ее лицом, а вскоре почувствовала, как ее волосы теребят маленькие ручонки... Туман поплыл перед глазами, а когда развеялся, ошалевшая бегунья поняла, что ей распустили стянутые в хвостик волосы. Вяло шевельнулась мысль: «Они мне собираются волосы вырвать?..» Не додумала – трудно было. Но продолжала ощущать, как те же ручонки дергают ее волосы – правда, не так, как если бы и впрямь захотели их повыдирать...

## Глава первая

### *Руся*

Придя в себя, Руся обнаружила, что лежит на тропе. С огромным усилием встала, больше всего боясь посторонних взглядов, потому что было неловко из-за глупого падения. Но вокруг было тихо, странным образом пропали голоса, которые во время бега отчетливо слышны со всех сторон. Стряхнув с ободранных коленок грязь, она внимательно рассмотрела ноги и пришла к выводу, что ничего страшного не случилось. Пора идти... э-э-э... хромать домой. Все странности, которые чувствовала, отнесла за счет сильного падения... А странные видения... Были ли они? Может, причудилось только?

Да, пора домой. Она снова, уже придиричивей осмотрела себя и медленным шагом поднялась на овражную кручу, чтобы знакомой боковой тропкой выйти на широкую асфальтированную пешеходную дорожку. Та в одном месте спускала путников к ледяному ключу, начало которого было упрятано в короткую трубку, а поток – солнечно сверкал между крупными камнями, выложенными вокруг русла. Добравшись до паркового ключа, Руся, постоянно ощущая взгляды в спину, отчего время от времени резко оглядывалась, пытаясь поймать хоть одного глядельщика, осторожно промыла содранную кожу на коленке, после чего наклепила на ранку листик подорожника. Правда, были сомнения, что он, пока мокрый и липкий, по дороге не свалится.

Домой – это значит пересечь лесопарк, выйти на его спортивно-игровые площадки, затем к собственно развлекательным площадкам, после чего оказаться на дороге, ведущей на городские улицы. Эта дорога начиналась небольшим мостом над трассой, а заканчивалась на «зебре», по которой перейти – и, обойдя первый жилой дом, свернуть к первому же подъезду. Голова чувствовалась какой-то странно стянутой, Руся шагала как в полусне, но решила, что голова болит после падения. Само пройдет, в общем. Так что благополучно прошла весь путь и спокойно приблизилась к нужному подъезду.

Руся открыла дверь подъезда – и замерла на пороге, машинально вытирая пот со лба и с недоумением слушая вопли и грохот с четвертого этажа. Вспомнила. Точнее... Слышала, что в подъезде

творится такое последнюю неделю, – бабуля говорила. Хотя Руся не думала, что попадет на это ЧП самолично... Расслышала не просто грохот, но различила даже отдельные слова в криках сразу нескольких человек. Поднявшись на свой третий этаж, она застыла уже возле двери в квартиру. Спустя минуты скривила губы...

Соседи не хотели выходить: ввязываться в очередную скандальную свару с этой психованной бабищей, которая могла немедленно броситься в драку с кем угодно, никто не желал. Так объяснила поведение соседней бабушка. Типа плавали – знаем. Но кто бы остался дома, если уже с полчаса грохот стоит такой, что и в квартирах плохо слышно друг друга?

Женщина на четвертом этаже вопила, огрызалась на выскочивших соседей и часто била ногой в металлическую дверь, будто аккомпанируя себе, – и тратила свои силы понапрасну: новый жилец в квартире на данный момент отсутствовал.

Правда, Руся не собиралась оповещать женщину об этом, а, напротив, с интересом прислушивалась к бешеному монологу сверху, время от времени перебиваемому такими же вопящими от негодования соседками. Жизнь есть жизнь. Надо же иной раз узнать о ее особенностях – пусть и из уст скандалисток.

Из монолога она узнала весьма увлекательные подробности из жизни вопящей дамочки: та вышла в первый раз замуж по сумасшедшей любви, но бросила мужа, чтобы по такой же всеобъемлющей, сильной любви выйти замуж за этого самого нового жильца! Однако первый муж платил ее, ну и, естественно, своему тоже, ребенку алименты! Этого второго она бросила, потому что, как в прорубь, окунулась в новую прекрасную любовь с третьим, но второму она не позволит просто так уйти из ее жизни: он должен, он просто обязан платить алименты на ребенка от первого!.. Вот, в сущности, и все, к чему сводились все громогласные претензии дамочки.

Руся представила, как все жильцы подъезда стоят, слушая неведомую и пока невидимую ей дамочку и крутя пальцем у виска, а некоторые, не выдерживая, пытаются переорать ее. А другие поражаются: неплохо устроилась! Требовать деньги со всех бывших мужей на единственного ребенка! Или под этим предлогом – на себя?

Бывший муж дамочки обогнал Русю, когда она шла на пробежку в ближайший парк. Что значило – дамочка впустую вопила и гремела



уже с полчаса. Если не больше. Мужик, честно говоря, интересный. Похож на исхудалого по весне медведя, только что выбравшегося из берлоги. Такой же тощий и такой же лохматый. Впрочем, причесон у него был не слишком длинный, но волосы предпочитали свободу, отчего косматились так, словно мужик и впрямь недавно вышел из глухого леса. Точнее, не предпочитали свободу, а растрепались взъерошенными космами, как будто он только что подрался. И лицо было темное какое-то, замкнутое донельзя. К такому – к мужику, не лицу – подойти-то страшновато, а дамочка вопила о сумасшедшей любви?..

Опаньки! С нового вопля «Я тебя сама выбрала! Открывай, гад!» Руся, не веря ушам, вновь прислушалась, открывая для себя еще одну грань взаимоотношений дамочки и нового жильца из своего подъезда. Они не были расписаны! Но даже это обстоятельство, по мнению дамочки, не должно никоим образом влиять на положение ребенка! Бывший... э-э-э... в общем, все равно бывший должен беспокоиться жизнью несостоявшегося пасынка! И снова грохот в металлическую дверь – аж в ушах зазвенело.

Если бы не последний вопль, осветивший взаимоотношения нового жильца и горластой бабищи, Руся выждала бы еще немного и зашла в квартиру бабушки, то есть домой. Но теперь... Подумалось, что между нею, Русей, и новым жильцом есть определенное сходство – в ситуации. Руся тоже на время переехала к бабушке – зализывать сердечные раны. Ну, не совсем сердечные и не совсем зализывать, но... Да и не только это. Руся желала покоя! А с этой скандальной бабищей, судя по всему, покоя не дождешься! Пойти, что ли, тоже поорать? Руся даже рассмеялась про себя, представляя, как будет вопить...

Ой... Кто-то поднимался по ступенькам. Сквозь решетки перил на ближайшей лестнице Руся разглядела, что идет мужчина. Но вот он замедлил шаг. Ага! Баба все-таки поймала своего «мужа»! Или мужик, узнав голос бывшей, сбежит сам, не желая встречаться с ней?

Но мужчина постоял с секунду, а потом вновь, уже решительно, зашагал наверх. Руся, не желая, чтобы он подумал о ней – подслушивает, поспешно юркнула к себе, в открытую квартиру. И тут же подняла крышечку глазка посмотреть, когда этот тип пройдет мимо... Прошел. Руся, постаравшись открыть дверь во время нового

грохота и воплей, снова высунулась из квартиры, а потом и вовсе поднялась на один марш выше – так, чтобы шагнуть в сторону и спрятаться, если соседи и скандальная дамочка обернутся.

Ну интересно же, что сделает мужик!

А о том, что он собирается сделать нечто, ясно говорила его решительность.

Она добежала до верха лестницы в тот момент, когда на площадке постепенно воцарялась тишина!.. А соседи медленно, будто извиняясь, расходились по квартирам, оставляя странную пару в одиночестве стоять друг против друга. Недолго.

Затаив дыхание, Руся вытянула шею, готовая в любой момент удрать назад. В душе она удивлялась, как соседи без крика удалились по своим домам. И почему эти двое все еще молчат, не двигаясь...

Мужчина опустил руку в карман джинсов и, кажется, что-то вынул. Женщина, так страстно вопившая до сих пор, не пошевелинулась. Рука нового жильца едва заметно бросила это нечто ближе к ее ногам.

Легкая дымка овевала босоножки дамочки. А мужчина все так же молча шагнул в сторону, словно уступая дорогу. Женщина помешкала и спокойно прошла мимо него – не оглядываясь на недавно вожделенного бывшего, будто его и рядом не было.

Руся торопливо и, благо в кроссовках, тихонько спустилась к почтовым ящикам, чтобы сделать вид, будто только что вошла в подъезд. Девушка дождалась, когда дамочка начнет спускаться ей навстречу с третьего этажа, и неспешно принялась подниматься, прихватив для маскировки одну из газет, часто лежавших на подоконнике. Очень уж хотелось увидеть эту скандальную бабищу.

Увидела. Честно говоря – поразилась. Это вот такой хрупкий, прелестный цветочек, на который дунь – с места снесет, сейчас орал наверху?

Цветочек бесстрастно прошел мимо Руси, в упор не заметив ее. А девушка мельком отметила, что выражение лица у дамочки очень уж безразличное... Не от того ли странного дымка? Жуть какая-то...

И уже быстрее принялась шагать на свой этаж. Когда в очередной раз начала открывать дверь, услышала шаги за спиной – и обернулась посмотреть. После чего, чувствуя себя сплетницей, подсматривавшей в замочные скважины и пойманной на месте преступления, шмыгнула в

бабушкину квартиру. Оставила нового жильца на середине верхней лестницы.

Он замер, словно увидел какую-то невидаль – как бабуля выражается. Торопливо клацнул замок.

– Орет ли еще? – из кухни спросила бабуля, маленькая, но весьма активная особа.

– Ушла. Бабуль, я в ванную.

– А потом – завтракать, – непреклонно сказала бабуля.

«А я что, возражаю?» – про себя проворчала Руся, блаженно принюхиваясь к ароматам свежее испеченных блинчиков и гадая, что будет к ним – сметана или масло. Варенье-то в креманке на столе всегда стоит, поднадоело немного.

Она повернулась было к ванной, в которой собиралась чуток задержаться, чтобы обдумать увиденное, и аж подпрыгнула от бабулиного аханья.

– Ах ты господи!.. Что это ты с головой своей сделала?!

– А что? – с недоумением спросила Руся и бросилась к старенькому трельяжу, стоявшему тут же, в прихожей. Странно, но только после бабулиных слов девушка почувяла, что голова необычно тяжелая. И не болит, как поначалу думалось.

Сблизив узкие зеркальные створки, девушка взгляделась в отражение в центральном зеркале – и раскрыла рот. Волосы жестко и плотно были переплетены с длинными зелеными травинками чуть ли не в шлем. Тонюсенькие прядки с такими же тонюсенькими травинками – получилось нечто зеленовато-русое, смутно золотое...

– Откуда это у тебя? – ошеломленно спросила бабуля, трогая Русин затылок. – Ты ж на работу еще не ходила?!

Девушка только хлопала глазами. Пока она сообразила лишь одно: именно ее голова в ее теперешнем состоянии так удивила нового жильца, что он остановился на ступенях лестницы. Но... правда – откуда это и как от этого избавиться?

Спустя минуту оторопелого созерцания бабуля легонько толкнула внучку на табурет, принесенный из кухни, и велела:

– Сама не трогай – запутаешь еще больше!

Понадобилось пятнадцать минут, чтобы бабуля опустила руки и с нервным вздохом призналась, глядя в зеркало:

– Нет, мне такого не распустить. Иди в свою парикмахерскую – там всякие косички заплетают-распускают. Так, может, и тебе помогут?

– Бабуль, а прикольно! – вдруг решила Руся. – Давай я немного так похожу, а потом, если слишком лохматой буду, и девчонок можно будет попросить, чтоб помогли.

Бабуля бормотнула что-то себе под нос и со вздохом пошла на кухню. Руся следом отнесла табурет, размышляя, не взгляд ли соседа заставил ее придумать такое. А вот интересно, она его удивила этой прической или напугала? Скажет еще – дура ненормальная, чего придумала – и будет обходить за три километра. И что? Его мнение – оно ей надо? И надо ли, чтобы он вообще к ней приближался? Ну и пусть идет лесом! Тарашиться еще вздумал...

Она умылась и села завтракать.

– Не опоздаешь? – спросила бабуля, заботливо подкладывая порцию горячих блинов и щедро поливая их сметаной.

– Не. К десяти-то? С утра работы вообще нет. Зря только приду.

Руся не сумела поступить в университет, а потому ее устраивали на работу всем семейно-родственным миром. Работу найти трудно – без образования, без опыта. Поэтому родители и бабуля обратились к жене Русиного кузена. Та держала махонький зальчик-парикмахерскую в полуподвальном, то есть цокольном помещении торгового центра. Русю взяли уборщицей. Русе нравилось убираться, тем более она работала в основном в перерывы, пока клиентов нет. Девчонки-парикмахерши оказались веселыми и компанейскими и сразу вызывали девушку, когда клиенты опаздывали или когда можно успеть обратиться в паузе между их приходами. А еще обещали научить ее обычным стрижкам... Не нравилось только отношение Алевтины. Кузен-то старше Руси на двенадцать лет, и его жена, сухопарая и всегда раздраженная, чаще смотрела на Русю, скривив рот. Нет, не ругалась, но и кривого рта достаточно, чтобы Руся чувствовала себя неуютно. И денег мало платила – даже девчонки-парикмахерши удивлялись... Руся, правда, помалкивала и терпела, втихомолку подыскивая другое место.

Единственный плюс в этой работе – она переехала к бабуле, дом которой находился недалеко от того ТЦ, всего в пяти остановках от него. А еще здесь – парк! Прямой транспорт до ТЦ! И – радостная

бабуля, которая счастлива, что теперь живет не одна в двухкомнатной квартирке-хрущевке. Есть и с кем поболтать, и за кем поухаживать, а главное, как сама однажды обмолвилась, – есть кого ждать домой.

– Да как же ты не помнишь? – поражалась бабуля, сидя напротив. – Ну, ушла на свою беготню, а потом что? Совсем-совсем ничего в памяти не осталось?

– Я думала, у меня голова побаливает, – задумчиво сказала Руся и, подцепив блинчик, исходящий паром, вымазала его в сметане. – Ну, после того как упала...

– Упала?! – ахнула бабуля. – Где ж ты там сумела упасть-то?

– Около ручья. Помнишь, мы с тобой гулять ходили? Там есть ручей, или ключ, вокруг которого камней много – обложили желоб с обеих сторон?

Бабуля помолчала, рассеянно взяла стакан с молоком.

– Подшутил кто-то? – задумчиво предположила она и вздохнула. – Говорила я тебе – не ходи в тот парк! Соседи говорят, не впервой там чертовщина-то! Вон на прошлой неделе, говорят, женщину там нашли – мертвой. Убили ведь. А недели две назад мужика какого-то стукнули да всю кровь выпили!

– Бабуль, – не поверила Руся, – ты меня специально пугаешь?! Придумала тоже – кровь выпили! Тоже небось упал да поранился!

– Что ты, – со значением сказала бабуля. – У нас вон на лестничной площадке, в квартире напротив, Зина живет – помнишь ли? Она к нам на прошлой неделе за чаем заходила. У нее племянник в полиции служит. Он ей и рассказал, потому что Зина частенько через тот парк ходила на работу – вроде как ближе. А сейчас она – ни-ни! Ни ногой в тот парк! А ты – бегать... – Бабуля поджала губы, а потом, словно осененная идеей, внимательно глянула на Русю и дипломатично спросила: – Ты-то со своим как? Совсем разбежались? Или помиритесь еще?

– Разбежалась, – неохотно ответила девушка. Подробно рассказывать о том, что недавний друг и предполагаемый жених оказался тряпкой и не сумел защитить ее в неожиданной ситуации, не хотелось. И еще появилось странное впечатление, что бабуля чего-то недоговаривает. – А почему тебя это интересует?

– Так племянник Зины-то – мужик молодой и холостой, – ласково сказала бабуля. – Симпатичный! Зина-то меня и спрашивает позавчера:

мол, как у тебя внушка-то? Не познакомить ли вас?

– Бабуль, мне только-только восемнадцать стукнуло, – со смешком напомнила Руся, про себя недоумеая: бабуля – и такие разговоры? Да она раньше и не думала болтать с внучкой о ее же будущем! Нет, бабуля темнит что-то. – Дай мне на жизнь посмотреть, выучиться на кого-нибудь, профессию получить, а уж потом посмотрим.

– Ну смотри, смотри, – согласилась бабуля. – Только вот... не прогадать бы. Племянник-то у нее – парень видный, да еще, Зина говорит, на должности он какой-то. А значит, нуждаться не будешь. В наше-то время это ведь ой как годно! Подумай!.. – Наткнувшись на укоризненный взгляд внучки, бабуля миролюбиво пожалала плечами. – Погулять-то с ним можно и до свадьбы – вот и посмотришь на жизнь-то...

Так и не поняв, к чему относится последняя фраза, Руся предпочла замолкнуть. Осталось от беседы послевкусие, что бабуля своим внезапным сватовством хотела уйти от чего-то в разговоре. Ну, чтобы Руся забыла о чем-то, озадаченная тетей Зиной и ее племянником... Собрав последним блинчиком остатки сметаны с тарелки, девушка встала и вымыла посуду, несмотря на возражения бабули, а потом быстро собралась: серые джинсы, белая футболка, те же кроссовки – вся недолга! Постояла еще минуту у зеркала, подивилась зеленоватому шлему на голове и, попрощавшись с бабулей, побежала на работу. Выскочив из подъезда, развернулась к балкону и помахала бабуле. Та покивала ей, прощаясь, – и пропала, отойдя вглубь кухни.

Снова повернулась – бежать к остановке и чуть не споткнулась: на скамье у подъезда сидел тот самый новый жилец и в упор смотрел на нее. Мысленно удивившись и даже возмущившись: «Чего вытарацился?» – Руся не торопливо, а, как полагается рабочему человеку, деловито зашагала к торцу дома. На углу скопилась в сторону своего подъезда – и вскинула брови: жилец шел за ней. Или... тоже по своим делам? Например, в магазин, который через дорогу?

А любопытно, кто он такой и что он бросил под ноги своей бывшей... э-э-э... А как ее про себя звать-то? Любовнице?..

А вдруг какое-нибудь химическое средство? Психотропное, например, про которое в шпионских фильмах почти всегда говорят? А если он внедренный шпион?.. Быстро шагая к перекрестку, Руся

хмыкнула. Почему – внедренный? И тут же снова насмешливо хмыкнула: а почему шпион? Потому что в черном ходит, как и полагается отрицательным персонажам. «Тоже мне – в черном, – подумала она. – Нашел когда – летом-то!..»

Передернула плечами: что-что, а выдумывать она любила!

Выждав у перекрестка, когда на светофоре загорится зеленый свет, Руся перешла вместе с толпой дорогу, немного стесняясь своей странной прически, и добралась до троллейбусной остановки. Могла бы и пешком, но сегодня слишком поздно вышла из дома. Выбрав удобное место, где на нее не должны бы обращать внимания из-за странности во внешности, Руся досадливо вздохнула: мобильник дома забыла! Зато взглянув налево в ожидании транспорта, Руся захлопала глазами: неизвестный, который новый жилец и шпион, стоял в шести-семи шагах от нее! Удивленная и даже ошарашенная, девушка пару минут даже думать не могла. Но на табло появилась подсказка, что нужный троллейбус вскоре будет на остановке, и это помогло ей прийти в себя. «Пока не узнаю, что происходит, – сердито решила она, – кличка твоя – Шпион!»

Быстро вошла в салон троллейбуса и, заплатив за билет, ринулась к переднему сиденью. Там уже сидела довольно полная дама, и Руся с облегчением уселась рядом. А облегчение она почувствовала по одной причине: если Шпион и влез в троллейбус следом за ней, уж на одном сиденье они не будут! Эта тетенька не пустит его, да и ее, Русю, в обиду не даст! А девушка себе уже честно признавалась, что начинает Шпиона всерьез побаиваться: а вдруг он не шпион, а маньяк? Но, сидя рядом с дородной дамой, чуть ли не под ее защитой, Руся вдруг раскраснелась от новой и очень приятной мысли: а если этот тип в нее влюбился с первого взгляда?!

Стеснительно улыбнувшись, она скромно подумала: «Почему бы и нет? Мама говорит, я симпатичная. И не скандальная, как его бывшая... Правда, – она прикусила губу, – я и не такая красивая, как она». И совсем уж расстроилась, вспомнив, как разбежалась с Митькой: пришли на чей-то день рождения (его же друг пригласил!), а там... Руся насупилась. Там пришлось отбиваться от пьяных, а Митька сделал вид, что ничего не видит. Более того – он потом сказал, что хотел посмотреть, сумеет ли она сама справиться с его же друзьями-алкашами. Руся вообще-то в рабочем районе выросла.

И кулачок у нее крепкий. Митьке под дых дала – аж самой понравилось. И ушла от него насовсем.

Дородная дама, будто услышав ее мысли, покосилась на юную соседку, и Руся замерла: а если дама пройдет сейчас по ее странной прическе и скажет что-нибудь уничижительное? Пронесло... Дама на ее голову даже и не взглянула, вновь уставившись в переднее стекло. И Руся начала думать о том, как бы этот Шпион ее на выходе из троллейбуса не поймал. Ну, предположим, надо выйти в переднюю дверь. Потом – бегом через дорогу. И вот здесь... Руся крепко задумалась: переход-то подземный. Успеет ли она проскочить его так, чтобы этот Шпион ее не поймал?

С другой стороны, чего его в подземном переходе бояться? Утро рабочее – народу в переходе полно. Девушка хмыкнула и велела себе забыть о надуманных страхах. И забыла. Выскочила из троллейбуса и побежала к переходу, уже думая о работе: Алевтина приходит раньше всех, и Русе не хотелось бы наткнуться на ее очередное недовольство, хотя в махоньком зале со вчерашнего вечера чисто. Но девушка заметила, что Алевтина не так злится, если Руся приходит раньше всех. Так что вперед и с песней!

У самого входа в торговый центр пришлось-таки вспомнить о Шпионе.

Пока бежала к входу – никто из прохожих даже и не взглянул на причудливую прическу. А прохожих много: продовольственный магазин в ТЦ работал с восьми... А за пять-шесть шагов до входа вновь распахнулись двери, и из них вышло чудо чудное – высокий молодой мужик, симпатичный, с длинными белыми волосами, да и одежда на нем – белые джинсы и такой же белый джинсовый жилет. Неплохой такой прикид для лета! И ручки у него – накачанные, приятно посмотреть!

Поднял глаза на посторонившуюся Русю и вдруг замер, его чуть с ног не сбили шедшие за ним. И Руся от неожиданности чуть не споткнулась: чего это он?

И едва не подпрыгнула, когда за спиной кто-то злым низким голосом рявкнул:

– Не пялься на нее! Опоздал!

Девушка оглянулась и, пискнув от страха – Шпион стоял прямо за ней! – быстро влетела в ТЦ, благо двери вновь открылись. Проскочила



под рукой выходявшего и со всех ног бросилась к лестницам на цокольный.

Внизу второй лестницы, у начала коридорного лабиринта, она остановилась и подняла глаза: лестница пустая. Отдышавшись, Руся с недоумением спросила себя: «И чего испугалась? – А подумав и успокоив дыхание, скептически решила: – Вот во что я совсем не умею играть, так это в шпионские игры! Почему сразу бросилась к лестницам? Сразу найдет! – Еще немного подумав и двинувшись в раздумьях к лабиринту с магазинами и маленькими ателье, пожалала плечами: – А может, и не найдет. Ведь он с тем беленьким разговаривает – и за мной не успеет. Хотя опять-таки... Чего ему успевать, если он может меня подождать в конце дня? Но... зачем? Как он сказал: «Не пялься на нее! Опоздал!» Это он про что – «опоздал»? – Руся остановилась, озадаченно хлопая глазами. – Как бы про это узнать?!»

– Ты так рано, – равнодушно сказала Алевтина, выглянувшая в коридор.

– Как всегда, – пробормотала Руся, с облегчением принимая зауалированное ворчание кузеновой жены: можно хотя бы некоторое время не думать о том инциденте у входа в ТЦ! И вошла в парикмахерскую.

Через считанные минуты, пока она проверяла, хоть в том и не было нужды, наличие половой щетки, ведра и швабры, появились все четыре девочки-парикмахерши. И Руся снова удивилась: никто из них даже слова не сказал о ее чудной прическе! Будто и не заметили! А потом смирилась, хотя ожидала активных расспросов, – и рабочий день начался и покатился.

Машинально выполняя все привычные действия, Руся размышляла обо всем подряд. Вызывал любопытство беленький, который с накачанными руками: почему он обратил на нее внимание? Что за странная фраза Шпиона, который больше похож уже даже не на медведя, а на лесного ворона из тех, что селятся на кладбищах? Судя по всему, они знакомы, но, кажется, не слишком... ну... дружественно. Интересно, беленький подчинится Шпиону? Но в чем? Таинственная фраза Шпиона жутко интриговала... А потом до нее дошло. И сразу – мороз по спине: а если Шпион будет дожидаться ее с работы?! Уставившись в стену невидящими глазами, Руся неуверенно пожалала

плечами: а для чего? Для плохого или хорошего? Попросить, что ли, девчонок-парикмахерш вывести ее в своей компании из ТЦ? Не засмеяли бы только – типа, парень, может, познакомиться хочет, а ты!..

И только к концу смены девушка сделала открытие: ее необыкновенную новую прическу заметили три человека. Шпион. Беленький. И бабуля. Еще одна загадка: что бы это значило?!

За полчаса до конца работы Руся осторожно подошла к дверям ТЦ и, спрятавшись за одним из толстенных столбов фойе, тщательно обозрела площадь перед центром. Сначала глаза наткнулись на Шпиона. Тот сидел, ссутулившись, на скамье – одной из ближайших к входу. Потом, глянув на остановку, Руся обомлела: с лестницы от нее спускался тот самый беленький. Шел быстро и легко, словно предполагая, что его никто остановить не может. Наверное, думал, что Шпион ушел... Пока девушка гадала, что к чему, посматривая то на одного, то на другого, беленький оказался в нескольких шагах от скамьи с Шпионом.

Ка-ак тот поднимался – медленно, угрожающе, темной тучей! И ведь выглядел не таким уж шибко сильным, как беленький, например. Но тот резко остановился, обнаружив его. Слабо усмехнулся – разглядела открывшая рот Руся, – развел руками, типа: «Ну ладно, ладно, все понял!» и без пререканий удалился.

Руся вернулась в парикмахерскую. Постояла немного, рассеянно наблюдая, как девочки-мастера обслуживают последних клиентов. Собралась с силами и подошла к Алевтине – попросить телефон. Ух как боялась, что та не даст – из вредности. Но, узнав, кому должна звонить Руся, хозяйка парикмахерской кивнула и вручила свой аппарат. Руся снова вышла и, встав между двумя опустевшими (рано закрывались) киосками, приложила к уху мобильник. Никаких сомнений!

– Бабуля! – решительно сказала она. – А ты не могла бы меня встретить после работы? Да нет! Я просто хочу с тобой погулять немного. Или ты уже выходишь с тетей Зиной? Нет?.. Тогда я тебя подожду. Ты сюда на троллейбусе, а потом мы пять остановок погуляем... Тебе нравится моя идея? – заулыбалась она на довольный голос бабули. – Тогда жду!

Она убрала мобильник в карман джинсов и посмотрела вверх.

– Фиг тебе! – пробурчала она. – Пугать меня вздумал... –  
Подумав, поправилась: – Вздумали! Фиг вам обоим!

## Глава вторая

### *Данияр*

Трое суток беспрестанного действия. Порой казалось – он вот-вот не только почувствует, как подрагивают ноги, но и свалится. И будет дрыхнуть в любом месте, где бы ни свалился. «Устал» – смешное слово для оценки собственного состояния. «Вымотался» – ближе к истине.

Под конец третьих суток Данияр решил: хватит, пора отдохнуть. И дошел до своей новой квартиры, чтобы рухнуть на старый диван, пахнущий пылью и кожзамом, и сомкнуть глаза на бесконечные часы отдыха. Глаза закрыть не успел – шарахнуло по нервам: набатно зазвенел мобильник. Данияр часто по тону звонка интуитивно понимал, что дело швах, но такое... такое врагу не пожелаешь услышать.

– Данияр, – глухо сказал старик Мрак, – Всеволода убили. Я ухожу. В последнюю встречу он сказал – нашел троих наших. Но ни слова о том, кто они, эти трое. Прости, но тебе самому придется искать их. Пока до них не добрались. Я выхожу из игры. Теперь старший ты. Прости...

И отключился.

Данияр бессмысленно смотрел на замолкший мобильник.

Потом начал понимать.

Мраку не стоило просить прощения. Старику под девяносто. Он устал и хочет спокойно дожить до своего последнего дня. Данияр это понимал и принимал.

Но Всеволод... Старший погиб?

Данияр подошел к кухонному окну и невидяще уставился на небольшой сквер во дворе дома. В голове прокручивалось одно и то же: Всеволод оставил его за старшего. За старшего поневоле. Нет, неправильно. Его оставили старшим. И теперь кроме бесплодных ночных погонь и безрезультатных поисков на нем, Данияре, еще и поиски троих. И ответственность за них, за их жизни. С чего начинать? С чего начинать?.. Когда вопрос заикленно и болезненно застучал в висках, Данияр обернулся к кухонному висячему шкафчику.

Квартира куплена недавно. От умершей старухи достались мебель и предметы помельче. Родственникам не хотелось что-то убирать в доме, а потому они самую капелюху, но снизили цену, исключив из нее деньги за старую рухлядь, от которой, как они считали, новый жилец будет постепенно избавляться сам. Мелочь, а приятно.

Он распахнул дверцу навесного шкафа, вынул слишком легкую кофейную банку, встряхнул ее. И поморщился. Надо сходить в магазин. Без кофе он перестает соображать.

Вернулся домой не сразу.

В движении мозги лучше работают. И он понял, что сейчас главное – проникнуть в квартиру Всеволода и взять его мобильный телефон. Старший не любил носить с собой мобильник – считал лишней вещью, которой не место в кармане. Так что телефон должен быть в квартире...

Правда, добравшись до дома Всеволода, Данияр досадливо и со злобой к себе самому, отупевшему за бессонные дни и ночи, выяснил, что в квартиру не попасть: там орудовала полиция. Некоторое время он стоял в небольшой по утреннему времени толпе, глазюющей на полицейские машины и на полицейских, бегающих с обалделыми глазами. В отличие от зевак Данияр знал, почему у полицейских ошалелые глаза. Всеволода не просто убили. Из него выпили кровь... И ладно, если только это. Судя по молодому полицейскому, который резко выскочил из подъезда, огляделся ополоумевшими глазами, явно не видящими ничего и никого, а потом кинулся к кустам на газоне и наблевался там вдоволь, тело Всеволода представляло собой...

Данияр хмуро опустил глаза.

Остаться старшим для тех троих, кого еще не видел. Задача та еще...

Он забрел в магазин, взял молотый кофе, поплелся домой.

В подъезде не сразу, но узнал визгливый голос своей несостоявшейся... невесты? Жены? Мать подсунула. Уверяла, что эта будет идеальной женой. Эта – тоже уверяла, что влюбилась по гроб жизни...

Данияр постоял немного, непроизвольно морщась от грохота и визга – по голове здорово било, и понял, что соседей пора выручать. Выручил... Что его потом понесло спуститься на этаж? Та же интуиция.

Когда он увидел девчонку – глазам не поверил!

Она быстро сбежала, но ее голова, словно в шлеме, так и качалась перед глазами... Качалась... Да он сам уже качался! Данияр шагнул к двери, за которой скрылась Меченая, прилепил к ней черное перышко и вернулся в свою квартиру. Спать... Спать, пока она в квартире!.. Хватило получаса, чтобы сигнал оповестил: девчонка вскоре выходит! Он чуть не свалился с дивана, рванув в кухню. Минуты спустя прихватил с собой разовый стакан с горячим кофе и чуть не обварился, поспешно выпивая его на бегу.

На работу – понял он, когда она села в троллейбус, а потом выбежала на остановке у одного из городских ТЦ. Полностью он проснулся, мгновенно придя в ярость, когда навстречу девчонке из здания вышел алконост (морда знакомая, но имя Данияр не сразу вспомнил) и сразу остолбенел при виде Меченой. Пришлось рывкнуть на него, чтобы знал: девица не просто меченая, но уже отмеченная воронами – пусть воронами и в количестве одной штуки. Именно воронам Меченая сейчас нужна больше, чем многочисленным алконостам... Девчонка испугалась рывканья и сбежала. А Данияр сел (или свалился-таки?) на скамейку возле ТЦ и стал терпеливо ждать. По восторженному взгляду алконоста, уходящего к остановке и то и дело оглядывающегося на двери ТЦ, нетрудно было догадаться, что тот попробует-таки снова прийти сюда и подобраться к Меченой.

Но, когда белобрысый скрылся с глаз, Данияр немедленно встал и последовал за Меченой. Он должен побольше узнать о ней, чтобы потом придумать, как с ней общаться. На глаза ей больше не лез. Шел по невидимому для многих следу, который она, пока не знающая, оставляла. Дойдя до места, куда она спешила, кивнул сам себе: подрабатывает? Слишком юна. Школьница? Студентка?

Запомнив расписание парикмахерской, Данияр вышел на улицу, надел темные очки и, вновь расположившись на скамейке, незаметно разбросал вокруг себя сушеные в крошку травы, вызывающие доверие и в то же время заставляющие прохожих обходить его стороной, и сделал вид, что ждет кого-то. И уснул. Спокойно. Ведь теперь появилась надежда: хоть что-то по мелочи начинает образовываться...

За час до закрытия парикмахерской он осторожно спустился в торговый лабиринт. Стеклопанная дверь позволила разглядеть, как

девчонка Меченая вдруг замялась на месте, словно чего-то сильно не желая, а потом подошла к сухопарой женщине и с виноватым видом что-то сказала. Хочет уйти пораньше?.. Но женщина посмотрела на Меченую со смесью брезгливости и какого-то сожаления и протянула ей мобильный телефон. Вон что... Девчонка свой где-то оставила, а хочет позвонить?

Данияр вернулся к своей скамейке.

Как он и предполагал, алконост попробовал снова подойти к Меченой. Было достаточно встать со скамьи, чтобы парень все понял и ушел. Данияр сел и подставил лицо вечернему солнцу. В кои-то веки выспался и отдохнул. Хотя на душе кошки скребли: как найти подопечных Всеволода? И не случилось ли за это время с ними чего похожего на смерть старшего?

Девушка оказалась трусливой. Или благоразумной. В общем, под каким углом смотреть. В любом случае она явно видела, что ее ждут у ТЦ. Вышла не одна. С какой-то пожилой женщиной, почему-то Данияру довольно-таки знакомой. Под руку обе пошли в сторону дома, где жила Меченая, о чем он узнал сегодня утром. Данияр последовал за ними и вскоре вспомнил, где видел пожилую женщину – в том же подъезде, в котором с недавних пор жил.

Родственница Меченой? Дружелюбная соседка? Старшая подруга?.. Не до гаданий. Пора действовать. Он сел в подошедшую маршрутку. Ехать недалеко, но по сравнению с неторопливо идущими женщинами (может, не трусливая и не здравомыслящая? Может, она его все-таки не видела и они просто решили погулять?) он выиграет время.

На косяк двери, возле которой он впервые увидел Меченую, он налепил новое маленькое, едва заметное черное перышко – на этот раз так, чтобы вошедшие в квартиру ненароком занесли его с собой. Затем спустился вниз, чтобы дождаться женщин и выяснить, кем они друг другу приходятся.

Когда, увлеченные разговором, они показались из-за угла дома, Данияр вошел в подъезд и стал не спеша подниматься, прислушиваясь. Промелькнувшее в диалоге слово «бабуля» заставило его кивнуть собственным мыслям. Теперь оставалось выяснить, живет ли Меченая

здесь постоянно. Но об этом можно узнать только ночью. Тогда-то она сама скажет.

Захлопнулась дверь в квартиру Меченой. Щелкнул замок.

Данияр постоял немного, слушая дом: шелест подъездного сквозняка, едва уловимое гудение водопровода, будто забытое эхо – невнятные голоса за стенами, глухой барабанный ритм, но не сама музыка... И пошел к себе. Меченая проведет вечер так, как ей хочется, а потом уснет. Для Данияра это несколько часов собственного сна. Плюс к дневному. А значит, пробудившись, он встанет со свежей головой и готовым к ночной прогулке. И к охоте.

Прежде чем заснуть, он вышел на балкон. Застекленный по старинке деревянными оконными рамами несколько десятков лет назад, он выглядел обветшалым, но тем не менее в первый же день своего пребывания здесь Данияр превратил балкон в настоящий кабинет в миниатюре. Главным предметом был столик с откидной столешницей. Над ним – широкие полки, на которых умещались банки и пакеты с песком, землей, глиной; коробки с травами и другими ингредиентами, необходимыми для ритуальных действий; сосуды с жидкостями и блюда, с благодарностью взятые из старенького серванта бывшей хозяйки квартиры.

Данияр постоял немного перед столиком, мысленно раскладывая по полочкам, что именно он должен сегодня вечером и ночью сделать, а затем руки, словно независимо от него самого, приподнялись и принялись за работу. Через пять минут в центре столика красовалось блюдо, на котором слоями были насыпаны песок и глина, а поверх едва уловимым рисунком упала брошенная вроде как бесцельно речная галька.

Присмотревшись к полученному узору, Данияр отвернулся и ушел в комнату. Вскоре он спал на диване, уйдя в сон со смутной благодарностью к Меченой: получится ли что-нибудь сегодня – неизвестно, но выспаться он сумеет.

За пять минут до полуночи сон слетел, как будто и не было.

Не торопясь, Данияр оделся, прихватил с собой куртку – кто знает, сколько бегать придется. Вышел на балкон, высыпал в отдельные кожаные мешочки основу, на которой лежала галька, и сушеные травы из пары пакетов. На ночь этого хватит. Нагнувшись, проверил, хорошо



ли прилегают к ноге поножи... Все готово. Можно начинать работу с Меченой.

Для начала раскинул карты с привычной гадальщикам-воронам символикой трав, зверей и птиц. Минуту спустя он знал примерно, как все произойдет и с кем он встретится. Прогноз, кажется, довольно благоприятный – правда, малорезультативный. Но и это уже хорошо, если вспомнить последние сутки... Высыпал на блюдо немного земли, добавил к ней сухие листья пустырника и валерианы – нашептал над смесью заклинание на сон: пусть бабуля спит крепко. В закрытых ладонях потряс камешки гальки и бросил их на другое, пустое блюдо, представляя, как черное перышко летит к спящей Меченой и медленно падает ей на лоб, а затем скрывается в переплетенных волосах.

– Выходи-выходи, утра путь свой повтори – спящей добеги к ручью, где метку ставили твою... – прошептал он.

И быстро зашагал из квартиры.

Уже на ее этаже, когда открылась дверь, стиснул зубы: заклинание предполагало, что Меченая должна идеально повторить свой утренний путь. Девушка и вышла – в шортах и в маечке. В бледном, тусклом подъездном свете она смотрела спокойно на подходившего к ней ворона, ожидая, когда и куда он скамандует идти далее.

Так нельзя. Слишком легко одетая, она даже в шадящем, сумрачном свете подъезда выглядела очень уязвимой. В прохладной ночи (картами обещана была роса) она легко замерзнет, даже если будет двигаться... Вынув все из карманов, Данияр скинул свою куртку и надел ее на Меченую. В планы не входило ее простудить. Теперь слишком многое зависело от нее.

– Ты спишь, – безэмоционально сказал Данияр, внимательно глядя в неподвижные глаза. – Ты видишь сон. Веди к ручью.

Тонкая кисть дрогнула, словно Меченая все-таки хотела возразить, но девушка, все с тем же безразличным лицом, повернулась к лестницам.

Он нашел новую квартиру исходя из предположения, что упырям легче всего прятаться среди деревьев и кустарников. Дом находился ровно между детским парком и центральным парком культуры и развлечений. Всеволод в поиски упырей пытался вписать алконостов, но те плохо видели в темноте, и старший ворон отказался от своей идеи, после того как однажды взятый таки им в поход довольно

опытный боец-алконост чуть не погиб: упырь в овражном мраке легко подкрался к нему и набросился на буквально слепую жертву... Рядом был Данияр. Упырь успел и ему плечо разодрать, прежде чем ворон бросил ему в глаза заговоренную землю...

Вопросы множились. Кто поднимает упырей? С какой целью? Зачем кому-то нужно, чтобы упыри шастали по городу, пожирая тех, кто не подозревал об их существовании? Теперь добавлен еще один вопрос: на кого вышел Всеволод, что к нему подослали упыря? А где-то ждут трое неопытных воронов, и неизвестно еще, знают ли они, что вороны. Успел ли Всеволод сказать им о том?

Последнее Данияр и намеревался выяснить сегодня с помощью Меченой.

Как он и ожидал, она повела его к центральному парку.

Дорогу перешли – Данияр посматривал на остановку, на которой одинокие фигурки дожидались дежурных троллейбусов. Никто не обратил внимания на парочку, как он и предполагал. Начали спускаться к мосту между улицей и парком. Половина моста скрывалась в черных тенях деревьев по бокам, вторая половина – четко виднелась в ярком свете фонарей. Вступив на мост, Данияр взялся за рукав куртки, придерживая решительно шагавшую девушку. Пальцы другой руки крепко сжимали рукоять складного ножа. Любимое место упырей – тень под деревьями, особенно когда сильный ветер раскачивает ветви. Даже самый внимательный человек не успеет сориентироваться, где болтаются тени, а где прячутся уродливые фигуры с ощеренной пастью и нервно сжимаемыми когтями, и станет их жертвой.

Вышли на свет – Данияр чуть ли не тащил Меченую за собой. Она-то шла спокойно. Видимо, бегала в парке только по тропкам.

Центральный вход закрыт. Но Данияр знал, что чуть сбоку от нижней дороги поднимается лестница. Сторож обычно здесь не гулял, так что они оба благополучно и незаметно проникли в парк.

Пустынные площадки развлекательной части парка в полутьме (деревья мешали фонарному свету) казались исполненными таинственности, но Данияр видел в этой таинственности только отличную маскировку для созданий, которых не должно быть в человеческом мире. Когда же вступили на первую тропу для бегунов или для влюбленных парочек, сейчас, естественно, пустую, ворон не

стал таиться: вынул нож и отчетливо чувствовал на ногах поножи, готовый в любой момент немедленно использовать все оружие с себя.

Заклинание сработало на все сто. Судя по всему, Меченая не собиралась бегать по всем тропам, на которых она сегодня побывала.

Тропа, на которую она свернула, недолго вилась в овражных закутках парка. Чуть замедлив шаг, девушка уверенно спустилась в один из оврагов и застыла. Данияр держал ее за руку и цепко оглядывал местность. Для обычного человеческого глаза здесь стояла непроницаемая тьма – тревожная, поскольку подкреплялась сыростью и глубокими запахами трав и грибов. Тихо и пустынно...

Девушка внезапно, но мягко опустилась на корточки, потрогала траву перед собой.

Осока и лопухи, которые узнал ворон, так же внезапно зашевелились и задергались, пропуская между стеблями и громадными листьями торопливые несуразные фигурки. Вскоре перед Меченой столпилась кучка куроногих существ, которые негромко, но поспешно загалдели, таращась на ворона.

– Цыц! – тихо велел Данияр. – Не все сразу!

После некоторого колебания вперед выступила носатая фигурка и торопливо схватилась за пальцы Меченой. Быстро-быстро застрекотала... Присевший рядом Данияр заглянул в лицо девушки. Она открыла рот и сипловато сказала:

– Был здесь – ирод! Вчера вечером бегал, но никого не пымал! Найди того ирода, ворон, да избавь наш угол от него!

– Покажите, где он бегал.

Девушка так же сипло повторила за ним на необычном языке. Он не был похож на язык человеческий, но и не повторял того верещания, на котором говорили кикиморки. Ворон знал: Меченая говорит на языке, всеобщем для нечисти.

Кикиморки всей толпой бросились наверх, из оврага. Данияр помог подняться девушке – кажется, ноги ее от непривычного сидения на корточках немного онемели, и повел ее следом за куроногими. Небольшой ветерок скрадывал топоток легковесных существ и не давал услышать шелест, которые они производили, пробираясь сквозь травы.

Вскоре они остановились возле поваленного дерева – на самом краю парка. Еще один овраг, спускающий к одной из городских речек.

И дерево валялось вершиной к воде. Здесь плохо убрано, а потому дерево сгнило, никому не нужное, в тальниковых зарослях.

Оставив Меченую среди добровольных помощников-сторожей, Данияр тщательно исследовал указанное место. Улежавшиеся в гнездо листья, сучья вкруговую. Ворон сжал губы. Странно. Куроногие говорят – вчера вечером появился, а судя по лежке, упырь здесь жил дня три. Причем голодным. Обычно они оставляют на пригретом местечке либо вещицы, стащенные у тех, кого выпили, либо обглоданные кости тех, кого разодрали. Последнее оставляют так, на всякий случай, если долго добычи не будет и придется сосать... кости, перемалывая их своими зубищами. Какая-никакая, а пища. Или этот недавно появился и свои привычки не завел еще?..

Вернулся, заставил Меченую присесть и спросил куроногих:

– Он все еще здесь?

– Ушел куда-то в ночь, – ответила Меченая, переводя ответ кикиморки.

– То есть в парке его нет?

– Нет, – равнодушно ответила девушка и неожиданно добавила, коротко глянув наверх: – Голодный он шибко.

Данияр тоже от неожиданности поднял глаза, как и всполошившиеся кикиморки. Глаз ворона не сразу, но разглядел прячущегося на толстой ветви лешего. Леший зыркнул на невольных зрителей – и пропал в темноте, между ветвями. А кикиморки уставились на Меченую. Та, что посмелей, вздохнула и проворчала что-то.

– Вернется еще, ирод-то... – бесстрастно перевела девушка. – Жизни из-за него здесь не стало. Уж и не знаем, куда прятаться от нежити той...

Злиться на кикиморок Данияр не стал, что они не говорят ему четко, что он хочет знать. Они по-своему соображают. И так-то здорово, что навели на лежку упыря да, по сути, подарили ему Меченую. Кстати о Меченой...

– Почему она? – кратко спросил ворон, кивнув на девушку.

– Бабуля, – ответила ему Меченая.

– Бабуля из наших? – уточнил он, чтобы убедиться: все правильно понял.

– Необученная, – объяснила кикиморка через девушку.

Он посидел немного на корточках, глядя на серую под луной тропу напротив, и наконец собрал мысли воедино.

– Сегодня больше не приду. С завтрашнего дня буду проверять парк каждый день.

– И-и!!! – обрадовались кикиморки и, разбежавшись по травам, черным в темноте, мгновенно попрятались.

Сообразив, в чем прокололся, Данияр с досадой сплюнул: а ему что теперь делать? Пошел за ними и не подумал путь запомнить! Подумал немного и обернулся к Меченой:

– Как звать?

– Руся, – вполголоса ответила девушка, словно боясь спугнуть сумрак, разлитый по кустам, отчего кусты превратились в нечто плотное и пугающее.

– Веди назад, Руся, – вздохнул Данияр, мельком подумав: Руся? Маруся? И бросил думать об излишнем сейчас.

Пробраться назад, к входу в парк, легко: поднимайся только вверх. Но хотелось вернуться комфортно, без блужданий по буеракам. И так-то джинсы понизу мокрые от ночной росы. А девушка могла помнить дорожки кикиморок.

Так и случилось. Даже не петляя, Руся вывела его из кущи деревьев и кустарников к асфальтовым дорожкам, а дальше он похозяйски, словно давно общались, взял ее под руку и повел к выходу. Путь недолгий, но теперь многое в голове уложилось в определенность, и план потихоньку вырисовывался довольно конкретный.

Итак, первым делом в квартиру Всеволода. Потом отвести Меченую (ну не мог он себя заставить называть ее по имени!) домой. Затем, удостоверившись, что Меченая в квартире, надежно закрытой на замок, отправиться на охоту...

На остановке, где на скамье под навесом сидела парочка, что-то обсуждая громким шепотом и даже, кажется, ссорясь, он поднял руку, подзывая такси.

Первым делом усадил сзади Меченую, потом обошел машину и сел рядом. Назвал адрес рядом с домом Всеволода и молча начал следить за мелькающими редкими огнями дороги. Меченая смиренно, под действием заклинания, сидела рядом. Он поглядывал порой на ее длинные ноги и морщился, соображая: не замерзла ли она в одних

шортах. Куртка-то даже до колен не прикрывает... Но в машине было тепло, и Данияр принял это во внимание.

Выходя из такси и помогая выйти ей, он невольно коснулся ноги девушки и успокоился. Согрелась.

Снова под руку, он заставил Меченую идти рядом. Пройдя пару переулков (специально не хотел, чтобы таксист довозил до дома), он остановился возле нужного подъезда. Время за полночь. В доме, пятнадцатипятиэтажном и в шесть подъездов, мягко теплились желтым три окна – не больше.

– Идем... – потянул он девушку за собой.

Она покорно поплелась следом.

На мгновение приложил ладонь к домофону – мигавший огонек лампочки погас на пару секунд. Этого хватило, чтобы открыть подъездную дверь и войти. За спинами дверь, возвращенная в рабочее состояние, гулко хлопнула.

До седьмого этажа добрались на лифте, хотя Данияр немного сомневался. Знал же, что произошло. А упыри порой возвращались на место, где взяли раз жертву. Так что... Мало ли кто их на лестничной площадке встретит. Прежде чем лифтовая кабинка остановилась на нужном этаже, ворон отодвинул девушку в угол, а сам встал перед дверью. Но представшая глазам лестничная площадка пустовала. И Данияр, спрятав приготовленные ножи, снова потянул девушку за собой.

Здесь, в доме Всеволода, он рассчитывал получить более полную информацию.

Встав перед дверью квартиры, ворон легонько ударил выше замочной скважины ладонью и вполголоса повелительно произнес:

– Откройте ворону...

Дверь будто притихла, а потом раздался едва заметный скрежет.

Прежде чем войти, Данияр, стоя на пороге, прислушался. Тихо. Только тикают часы. Одни – он помнил – с кухни. Другие – со стены прихожей. Данияр опустил глаза, вслушиваясь. Пусто. Тихо. Даже окна закрыты. Он втащил девушку за собой и, стараясь не шуметь, закрыл дверь на замок. Свет включать не стал. Ворон же. Да и знал, как расположена мебель в квартире наставника и старшего.

Он помог Меченой пройти в гостиную. Усадил в кресло и обошел комнату, приглядываясь к углам.

– Спускайся, – негромко приказал он странной тени в верхнем углу комнаты. – Поговорить надо, что видел, что слышал.

Тень начала свое перемещение сверху вниз – разлапистая, скорченная, будто уродливый паук. Данияр отошел к Меченой, ждал. Потом кивнул тени, которая так и не обрела конкретных очертаний, на девушку и сказал:

– Расскажи ей все, что видел в течение последних суток. Мне надо знать, кого нашел Всеволод, как их зовут и где они живут. Мне надо знать, кто его убил и за что. Перескажи ей все разговоры Всеволода.

И замер, вновь выжидая.

Тень мягко подвинулась к Меченой, и одно колено девушки потемнело – кажется, на него положили лапу. Данияр поиграл желваками и сквозь зубы сказал:

– На руку!

Теневая лапа послушно переместилась на ладонь Меченой.

Для ворона голос тени стал подобием белого шума: будто глубокое пространство наполнилось странными, почти призрачными шепотками, пронзающим голову тончайшим свистом, отголосками далеких неразборчивых звуков...

А потом девушка открыла рот и заговорила, выкладывая такую информацию, что даже ожидавший чего-то подобного Данияр опешил. Он не сразу сообразил включить запись на своем мобильном, одновременно сам усиленно запоминая основные факты. Ничего себе Всеволод раскопал...

Когда Меченая закончила, он помолчал, пытаясь справиться с волнением и тревогой за тех, кто еще не подозревал, во что вляпался. Затем глянул на тень, и та без приказа удалилась на свое место – в угол у потолка.

А Данияр вызвал такси прямо к подъезду и отвез девушку домой, как и собирался.

Для начала он заставил Меченую открыть дверь. Потом снял с нее свою куртку и прошептал:

– Войди в квартиру и закрой за собой дверь. И ложись спать!

Стоя уже перед дверью в ее квартиру, он внимательно прислушивался к тому, как она выполняет его приказ закрыть дверь. Щелкнул замок. Раз, два... Ворон отшатнулся от двери и быстро, но бесшумно побежал на свой четвертый. Женский голос с

вопросительными интонациями был услышан за дверью достаточно отчетливо, чтобы понять: бабуля Меченой проснулась и пытается разузнать у внучки, где та была.

Но Меченая ничего ей не скажет. Она продолжала спать.



## Глава третья

### *Руся*

Машинально шаркая щеткой с длинной ручкой по полу и собирая специфический, характерный только для парикмахерской мусор, Руся усиленно размышляла.

Когда она привычно проснулась по звонку мобильного утром, чтобы быстренько сгонять в парк на пробежку, пришлось с изумлением уяснить: пробежка не состоится! Ноги ощутимо побаливали, словно она всю ночь бегала!

Удивилась и решила поваляться еще немного, глядя в окно, в которое время от времени сквозь ветви кленов пробивался солнечный свет. Ну и что? Ну и поленилась! Подумаешь... В конце концов, бабуля тоже ворчала, что внучка слишком уж рьяно взялась за здоровый образ жизни. Можно себе уступить... немножечко. И побаловать себя бездельем. Отдохнуть... Вчера, что ли, перебегала?

Тем более сны... Руся задумчиво уставилась на хлопотливо метавшиеся по ветру солнечно-зеленые листья. Сны ей снились сегодня довольно странные. Настоящая сказка-ужастик! Нет, понятно, почему во сне оказался новый сосед по подъезду. Он мозолил Русе глаза весь вчерашний день. А выглядел медведем, как ей показалось, потому и повел ее во сне в ночной лесопарк. И там была встреча с теми существами... Болтали которые. Хм... уж и неизвестно, как их называть. Только почему-то думалось, что именно они заплели ей волосы во что-то странное...

Руся встрепенулась и прикоснулась к волосам, ожидая почувствовать под пальцами подсохшие за сутки травинки, а волосы – растрепанными. Фиг вам... Девушка озадаченно прикусила губу. Несмотря на довольно беспокойный сон – судя по сбитому в ком одеялу, по подушкам, «придушенным» обнимавшими их руками до состояния всмятку, волосы на ее голове все еще уверенно лежали жестким шлемом. И не расчешешься...

Неохотно встала и поплелась в ванную. Но, едва вышла из своей комнаты, обнаружила кроссовки, которые нахально валялись посреди прихожей. Странно. Руся нагнулась подобрать обувь и обнаружила

еще большую странность: матерчатые части кроссовок были настолько влажными, словно Руся недавно пробежалась по лужам! А заглянув под подошву, девушка насупилась: остатки травинок, глины и мелкого песка! И это при том, что вчера, сразу после пробежки, она вымыла кроссовки! Растерянная – нести в ванную снова мыть или оставить сушиться так, на полочке? – она некоторое время не двигалась с места.

– Руся? Встала? – спросила бабуля из кухни. – Иди завтракать!

Девушка, досадливо поморщившись, положила обувь на полочку и помчалась-таки умываться. Перед тем взглянула в зеркало над раковиной и приподняла брови: заплетенные, кажется, в сотни травинок, волосы выглядели так, словно ими занимались только что!.. Садясь за стол, увидела тарелку с кашей, а рядом большую чашку с чаем, куда бабуля щедрой рукой наложила малинового варенья.

– Вроде не зима, – неуверенно сказала она, с намеком кивая на чашку.

– Да это так, на всякий случай, – немного странно сказала бабуля, внимательно вглядываясь в глаза Руси. – Ты вчера не замерзла ли? Все-таки на подвальном этаже работаешь... Потом перед матерью твоей еще отчитывайся, если вдруг занасморочишь...

– Да нет, бабуль, – заверила ее девушка. – Я себя прекрасно чувствую!

– Ну, тогда ешь, – не совсем логично закончила разговор бабуля.

Ощущая на себе ее необычно встревоженный взгляд, Руся съела половину каши, а потом не выдержала и объяснила:

– Бабуль, я ведь там то шваброй махаю, то щеткой, да еще с водой бегаю, чуть не с целым ведром, – мне там жарко, честно!

– Вот-вот, – проворчала бабуля. – Сначала жарко, а потом небось, пока отдыхаешь, и остываешь, и мерзнешь. Ты же наверх не выходишь? Так что пей чай, не разговаривай.

Руся хмыкнула, но чай выпила с удовольствием.

– Русенька, – неожиданно ласково позвала бабуля, – не знаю, как тебе, а мне вчерашняя наша с тобой прогулочка понравилась. Может, и сегодня погуляем?

Девушка рассмеялась.

– Почему бы и нет? – пожала плечами она. – А мороженое мы опять купим или как? – лукаво закончила она.

– Захочется – отчего же не купить? – засмеялась и бабуля.

Выйдя на улицу, Руся первым делом подозрительно огляделась и чуть не вздрогнула: угрюмый сосед стоял неподалеку, у другого подъезда, и будто ждал, когда она пойдет к остановке. Помахав стоящей на балконе бабуле, Руся с сомнением зашагала вперед, думая: «Шпион и в самом деле собирается провожать меня на работу каждое утро? Может, и правда влюбился? Фу на него! Некогда мне влюбляться!» – И вспомнила слова родителей: «Сначала выучись, найди хорошую работу, а уж дальше и думай о семье!»

Но в течение всего рабочего дня Руся в свои перерывы выскакивала в фойе ТЦ посмотреть, сидел ли сосед на скамье. Нетушки! Не сидел!

Появился лишь за час до ее выхода с работы! Причем так, что заинтриговал Русю до ужаса!

Сидел он, прислонившись к спинке скамьи, раскинув по этой спинке руки, словно отдыхал. Русе даже показалось, что он спит: глаза-то за темными очками – ничего не разберешь. Только было девушка хотела тихонечко ускользнуть в парикмахерскую, радуясь, что бабуля вновь придет за ней, как появление новых лиц на площади перед ТЦ заставило ее спрятаться за колонной, каких много в фойе. Итак, по лестнице от остановки сбегали три парня в белом, причем один из них – тот, что был вчера. Руся даже испугалась – сначала не поняв, чего именно. А потом прислушалась к себе и вздохнула: она уже переживает за соседа! За своего Шпиона! А вдруг эти трое в белом побьют его?!

Сосед же, когда трое дошли до него, немедленно сел прямо, но так и не поднялся. Теперь его руки были сложены на коленях, а потом и вовсе скрещены на груди, а сам он ссутулился – так напряженно, будто еще пара шагов тех троих в белом, и он слетит со скамейки драться. Но трое белых встали перед ним полукругом и начали о чем-то бурно говорить. Один даже присел рядом со Шпионом на скамью, а двое других уселись на корточки перед ними.

Руся насторожилась. Вчера тот беленький хотел с ней познакомиться, а Шпион не дал ему этого сделать. Что-то странное. Неужели эти двое новых хотят уговорить соседа не мешать знакомству своего друга с ней, с Русей? Да что они все – с ума посходили, что ли? Зачем им всем так нужна она?

Задумчиво повернувшись к лестницам в цокольный лабиринт, Руся зашагала к себе, скептически оценивая: «Я б поняла и обрадовалась, если б у меня была внешность, как у Любки из нашего класса! Вон какая красивая – даже мазаться не надо! А я что? Ничего особенного. Разве что... – Она с новым сомнением потрогала свою голову. – Но эта прическа меня раскрасавицей не делает. Правда...» Запутавшись в предположениях, девушка вздохнула и заспешила в парикмахерскую.

А еще ее волновал все тот же сон.

Странные существа в лесопарке были настроены к ней довольно дружелюбно. С чего Руся так решила – не знала сама. Ну, впечатление такое осталось. Но в том же сне было что-то еще, что ее напугало, и только присутствие Шпиона, которого она про себя все чаще называла просто соседом, слегка успокаивало. Еще во сне точно был жутик неопределенных очертаний, но двигался он так страшно, что Руся сидела в каком-то кресле и боялась непрерывно...

В парикмахерской девушка осторожно, чтобы не мешать мастерам, осмотрелась и наткнулась на недовольный взгляд Алевтины. Пришлось бегом вытаскивать из-за двери ведро с водой и продолжить размышлизмы и воспоминания, управляясь щеткой для уборки. И злиться, потому что сновидения оказались очень уж обрывочными. Только вспоминалось одно, как тут же рядом мелькал обрывок другой сновидческой части – и мгновенно улетучивался, когда Руся пыталась поймать его.

Аккуратно обойдя кресло с клиенткой, которая болтала с Леной-парикмахером, крашеной блондинкой лет тридцати, Руся, стараясь не обращать на себя внимания, обвела щеткой угол. Лена быстро глянула на нее и с улыбкой кивнула. Девушка поняла: говорили как-то, что Алевтина порой во вред делу заставляя Русю слишком часто убираться в самое хлопотливое время – к закрытию заведения, когда народ бежит с работы, а некоторые торопятся сделать прически на торжественный час. Но, понимая, что от девушки ничего не зависит, парикмахеры только сочувствовали ей...

Странно. По спине почему-то потянуло холодком. Будто где-то открыли двери и одновременно окна – и сразу сквозняк. Руся выпрямилась и оглянулась. Хм... Дверь парикмахерской закрыта. Только было нагнулась закончить уборку – плечи снова странной

прохладой обвеяло. В парикмахерской внезапно потемнело. Продолжая елозить щеткой по полу, Руся исподлобья глянула на мастеров и клиентов. Нет, болтают, как обычно. Никто ничего не заметил... Почему же ей кажется, что электрический свет в помещении потускнел? И плечи... На них будто положили почти невесомый носовой платочек, предварительно замороженный в морозилке. И... надавили на него.

Затаив дыхание (надавили? Сверху?), Руся подняла глаза к потолку, высокому, с безликими круглыми белыми плафонами. И застыла: чуть в углу кто-то сидел. Кто-то – потому что почти бесформенный. Кто-то – потому что контуры разглядеть трудно: этот некто то появлялся, то пропадал, будто по тому месту, где он сидел, время от времени из ведра плескали жидкостью, смывающей его... фигуру? Вспомнилось утро, когда она лежала в постели, а по стенам бегали солнечные блики, которые немедленно исчезали, на мгновения уступая место качающимся, полупрозрачным теням... Но некто на потолке точно был. Почему-то очень знакомый – раскоряченный, с длинными конечностями, которые лапами не назовешь. И, несмотря на то что девушка не видела его полностью, она остро чувствовала его взгляд, продолжающий мягко нажимать на ее плечи.

Заледенев от непонятного страха (остальным-то в парикмахерской хоть бы хны!), Руся наблюдала, как странная тень, постоянно смываемая другими тенями, более прозрачными, начала движение по потолку к стене. Собирается спускаться?.. И стороной – понимание: чем больше смотришь на эту полупризрачную тень, тем больше она... твердеет и обретает жесткие очертания.

Пальцы онемели. Длинная деревянная ручка щетки словно в недоумении постояла самостоятельно, освобожденная от их хватки, а затем медленно и торжественно описала полукруг, падая на пол. Руся безразлично проследила это падение, с каким-то облегчением оторвав взгляд от потолка.

От грохота упавшей щетки вздрогнули все.

А тень на потолке заторопилась вниз – да так, что Руся с визгом помчалась к двери. Распахнув ее, забыв обо всем на свете, девушка кинулась по коридору, врезаясь в людей, заполнявших его, отшатываясь от тех, кого все-таки видела на своем суматошном пути.

– Русенька! – удивленно вскрикнул кто-то.

И она бросилась на этот зов знакомого голоса, еще не понимая, кто это, но инстинктивно помня, что этот пока плохо воспринимаемый человек всегда защитит.

– Бабуля! – выдохнула она, когда ее чуть ли не поймали в крепкие объятия. – Уйдем быстрее! Уйдем отсюда! Пожалуйста, бабуля!

– Что случилось? – испуганно спрашивала бабуля, обнимая ее. – Тебя отругала Алевтина? За что? Не плачь, Русенька!

«Отругала Алевтина»?

Девушка истерически расхохоталась. Да что такое Алевтина в сравнении с тем чудищем-тенью, что спускалось к ней с потолка?!

Да и поймет ли бабуля, скажи ей Руся, кто именно ее напугал?! И девушка, прижимаясь к старой женщине, не обращая внимания на оглядывающихся людей, расплакалась от безнадёги.

Несколько минут спустя они сидели на скамье в фойе ТЦ. Руся вздрагивала и, икая от плача и пережитого, то и дело прикладывала к мокрому от слез глазам бабулин платочек. Одновременно она мрачно думала о самом страшном, что случилось с ней. Был такой зарубежный фильм про очень умного дядьку. Он во многом разбирался – и в жизни, и в людях, но в его собственной жизни существовала жуткая проблема: он был шизофреником. А если?..

Руся вновь залилась слезами, едва только подумав о своем страшном будущем несчастной шизофренички...

– Ну не плачь, миленькая, не плачь, – вполголоса уговаривала бабуля. – Сейчас домой пойдем, успокоишься и все расскажешь. А там мы вдвоем да разве не справимся?

– Бабуля-а... – взрыдывая, попыталась все же шепотом объяснить девушка. – Он тако-ой стра-ашный... Как во сне-э... Я думала-а, во сне-э со-он, а он настоя-ащий...

– А кого ты во сне видела? – осторожно спросила бабуля.

Руся этой осторожности не заметила и, вздыхая, принялась рассказывать:

– Там много чего было – во сне-то... Я сначала увидела тех, которые мне волосы заплели. Они такие маленькие, а ноги как у курицы...

– Что-о? – ахнула бабуля.

Руся мгновенно пришла в себя и прикусила язык. Нашла о чем рассказывать! Разве такое можно кому-то?! Ну все. Бабуля сейчас

позвонит маме и папе, а родители заставят дочь пойти к психиатру...

За что?! И Руся снова разрыдалась – уже от страха. Но на этот раз ревела недолго. С нового перепугу, чуток успокоившись, попробовала дать задний ход, искательно заглядывая бабуле в глаза и делая вид, что все в порядке:

– Бабуля, это всего лишь сон!

– Если бы... – непонятно вздохнула бабуля и кивнула. – Разве ж во сне тебе волосы заплели-то? Рассказывай-ка, Русенька, мне все.

– А ты маме не расскажешь потом? – опасливо посмотрела на нее девушка.

– А на кой ей это знать? – кажется, риторически, но довольно странно спросила бабуля. И, взяв внучку за руку, твердо добавила: – Сами справимся!

Руся в ответ крепко сжала ее ладонь. Неужели не все потеряно и бабуля не отправит ее в психбольницу?

Но посидеть в фойе ТЦ и серьезно поговорить им не дали.

Только Руся собралась с силами, чтобы начать рассказывать, как, подняв глаза, в панике ойкнула: к ним решительно направлялась Алевтина.

– Больше я ее к себе на работу не пущу, – строго сказала женщина, остановившись перед ними и даже не подумав поздороваться с бабулей. – Она мне всех клиенток распугала своими воплями! Ищите для своей истерички другую работу!

Она жестко повернулась и ушла. А Руся, глядя ей вслед, снова всхлипнула.

– Забудь про нее, – велела бабуля. – Мы тебе работу лучше этой найдем! Сходи за своими вещами, а я здесь подожду.

Руся нерешительно встала: идти в парикмахерскую, где на нее все уставятся как на психованную, не хотелось. Но пришлось.

Повезло: пока спускалась в цокольный лабиринт, навстречу побежала Лена-парикмахер с ее сумкой.

– Ты чего? – попеняла Русе мастер. – Чего вдруг разоралась?

– Все клиенты сбежали, да? – виновато спросила девушка.

– Кто тебе сказал? – изумилась та. – Алевтина, что ли? Наплюй! Там сидели все наши постоянные, так что все остались и всем мы причесоны успели сделать. А ты-то что?

– Я... – Руся неожиданно успокоилась: ишь Алевтина-то – врушка! Значит, и ей, Русе, совсем не зазорно соврать. – Там паук был – страшный-престрашный! А я их с детства боюсь.

– А-а... – улыбнулась Лена. – Это я понимаю. У всех свои страхи. Я вон от всяких боюсь – меня в детстве покусали. Завтра придешь?

– Алевтина сказала, чтобы не приходила.

– Ничего! – ободрила Лена. – Такую работу – на подхвате-то – везде найдешь. Ну, Руська, удачи тебе!

– Спасибо! – выдохнула девушка. – Пока!

Парикмахер кивнула и побежала назад.

А Руся задумчиво посмотрела ей вслед. Бабушка не ругалась. Лена пожелала удачи. Все в течение получаса. Может, ситуация не такая уж и страшная? Тряхнув сумкой, она накинула ремень на плечо и побежала в фойе.

Бабуля ждала ее – и не просто так, а с мороженым!

Как и вчера, под ручку, они вышли из ТЦ и не спеша побрели по пешеходной дорожке параллельно дороге. Уходя от здания ТЦ, Руся незаметно оглянулась: Шпиона на скамье не было. Ушел, пока она сидела в фойе? Или увели эти странные типы в белом? На всякий случай она ему тоже пожелала удачи. Может, пригодится. И забыла о нем, как только дорожка стала малолюдной и бабуля немедленно предложила побеседовать о ее снах. Девушка уже успокоилась, а потому снова насторожилась.

– Да ничего особенного не было, – сказала Руся. – Снилось, будто я снова в лесопарк побежала и там встретила этих, которые мне волосы заплели. – Про соседа, который участвовал в ее прогулке, девушка предпочла умолчать: бабуля – человек, конечно, очень хороший и понимающий, но тоже любит посмеяться. А Русе сейчас, когда она на взводе, не хотелось бы и короткого смешка над ее пусть даже сонными похождениями. – Я с ними поговорила, потом вышла из лесопарка и пошла в какую-то чужую квартиру...

Она споткнулась, когда поняла, о чем рассказывает. И поразились: ничего себе – когда пересказываешь сон, оказывается, многое вспоминаешь!

Может, это еще и потому, что бабуля слушает весьма сосредоточенно, не перебивая и не влезая со своими оценками внучкиных снов?



– И что потом? – напомнила о себе внимательная слушательница.

– Потом... В той квартире была... – Руся снова замолчала, потому что вспомнила – и мысленно ахнула: вот тебе и паук! – Там было такое жуткое чудище! И оно со мной тоже говорило, про что-то рассказывало! И оно сейчас было – в парикмахерской!

– А какое оно на вид-то, это чудище твое? – добивалась бабуля.

Руся машинально едва не раскинула руки в стороны, чтобы показать разлапистость кошмарного «паука». Чуть не засмеялась, все больше успокаиваясь: все-таки бабуля – молодец, что заставляет ее рассказывать сон в подробностях! После высказанного становится намного легче воспринимать то, что, кажется, было всего лишь сном.

– Оно сидело на потолке, а потом спустилось. У него – мне сначала показалось – лапы пауциные, а потом поняла, что они больше напоминают руки, но такие – длинные-длинные и тонкие! А тело короткое...

– Вон как... – прошептала бабуля и обеспокоенно, но, пряча тревогу за мягким тоном, спросила: – И что оно тебе рассказало?

Руся подозрительно взглянула на бабулю. Очень уж мягко она спросила. Не думает ли все-таки она, что Руся с ума сошла?

– Бабуль, – уже сама очень осторожно обратилась она, – а зачем ты меня об этом спрашиваешь?

– Русенька моя, – после недолгого молчания будто решила бабуля, – ты свои кроссовки видела? Утром-то?

– Видела, – насторожилась Руся. – И что?

– Видела, в каком они состоянии?

– Ну, не успели высохнуть, – неуверенно ответила девушка.

Бабуля помолчала еще немного, а потом выбросила в урну обертку от мороженого и сказала:

– Сегодня ночью ты куда-то уходила. – А когда девушка побледнела, вскинувшись, спокойно продолжила: – Вернулась в третьем часу ночи. И это очень похоже на то, что со мной когда-то было. Так что, Русенька, не была сном твоя прогулка в парк. Поэтому, милая, расскажи мне, что тебе там твой паук говорил. Расскажи все, что помнишь.

Теперь надолго замолкла девушка, а бабуля ее с ответом не торопила. И, прежде чем рассказывать, Руся глухо спросила:

– Бабуль, так я не псих?

– Нет, что ты! – удивилась бабуля и похлопала ее по руке. – Это другое. Дома все объясню. А пока ты мне доскажи, что помнишь.

– А... на чем я остановилась? – растерялась Руся.

– На том, что к тебе спустился зеркальник и начал рассказывать о чем-то.

– Кто... спустился?!

– Русенька, давай я тебе позже объясню, как и обещала, – серьезно сказала бабуля. – А ты, пока про то не забыла, повтори мне его слова.

Девушку передернуло. Потом она ошарашенно взглянула на бабулю. И, лишь когда подошли к следующей остановке, начала:

– Он мне рассказывал про... Бабуля, а значит, я в парикмахерской зеркальника видела?! А кто это? Почему его видела я? А остальные – нет?! А ты!.. – Она чуть не задохнулась от догадки. – Ты его тоже видела?!

– Видела, – не вдаваясь в подробности, ответила бабуля, и Руся ей поверила.

– Ну... тогда... Он мне рассказал, как убили хозяина той чужой квартиры! – выпалила девушка и поежилась. – Страшно было...

В молчании прошли еще остановку. До дома оставалось идти совсем чуть-чуть, когда бабуля негромко сказала:

– А ты... просила его об этом? Или он сам тебе все выложил?

– Сам, – с запинкой ответила девушка. – Он на мою руку свою... конечность положил, и я его стала понимать. Он говорил про то, как убили хозяина, потом – про то, с кем хозяин разговаривал. А потом во сне... – Она снова споткнулась и упрямо закончила: – Во сне я вышла из этого дома и поехала... пошла домой. Бабуля, если ты говоришь о зеркальнике, то... кто был в парке?! Ну эти, которые мне волосы заплели?!

– Кикиморки болотные, – рассеянно ответила бабуля, явно погружившаяся в свои мысли.

– Почему – болотные? – растерялась Руся. – Почему не просто кикиморки?

– Ну так они и домашние бывают.

Они свернули за угол дома. До подъезда шли – Руся все приглядывалась, нет ли где соседа. А потом будто укололо ее, и она спросила:

– Бабуля, а почему ты мне утром не сказала, что я ночью... ну...

– Откуда ж мне знать, куда ты бегала! – с досадой ответила бабуля. – Я уж, часом-то, решила, что ты на свиданку побежала. Разве что удивилась, что ты в шортах была!

– В шортах? А я... я в сознании была?

– Какое... Мне почудилось – спишь на ходу. Ну и подумала, что ты устала и замерзла... Русенька, а о чем тебе кикиморки говорили?

Девушка сделала вид, что задумалась, и молчала до самой квартиры. И только в прихожей она обернулась к бабуле и выпалила:

– Бабуля, а ты откуда про все это знаешь?!

Бабуля заперла дверь и ответила:

– Ты, внуча, мне преемницей будешь. Только не знала я, что тебе судьба – посредницей быть между двумя мирами.

– Это как?!

– Будешь ведающей и передающей, – вздохнула бабуля. – Я-то просто травницей была, а ты рангом, а то и больше, выше.

– Я ничего не понимаю! – в отчаянии сказала Руся. – Бабуль, а ты можешь мне подробней объяснить?

– Могу, – уже спокойно сказала бабуля. – Я ведьмой-травницей была, а в тебе через поколение сила посредницы, толмача пробудилась. Ты с нечистью разговаривать можешь. Только, Русенька... Правда ль, что ты сама во сне бегала к кикиморкам да к зеркальнику?

Обозлившись, девушка буркнула:

– Правда. А... что? Есть что-то другое?

– Кто-то, мне кажется, на тебя морок наслал, чтобы узнать о том, что ему нужно. Если ты сама плохо все помнишь, значит, не сама пошла ты к мелкой нечисти.

– Ничего себе – мелкой, – проворчала Руся, с тревогой глядя на бабулю. – Этот зеркальник – вон какой... А морок наслать – это как?

– Ну, если по-простому, заморочили тебе голову и велели идти туда, куда надо. Знать бы еще, кто это сделал.

Девушка молча прошла в свою комнату и села-свалилась на кровать. Слышно было, как на кухне раздались привычные звуки подготовки к ужину... «Морок наслал – вот как, – размышляла Руся. – Мне на него злиться? Что без меня, без моего разрешения, не предупредив меня – меня же заставил... переводить этих... эту

нечисть... Из-за этого сна я начала видеть всяких... зеркальников? Блин, из-за него я без работы осталась!»

И в самом начале ужина она посетовала именно на это обстоятельство.

– Что делать, бабуль? Не хочу на шее у родителей или у тебя сидеть!

– А кто сказал, что будешь сидеть? – спокойно восприняла ее волнение бабуля.

А Руся внезапно и замороженно уставилась на верхние кухонные шкафы, где, как она знала, хранились в жестяных банках сушеные травы, а в стеклянных – настойки всякие травяные же. Вот что имела в виду бабуля, когда говорила, что была травницей! В их семье мало кто болел: на помощь всегда приходила бабуля!

– Хочешь сказать, что эта моя специальность востребована? – засмеялась девушка. – Что кому-то нужна моя болтовня со всякими кикиморками и с лешими? – Улыбка слетела с губ, когда она поняла, какое слово только что произнесла. Все правильно! Там еще и леший был!

– Русенька, ты только не пугайся, – покачала головой бабуля, – да только твоя, как ты выразилась, специальность даже очень востребована! В нашем городе есть столько семей, которые нуждаются в посреднице-толмаче, что надо бы подумать, как тебя им представить побыстрей да не продешевить с услугами.

«Но кое-что я должна выяснить самостоятельно, – встревоженно подумала Руся, – и в первую очередь – про своего соседа. Шпион-то, оказывается...»

Только что сказанное бабулей дошло не сразу, но дошло даже среди личных мыслей. И девушка уставилась на бабулю.

– Это ты про что сейчас? – ошеломленно спросила она. – Про какие такие семьи?

Бабуля с печальной улыбкой взглянула на внучку.

– Добро пожаловать, Русенька, в мир колдунов и ведьм, – тихонько сказала она. – Дело это у многих семейное, а семьи у нас в городе старинные. Вот и начнем знакомства с ними, благо шапочное с парой семей у меня имеется.

Ужин прошел в молчании. Поглядывая на бабулю, Руся видела ее сдвинутые в размышлениях брови и понимала, что та пытается

определиться, с кем первым познакомиться внучку... А она сама думала о соседи и тех троих в белом. Вспоминала слова Шпиона тому, в белом: «Опоздал!» Он, сосед, что – тоже из этих семейных? И он что – присвоил Русю?! Так эти трое пришли к нему не уговаривать познакомиться Русю с беленьким?.. Убрав со стола посуду и вымыв ее, Руся решительно сказала:

– Бабуля, ты меня пока не знакомь ни с кем, ладно? Для меня это слишком – столько информации сразу. Дай мне время привыкнуть, ладно?

Бабуля не стала спрашивать, к чему внучка хочет привыкнуть. Только кивнула, а потом еще и головой покачала – уже в ответ своим думам.

## Глава четвертая

### *Данияр*

Едва только в деле забрезжил просвет, как Данияр немедленно ткнулся носом в громадную преграду, что опять-таки это дело застопорило. А ткнулся он носом в личную проблему. Самым трудным в его жизни всегда было общение с людьми. Старшие, Мрак и Всеволод, обычно брали на себя взаимодействие с людьми, а Данияр... Ему легче было подраться с нечистью в самых сложных условиях, чем поговорить с кем-то, кто ему плохо знаком. Или совсем не знаком. Там, где нормальный, общительный человек скажет как минимум два-три предложения, что-то объясняя собеседнику, Данияр мог обойтись двумя-тремя словами, а потом недоумевать, зачем говорить много, ведь и так в контексте все ясно. А еще удивлялся, почему его не понимают.

Но сейчас проблема встала во весь рост.

Он узнал адреса двух потенциальных воронов и микрорайон, где Всеволод встретил третьего. Но... Как подойти к ним? Всеволод в последнем разговоре с Мраком ни словом не обмолвился, говорил ли он новичкам о Данияре. И вообще, говорил ли он с ними... И что теперь делать? Как ни в чем не бывало подойти к ребятам (если вороны молоды) и сказать: «Привет. Меня зовут Данияр, и я работал с Всеволодом»? А если они не знают, кто такой Всеволод?

Пошлют куда подальше – и будут правы на все сто.

А ему – последствия такого знакомства: наблюдать за ними, чтобы и их не кокнули, как Всеволода. Другая проблема нарисовалась тут же: а как наблюдать, если они все в разных микрорайонах?

Он даже решился позвонить Мраку, но тот ожидаемо трубки не взял. И даже не было голоса, предупреждающего, что абонент вне зоны сети. Просто – тишина, и Данияр слушал ее, холодея от предчувствий: а если и Мрака?.. Если и старика не пощадили?

Данияр не старался найти ответ на вопрос, кто убивает воронов. Это слишком... глобально. Сначала надо разобраться с мелкими. А может, и не мелкими. С какой еще стороны посмотреть на жизни троих.

Утро началось с главного. Для начала он проводил Меченую в ТЦ, а потом, посидев немного рядом со зданием, встал и пошел реализовывать плохо продуманный план: если и не знакомиться с воронами-новичками, то хотя бы посмотреть на них. Хотя последнее – глупость неопишная...

Он впустую съездил по найденным адресам и никого не застал на месте: вглядываться в незнакомые лица и гадать, вороны ли это, надо признаться, это уже не просто глупость, а совершенная дурость... Данияр понял: сейчас лучше заняться непосредственной работой – поискать лежки упырей и проверить ту последнюю, которую ему с помощью Меченой показали кикиморки...

По тропкам лесопарка шагал неторопливо – и вот тогда-то в голову пришла замечательная идея. Если он вспомнил Меченую, почему бы не познакомиться с воронами-новичками тем же способом, что и с ней? Почему бы не погрузить их в морок? И постепенно, не спеша ввести всех троих в курс дела: кто они и для чего им даны силы воронов. А заодно – дать им в наведенном мороке время и место встречи с Данияром. Самому в мороке не проявляться, чтобы они не знали, откуда это знание о воронах и месте встречи. Он понимал, что идея глупая, но... другого пути пока не находил. И преграда была лишь одна: он не знал их в лицо. Всеволод вроде знал. Возможно, их фотографии были в мобильнике, который видел зеркальчик. А значит, теперь видела и Меченая. Но искать воронов-новичков с помощью Меченой – тоже проблема. Потому как искать придется днем. В мороке-то он ее продержит, но что потом?.. Да и работа эта ее... Отпустят ли Меченую, когда он ее позовет? Не хотелось бы, чтобы по его вине она вляпалась в неприятности.

Лежка на берегу городской речки оказалась пустой. И свежих следов упыря в ней не было. То есть нежить либо нашла другую лежку, либо вообще сюда не собиралась возвращаться... Шагая обратно, Данияр хмуро смотрел на мелькающих везде бегунов и психовал по-черному: каждый из них в опасности! И что он, ворон, сделал, чтобы эту опасность упредить и уничтожить? Смысл в нем, в бойце, если он не успевает найти прячущихся по городу упырей и убить их?

Проверив остальные известные ему места, он вернулся к ТЦ. И здесь его осенила первая идея: надо бы на всякий случай проверить

на лежки все адреса, пересказанные Меченой. Хоть таким образом защитит воронов, которые еще не знают о себе.

А когда он начал продумывать, как это сделать – микрорайоны-то в разных местах города, – заметил, как от остановки спускаются алконосты. Он сразу помрачнел. С какими такими новостями они торопятся к нему? А то, что они к нему, видно по целеустремленности, с которой они топали к его скамейке.

– Добрый день, Данияр, – поприветствовал его вчерашний знакомец, имени которого ворон так и не вспомнил.

– Добрый... – буркнул он, гадая, будут ли они так и далее с ним разговаривать – стоя, а значит, сверху вниз. Всего несколько секунд обдумывания этой мысли – и он вскипел. Правда, пока еще внешне его злость не вылезла.

Знакомец сел рядом, а двое других алконостов присели перед ними на корточки. И ворон незаметно для них расслабился.

– Может, ты не помнишь меня, Данияр, – лучезарно улыбаясь, сказал знакомец. – Мы как-то встречались, когда был жив Всеволод. Меня зовут Степан.

– Михаил, – с корточек кивнул второй.

– Артем, – представился третий.

– И? – хмуро спросил Данияр. – С чем пожаловали?

Он уже сообразил с чем. И от этого в мозгах сразу прояснилось. Настороженный, он был снова готов к драке.

Степан, который выглядел старше всех, как будто почувствовал его настроение. Он миролюбиво поднял руки, словно заранее успокаивая, а потом вполголоса сказал:

– Нам очень жаль, что Всеволод погиб.

Данияр кивнул, потому что алконост сделал паузу, и вроде как надо было ее заполнить. И еще более напряженно вслушался в следующие слова, сказанные все так же миролюбиво, но для него, настороженного, отчетливо вкрадчиво:

– У наших старших предложение. Мы слышали, что Мрак пропал. Его нет в городе...

Сердце Данияра ухнуло в пропасть, и он стал ощущать рукоять ножа в поножах так, словно оружие прижималось к голой коже.

– ...Мы предполагаем, что упыри добрались и до него. Данияр, как ворон, ты остался в полном одиночестве. Переходи под наше



крыло. Мы поможем тебе с поиском упырей, а тебе легче будет добывать информацию.

Алконост умолчал о Меченой, но Данияр сразу понял, что главной целью парламентаров была именно она. «Поможем с поиском»? На кой им ворон, рыщущий по ночному городу, если они сами в темноте не видят?

– Макс оклемался? – равнодушно спросил он.

– Да, и мы очень благодарны тебе за его спасение, – торопливо сказал Степан. – Если бы не ты, ему бы не жить – с его слов.

Данияр опустил глаза: Степан, судя по всему, не верит, что той ночью все было так плохо. Но эти слова, намек на похвальбу ворона, что он справился там, где оплошал алконост, Данияр еще мог пережить.

– В качестве кого?

– Перейти к нам? – уточнил Степан, с облегчением воспринимая переход к основной теме беседы. – Ты будешь делать все то же, что и сейчас. То есть останешься боевиком. Как знать, может, в будущем в нашем городе еще появятся вороны.

– Нет, – сказал Данияр, откидываясь на спинку скамьи и складывая руки на груди – жест, которому научил Мрак. Жест, который не давал алконостам обволочь объект мягкой эмпатией и заставить сделать то, что им надо. Тот же морок, но легче, в общем.

– Данияр, – еще миролюбивей воззвал к нему Степан, – мы ведь пока только поговорить. Мы предлагаем пока подумать. Не отказывайся сразу. Мы не уговариваем, а просто объясняем, как тебе легче будет. Представь себе ситуацию, когда надо будет идти одному на упырей, а ты не сможешь нас позвать.

Ворон в изумлении вскинул брови:

– Степан, это ты мне сейчас говоришь, что алконосты так обожрались, что своих обязанностей по городу выполнять не могут?!

– Что ты, что ты! – пошел на попятный Степан и только открыл рот, как Данияр, удивляясь самому себе, неожиданно речистому, добавил:

– Или это вы сами упырей подняли-то?

Сидевшие на корточках немедленно вскочили и угрожающе нависли над ним. Ворон ухмыльнулся. Короткий взгляд между ними – он заметил, что Меченая выходит из ТЦ под руку со своей бабушкой.

А потому лениво потянулся, переключая все внимание обозленных алконостов на себя. Благо Степан смотрел на него со злостью и не собирався смотреть куда бы то ни было еще.

– Степан!.. – перебил он возмущенного алконоста. – Я сам по себе и ни к кому не хочу присоединяться. Надо будет – позову на подмогу. Уж кто-кто, а ведь алконосты не откажут в помощи, не так ли?

Они все уставились на него разгневанно, и ворон уже мысленно ухмыльнулся, стараясь не коситься на уходящих женщин. Ишь... Алконосты разозлились не потому, что он не пожелал стать своим, а потому, что в очередной раз их заподозрили в качествах, не подходящих для таких, как они.

Вообще, как понимал Данияр, разговор выходил тяжелым. Алконосты алчно жаждали Меченой: ее дар – огромная редкость. Ворон – желал отомстить за своих и очистить город от нежити. Если для алконостов Меченая – экзотическая фигура и, вероятно, они даже пока не знают, как ее использовать, то для него девушка – возможность помочь людям. Он вдруг резко вспомнил лица Всеволода и Мрака, и внутренности сжало сильной судорогой от напряжения. Он знал, что накручивает себя, мысленно представляя алконостов крохоборами и никчемными, но ничего с собой поделаться не мог. Они сделали многое для города, но сейчас... Он по-волчьи оскалился и процедил сквозь зубы:

– Хорош болтать. Все равно ничего не добьетесь.

– Наверное, мы пришли не в самый лучший момент, – вздохнул Степан и встал, чтобы терпеливо сказать: – Данияр, я понимаю, что ты все еще переживаешь из-за смертей и растерян, потому и не знаешь, как вести себя в такой ситуации. Давай выждем пару дней и снова встретимся. Может, наша беседа пойдет несколько иначе.

– Пока, – мрачно ответил ворон.

Двое других алконостов тоже распрощались с ним довольно сухо и поспешили за Степаном, что-то на ходу доказывая ему.

Данияр хотел было встать, чтобы пойти за Меченой. Но Степан вдруг остановился и, взмахом руки указав своим на парковку, вернулся к скамье. Склонившись над вороном, опираясь на спинку скамьи, он тихо, но выразительно сказал:

– Надеюсь, ты понимаешь, что ты в ответе за девчонку? За ее жизнь?

– А ты? – ощерился Данияр. – Ты понимаешь, что вороны всегда в ответе за город?

Степан еще несколько секунд смотрел ему в глаза, а потом откачнулся, выпрямляясь, и сразу пошел к машине, возле которой его ждали остальные.

А Данияр был встревожен – уже не той хитрой уловкой, которую для него придумали алконосты, чтобы привлечь к себе Меченую и присвоить ее, а тем, что они могут лишить его возможности работать с ней в связке. А вдруг они выяснят, где она живет, и сами навяжут ей знакомство? Надо бы набросать вокруг собственного дома трав, отводящих глаз... Глядя вслед машине алконостов, он коротко вздохнул: они болтали о чем угодно, но только не о конкретной помощи ему. Как будто упыри – это чуть ли не сказка... Чуть ли не непогода, которая вот-вот сама пройдет...

И даже ранение Макса их не убедило.

Скрытое противостояние алконостов и воронов было всегда. И не только в этом городе. Есть и другие семьи с колдовскими и ведовскими дарами, но при случае стычки устраивали именно алконосты и вороны. Пусть временем одних был светлый день, а у других – темная ночь, они как-то порой сталкивались так, что приходилось чуть ли не воевать, чтобы отстоять свое право жить, как требовала сущность каждого из них.

Воронов всегда было меньше. Справляясь с нежитью, они чаще погибали, чем алконосты. Город громаден, и в нем всегда имелось много таимных местечек, куда мог забиться убийца, чаще орудующий ночью и невероятный для живых. И вытащить из этих местечек нежить под силу лишь воронам... Алконосты же могли действовать лишь в том случае, если они знали места скопления нежити. А как такие найти днем? Когда следы мягко тают в воздухе... А ночью они видны отчетливо, и пройти по ним до логова легко...

Убедившись, что алконосты и впрямь уехали, он поднялся с места и пошел следом за Меченой и ее бабушкой. Знал, что ушли далеко, мог бы проехаться, но появилась необходимость пройтись и привести мысли в подобие порядка.

Рассеянно глядя на оживленную улицу, на бесконечно двигавшуюся дорогу, ворон размышлял, нельзя ли использовать Меченую в общении с нечистью во всех микрорайонах. Каждый дом –

это целое сообщество домовых, подвальных и других представителей невидимого обычному глазу мира. А значит, Меченая может узнать о потенциальных воронах именно от них. Адреса-то есть. Теперь надо бы поспрашивать тех, кто по этому адресу проживает – точнее, рядом с этим адресом. И тогда не будет хлопот со знакомством и привлечением новичков к делу...

Он хмыкнул и пожал плечами.

Да, сегодня он опробует эту возможность.

Но уже ночью. До наступления ночи он еще должен выполнить просьбу одного типа и разобраться с призраками в магазинчике, помещение которого раньше было занято почтой. И узнать, почему на этом месте плохо идет торговля, а магазины, как и их хозяева, сменяют друг друга каждые полгода. Зайти туда надо в сумерки. В это пограничное состояние между днем и ночью все ощущения остры и сразу заметны. Именно в это время суток легче определяться с проблемами.

Данияр неохотно улыбнулся.

А ведь в паре с Меченой было бы еще легче разобраться в том, что происходит в магазине. И дело не только в призраках...

Догнав женщин, он умерил шаг. Приглядываясь к Меченой так, чтобы она не ощутила его настойчивого и слишком упорного взгляда, он начал размышлять о том, что делать с ней потом, когда он закончит (в этом он был уверен на сто процентов!) дело с упырями. Отдавать ее алконостам не хотелось. Они-то, конечно, обрадуются... Но и держать ее при себе смысла нет. Он не сумеет ей платить, потому что и ему самому платят мало – за дела паранормальщины. А находить дела, чтобы привязать ее к себе... Он вдруг криво усмехнулся: разве что для алконостов время от времени выполнять какие-то поручения алконостов? Они-то платят щедро... Он опомнился: еще ничего неизвестно, а он, мечтая, уже влез в такие дебри, что...

Девушка открыла перед пожилой женщиной дверь подъезда и придержала ее, пока та входила. Ворон едва успел отшатнуться и отступить за разросшийся куст сирени, когда Меченая неожиданно обернулась и бросила взгляд в его сторону. Он что, забылся и загляделся ей в спину? Или она к своей способности говорить с нечистью обладает еще и чувствительностью?

Данияр вспомнил слова алконоста: «Надеюсь, ты понимаешь, что ты в ответе за девчонку? За ее жизнь?» И впервые ворон задумался о странном для себя. А если Меченую использовать не в тени морока? Если предложить ей... Испугается. А как хотели использовать ее алконосты? Наверняка обработали бы и стали бы напрямую давать ей указания. Так почему же он не может сделать то же самое?

И Данияр решил.

С Меченой надо сделать так: она выйдет к нему под мороком, он отведет ее подальше от дома и где-нибудь снимет с нее тень, чтобы объяснить ситуацию. Захочет ли она помогать ему добровольно? И стоит ли ей рассказывать, что в ее даре кровно заинтересованы алконосты?

Или для начала поговорить с бабушкой? Кикиморки-то сказали, что она из своих, но необученная... В любом случае надо поговорить с обеими, но по отдельности. Как-то по отдельности женщины гораздо более восприимчивы к информации... Он вспомнил самоуверенную мать. Потом – несостоявшуюся жену. Поморщился. Из любого правила есть исключения.

Выждав, Данияр осторожно вошел в подъезд и усмехнулся: надо же, в свою квартиру пробирается тайком. Но пробрался. Наскоро поел, выпил кофе и, с сожалением глянув на диван, собрался и вновь вышел.

В магазине его встретил сам клиент – арендатор торговых точек.

Дело оказалось плевым. В сопровождении клиента ворон обошел все помещения и быстро нашел причину, которая мешала активной работе магазина. В отделе детских товаров он на стене обнаружил странную отметину. Пока никто не видел, за вешалками с вещами Данияр ножом отколупал несколько слоев краски и ножом же отковырял от кирпича подозрительную штуквинку. Осмотрел на свету и озадаченно приподнял брови, разглядывая, пока не сообразил, что это – сургуч, которым раньше запечатывали важные письма или посылки-бандероли. Кто-то побаловался, вlepив сургуч в стену бывшего почтового здания – и тем самым навечно присвоив помещение духу почты.

Когда ворон понял, в чем дело, он уже аккуратней отнесся к сургучу: выложив его в чистый платочек и завернув, он вспомнил, где по дороге можно найти другое здание с действующей почтой. А пока

он подошел к клиенту, который о чем-то болтал с продавщицами, и сказал:

– Все готово. Осталось только вымыть здесь полы ключевой водой.

– И все? – поразился клиент, деловой мужик в костюме, который слегка оттопыривался на животе.

– Все, – подтвердил ворон и кивнул. – Оплата через неделю, как только увидите результат. До свидания.

– До свидания, – машинально откликнулся клиент, глядя на только недавно полупустой зал магазина, который постепенно, но уверенно наполнялся покупателями.

Обычно вороны, как и все исполнители паранормальных поручений, давали своим клиентам возможность увидеть результат своего вмешательства, а уж потом требовали плату. Данияр решил не отступать от этого правила, хоть и оставался сейчас в одиночестве.

Он вышел из магазина, посторонившись перед группой людей, вливавшейся внутрь. Да, теперь, когда дух почты временно хранится в его кармане, помещение постепенно занимает дух торговли, который не смел до сих пор брать его под свой контроль.

Теперь есть время, чтобы выспаться перед ночной вылазкой.

Перед сном ворон проверил свои припасы зелий и ингредиентов для всяких непредвиденных случаев. Проверил оружие. Приготовил одежду и лишь после этого рухнул на диван, уже в полусне снова смутно благодарный Меченой, что ее присутствие дает ему возможность выспаться.

Около полуночи он уже стоял во дворе дома, слушал, как на скамейке у соседнего подъезда звенит гитара и как там же смеются, болтают и поют. Сладко пахло цветущим шиповником – этот собирался, как всегда, цвести не только все лето, но и осень. И сильно пахло вечерними травами, когда после летнего жаркого дня вкрадчиво подступает ночная прохлада... Данияр стоял и смотрел на окна нужной квартиры. С другой стороны дома он уже тоже смотрел. Темно. И здесь та же картина.

Сегодня он действовал немного по-другому.

Заслышав вчерашней ночью возглас бабушки, сегодня он нагнал морока не только на девушку, но и на бабушку. Она должна крепко спать и не слышать, как внучка снова выходит в летнюю ночь. Заодно

он подкорректировал воздействие и на Меченую, «велел» ей одеться потеплей.

Она выбежала к нему и правда неплохо одетой для прохладной ночи: джинсы и какая-то футболка с коротким рукавом. И те же кроссовки. Наверное, те же. Не запомнил. Не до них было. Но он оценил. Прогулка предстояла долгая и сложная.

– Идем, – велел он, отворачиваясь от Меченой и шагая к дороге, нисколько не сомневаясь, что она идет следом.

Но за спиной раздались необычно торопливые шаги, почти бег, и Меченая оказалась рядом. Она схватила его за рукав рубахи, останавливая, и потребовала:

– Сначала ты скажешь, куда мы идем и зачем!

Ошарашенный, он обернулся к ней всем телом.

Воробьишка с золотистым шлемом на голове смотрела на него задиристо и смело. Такого от нее он не ожидал, а потому чисто по инерции предложил:

– Посидим где-нибудь?

– Так ты меня на свидание, что ли, пригласил?! – теперь уже поразила ее она, а он все вглядывался в нее: каким образом она сумела выйти из тени морока? По некоторым приметам и мелькающим смутным фигурам в ее поле он примерно предположил, что виновата в ее противостоянии мороку бабушка. Необученная – да. Но подсказать что-то по мелочи внучке она точно могла. А морок наводить на тех, кто понимает, уже гораздо трудней. Любопытно, в чем он прокололся?..

– А ты бы хотела? – спросил он, глядя на нее сверху вниз, чего она в упор не замечала – и это ему тоже понравилось.

– Если ты мне все объяснишь, – уже сердито сказала она. И огляделась. – Ну? Куда ты меня приглашаешь?

– Пойдем по улице? – неуверенно предложил он после недолгого колебания.

– Ну пойдем, – решила она и вцепилась в его рукав, а потом просто просунула ладошку ему под сгиб локтя.

Если сначала он думал о ней только как о Меченой, так было удобно, то теперь увидел вполношенную, недоумевающую девчонку, которая внезапно оказалась на ночной улице, полной опасностей. И пусть она вела себя весьма решительно, но выглядела при этом... хрупкой и беззащитной.

Именно поэтому, а не по каким-то другим причинам, он напряг руку в локте, чтобы она почувствовала в нем силу и не боялась, пока идет рядом с ним.

– Меня зовут Данияр.

– Я Руся.

– Помню. Ты мне вчера сказала. Руся, дойдем до сквера, ладно? Там я все объясню.

– И про кикиморок? – требовательно спросила она.

– И про них.

Он шел, примеряясь к ее шагу, и с недоумением думал о том, как начать с ней важный разговор и с чего именно начать рассказ о воронах и других. А главное, он беспокоился, поверит ли она его рассказу. Что ей успела сообщить бабушка? Достаточно ли, чтобы девушка поверила ему и помогла?

По ночным пешеходным дорожкам они добрались до дороги и перешли ее. Потом блуждали по длинному скверу, прежде чем найти свободную скамейку и сесть. Сидеть с Меченой было сложно: он чуть отсел от нее, чтобы между ними было пространство, но девчонка немедленно придвинулась к нему, и он чувствовал тепло притиснутых друг к другу ног. Вероятно, она все-таки мерзла, несмотря на теплый вечер...

– Как? – не выдержав, начал он. – Почему ты... – И замолчал, соображая, знает ли она про морок.

– А, это! – махнула рукой она. – Бабушка мне сказала про морок. Рассказала, как снять его с себя. Она-то не умеет, только слышала, как это делается, но у меня получилось – по ее словам. Я вышла на твой зов – и вот...

– А почему ты вышла?

– Ну мне интересно стало. Тут и шлем из волос, и твой морок. А ты кто? Мне бабуля много чего про город говорила, только я не сразу поверила.

– Она говорила что-нибудь о воронах? – осторожно спросил он.

– Нет, она сказала, что в городе полно всяких семей с колдовскими способностями. А кто был тот белокрысый тип, который вышел из торгового центра?

Она так легко болтала, что и Данияр успокоился. Оказалось, не надо думать, о чем именно ей рассказывать. Она сама задавала кучу



вопросов – причем так, что он начал подумывать, а не использовать ли этот ее дар к болтовне в практических целях.

А когда она выведала все об алконостах и их противостоянии с воронами, это ее, как ни странно, привело в восторг.

– Ух ты! В нашем городе такое, а я ни сном ни духом!

После чего легко и непринужденно она в несколько вопросов чуть не заставила его рассказать об упырях. А когда узнать о них не получилось, она помолчала, прикусив губу, а потом заявила:

– Ты мне должен, понял? Рассказывай давай все!

– С чего это я тебе должен? – чувствуя, что начинает заражаться ее странной задиристостью, проворчал он.

– Меня сегодня из-за тебя с работы шуганули!

– Как это – из-за меня?! – не поверил он.

– А так! Ты меня вчера с зеркальником познакомил? Познакомил! Только в мороке он не такой страшный был, да и ты рядом. А сегодня я как глянула на потолок! А там... Там такой зеркальник страшный! Я как заору! Как выскочу из парикмахерской! Алевтина мне и говорит: больше ты, говорит, сюда не появляйся, раз так орешь. Так что давай, не стесняйся – рассказывай мне все!.. – Помолчав, она с неукротимым любопытством спросила: – А зеркальники во всех квартирах шастают? Я перед сном смотрела-смотрела по всей бабулиной квартире – и ни одного зеркальника не нашла! Почему?

– Да они не в каждой квартире обитают, – вздохнул Данияр. Теперь ему стало как-то не по себе. Пока Меченая молчала, она выглядела гораздо старше. Поэтому он, сомневаясь, спросил: – Сколько тебе лет?

– Восемнадцать исполнилось. А тебе?

– Около тридцати, – неохотно ответил он. И добавил с намеком: – Ты всегда такая... разговорчивая?

– Не-а. – Она даже покачала головой, подтверждая. – Только когда струсил. Ну?

– Что – ну? – не понял он.

– Про упырей будешь рассказывать? Или сразу на дело пойдем?

Он не решился спрашивать, на какое дело она собирается, но, подгоняемый ее вопросами, сумел довольно пространно объяснить ситуацию в городе с упырями.

Девчонка подумала-подумала и храбро сказала:

– Ладно, уговорил! Веди меня туда, куда надо!

## Глава пятая

### *Руся*

Больше всего Руся боялась, что этот хмурый дядька откажется отвечать на ее вопросы, обозлится и вернет ее домой. А домой не хотелось: сердце колотилось как бешеное от осознания ею, что она вот-вот попадет, если уже не попала, в совершенно сказочный мир – с колдунами, ведьмами и всякими умопомрачительными персонажами чуть ли не легенд и сказок. Девушка едва ли не взлетала, понимая, что старые детские сказки внезапно оказались... реальностью! И главное – она сама, как выяснилось, часть этого поразительного мира, так хитро вписавшегося в обыкновеннейший мир!

А этот дядька (от растерянности, что ли?) начал отвечать, хотя она помнила, что ее порой излишне нахальная напористость иногда вызывала сердитый отпор собеседника.

Впрочем, он мог отвечать и потому, что она для него ценный объект, как сказала бабуля, со вздохом отпуская ее в ночь, едва только внучка расслышала зов. А с ценными дружить приходится, а еще – охранять. Ну, это уже бабулино желание. Только потому и отпустила, что знала: Руся – ценный кадр и в ней нуждаются.

Когда Данияр выдохся, наотвечавшись, Руся молчала чуть ли не двадцать минут, раскладывая добытые факты по полочкам.

Итак, вороны Чернобога называются так, потому что их предки служили когда-то темному славянскому богу и чаще всего уничтожали нежить и нечисть, которая активно действовала против человека по ночам. Алконосты – это боевики, которые служили когда-то светлему богу его вестниками, они считаются потомками сварожьих птицедев, поэтому среди них много девушек и женщин, но к воронам на переговоры обычно посылают мужчин. Алконосты тоже охотятся на нечисть и нежить, но только в дневное время. Кроме воронов и алконостов в городе есть семьи ведьм-травниц, ведьм-гадалок, колдунов и других представителей колдовского рода-племени.

А еще... зеркальника в парикмахерской она сама увидела, потому что ранее ей эту нечисть показал Данияр. Если б она раньше его не

увидела, то так никогда бы и не узнала о его существовании. Поэтому, если встретит кикиморок, их тоже увидит.

– А как отличить ворона от алконоста? – внезапно даже для себя спросила она. – Только по цвету одежды?

– Говорят, если за сутки увидишь двенадцать штук разной нечисти, – не оглядываясь, ответил Данияр, но она догадалась, что он улыбается, – то за нашими, воронов и алконостов, плечами можно увидеть крылья – и они будут очень отличаться.

– А мы, – напрягшись от ожидания, жадно спросила Руся, – можем такое сделать сегодня? Увидеть целых двенадцать?

– Можем.

– А что делать с головой? – встревожилась Руся. – Ну с волосами? Теперь у меня всегда такая плетенка на голове будет?

– Нет. К утру травы засохнут, и волосы будут обычными.

– А что бы ты делал, если бы меня первым увидел алконост?

– Не увидел бы. Кикиморки именно мне знак дали, что ты посредница-переводчик.

– Почему? – не то возмутилась, не то удивилась Руся. – Откуда ты знаешь, если ты не знаешь их языка?

– Упыри – ночная охота. Кикиморки про это знают.

– Все равно не понимаю, – с силой сказала Руся.

Данияр покосился на нее сверху вниз, но как-то необидно.

– У них это личное, – спокойно сказал он. – Упырь, который устроил лежку в лесопарке, и им жизни не давал. Он ведь жрет все подряд – и мелкой нечистью не брезгует. И кикиморки знали, что вороны увидят тебя.

– А как они узнали?

– У нечисти свое сарафанное радио. Наверное, кто-то передал им, что я недалеко от лесопарка поселился. В одном доме с тобой.

Хорошо, что бабуля хоть немножечко, но подготовила Русю. Иначе бы сама она ни за что не поверила в слова ворона.

Ишь... ворон. Руся глубоко вздохнула от полноты чувств. Прямо как в сказке. И наконец она вспомнила, что они идут параллельно проезжей части. Куда?

– А мы куда сейчас? К этим троиц воронам? Или будем охотиться на упырей? А ты мне оружие дашь? А как их... – Она осеклась. Слово «убивать» едва не сорвалось с уст – и вот тут-то стало страшно. Сказка

сказкой, но убийство-то грядет настоящее. Да и в сказках не всегда мирный народ бывал...

– Мы пока гуляем, – медлительно сказал ворон, чуть искоса посмотрев на нее, словно проверяя, все ли она понимает. – Чтобы ты узнала, что хотела. Теперь вопрос к тебе: бабуля знает, что ты ушла в ночь?

Он интересно сказал: «В ночь». У Руси снова дух захватило. Как будто говорил о переходе из одного помещения в другое. Ух ты... Для него ночь не время суток, а... мир?

Отмахнувшись от ненужных мыслей, Руся и ответила, и спросила:

– Знает! А ты... Значит, тебе надо найти новых воронов, которые не знают, что они вороны? И у... уничтожить упырей, да? А что бы ты сделал, если я бы вышла, как ты хотел, но не болтала?

– Я бы обыскал тот микрорайон, где прячется один из самых опасных упырей.

– Но зачем тебе я? – Договорила и уставилась на пешеходную дорожку, по которой все еще шли. – Ты! Хочешь! Поспрашивать всяких этих, да?!

– Да.

– И я их увижу, – вполголоса сказала Руся, неудержимо улыбаясь во весь рот. – Ну? Чего плетемся?! Давай быстрее – пошли вперед! Туда, куда тебе надо!

Вместо того чтобы резко рвануть с места, Данияр остановился, вынудив остановиться и Русю. Он взглянул на нее вновь сверху вниз, и ей страшно захотелось увидеть выражение его лица. Но стоял он спиной к ближайшему фонарю и явно отчетливо видел ее лицо, сам нечаянно спрятавшись в тени. И дорожка, тянувшаяся между двумя черными стенами кустов, в его молчании почему-то казалась бесконечной и очень узкой – из-за теней, что ли...

– Ты не под мороком, – уже привычно медлительно сказал он. – Поэтому дай слово, что будешь слушаться меня во всем, а вопросы задавать только тогда, когда я разрешу.

– А то что? – задорно спросила она, вдруг делая открытие: она настолько необходима ему, что может позволить себе покапризничать – и Данияр никуда не денется, все равно сделает то, что именно она хочет! – Домой отведешь? Я ведь тебе нужна, а значит... Буду вести себя в зависимости от ситуации!

– Мне не нужна капризная девчонка этой ночью, – спокойно ответил он и взглянул на пройденный путь. – Если ты не дашь слова подчиняться мне во всем – да, мы вернемся.

– Но почему? – возмутилась Руся, дергая его за рукав.

Но Данияр молчал, спокойно глядя на нее. А потом едва слышно вздохнул.

– Руся, – терпеливо сказал он, – я не люблю объяснять. Да ты и не поверишь. Давай сделаем так: эту ночь ты во всем слушаешься меня, а в следующую, если останешься жива, будешь вести себя, – он поморщился, – как хочешь.

Это его «если останешься жива» морозом продрало спину.

– Ты меня специально пугаешь? – неуверенно сказала она.

– Да.

Ка-ак же хотелось его стукнуть, чтобы он подробней объяснил, почему она должна быть при нем смиренной овечкой! Ну да, упыри. Но ведь ворон рядом! Спасет, если что... И тут начало доходить.

– А как выглядят упыри?

– Как обычные люди. Только когти длинные. И воняют они.

– То есть их можно почувствовать заранее? – обрадовалась девушка.

– А-а... – Кажется, Данияр затруднился описать более точно, а потом снова вздохнул. – Ну ладно... Упыри – это покойники, понимаешь? Они воняют покойниками. Ну, теми, что пролежали не один день, да еще чуть подгнили.

– То есть они воняют... ну, как сдохшее животное? – уточнила Руся.

– Ну... так.

Еще немного подумав, она покусала губы, соображая, и заключила:

– Ладно, я согласна слушаться тебя в эту ночь. И куда мы сейчас?

– На старое кладбище.

– Но это кладбище далеко от города! – удивилась она, вспомнив, как ездили с бабулей на могилку ее, то есть бабулиных, родителей: час – на дорогу, час – по самому кладбищу, пока дошли до нужного места. – Или мы с тобой туда поедем? У тебя есть машина?

– Нет, – чуть улыбнулся он. – Мы пойдем на то старое кладбище, которое стало частью города. Это недалеко, всего в пяти остановках

отсюда. Повезет – на дежурный троллейбус или маршрутку попадем. Но можем пройтись.

– Тогда чего ждем? – начала Руся, чтобы закончить решительным: – Идем давай!

Но ворон перебил – или просто ловко вставил в небольшую паузу:

– Ты мне не дала слова, что будешь меня слушаться.

– Я же сказала! – возмутилась Руся, считая, что на этот раз именно Данияр ведет себя по-детски. – Я сказала, что согласна слушаться тебя! Что тебе еще нужно?!

– Мне нужно, чтобы ты сказала: «Даю слово слушаться тебя!»

– А не все ли равно?! – обозлилась Руся.

– Нет, не все равно, – меланхолично ответил ворон. – Твое согласие мне ничего не дает. А в случае, если ты даешь слово, будешь за него потом отвечать, если ослушаешься.

– Это как?

– Просто. Слово, данное человеком, который часть этого мира, – он обвел рукой черные деревья сквера, высившиеся справа темной горой, – это настоящее слово, которое удержит тебя от... – Он снова затруднился с объяснением.

– От непослушания? – подсказала девушка, ехидно улыбаясь.

– Хотя бы так.

– Ну хорошо, хорошо! Вот тебе мое слово: я даю тебе слово во всем тебя слушаться и подчиняться тебе сегодняшней ночью!

И подпрыгнула на месте, а потом резко рванула к Данияру обнять его, когда в сквере, среди черных деревьев, совсем неподалеку, кто-то гаденько захихикал в шелестящей до сих пор тишине, а потом заохал, словно получил пинка.

– Принято, – сказал недрогнувший Данияр.

Что принято – Руся не стала переспрашивать. Вся бравада, вся эйфория, что она такой важный человек в открывшемся ей мире, мгновенно слетели. И она почувствовала себя маленькой девочкой в громадной вселенной, полной жутких тайн.

– Кто это? – пролепетала она, вскидывая голову на вершины деревьев и страшась разлепить пальцы на спине ворона.

– Не бойся, это аука, – пренебрежительно ответил Данияр. – Он любит всех передразнивать – особенно вечерами и ночью.

Разлепленные, но все еще напряженные пальцы были влажными от пота. Руся пару секунд сомневалась, стыдно ли ей так вцепляться со страху в ворона или нет, а потом снова просунула ладошку под сгиб его локтя. Пока сам не скажет, ни за что от него не отцепится! Себе дорожке... Открыла рот спросить – и закрыла. Ауку ей сегодня не увидеть. И без вопроса понятно. И что-то... и не хотелось даже.

Он сказал – в ночь. Шагая рядом с Данияром, Руся обеспокоенно прислушивалась к этой странной ночи. И пришла к выводу, что если не болтать, то можно услышать кое-что, что ранее не воспринималось как нечто разумное. Хоть последнее и звучит глупо. Если нечисть разумна, конечно. Или ей что-то чудилось, что не относится к жизни этой ночи? Но что она точно постоянно слышала, так это равномерный шелест, который сопровождал их во время «прогулки» по этой дорожке. Шелест и шуршание, как будто кто-то махонький перебежал от куста к кусту, стараясь для своего бега уловить то время, когда два путника либо говорили слишком громко, либо слишком громко шагали...

А еще она вслушивалась в редкие вскрики птиц, прячущихся в ветвях деревьев, вздыхала о соловьях, которые давно уже отпели, и отгоняла от себя странные мысли о том, что эти ночные птички вскрики могут быть подсказкой: птицы не просто просыпаются среди ночи, а... их кто-то тревожит как минимум. И, когда раздавался слишком горестный, по ее мнению, вскрик, Руся безотчетно прижималась к Данияру, а тот успокоительно похлопывал ее по руке. И девушка признавалась себе: она не воспринимает этот жест как нечто снисходительное. Ворон успокаивает ее – не более.

Благополучно дошли до следующей остановки и прошли бы ее дальше – транспортное табло показывало только время и никаких тебе транспортных средств, но Данияр внезапно остановился, мягко прижав рукой ее ладонь к себе.

– Что? – спросила Руся и машинально оглянулась: может, запоздалая, не учтенная табло маршрутка подъезжает?

Но по дороге шныряли только легковые машины, и лишь раз медленно и торжественно проехала громадная машина-поливалка, после которой в воздухе запахло пыльной влажностью и свежестью окошенных газонов. Мимо прошли две пары, беседующие вполголоса.

– Поздороваться не хочешь? – негромко спросил Данияр и кивнул на навес остановки.



Руся ощутила, как ее щеки начинают гореть то ли от страха, то ли от волнения: неужели ворон приметил кого-то из... паранормального народа?

– Только если с тобой, – боязливо прошептала она, чувствуя, как начинает дрожать: а ну как там чудище жуткое-прежуткое? Типа зеркальника? И вдруг рассердилась и буркнула, удерживая двинувшегося к навесу ворона: – А нам знакомство это сейчас нужно? У нас так много времени?

– Ты права, – кивнул Данияр и как ни в чем не бывало повел ее дальше.

– Данияр, а я всех этих... существ увижу сама? Или только после того, как... поговорю с ними?

– После.

Она выдохнула: значит, можно было посмотреть. Любопытно, почему Данияр предложил ей это... знакомство? Напугать хотел, чтобы слушалась? Но ведь она и так... Или он хотел помочь ей увидеть двенадцать существ?..

Больше они не разговаривали, шли себе спокойно, время от времени встречая запоздалых прохожих, а то и гуляющие парочки. Один раз девушку сильно напугал человек, почти бесшумно пролетевший мимо них на какой-то одноколесной штуковине. Руся заметила, что даже Данияр вздрогнул и, кажется, чуть не выругался. Во всяком случае, она расслышала что-то вроде «черта».

Через две остановки она снова не выдержала:

– Я вспоминаю все места по нашей дороге и не могу вспомнить ни одного кладбища. Ты уверен, что мы идем туда, куда надо?

– То кладбище давно под землей, – сказал Данияр. – Мы ходим по нему, как по обычной поверхности. Еще две остановки – и будет сквер, очень большой. Знаешь о таком?

– Да, там часто всякие мероприятия бывают, потому что там военный мемориал. – И дрогнувшим голосом спросила: – Хочешь сказать, этот сквер и есть?..

– Есть, – подтвердил он.

– Но ведь кладбище, если оно там и было, уже глубоко под землей! – заволновалась Руся. – Как же там упыри-то могут прятаться? – А сама вспоминала, сколько там зелени – плотной зелени кустов и деревьев, и холодела от неприятных предчувствий.

– Кладбище это древнее, а значит, силы, дремлющие под землей, все еще могут привлечь к себе нежить и дать ей возможность пересидеть голодное время.

– Голодное – это когда никого не поймал? – с ужасом спросила Руся. А потом ужас начал накрывать такой ледяной волной, что она почувствовала тошноту. – Я... как-то забыла, что упыри... Они людей едят по-настоящему?

– Да.

– А... много? Много людей погибло?

– Достаточно, – сухо зато ответил Данияр, и девушка замолчала, время от времени лишь содрогаясь, когда страх судорогой изгибал ее спину.

С каждым шагом она все отчетливее понимала, что ее телячий восторг перед открытием нового для себя мира – жуткая глупость. Хуже того... Данияр-то был прав, потребовав от нее слова подчиняться ему сегодня.

Нетушки! Теперь она примерно представляет, с чем может столкнуться, и не собирается глупить! Безопасно по ночам только рядом с вороном – это она теперь знает теоретически. А судя по всему, вскоре узнает и практически.

И вообще... Пора взрослеть. Вон как себя ведет ворон – спокойно и уверенно. Не болтает, не хвастается. А она-то, Руся... Фу, как стыдно... Что бы сказала бабушка! И девушка от смущения вспыхнула: бабуля-то сколько лет молчала про себя! А она, Руся, сразу нос задрала! Единственная и неповторимая – у-у, бессовестная... Ворон от нее в таком страшном деле помощи ждет, а она ведет себя как... как фиг знает кто...

– Пришли, – негромко сказал Данияр, остановившись перед стеной кустарника.

И Руся вновь прижалась к нему: за этим темным кустом прятался кто-то кровожадный!.. И дрожащим голосом спросила:

– А с чего начнем?

– Место старое. Надо лесовика позвать.

– Здесь раньше лес был?

Ворон поднял голову к темно-синему небу над вершинами черных деревьев и не сразу, но ответил:

– Да здесь и посейчас лес растет. Остатки, правда, но старых деревьев много.

Руся замолчала и только с нарастающим недоумением подумала: «И бабуля меня так спокойно отпустила в ночь? Даже зная, что меня будут беречь как... зеницу ока?»

И невольно улыбнулась. Данияр, кажется, намерен именно это делать – беречь ее. Потому как сейчас он не локтем прижимал ее ладошку к своему теплему телу, а сграбастал ее всей жесткой ладонью.

Тем временем Данияр, потянув ее за собой, шагнул на территорию сквера и здесь присел перед первым же кустом на корточки, продолжая держать руку девушки. Руся поневоле, но полная любопытства («лесовик» звучало не так страшно, как «упырь»), тоже присела рядом. Что сделает Данияр, чтобы вызвать лесовика? А ворон потянулся к ближайшей шиповниковой ветке и потряс ее. Раз потряс – тишина. Прислушался. Еще потрянул – снова пауза.

А потом Руся чуть с корточек не упала: кто-то мелкий торопился посреди кустарникового ряда, точно приближаясь к ним! Вчера Руся будто во сне видела кикиморк и лешего, но сегодня она увидит лесовика воочию!

– Я привел посредницу, – тихонько сказал Данияр и оглянулся на нее, словно вопрошая, будет ли она помогать ему. – Поговорим?

Она вцепилась в его руку так, словно до сих пор и не держалась. Другую, как во вчерашнем сне, протянула к кустам, лихорадочно размышляя, стоит ли закрывать глаза на первое время. Или смотреть сразу?

Будто кошачья лапа легла на ее запястье.

Свет фонаря за спинами, но Руся разглядела эту маленькую лапку, а потом глаза словно поехали по этой лапке, которая принадлежала низенькому сутулому старичишке, с лицом заросшим даже не бородой и усами, а шерстью, с круглыми блестящими глазами, взирающими на нее с громадным любопытством. Одет он был во что-то вроде... Непонятно во что – Руся так и не сумела сообразить, что это.

– Толмачиха, что ли, будешь – ворону-то? – тоненько спросил-пропел лесовик, хлопая глазищами. – Ну, спросай давай, что хошь-то!

– Здравсте, – от неожиданности пробормотала Руся, с трудом не отдергивая собственную ладонь.

– Ну здрасте, – согласился лесовик и стукнул по ее ладони своей лапкой.

– Спроси у него, не появлялся ли здесь упырь, – чуть недовольно сказал Данияр.

И опять неожиданность: разве он не слышал, что сказал лесовик? Почему не поздоровался в ответ? Невежливо же! И лишь спустя секунды девушка вспомнила, зачем ворон ее сюда привел: она переводчица! А еще она перепугалась: как же она скажет лесовику, как ему переведет вопрос Данияра, если она...

– Просто повтори мой вопрос, глядя на него, – терпеливо объяснил ворон, когда она обернулась к нему в отчаянии.

Руся набрала воздуха – и... что-то прочирикала. А закончив, открыла рот. Ой... Это и есть перевод?! Ничего себе...

– Третью ночь сюда возвращается, ирод, – проворчал лесовик, ежась и оглядываясь по сторонам. – Каждый вечер уходит, а потом – шасть в кусты, туда, где могилки кучней. И весь белый день там хоронится. Кусты там знатные, в них просто так не заберешься.

– Значит, сейчас его здесь нет, – сделал вывод Данияр. – Руся, пусть покажет, в каких кустах упырь прячется. Приду днем – может, сумею обезвредить, пока слабый.

«Почему – слабый? – удивилась Руся. – Потому что ночной... этот... как его... хищник? И днем слабеет?» И старательно воспроизвела весь запрос ворона.

– Показать покажу, только вот доберется ли ворон до лежки? – вздохнул лесовик и вылез из кустов полностью. Поднял голову к людям, которые все еще сидели на корточках. – Там ведь кустищи – чащоба сама настоящца. Сам черт ногу сломит!

– Ты покажи, а мы уж сами разглядим, сумеем добраться, нет ли, – пробормотал Данияр и добавил: – Руся, спроси его, не слышал ли он, кто упырей поднимает.

– Не по лесному нашему хозяйству ворон спрашивает, – откликнулся лесовик, – да и не по городу шарить надобно. Здесь-то ведь только поднимают. А решают поднять в закрытом доме, в квартире. Барабашек поспрошайте – они должны слышать про то.

– А если барабашки не знают? – не выдержала, спросила сама Руся. – Тогда кого спрашивать? Или уже некого?

– Барабашки – да не знают? – поразился лесовик. – Эти болтушки-то? Они ж, кто что узнает, всем своим сообщают!.. Ну, коли они не знают – значитца, никто не знает.

Он вывернулся из-под руки девушки, и ворон с Русей встали на ноги, занемевшие от долгого сидения на корточках. И лесовик, похожий на толстого кота, зачем-то вставшего на лапы, вальяжно, переваливаясь с боку на бок, заторопился по одной из асфальтированных тропок. Данияр снова вел Русю, крепко держа за руку, так что девушка на свободе могла и оценить все то, что узнала. Как-то уже сглаженно она приняла к сведению, что барабашки не выдумка, а вариант зеркальника. Только барабашек спрашивать можно, а в случае с зеркальником – она просто воспринимала информацию, которую озвучивала для Данияра. Насколько она поняла тот процесс.

А потом ее занял животрепещущий вопрос: ворон собирается лезть в логово упыря? А ее, переводчицу свою, куда девать на это время собирается? С собой брать? От такого предположения ноги чуть не подломились в страхе. Или оставить рядом с теми кустами?! Еще страшней... А лесовик куда денется? С ним пойдет? Оставив «толмачиху» одну-одинешеньку?! Да разве так можно с ценными кадрами?!

Лесовик остановился, широко расставив толстые то ли лапы, то ли ноги. Обернулся к Русе. Та выпростала ладошку из ручищи Данияра и присела перед лесовиком. Лесовик снова сам положил лапу на ее запястье и сообщил, глядя на ворона:

– Вон кусты-то. В самую середку пойдешь – там лежка-то и будет. И сгинул! Руся только успела моргнуть, а лесовика – нет!

Она еще не догадалась, что пора бы встать, зато ворон, сам нагнувшись и взяв за руки, быстро поставил ее на ноги.

– Ты пойдешь туда? – дрожащим голосом спросила она, глядя в сплошную темень кустов, от которых сладко пахло цветами шиповника.

– Что я там не видел? – спокойно откликнулся Данияр. – Костей насмотрелся довольно и без этой лежки.

Русю от этих слов пробрала крупная дрожь.

– Ты устала? Или можем еще в одно место сгонять?

– Чего уставать? – независимо дернула плечом Руся. – Гуляем же только. А далеко это твое еще одно место?

– Вызову такси, – пообещал Данияр. – Тем более ты, наверное, замерзла. Сегодня-то оделась получше вчерашнего, но ведь сейчас прохладно. А в машине погреешься. Нормально?

– Нормально, – согласилась она.

Такси подъехало вовремя – к той остановке, куда они шли. Так что Руся успела слегка согреться еще и по дороге, пока торопились дойти прежде заказанной машины. В такси помалкивали, и девушка была благодарна Данияру, что они оба сели назад и что он сразу как-то так взял ее за руку, чтобы она сидела тесно с ним. Как и обещал – согрелась, хотя только в машине и поняла, что чуток замерзла.

Ехали с полчаса – даже при том, что светофоры уже не работали.

Вышли на остановке, окруженной деревьями и кустарником, на которые Руся теперь поглядывала с подозрением, не прячется ли и здесь кто-то из паранормальных существ. И по дороге Данияр сказал:

– Здесь живет один из воронов. Если ты не возражаешь, нам бы надо поговорить с зеркальником. Этот зверь может не только отражать виденное в ответах на вопросы, но и показывать картинки. А мне позарез бы надо узнать, как выглядят эти вороны.

– Зачем?

– Надо же с чего-то начинать знакомство с ними, – проворчал Данияр.

Что-то странное было в его голосе. Его как будто раздражала необходимость знакомиться с теми, кто ему же был нужен.

– А ты меня с ними познакомишь? – поинтересовалась Руся.

Он резко обернулся к ней. Даже в темноте дорожки, на которую едва уловимо падал свет от дальнего фонаря, она заметила, что ворона словно осенила какая-то идея. И он странно осторожно, с надеждой спросил:

– А тебе хотелось бы с ними познакомиться?

– А ты? – в свою очередь удивилась Руся. – Разве мы с тобой больше не будем ходить по городу вместе, что-то узнавая? Ведь если ты познакомишься с новыми воронами, я же все равно с вами буду. Так что... Хочу. Тем более зеркальник покажет мне этого человека, а тебе-то я не сумею его образ передать.

– Я и не подумал об этом, – снова пробормотал он, тщетно пряча радость, которая была заметна даже в его голосе.

Удивленная Руся мысленно пожала плечами, но решила во что бы то ни стало выяснить, почему он так рад, что она познакомится с другими воронами. Да еще что именно она будет знать их в лицо.

## Глава шестая

### *Данияр*

От остановки они прошли одну улицу, чуть поднялись к другой. В свете двух фонарей Данияр отметил на торце ближайшего здания табличку с названием улицы и номером искомого дома. Обойдя этот дом-многоэтажку и заведя номера квартир над подъездом, Данияр кивнул себе: они правильно идут, им нужен второй подъезд...

На улице, несмотря на глубокую ночь, царил довольно активная жизнь: то и дело проезжали машины, в одиночку, парами, а то и компаниями появлялись прохожие. Где-то далеко лаяла собака, а в газонных кустах, кажется, последнего подъезда многоэтажки вдохновенно орали коты.

Вроде все как обычно. Высотное здание, широкие приподъездные площадки перед входом в подъезд, большие ухоженные газоны между ними... Но чувствительный к течениям ночного мира Данияр насторожился. Он еще не осознал своей тревоги, а рука уже нырнула в карман джинсовой рубахи. Когда пальцы скользнули в уютный холодок кастета, ворон нахмурился, замедляя и так довольно неторопливый шаг. И остановился, не дойдя до второго подъезда половины расстояния от первого.

– Что случилось? – шепотом спросила Меченая.

Он не ответил, прислушиваясь к ночи. Странно, но за их спинами скапливалось что-то тяжелое, темное – темней самой ночи... Ворон, будто забыв, что держит девушку за руку, медленно, на одних инстинктах, начал поворачиваться назад.

Тяжелое и темное выливалось из-под двери подъезда, мимо которого они только что прошли. Будто там, внутри, лопнула водопроводная труба.

Пока еще нерешительно Данияр шагнул к подъезду, странно ведущему себя. Девушка, которая послушно шагнула следом, тихо напомнила:

– Там квартиры – до сороковой, а нам нужна шестьдесят третья...

Языка нечисти он не понимал, но ее саму видел.



За секунды до того, как запел домофон и дверь распахнулась, ту же дверь словно прострелили – так стремительно вылетели из нее несколько перепуганных, а то и ужаснувшихся существ. Теми же пулевыми росчерками, кратким салютом они поначалу было прыснули во все стороны от подъезда. И ворон без слов, бегом потащил девушку к подъезду, из двери которого продолжала сигать мелкая нечисть.

Последние, кем выстрелила дверь, внезапно застыли в воздухе, а потом ринулись к Меченой – с писком и воплями. И мелочь просто-напросто облепила ее плечи и руки, панически вопя прямо в лицо... Сильно вздрогнувшая, а потом окаменевшая от неожиданности девушка быстро-быстро заговорила:

– Ирод в подъезде! Ирод! Человека сжирает!!!

Вот на слове «сжирает» и распахнулась подъездная дверь!

Сначала на крыльцо, на бетонную плиту под высокой узкой крышей, выскочила матерящаяся в крик фигура. Она было рванула с крыльца, но, изрыгнув новое ругательство, метнулась назад. Шагу не ступила к порогу подъезда – резко повалилась с плиты, отброшенная вылетевшей из подъезда кучей-малой, которая рычала, визжала, ругалась, вопила... Нисколько не сомневаясь уже, фигура вскочила на ноги и вновь бросилась в самую гущу драки.

В окнах дома начал вспыхивать свет, а с балконов кто-то уже взволнованно и вопросительно что-то орал.

– Стой здесь! – бросил Данияр ошалевшей девушке, которая и так стояла – слегка вытянув в стороны руки, отягощенные вцепившимися в них перепуганными нечистиками. Он подвел Меченую к газонной ограде и ткнул ее более или менее свободную руку на верхнюю металлическую часть. И, взглянув на миниатюрную, мирную на вид страхолюдину, присевшую на ее плече, крикнул: – Сторожить!

Только отвернулся, как Меченая в спину ему рывкнула что-то хрипло и коротко. Перевела его приказ ночевнику – охранному домашнему духу?

Но взгляд Данияра уже прикипел к заварухе возле подъездной двери, которая все никак не могла закрыться, то и дело грохаясь о стену, когда ее отталкивали телами.

С каждым стремительным шагом, приближающим его к куче-мале, Данияр оценивал ситуацию: упырь в открытую лез прикончить одного из четверых парней – того, упавшего, кто уже только хрипел и

со всхлипами втягивал воздух. Он был здорово порван и в таком состоянии, что сил подняться у него не осталось. Остальные же трое пытались оттащить озверевшего, как, видимо, они считали, человека от своего дружка и от боли кричали в голос матом, когда упырь уродливыми когтями рвал их тела, оказавшиеся в ближайшем доступе.

А над всей этой адской кутерьмой мелькали со злорадным писком матохи – тощие полулысые тельца, разинутые пасти с мелкими зубками и худущие конечности с непомерно длинными то ли пальцами, то ли когтями: этим-то лишь бы в скандале искупаться или в столпотворении. Силу-то берут из злобных намерений да эмоций – сладко им в хаосе... Вот и кружили сейчас над обезумевшими людьми и упырем, наворачивая ненависть, чтобы подольше насладиться вкусеньким.

Мгновенный расчет – и ворон прыгнул сверху в кучу-малу, угадав свалиться между ногами-руками, не раздавив никого.левой рукой вздернул упыря за шиворот, выдирая его из драки, а правой ударил в лицо, норовя сразу проломить кастетом лицевые кости. Но упырь оказался из свежих. Данияр сумел сломать ему только нос.

Вытянутой, да еще полусогнутой рукой удержать на весу брыкающееся тело трудно. Тем более упырь выглядел довольно упитанным, хоть и невысоким мужичонкой. Быстро придя в себя от неожиданного нападения и страшного удара, он резво оттолкнулся от стены дома (дрались все еще на бетонной плите), развернувшись тем самым в руке ворона. Секунду спустя уродливая пасть впустую клацнула длинными зубищами в миллиметрах от запястья ворона. Только слюной забрызгало кожу.

Обозлившийся ворон вновь ударил кастетом – на этот раз в распяленную пасть, кроша уродливо длинные зубы нежити. И – не только кроша, но вбивая кастет все глубже в рычащую пасть. Коротко пожалел Данияр в этот момент только об одном: нельзя ударить ногой, пробивая снятый кастет в глотку упыря.

И уловил мгновения растерянности, которой повеяло от кровожадной нежити: тот не поверил, что его, по недавним впечатлениям – бессмертного, могут уничтожить.

Данияр выдернул из гнилостно пахнувшей пасти кулак с кастетом и через головы обалдевших парней швырнул дергающееся тело на

асфальт. И сразу рванул следом. Упыря разбитой в кровь и кости башкой, к сожалению, не уймешь.

Ворон не стал дожидаться, пока временно дезориентированная тварь придет в себя. За шиворот он оттащил нежить к газонной оградке и, оттянув его злобно скулящую башку назад, перерезал горло. Затем, не давая опомниться, сломал твари шею. Одним движением отделив башку упыря от обмякшего тела, Данияр крикнул:

– Руся, сюда!

Девушка примчалась мгновенно, но взглянула на висевшую в его руке голову с сумасшедшими, кроваво мерцающими глазами, на валявшееся у ног обезглавленное тело в строгом костюме, словно на работу, – и попятилась, жалобно повторяя:

– Нет, нет... Нет!

И вся толпа мелкой нечисти, облепившая Меченую, согласно и жалобно завизжала вместе с ней.

– Руку мне на плечо! – рывкнул, не оглядываясь, расвирепевший ворон: глаза на оторванной башке медленно, но неумолимо тускнели!

Ощувив, как рука Меченой боязливо легла-таки на его плечо – сама она спряталась за его спиной, чтобы не видеть отрезанную башку твари, он поспешно спросил:

– Кто твой хозяин?!

Обвисший рот, с рухнувшей нижней челюсти которого сопливо тянулась вниз черная струйка, с трудом подобрал эту самую нижнюю челюсть, чтобы невнятно шамкнуть одно-единственное слово.

За спиной Меченая тоненько перевела:

– Их трое...

– Конкретней! – зарычал ворон.

Но в глазах упыря потух багровый отсвет. Нижняя челюсть вновь отвалилась, превратив упырю башку в подобие чудовищной маски, какую можно увидеть лишь в болезненных снах и кошмарах.

Вернулся слух. С балконов кричали, перекликались, угрожали звонком в полицию, если вопли, мешающие спать, не прекратятся и если слишком громкие хулиганы не уберутся. Но ни из одного подъезда не вышел ни один жилец...

– Ну, мужик, ты силен... Ну ты ваще... – гундосо сказал один из парней, вытирая кровь под носом и таращась на упырю башку. – Очумел, что ли... Зачем ты угрохал мужика? Он, конечно, псих, но...

– Кого... я угрожал? – медленно спросил ворон, оборачиваясь к нему.

Тот глянул на то, что держал Данияр, и попятился, заикаясь и не в силах произнести ни слова. Голова упыря оплывала в сдутый шарик. Тело – Данияр взглянул под ноги – медленно опадало: упырь умирал по полной. Через минуты в деловом костюме останутся лишь склизкие кости и мерзкая на вид и на «аромат» жижа. Через час же у газона останется лежать лишь вонючая одежка.

А пока пять минут спустя у бетонной плиты подъезда валялась только жертва упыря, а ветер издалека доносил топоток удирающих по дороге парней. Нет, поначалу они пытались с собой унести и тело бессознательной жертвы. Но ворон двинулся к ним – с недвусмысленной угрозой в ссутуленных плечах, а главное – с ножом, якобы забытым в руке. И нервы у ребят не выдержали.

Опомнившись – а вдруг рядом еще один? – Данияр оглянулся на Меченую. Та стояла, открыв рот и хлопая глазами. То ли остолбенела от страха, то ли не понимает, что дальше делать. Руки у нее все еще в разные стороны, а на них кого только нет: и барабашки таращатся, и успокоенный дрема еле открывает глаза, засыпая на ходу, и даженички пугливо выглядывают из-под девичьей руки (как бы не шуганули!), а на плече все так же грозно озирает окрестности сторож-ночевик, распахнувший жуткую пасть.

Данияр и буркнул Меченой:

– Не отставай!

И зашагал к брошенному друзьями парню, мрачно поглядывая на узкую крышу подъездного крыльца, край которой облепили матохи, поблескивая диковатыми любопытными глазами: будет ли пришлый бугай и этого бедолагу бить?

Внезапно вся стая матох смылась, словно их с крыши вихрем сдуло. Ворона узнали. Испугались.

А Данияр присел перед жертвой – окровавленным парнишкой, одежда на котором была разодрана в лохмотья. Меченая подошла и вполголоса спросила, поглядывая на окна дома, которые начали потихоньку угасать:

– Живой?

И все барабашки качнулись с нее посмотреть на парнишку. Интересно же!..

– Живой, – проворчал ворон и поднял голову. – Спроси-ка у этих, которые у тебя на руках, из какой он квартиры.

Меченая спросила и растерянно перевела:

– Из шестьдесят третьей.

– Так. Наш. И знакомиться не надо. – Данияр примолк, соображая, что делать дальше. Ворон найден. Но что делать с ним сейчас? Отнести домой? Время – половина второго ночи. Пустят ли? Даже если через дверь объяснить, что парень попал в беду? Оставлять его здесь тоже нельзя – а если второго упыря пришлют по его душу?

Будто уловив его мысли, Меченая присела рядом и прошептала:

– Мы же его здесь не оставим, Данияр? Вон сколько крови...

– А то сам не вижу, – буркнул ворон и вздохнул, пытаясь свести мысли в логический вывод. Мысли сводиться не желали. Более того – ворон начинал бояться, что парнишку родичи могут отправить в больницу, а там... Там не допустят в палату обычного человека, но упырь прорвется, потому что поросенок такой, что пролетит по всем коридорам, сбивая с ног всех встречных-поперечных, лишь бы выполнить вложенное в гнилые мозги задание...

– У меня бабуля – травница, – вдруг сказала Меченая. – Жаль, что у тебя машины нет. Можно было бы отвезти к нам.

– Лучше ко мне, – решил Данияр. – Бабуля не откажется ведь подняться на один этаж, чтобы у этого раны осмотреть?

Прежде чем вызвать такси, Данияр снял с себя джинсовый жилет и надел на парнишку, чтобы не испачкать машину.

Они объяснили водителю, что везут своего загулявшего приятеля домой. Водитель, может, и не поверил бы, но ворон улучил момент и сыпанул ему под ноги сон-травы в смеси. Трава сделала обманку реальностью – и таксист даже помог внести бессознательного ворона в салон машины.

– Руся! – недовольно позвал Данияр, когда Меченая замешкалась садиться в такси.

И выглянул из-за машины посмотреть, чем она занимается. Хмыкнул: девушка размахивала руками, прощаясь с недавними ездоками на себе, а вся компания нечистиков воодушевленно прыгала на бетонной плите крыльца и точно так же махала ручонками и лапками. Разве что дрема притулился на краешке плиты и уже дрых, уперев обвислые щеки в ладошки.

Юркнув в машину, к парню-ворону, Меченая чуть придержала дверь. А когда Данияр понял, что она хочет о чем-то спросить его, и наклонился к ней, она прошептала:

– А я теперь их всех буду видеть, да?

– Да.

По ночному городу, в котором не горят светофоры, до своего дома добрались быстро. Когда парнишку выгрузили на скамью у подъезда, а машина отъехала, Данияр тщательно осмотрел окрестности и убедился, что сюда никто не явился, чтобы покуситься на их жизнь. Кажется, те пока так и не узнали, где прячется последний, как они полагают, ворон в городе.

Примерившись к телу и невольно радуясь, что оно бессознательное, Данияр вскинул парнишку на плечо, а Меченая побежала впереди – открывать все двери, и подъездную, и его квартиры, благо ключ он ей отдал заранее.

Когда она закрыла за ним дверь, он осторожно сгрузил молодого ворона на кровать, которой до сих пор не пользовался, предпочитая диван. Глядя на парнишку, Меченая вздохнула и решительно спросила:

– Тряпки или салфетки есть? Хоть кровь с лица отереть, чтобы бабулю не испугать.

– Травницы крови не боятся, – с недоумением сказал он. – Ты просто скажи ей о раненом, а уж она сама во всем разберется.

– Тогда я приведу бабулю, – с некоторым сомнением сказала Меченая, – а заодно и салфетки принесу.

– Ты уверена, что бабушка не спит? – уточнил он.

– Нет, она провожала меня. Ждет, – снова вздохнула Меченая. И убежала.

Данияр успел вымыть руки от гнилой крови упыря и снять с молодого ворона рванье, оставшееся от рубахи, когда дверь квартиры снова распахнулась – и он расслышал торопливый шепоток. Затем в комнате появились обе женщины. Причем бабуля Меченой шла с пустыми руками, зато девушка, шедшая за ней, несла огромную корзину со всем необходимым.

При виде Данияра бабуля остановилась, всмотрелась в лицо.

– Не ворон ли? – колебавшись, спросила она.

– Ворон, – хмуро ответил он. И кивнул на парнишку: – Тоже.

– Табурет, – решительно сказала бабуля и, оглядевшись, сама придвинула к кровати ближайший стул. – Руся, еще один – куда корзину ставить.

Пока бабуля колдовала над раненым, пока Меченая бегала по ее поручениям то в ванную комнату – намочить тряпки, то в кухню – подогреть воды, постоянно спрашиваясь у Данияра, ворон отошел к окну и насупился. До него только что дошло, что теперь он и в самом деле старший в городе. Что на его совести жизнь не только этого парнишки, но и остальных двоих воронов, которых он еще не нашел. И снова во весь рост встала проблема: что в первую очередь? Поиски упырей – или последних воронов?

Однажды оглянулся. Что-то в единственной комнате изменилось – по настроению. Бабуля продолжала колдовать над молодым вороном. Меченая же стояла посреди помещения и озадаченно осматривалась. Он на минуту отвлекся от дум о деле и попытался увидеть свое жилище ее глазами. Небось у нее самой отдельная комната: он знал, что с той стороны лестничной площадки, где живет ее бабуля, квартиры двухкомнатные. И, наверное, все эти комнаты ухоженные – как же, две женщины живут... А у него... Он нехотя усмехнулся. Холостяцкой берлогой тоже не назовешь. Ни одной купленной вещи – все старье от предыдущих хозяев осталось. И выглядит комната заброшенной, хотя драил он ее частенько. Что-что, а вороны всегда отличались стремлением к чистоте.

Улучив момент, когда девушка снова была послана отмывать тряпки от крови, бабуля вполголоса сказала:

– Ты, ворон, внучку мою обереги. Не бери уж с собой на такие случаи. Она неопытна – мало ли что с ней случится.

– Она посредник – уберегу, – ответил он, немного раздраженный: сама же должна понимать, что внучка ее – настоящая драгоценность.

– Кто этого парня так? – еще более понизив голос, спросила бабуля.

– Упирь.

Женщина видела страшные рваные раны – могла предполагать. Но лучше сразу поставить ее перед фактом, что дело тяжелое.

Руки ее дрогнули только чуть-чуть.

Через полчаса отмытый и перевязанный парнишка крепко дрях, в бессознательном состоянии напоенный отваром из снотворных трав.

Только тогда бабуля Меченой, отослав девчонку за новыми салфетками, велела ворону показать и свои травмы. Данияр поморщился, но вытерпел процедуру чистки и обеззараживания всех порезов.

Затем ворон передал травнице ключи от своей квартиры и объяснил:

– Неизвестно, когда вернусь. А вы, наверное, можете приглядеть за ним?

Бабуля Меченой только головой покачала да сама спросила:

– Что ж, отдыхать-то сам не будешь?

– Я с тобой! – возмутилась Меченая и тут же испуганно взглянула на бабулю.

Та пожала плечами и вздохнула:

– А что я могу сделать? Будь осторожна, Русенька. Держись ворона и слушайся его. И прежде чем уходить в ночь, забеги-ка снова домой.

Удивленно посмотрев на Данияра, Меченая расслабилась, когда он кивнул.

Девушка помогла бабуле собрать корзину, а потом понесла ее впереди старшей женщины... Пока Меченой не было, ворон скептически осмотрел свой жилет, отданный пострадавшему, а затем повернулся к старому шкафу. Жилет – вещь великая, потому как в джинсе много карманов, а значит, много чего по ним можно спрятать и разложить. Больше жилетов нет. А ночь длинная. Придется удовольствоваться ветровкой. Потом пополнил запас наличных. Взял запасные ключи от квартиры.

И замер, когда сообразил, какую оплошность допустил – там, на приподъездной площадке, пока допрашивал упыря! Надо было сфоткать его! Личину его жуткую заснять, пока он с лица почти живым был! Ворон досадливо застонал, хотя здравый смысл робко протаскивал свою версию происшествия: нет, не было случая зафоткать тварь! Слишком та брыкалась и дергалась – для удобного случая!

Перепсиховав хорошенько, обозлившись на себя, а потом успокоившись и снова начиная детально обдумывать то, что случилось, Данияр просиял: у него есть Меченая! Посредница! Можно съездить туда снова и опросить нечисть! Может, повезет – и тамошний



зеркальник успел «заснять» упыря, а тогда Меченая переймет образ, и на руках Данияра будет почти фотография, которую можно использовать в поисках.

«Их трое...» Странно. Если и поднимали упырей, то делали это всегда в одиночку, а не целой компанией.

Прибежала Меченая, протянула небольшую бутылочку с чем-то темным.

– Что это?

– Бабуля передала. Бодрящее. – Она буквально впихнула бутылочку ему в руки и добавила: – Я уже пила, мне понравилось.

Как будто рекомендацию дала. Или будто несмышленьша уговаривала выпить невкусное лекарство. Данияр посмотрел на питье, пожал плечами.

– Спасибо.

Бутылочка была еще теплой, и после осторожной пробы на язык Данияр с благодарностью отпил пару глотков чего-то терпкого и даже острого. А Меченая улыбнулась и весело сказала:

– А еще бабуля дала нам вот что в дорогу!

И чуть ли не торжествующе подняла перед собой пакет. Присмотревшись, Данияр узнал пирожки. Ноздри вздрогнули, уловив аппетитный запах жареного мясного. Ни слова не говоря, он забрал пакет из рук Меченой и сунул в рот сразу полпирожка. Девчонка только хихикнула и тоже взяла штучку, правда – ела аккуратней. Так и стояли возле двери и торопливо жевали, передавая друг другу бутылочку с питьем и пакет. Когда «в дорогу» в пакете осталось ровно два пирожка, а бутылочка опустела, Данияр сказал:

– Идем.

– Стой, – вдруг сказала Меченая и с любопытством спросила: – А почему в твоей квартире нет этих... ну, всяких барабашек и зеркальника?

Он чуть не хмыкнул вслух. Вот, оказывается, что ее интересовало! Он-то думал – она разглядывает его квартиру! А девчонка высматривала нечисть!

– Ну, первое: воронов нечисть боится, – доброжелательно объяснил он, а потом подошел к входной двери и провел ладонью по притолоке. Достав пару сухих веточек и грубо сработанную цепочку с тусклыми, полупрозрачными камнями, показал Меченой. – Второе:

я не разрешаю всяким лезть ко мне в квартиру. Это – защита от любых гостей. – И снова положил сушеные травы и камни на притолоку.

– Здорово, – решительно сказала Меченая. – А я почему сказала... Помнишь, говорили, что барабашки могут все знать? Может, спрашивать наших? Ну, из нашего дома? Если все знают, то, может, и они нам что-то передадут интересное?

«Хорошая идея, – решил ворон. – Я как-то не подумал о таком легком варианте. А Меченая начинает осваиваться... Молодец».

– Выйдем на балкон, – сказал он. – Балкон не защищен – можно их позвать.

– Их можно позвать?! – изумилась девушка.

– Можно.

И первым пошел через всю комнату к балконной двери. Меченая поспешила следом, явно заинтригованная.

Полная луна за прозрачным стеклом рамы величаво плыла по черному небу. Данияр расстегнул две верхние пуговицы на рубашке и вынул на свет божий цепочку с кулоном-камешком. Поднес зеленоватый камешек к глазам – и посмотрел сквозь него на полночное светило. Полюбовался пару секунд, потом перевернул – и еще немного понаблюдал за луной, которая не видна в таком ракурсе, зато камешек сразу заблестал белым пушистым светом...

– Есть... – прошептала Меченая, стоявшая плечом к плечу рядом с ним. – Двое барабашек прибежали. Кто будет спрашивать?

– Я. Вопрос: кто поднимает упырей? – Продолжая любоваться луной, Данияр бросил взгляд на косматых головастика с косенькими глазками, уютно пристроившихся на вытянутой руке Меченой.

Барабашки обернулись друг к другу. Минуты тишины – и Меченая пискнула:

– В городе таких нет.

Ошарашенный ворон спрятал под рубашку талисман и уставился на барабашек.

– Как это нет? В городе ходят упыри – знаете?

– Знаем, – машинально ответила девушка.

– Откуда они взялись?

– Не городские, – без паузы ответили нечистики.

– Вы хотите сказать – кто-то сотворил их, но не в городе?

– Хотим.

Последний ответ словно насмешка. Он-то бегаёт ночами по городу, выискивая не только мастеров-некромантов, но и сами их творения, а тут вон что, оказывается!

– А кто именно, знаете? – осторожно спросил он.

– Нет.

– Зеркальник может знать?

– Нет.

– Благодарствую за помощь.

Барабашки хихикнули и улепетнули сквозь стену.

Меченая, полуоткрыв рот, посмотрела в точку их исчезновения, а потом, когда снова пошли через комнату, взглянула на кровать со спящим молодым вороном и вздохнула. Подняла руку к голове – наверное, у нее была привычка ерошить волосы. Сейчас – не получилось из-за травной плетенки.

– Такие тепленькие. Ну что? Теперь идем? И куда?

– Назад. Нам нужен зеркальник того дома, откуда мы парня привезли. Возможно, он успел запечатлеть облик упыря. Если да, то будем искать среди умерших похожего. Если не запечатлел, поедем по адресам других двоих воронов, пока на них не натравили упырей, надо успеть предупредить их. Плохо, что у третьего вообще адреса нет. Знаем только микрорайон, – закрывая входную дверь, проговорил он.

Пока спускались к выходу из подъезда, Данияр вызвал такси.

– Был бы один – и так пошел бы, – объяснил он. – По дороге, может, присмотрелся бы к таимным местечкам, нет ли там упыря. Но с тобой... Рисковать не хочу.

– Данияр, а ты знал, что упыри вот так... ну, пропадают, когда их убивают?

– Знал.

– То есть этот не первый?

Они стояли на темной остановке, куда свет фонаря с улицы почти не доходил. Меченая оглядывалась, и ворон понимал, что она выискивает нечистиков.

– Не первый.

– А почему я увидела барабашек сразу? Ведь они не дотронулись до моей руки.

– Чем чаще общаешься с нечистью, тем быстрее начинаешь привыкать к ней, к ее облику. А значит – видеть их. Я же говорил...

А ты... испугалась барабашек?

– Нет. – Она сказала это как-то задумчиво, а потом, словно осененная идеей, обернулась к нему и спросила: – А если я сама захочу что-то спросить у зеркальника, например, он мне без тебя ответит?

– Конечно.

Меченая закусила губу, отстраненно глядя на обманчиво пустынную дорогу, по которой то и дело мчались запоздалые машины. И ворон впервые ощутил любопытство: что она задумала узнать?

## Глава седьмая

### *Руся*

Руся хорохорилась. С момента, как она увидела, что Данияр задирает голову какому-то злобному мужичку, заставляя его открыть шею, ей хотелось постоянно визжать от ужаса. Чуть только голова мужичка оказалась подвешенной за волосы, сжатые в кулаке ворона, девушка просто задохнулась: Данияр – убийца! И она... связалась с ним?! А потом... Потом, подозванная вороном, даже отводя глаза от мертвой головы в его руках, она успела заметить, как страшно горят глазницы этой головы. Глаза – не про эту голову. Не про упыря, который отвечал на вопросы даже мертвым... Желудок сжался так, словно его раздуло, а потом в него вложили тяжеленный камень. Она из-за этого камня дышать не могла, судорожно хватала ртом воздух... Но когда отрезанная голова, будто резиновая, начала оттягиваться книзу, когда глазницы потухли... Нет, Руся пришла в себя, лишь выбежав из квартиры Данияра за бабулей.

Та ахнула, увидев внучку.

– Что случилось, Русенька! Бледная вся! На тебе лица нет!

– Бабуля, скажи сразу: упыри – живые?! – выпалила девушка.

– Что ты, милая?! – ужаснулась бабуля. – Мертвецы это! Как они живыми будут?!

– Но они ходят! Говорят!

Обняв внучку, бабуля неожиданно спокойно объяснила:

– Видимость все это. Ходят, говорят – это они живую кровь пьют, потому и похожи на живых. Как перестанут пить – сразу видно, что труп трупом. Ты что ж, Русенька, сегодня такого видела? Погоди-ка...

Девушка даже не догадывалась, как хочет пить, пока бабуля не преподнесла ей чашку с успокаивающим отваром.

– Это наш сосед, – доложила Руся, жадно, до пролитых капель на подбородок, допив питье. – Это он зовет меня. И сейчас тебе надо тоже к нему идти. Быстро! Там раненый! То есть не сосед раненый, а другой! Его перевязать надо!

– Раненый? – Ошеломленная, бабуля тем не менее кинулась сначала к аптечке, висевшей возле двери в кухню, а потом уже

схватила корзину. – Кто его ранил – сосед ли?

– Нет, что ты! Упырь!

Бабуля споткнулась и чуть не упала, а Руся быстро-быстро, захлебываясь от впечатлений и нехватки слов, начала рассказывать обо всем, что произошло с тех пор, как она вышла из подъезда. Пока одолевали две лестницы на четвертый этаж, бабуля постепенно вникала в ночное происшествие и только ахала.

Но с вороном она общалась спокойно. Повезло ей, что Руся успела предупредить.

Вторая часть ночи прошла без приключений.

Данияр вызвал такси, и они приехали к тому дому, где появился упырь. Пока шли к подъезду, Руся внимательно всматривалась в кусты, куда ворон перекинул упыря. В неярком свете фонаря заметила лишь одежду и боязливо поверила в слова Данияра, что после усекновения головы упырь истаивает.

Слегка озадачилась Руся, когда они встали перед дверью подъезда. Домофонного-то ключа от нее нет. Или Данияр собирается опробовать свой? Но ворон лишь приложил к зеленой лампочке палец, и домофон запел – хоть и не сразу. Ошарашенная девушка хотела было спросить, неужели он так легко может открыть при помощи колдовства любую дверь, но, войдя в подъезд, обнаружила висящих на внутренней части домофона хихикающих барабашек, которые, словно играя, лупили лапками по красному огоньку, не давая двери закрыться.

Как это сделал ворон? Приложил палец к домофону с улицы и таким образом вызвал барабашек?

Подумать над важным вопросом не удалось: ворон-то вошел первым, а за ним – Руся. Барабашки, как увидели ее, пискнули от счастья и тут же перебежали на нее. Дверь за спиной клацнула, закрываясь.

– Спроси у них, где сейчас находится здешний зеркальник.

Девушка медленно повернула голову и встретила сияющий взгляд сидевшего на плече косматого шарика...

К огромному своему изумлению, Руся не пищала, пока воспроизводила вопрос Данияра, а по собственным впечатлениям – проговорила его обычным человеческим голосом и обычными человеческими словами.

Перехватив ее изумленный взгляд, ворон, кажется, сообразил, в чем дело, и кивнул:

– Теперь ты всегда будешь себя слышать, как будто говоришь обычно.

– Понятно, – пробормотала она.

Барабашки, вместо того чтобы отвечать, бросились куда-то кубарем – меховыми шариками покатались по лестницам наверх и пропали за поворотом возле лифта.

– Куда это они?

– Ты попросила их узнать, где зеркальник, – объяснил Данияр, нехотя улыбнувшись, – а они в благодарность, что можно пообщаться с тобой, побежали искать его. Подождем немного, пока они его приведут.

Руся огляделась. Площадка до первого этажа была здесь вполне просторной. Сесть, что ли, на ступеньки в ожидании? Данияр словно снова подслушал ее мысли.

– Хочешь на подоконник? – предложил он.

Окно располагало довольно широким подоконником. Проблема – слишком высоко. Правда, Данияр не стал ждать согласия Руси или отказа. Он крепко подхватил ее под мышки и посадил, встав затем рядом. Руся про себя фыркнула: они будто на свидание ходили, и теперь он ее провожает. И вздохнула: ничего себе свидание! Развлеклись неплохо так, убив упыря! И сама себе возразила: зато того парнишку спасли.

Глядя сверху вниз на черные в тусклом подъездном свете волосы ворона, она поежилась. Ну ладно, она – посредник-переводчик... Но каково быть вороном, который ночами бродит по городу, защищая его от страшных упырей? И чуть не вздрогнула, когда на ладонь, которой упиралась в подоконник, мягко село что-то пушистое и теплое.

– Это кто? – прошептала она, глядя, как пушистое и теплое зевает, тарась на нее мелкими глазенками, едва улавливаемыми в густом пухе, облепившем пухлые щеки. – Я его уже видела!

– Дрема это... – отозвался ворон и усмехнулся, когда с трудом подавил собственный зевок. – И сам на ходу дрыхнет, и других усыпляет.

Еще один вопрос Руся задать вовремя не смогла, а потом и забыла о нем, потому что с лестницы живо покатались меховые шарики

барабашек. Вспомнив, зачем они убежали, девушка настороженно взглянула на потолок. На нем свет и тени разной плотности странным образом хаотически-геометрически перекрестились, а то и наложились друг на друга. Взгляд утянуло в угол, который начал темнеть и вскоре обрел ожидаемые жутковатые очертания зеркальника.

Выждав, когда зеркальник положит полупрозрачную длиннущую конечность на ее запястье, которое тут же слегка замерзло то ли от его прикосновения, то ли от ее собственных страхов перед ним, Руся, стараясь откровенно не трусить, объяснила, чего от него ждет ворон.

Ответа она не услышала, но смутно восприняла сообщение, что зеркальник не успел к драке, а потому, к сожалению, образом упыря поделиться не может.

– Спасибо, – пробормотала она и напряглась, намереваясь спрыгнуть с подоконника – к возмущению барабашек, обсыпавших ее.

Данияр сразу понял ее движение и мягко поставил на пол.

– Что?

– Он упыря не видел.

Подумав немного (это было необычно – ждать в окружении странных существ), Данияр кивнул и сказал:

– Сейчас едем по другому адресу. Ты запоминаешь того, кто живет там, а потом возвращаемся домой. Следующим вечером идем ко второму в дом.

– А третий ворон? – не удержалась Руся. – Ты говорил, что знаешь только микрорайон, где он живет. Как будем искать?

Он ответил почти равнодушно, но нотки торжества подсказали, что он доволен:

– Трое воронов одного своего найдут легко!

И они выполнили его план. Съездили по второму адресу, нашли тамошнего зеркальника, из его отражения Руся увидела нужного мужчину. Этот был постарше – даже самого Данияра. Очень широкоскулое лицо, странно сужавшееся к подбородку как-то так, что казалось абсолютно замкнутым. Но одно точно роднило его с вороном: та же знакомая хмурость присутствовала и в тяжеловатом, напряженном лице, и в упрямо склоненной голове, и в прищуренных темных глазах. Только темные волосы очень короткие.

Потом приехали домой, точнее – поднялись в квартиру Данияра и нашли там бабулю, которая дежурила возле потерпевшего. Бабуля,



сидевшая в стареньком кресле, тут же встала, негромко сказала ворону:

– Я там кое-что принесла тебе – поужинай. А мы пошли...

Данияр взглянул на Русю неопределенно: кажется, он не ожидал, что бабуля будет в его квартире: просили-то ее время от времени интересоваться потерпевшим. Как и девушка не думала, что придется сразу уйти. А как же – обговорить в деталях, что было и что будет завтра?

Но все трое вздрогнули, когда с кровати донеслось тревожное:

– Эй, вы кто?! А я... Где я? Как я здесь...

Спасенный ворон резко сел на кровати, сначала испуганно уставившись на тех, кто находился в комнате, а потом – на свои перевязанные руки. Русе показалось, что темно-русый парнишка, возможно, ее ровесник: щупловат на вид. Хотя... Несмотря на общую худосочность и первый испуг, выглядел он довольно решительным... Данияр же как-то смущенно взглянул на Русю. Та, смутно припомнив, что однажды вроде как пообещала ему знакомиться с новичками, обошла его и бабулю и встала перед вороном.

– Привет, меня зовут Руся. Ты Митя?

– Ну, Митя, – настороженно ответил парнишка.

– Ты помнишь, что с тобой было? Ну, того мужика, который на тебя накинулся?

– Помню.

– Ну вот! Мы те, которые спасли тебя от него!

По впечатлениям Руси, парнишка посмотрел на нее и на остальных не как на спасителей, а как на психов. А потом неуверенно спросил:

– И... что?

– Это – Данияр, – решительно сказала девушка, кивнув на старшего ворона. – Это он тебя выручил, а потом... Мы не знали, где ты живешь, а ты был без сознания, и нам пришлось привезти тебя к нему домой. А это – моя бабушка, она тебя перевязала. Хочешь, мы тебя обратно отвезем? Ну, туда, где ты живешь? Домой?

Полуоткрытый рот мгновенно захлопнулся, а парнишка угрюмо ссутулился, уперев локти в колени. Потом зыркнул на Данияра, потом еще более встревоженно нахмурился и выпрямился, словно осененный какой-то идеей.

– А откуда вы... знаете, что я Митя?

– Вы тут поговорите меж собой, – с неуловимой насмешкой сказала бабуля, – а я, пожалуй, спать пойду. Руся, у тебя ключи есть?

– Есть, – ответила девушка, которую только что от этой насмешки тоже осенило: вот почему Данияр побаивался, что придется самому знакомиться с воронами-новичками! Это же очень трудно – объяснить, кто они! Скажи человеку, что перед ним ворон и посредница между человечеством и нечистью, а то и нежитью, да он в лучшем случае у виска пальцем покрутит! А потом ведь человеку прямо в лоб надо сказать, что и он – тоже из этих, из воронов. Ужас...

Бабуля еще раз, уже с сочувствием посмотрела на Данияра и ушла.

А тот откашлялся – явно от неловкости и спросил Митю:

– Ты... пить или есть хочешь?

– Хочу, – неожиданно ответил парнишка.

Данияр и Руся помогли ему встать на ноги – он только охнул, когда выпрямился и попытался шагнуть. На кухне было так же пусто, как и в комнате. Но на столе высились несколько кастрюль со знакомыми Русе полотенцами. Она обрадовалась: наверное, бабуля тоже предполагала, что в этом доме могут оголодать после ночных приключений!

Парня усадили на стул, и, бросив взгляд на кастрюльки, которые явили свое нутро после снятых Русей полотенец, Данияр быстро поставил чайник на газовую плиту. Митя сидел все так же сгорбившись и цепко посматривая кругом.

Руся заметила, что лицо старшего ворона понемногу оживает, скованность его пропадает, как будто он постепенно начинает понимать, что делать далее.

Перед Митей поставили чашку с чаем и тарелку с пирожками. Когда тот, с трудом сдерживая жадность, уплел несколько довольно больших пирожков, запивая их чаем, Данияр вкрадчиво спросил его:

– Снились ли тебе когда-нибудь сны, в которых ты летал по ночам в черном лесу?

Митя замер, хмуро глядя на него, а потом чуть не матом заносчиво ответил в том смысле, что не фиг некоторым слишком бойким товарищам лезть не в свое дело.

– А мне снились. И снятся, – уже совершенно спокойно сказал Данияр. – И сейчас я летаю по ночному лесу в поисках людей, у которых глаза светятся красным. И от которых воняет падалью. И убиваю их.

– От них воняет... – растерянно подтвердил парнишка. – Только... это... это не я, а они за мной гоняются по лесу.

– Сколько?! – немедленно склонился к нему через стол ворон. – Сколько таких вонючек гоняется за тобой?!

– Трое, – возможно, от неожиданности ответил Митя.

– Вот это да... – медленно сказала Руся, переводя взгляд с него на Данияра. – А мы думали, только один был.

– Вы что, обкурились?! – после паузы, похлопав глазами, сипло спросил Митя. – Это всего лишь сон!

– Руся, дальше я сам, – уверенно сказал ворон. – Пойдем, я тебя провожу. А ты ешь еще, если хочется. Вернусь, еще кое-что в холодильнике найдем.

Уже в прихожей девушка не сдержала любопытства:

– А как ты сам? Думаешь, сумеешь ему что-то доказать?

– Сумею, – спокойно сказал Данияр. – Я ему упыря на лежке покажу. Не сейчас уже, конечно. А чуть позже. Днем. А ты пока спи. Тебе надо выспаться, потому что завтра вечером надо будет познакомиться со вторым, а время будет – поискать третьего.

– Спокойной ночи, – задумчиво сказала Руся, поворачиваясь к лестнице, ведущей вниз.

Крепкая рука поймала ее за плечо.

– Руся, спасибо.

– Ага... Всегда пожалуйста, – пробормотала девушка, кивая ему и спускаясь.

Ноги казались такими тяжелыми, словно шла она не в мягких кроссовках, а в сапогах, в которые залили бетон. Но благополучно спустилась на свой этаж и вошла в квартиру бабули. Как та и предупреждала, в ее комнате свет был погашен. Руся заперла входную дверь и поплелась к себе с предвкушением свалиться на кровать и дрыхнуть до упора. Но привычки, вбитые с детства строгими родителями, возобладали над смертельной усталостью и желанием спать. Пришлось не только раздеться, но и умыться. Сил, как оказалось, хватило даже на то, чтобы почистить зубы.

Время – к четырем утра. На улице уже светло... Пока Руся готовилась ко сну, она постоянно думала о Данияре. Бедненький... Столько на него свалилось! Один этот упырь... Хотя нет. На упыря, наоборот, Данияр свалился. Но упырь все равно не бедный. Отнюдь... Ну и кошмар... Живешь-живешь в городе, думаешь – город безопасный. Ну почти. Криминальную-то хронику каждый день по телику показывают.

Но чтобы криминальная хроника касалась нечисти... Жуть...

Руся внезапно заулыбалась, вспоминая взъерошенных барабашек и пуховую мягкость дремы... А еще были какие-то малышки, про которых она не успела спросить Данияра. А еще были страшные конечности зеркальника.

На кровать девушка рухнула. Уже засыпая и таща на себя легкое одеяло, подумала, причем безразлично-отстраненно, что ей сейчас, после столь насыщенной ужасами ночи, могут присниться самые кошмарные на свете кошмары.

Но кошмаров не было. То ли повлияло, что Руся заснула в свете поднимающегося солнца, то ли бабуля что-то сделала, лишь бы любимая внучка выспалась, но спала девушка вообще без снов.

Во всяком случае, проснувшись, она ничего не могла вспомнить. Ни сна. Ни настроения после него. А ведь бывало и так, что сон забыт, но остался привкус чего-то плохого. Или замечательного.

А проснуться Русе пришлось аж в десять утра! Это при том-то, что она настроилась как минимум на двенадцать!

Зазвонил мобильный телефон – чуть ли не под ухом! Девушка едва не заплакала – так не хотелось просыпаться. Решила, полусонная, глянуть, кто это, и снова уснуть, настроив мобилу на тишину, то бишь на вибрацию. Но одно слово «мама» заставило мгновенно проснуться. Мама – это важно! Это серьезно! И счастье, что не папа!

– Почему ты до сих пор спишь?! – не здороваясь, возмутилась мама. – Совсем разбаловала тебя бабуля! Время – одиннадцать, а ты все еще спишь?! Безобразие!

– Не одиннадцать, а десять, – обиженно ответила Руся.

– Три минуты одиннадцатого!

Девушка закатила глаза к потолку, по которому бегали тени от деревьев за окном.

– Мам, а что случилось?

– Что случилось?! Ты у меня спрашиваешь, что случилось?! Это у тебя что случилось?! Почему Алевтина тебя уволила?! Ты не умеешь убираться? Не умеешь работать метлой и шваброй?! Не поверю! Руся, скажи маме честно, что у тебя случилось! К чему она могла придаться, чтобы тебя уволить?! Мне это не нравится – когда со мной говорят таким тоном, словно я вырастила никчемную дочь, которая даже пол помыть не может! Руся, я тебя слушаю!

Смирненным тоном примерной девочки Руся призналась:

– Я увидела паука и от неожиданности вскрикнула, а потом убежала в коридор.

В трубке повисла ошеломленная тишина. Руся эту тишину прерывать не стала. Маме нужно усвоить информацию, переварить ее и решить, что делать дальше.

– Хорошо, – уже размеренней, без спешки сказала мама. – Пусть будет так. Но ты, Руся, должна быть принципиальной!

– Это как? – насторожилась девушка.

– Мы не меркантильны, – заявила мама. – Я и отец можем даже содержать тебя какое-то время, хотя у нас на содержании еще и твои младшие братья. Но именно твоя принципиальность должна восторжествовать и сейчас, и в будущем! Ты должна пойти к Алевтине и потребовать у нее деньги за последнюю неделю работы! Это и называется принципиальность!

Руся мгновенно вспомнила Данияра. Нет, не для того, чтобы ворон помог ей с выбиванием денег из скупердьяйки Алевтины. А потому, что ему тоже было трудно заводить разговор с новым вороном о странных делах. Мама хитрая – понимала Руся. Сама бы навряд ли пошла к Алевтине требовать деньги, пусть и честно заработанные. А дочку – заставляет... Руся шмыгнула носом. За окном разгорается жаркий день, но сидеть, только что вылезая из-под теплого одеяла, холодно.

– Ладно, – неуверенно сказала Руся. – Я схожу к ней.

– Сейчас же, – ледяным тоном сказала мама, и Руся буквально увидела ее: росточком мама в бабулю – невысокая, но такая же решительная. Стоит, наверное, на кухне, где готовит обед. И командует!..

Руся чуть не обиделась. Но тут в ее настроение, потихоньку переходящее в обиду, вкрался интересный вопрос: а мама знает, что

бабуля не просто травница... Ой, а знает ли мама вообще, что бабуля – настоящая травница, пусть и не... ой, сказать страшно: пусть и не ведьма! Ух ты... А ведь мама не знает и никогда не узнает, что ее дочь – посредница между... Руся облизала пересохшие губы. Между двумя мирами! Мысленно погладила себя по голове.

– Мама! – решительно сказала она. – Ты права! Я сейчас соберусь и пойду выбивать деньги из Алевтины! – И угрожающе добавила: – И пусть только попробует мне их не отдать!

– Только без грубости! – испугалась мама. – Ты родилась в хорошей семье, тебя воспитывали очень строго! Ты не должна грубить!

– А если будет грубить Алевтина, что мне делать? – невинно спросила Руся, размышляя о том, сумела бы она подражаться с Алевтиной, будь на то причина. Нет, наверное. Алевтина-то высокая и костлявая. Задавит!

– Будь стойкой и не груби сама, – пришла в себя мама, после чего поспешно распрощалась: – Русенька, мне пора готовить обед. До свидания!

– До свидания, мама! – торжественно попрощалась девушка, а закончив разговор, захихикала: «Я прям вся такая воспитанная-превоспитанная, что даже подражаться нельзя!»

– Бабуль, доброго утра! Я встала! – крикнула она в кухню, открывая дверь в ванную комнату.

– Завтрак на столе! – откликнулась невидимая бабуля. – Доброго утречка, Русенька!

В ванной комнате пришлось задержаться: как и обещал Данияр, травы на голове наконец высохли, и девушка минут пятнадцать потратила на то, чтобы вычесать сено из волос. Мыть голову решила вечером. Или когда время будет.

За завтраком Руся рассказала бабуле про мамин звонок – со слабой надеждой, что к Алевтине получится пойти с бабулей. Но бабуля сказала, что ей надо сбегать в «Ремонт обуви», куда она вчера сдала две пары туфель. Так что пусть внучка свои дела решает сама. Обувь – дело тоже серьезное.

Руся попыхтела-попыхтела – и решила по дороге в ТЦ продумать, какими словами воздействовать на Алевтину, чтобы та сама сразу отдала деньги.

Самое поразительное ждало в парикмахерской, где девочки-парикмахерши немедленно обрадовались Русе.

– Руська, ты снова к нам на работу? А то нам вчера пришлось самим тут убираться! – расцвела надеждой блондинка Лена.

– Нет, я вас навестить пришла, – отшутилась Руся, счастливая, что ее так встретили. Мельком кинула взгляд на потолок: зеркальника в парикмахерской нет.

– Явилась, – хмуро сказала Алевтина, только что вошедшая в помещение парикмахерской, и девочки-мастера притихли, продолжив работу – только с любопытством поглядывая на хозяйку салона и ее племянку. – Пошли в кабинет, деньги выдам за рабочую неделю.

Измученная Руся последовала за хозяйкой салона в комнатку метр на метр, которую Алевтина торжественно и абсолютно серьезно называла своим кабинетом.

Здесь Алевтина молча выдала деньги. Мелочь. Но Руся скрупулезно при ней же пересчитала рубли – так хотелось подразнить! После чего попрощалась и вышла. Закрывая дверь в «кабинет», девушка машинально повернулась лицом к помещению и заметила странное облегчение на лице Алевтины. И Руся вспомнила, что хотела сделать, придя в ТЦ.

Первым делом она вернулась в холл ТЦ и присела на бортике здешнего бассейна. Сейчас вокруг него никого не было, это вечером народу полно: кто сфотографироваться, кто – просто посидеть, поболтать. Главным сейчас для Руси в этом бассейне было, что он располагался между шестью столбами-колоннами. А еще к нему пока никто не подходил. Основные торговые точки открывались в десять, так что празднующих у бассейна нет. И здесь есть тени. А насколько Руся сумела понять, зеркальник передвигается вместе с тенями. Наверное... Вот только как его дозваться? Она вздохнула: а если попробовать просто пристально вглядываться в потолок ТЦ и в стены? Вдруг зеркальник уловит ее взгляд и сам прибе... ой... подкрадется к ней?

Понапрасну потарасившись минут пять по сторонам, Руся досадливо опустила глаза – посмотреть на бурлящую в бассейне воду. И застыла, глядя на громадную тень, затаившуюся между колонной и бассейном. Будто ничего особенного не делая, а так, разминаясь,

девушка, затаив дыхание, протянула к зеркальнику руку. Приблизится? Нет?

Через пять минут Руся шла к выходу из ТЦ, зная причину, по которой Алевтина так легко уволила ее. Правда, теперь возник этический вопрос: стоит ли рассказывать двоюродному брату, что его жена крутит интрижку с одним из охранников ТЦ? Отчего и уволила ее, Русю, боясь, как бы та нечаянно не увидела «изменщицу», как называла это дело бабуля... М-да. Дела... Сказать бабуле или нет?

Двери разъехались перед ней. Руся ступила за порог ТЦ и несколько шагов прошла вперед по просторному крыльцу, прежде чем поняла, что возглас «Девушка, подождите!» относится именно к ней.

Покрутив головой, Руся нашла источник зова и не совсем уверенно подошла к группке девушек в белых одеждах. Все как на подбор стройняшки весьма спортивного вида. Не то что одна девица, которая разок пробежалась по парку, а потом занялась посторонними делами. Сделав еще один неуверенный шаг, Руся отметила, что девушек шестеро, смотрят на нее настороженно, и только одна, кажется, главная среди них, смотрит весело и даже снисходительно.

– Вы мне? – спросила Руся именно ее.

– Тебе, – спокойно ответила она. – Это ты посредница?

Голос у девушки был такой, что Руся чуть не выпалила: «Да, я посредница!» Но... Руся сглотнула. У нее даже руки похолодели от неожиданности. Кто это такие и откуда они знают про... О, у нее на голове нет трав! Если что, ее, наверное, не узнают, пока сама не скажет?

– А кто такая посредница и в чем? – нахально осведомилась она. – Если по торговой части, то вам не ко мне! А вот если хотите в парикмахерскую попасть, то Алевтина вряд ли вам даст место!

– Извини. Кажется, мы обознались, – растерялась главная.

Очень симпатичная, синеглазая и белокурая. Русе она бы наверняка понравилась, если б не одна мелочь: девушка сразу обратилась к ней на «ты». А это, как сказала бы мама, первый признак невоспитанности. И, гордая таким рассуждением, Руся снисходительно кивнула белокурой, вроде как извиняя ее оплошность, и прошла мимо девушек дальше, к остановке. Добравшись до остановочного павильона, девушка заскочила в него, а потом, благо кустов здесь довольно, шмыгнула дальше, по пешеходной дорожке, по



которой после работы гуляла с бабулей. Эта дорожка отличалась тем, что с обеих сторон стеной встали кусты. Они хоть и стриженные, но высокие, и сквозь них ничего не разглядишь.

«Если какие-то неизвестные меня ищут, – ухмыльнулась Руся, – пусть побегают! Я теперь здесь не работаю!» И еще подумала, что надо бы рассказать Данияру об этих странных девушках, и не просто рассказать, но обязательно спросить, кто они такие. Что-то Русе подсказывало, он должен знать, кто они. Вероятно, одна из семей колдунов или ведьм...

Ну а пока... Пока в руках заработанные деньги, хоть и немного, но ведь и на них можно поблаженствовать. Лето! Не одной же бабуле покупать мороженое! И Руся устремилась к продуктовому магазину.

## Глава восьмая

### *Данияр*

После ухода Меченой ворон-новичок недолго бодрствовал. Чувствуя себя опытным интриганом, Данияр заговаривал ему зубы и вместо обычного чая раз за разом спаивал ему сонное питье бабули-травницы. У него-то травы тоже есть: кто-кто, а вороны многие травы знают. Но чаще и преимущественно лесные – и не лекарственные, а влияющие. А бабулино питье было из лекарственных, исцеляющих.

Новичок Данияру нужен был здоровым: упыри за километр чуяли раненого, а если их посылали целенаправленно, то в ослабевшего вцеплялись, как... бродячие псы в домашнюю скотину, выпущенную со двора без надзора. А если парнишка захочет уйти домой? Придется тратить время на его сопровождение... Этому Митьке здорово повезло, что рядом с новым старшим вороном появилась Меченая. Не будь ее и не будь желания Данияра побыстрее узнать о тех, кто должен прийти на смену Всеволоду и Мраку, быть бы Митьке загрызенным. Справиться с упырем людям, которые его не считают кем-то более чем человеком, невозможно.

Но вопросов оставалось много.

Почему новичок сказал: «Обкурились!», когда ему объясняли про упырей, бегающих в его сновидении? Объяснили, что все реально, что они сами это видели и сами о том знают, а он не поверил...

Отсюда вопрос: говорил ли с ним Всеволод?

Впрочем, последнее легко узнать.

Данияр прислушался к мерному дыханию парнишки, спящего на кровати. Сон глубокий... Под подушкой старая, еще Всеволода, цепочка с деревянными шариками-бусинами... Ворон отвернулся от кровати и осторожно двинулся к Митиной одежде, небрежно брошенной на табурете. Обыскал и нашел то, что очень хотел найти. Мобильник парнишки. Грязный от крови, но это не беда. Данияр отнес телефон в ванную комнату и вычистил экран старым полотенцем. Быстро просмотрел телефонную книгу. Выдохнул. Кажется, Митя говорил с Всеволодом! Теперь новичка проще вводить в курс дела.

Вернулся к Мите. Тот спал глубоким сном, как видел ворон.

Значит, на какое-то время его можно оставить в одиночестве.

Рассчитав свое личное время, Данияр прикинул, что у него есть часа три, чтобы сбегать на старинное городское кладбище и проверить упырью лежку. А потом, возвращаясь домой, можно посетить вторую лежку – в лесопарке. Ту самую, которую показали кикиморки. Меченая на время этого путешествия не нужна. Чего Данияр всегда терпеть не мог, так это зависимости от других людей. Он не любил ждать этих других. Не любил прикидывать время, сообразуя его с временем других. Свобода от всех – вот что всегда нравилось ворону. Свобода, когда ни от кого не зависишь во времени и общении... Правда, сейчас свобода его ограничена: Митя спал крепко, но приходилось думать о том, когда он проснется. А потому действовать надо было в расчете на длительность его сна.

Данияр поморщился. Вздохнул. Молодой ворон теперь на его совести. Делать нечего. Придется быть зависимым.

Он быстро вышел из квартиры, побежал вниз по лестнице – лифтов не любил. И не потому что клаустрофобия или что-то другое, а потому что – та же зависимость. Пусть на этот раз от места.

Когда-то его, естественно не знавшего о своей способности, нашел Всеволод.

Семья, в которой рос Данияр, от основных родственников была на отшибе. Во всех смыслах. Мать, тогда девушка из довольно состоятельной семьи, резко пошла против мнения и желаний своих родителей и выскочила замуж за простого парня, мастера с частной мебельной фабрички. У него имелось жилье на окраине города – в двухэтажном доме, гулкая двухкомнатная квартира с высокими потолками, доставшаяся от деда по отцу. Переехавшая сюда молодая женщина была рада, что оказалась подальше от своей семьи, живущей в почти центре, ведь та была категорически против ее замужества. А в эту часть городской окраины обычный общественный транспорт почти не ходил. Ехать же на личной машине сюда, к своевольной парочке, старшие посчитали ниже себя...

Один за другим в семье появились дети: сначала Денис, затем – погодок Данияр. Денис был дворовым пацаном – любил тусить с другими пацанами из своего дома. А вот младший часто шастал по лесу, благо тот рос неподалеку...

Со временем родичи, от которых дочь удрала, попытались со строптивыми молодыми, сейчас, кажется, вроде остепенившимися, как-то все же состыковаться, а затем тихой сапой прибрать семейство под общую крышу. Но мать упрямо противостояла желанию родителей влить отдельную семейную ячейку в нехилый такой семейный клан. Данияру тогда исполнилось лет тринадцать...

И однажды уговаривать ее и солидно потолковать с ее избранником явился глава этого клана – дед. Для пацанов – конечно же прадед. Всеволоду, его старинному другу, как раз понадобилось съездить в эту часть города, и дед-прадед обрадовался поддержке, поскольку знал Всеволода как красноречивого оратора, а потому и взял его в свою машину. Сначала управились с делами Всеволода, благо времени на них много не требовалось. Затем поехали к непокорным родичам. Воскресенье – почти вся семья оказалась в сборе, то есть Дениса отыскали во дворе, а вот Данияра пришлось дожидаться из лесных странствий. Всеволод всегда был любопытен к людям. Ненавязчиво любопытен: он сразу сказал своему другу-товарищу, что посидит с ним у его младших сколько надо. И затихарился, слушая речь деда-прадеда, взывавшего к уму-разуму великовозрастных детишек, заигравшихся, по его мнению, в отторжение от семейного клана.

Дело было в сентябре. И дед-прадед, впервые столкнувшийся со странным безучастием своих внуков к запаздывающему домой правнуку, то есть их младшему сыну, уже начинал обеспокоенно поглядывать на окна, за которыми сгущались темные сумерки. Внучка на его тревогу отзывалась безмятежно: «Придет – куда денется! Как проголодается – явится! К ужину всегда возвращается!» И пригласила неожиданных гостей за стол.

Данияр тогда привычно вбежал в квартиру – ходить он, по насмешливому мнению матери, просто не умел. По обуви в прихожей понял, что в доме гости, и осторожно заглянул в гостиную, не желая сидеть вместе с кем угодно. И наткнулся на цепкий взгляд темных глаз, которые наполнились изумлением и, как ни странно, охотничьим огоньком. Деду-прадеду повезло. Если сначала старинный дружок его сидел помалкивал, то сейчас он вдруг впервые на его памяти включился в уговоры переехать в центр города или хотя бы ближе к нему. Туда, где семью ожидала отличная квартира, оставленная одним

из родственников... Всеволод пустил в ход давно ожидаемое дедом-прадедом красноречие. И оно оказалось весомее давящих и властных наставлений представителя семейного клана, которому родители Данияра сопротивлялись по привычке.

Если старший брат Данияра всего лишь недовольно бубнил, что не хочет расставаться со старой школой и со своими дружками, то Данияр яростней всех сопротивлялся переезду. Он внезапно прочувствовал тошнотворную пустоту клетки: ему предлагали переселиться в места, где нет леса! Забыть бег по палой листве, а зимой – на стареньких лыжах – по едва проложенной лыжне! Бег там, где редко кто появляется, кроме него самого...

Но его сопротивление быстро подмяли, так как говорил он плохо, чуть ли не заикаясь при подборе нужных слов. Да и кто послушает диковатого, нелюдимого подростка! И его просто-напросто заставили замолчать. Правда, в душе он спокойно-таки решил, что лес всегда будет его вотчиной, куда он может ездить пусть теперь не каждый день, но хотя бы по выходным.

А когда дед-прадед и незнакомый пожилой мужик начали собираться домой, тот мужик втихаря от остальных и в суматохе сборов и прощаний протянул Данияру цепочку с деревянными шариками, выточенными неровно, но очень гладкими. И велел положить цепочку под подушку перед сном.

Данияр тогда насупился и ничего не сказал, нехотя забрав вещичку, которую посчитал какой-то легкомысленной – девчоночьей... Чуть не забыл положить ее в указанное место. Спихватился, лишь когда брат, укладываясь спать, напомнил о гостях недовольным бурчанием: «Еще школу менять...»

А ночью был странный сон. Он привычно летел по чащобному лесу, бесшумно и стремительно плывя меж деревьями и ветвями. Новым оказалось присутствие еще одного ворона: тот летел неподалеку, и в редких взглядах его зорких глаз Данияр с изумлением узнавал тот оценивающий взгляд странного гостя, пришедшего вместе с дедом-прадедом. А потом... Мальчишка чуть не свалился в кусты, когда осознал, что его осторожно, но жестко направляют! Сообразив, что он может сопротивляться хотя бы тем, что и впрямь свалится в травы, Данияр решил лететь дальше. Его привели в хмурую, темную лесную глушь, где на уставшей от своих годов, поседевшей ели сидел

еще один ворон – судя по седой же обводке вокруг черного клюва, совсем старый. Завидев его, юный ворон уселся на осиновую ветку напротив, сознавая, что спрятаться не удастся.

Выдержав дистанцию и сделав полукруг, явно чтобы не напугать Данияра, к старику присоединился тот самый зоркоглазый. Два взрослых ворона смотрели на мальчишку так спокойно, что тот осмелился-таки перелететь с осины на еловую лапу напротив... Утром, едва открыв глаза, Данияр понял, что с ним договорились о встрече.

Так началась довольно странная жизнь юного ворона.

На старинном городском кладбище упыря лежка оказалась пустой. Сторонясь людей, заполонивших сквер в этот солнечный и безоблачный день, Данияр обошел ее в несколько кругов, постепенно расширяющихся, и выяснил, что упырь здесь не ночевал. Нехотя и брезгливо поворотив ногой слежавшиеся тряпки, ворон пришел к выводу, что здесь прятался тот упырь, которого он убил сегодняшней ночью. Абсолютно никаких следов, подтверждающих его вывод, не было. Но ворон привык доверять своему чутью.

Времени терять не стал и направился к лесопарку. Проехал пару остановок и получил эсэмэску от арендатора, которому помог вчера с торговым помещением. Перезвонил. Тот, с трудом утихомиривая восторг, высказался о великолепном результате трудов Данияра, с готовностью перечислил деньги за выполненную работу и спросил, есть ли время у ворона на следующего клиента. Данияр привычно попросил передать его номер этому клиенту, чтобы тот сам позвонил, и после еще пары комплиментов довольный арендатор отключился.

Лесопарковская упыря лежка требовала к себе похода через всю территорию парка. Данияр вышел на своей остановке и спустился к мосту. Уже у первых парковых кустов он заметил, как невнятные фигурки перебегают от одной тени к другой. Кикиморки... Он не стал обращать на них внимания: Меченой рядом нет – смысл с ними пытаться говорить? Сейчас главное – дело.

Но внутренне он насторожился.

Солнце здесь, в старых аллеях, блуждало в темных, почти черных тенях деревьев. Но шагать по сухим дорожкам было удобно. Мимо бегали спортсмены или любители. Ворон изредка ловил на себе их

мимолетные взгляды, но шел деловым шагом, как будто имел определенную цель. Болтая, важно прошли рядом пожилые женщины, опираясь на палки для скандинавской ходьбы. Прислушавшись к ним, он понял, что они делятся адресами аптек, где лекарства подешевле... Вскоре оказался на таких дорожках, которые не совсем по нраву бегунам. Стало легче шагать, слыша голоса где-то вдалеке...

Когда вышел к обрывистым берегам городской речушки, шел так, словно слетал к воде на крыльях. И оказался прав. Сучьев над упырьей лежкой прибавилось... Что значило – упырь вернулся сюда под утро. Не доходя до павшего дерева, на таком расстоянии, с которого он видел ствол, но упырь вряд ли слышал его шаги, Данияр присел на корточки и мягко вынул из поножей оружие.

Для начала – принялся к ветру. Порывом донесло смрад гниющего тела.

Теперь можно не беспокоиться, что там спит бомж, например.

Вороны ходят, как летают, – когда это необходимо.

Шаг по мягкой, влажной земле, усыпанной прошлогодними листьями, прятался еще и за неравномерным всплеском речки, на берегу которой лежало дерево. За шелестом деревьев и кустов. За нарастающим-убывающим гулом машин, мчавшихся по близкому мосту между оврагами...

Затаив дыхание, совершенно спокойный Данияр медленно нагнулся над упырьим гнездом... Лишь разок ноющей болью напомнило о себе плечо, когда-то разодранное в ночном происшествии. Ножи в руках – не дрожали.

Упырь спал, укрывшись чьей-то мокрой курткой – возможно, вытащил из мусорного контейнера, а может – прямо из речки. Укрыться для упыря – это спрятаться. Отнюдь не погреться. Поэтому из-под куртки виднелось еще и нечто напоминавшее мебельную обивку. Просто навалил на себя кучу тряпок...

Данияр быстро определился с очертаниями прятавшегося под тряпками тела. Бесшумно поднял ножи. Один – всадил между лопатками, чтобы упырь не поднялся. Другим одновременно ударил по шейным позвонкам...

Черная кровь на руки не брызнула. Тряпки не позволили. В кои-то веки чистым остался... Данияр с минуту постоял над телом, дернувшимся только раз в краткой судороге. И разогнулся.

Единственное сожаление – то же самое, что и ночью: не сумел заснять лицо упыря. Впрочем, и цели такой не было.

Он снова нагнулся и, брезгливо морщась, снял верхние тряпки, чтобы полностью отделить от тела голову упыря. Так, надо бы скрыть следы нежити, чтобы пришедший сюда, в удобное для прятков место, следующий упырь не заметил гибели предыдущего.

Если этот упырь таился здесь, не значит ли это, что данная нежить была подготовлена для него, для Данияра? Жаль, в последние несколько суток провидческих снов он почти не видел. Усталость и недосып сметали из снов не только впечатления дня, но и пророчества и подсказки...

Вздрыгнул так, как никогда до сих пор: из кустов, из высоких прибрежных трав повыскакивали кикиморки! Они писклявой толпой окружили ворона и место вторичной гибели нежити. Покричав немножко, кикиморки, словно заправские бабки-отпевалы, принялись за дело: одни мгновенно освободили голову упыря из тряпок и помчались с ней к речной воде; другие завозились, отбрасывая куртку и мебельную ткань от гниющего на глазах обезглавленного тела; третьи бегали к обрыву, возвращаясь с горстями глины и засыпая ею землю, в которую впиталась черная кровь упыря. Убирали все следы страшного для них «ирода», в общем...

Когда Данияр хотел было взяться за куртку, чтобы помочь им, одна кикиморка подскочила к нему и быстро... клюнуть, что ли, хотела? Он отдернул руку – не удивленный, но озадаченный. А кикиморка уперла сжатые кулачки в боки и начала пискляво орать на него. Кажется, этой позы не хватило для выражения ее злости, потому что через пару секунд она начала потрясать кулачками в воздухе. Судя по тому, как она время от времени стучала себя когтистыми кулачками по рту, а потом по ушам, ругалась кикиморка из-за отсутствия при вороне Меченой – то есть посредника-толмача.

Данияр послушал немного и раздраженно поморщился. Кикиморка права: а если у нечисти есть новости по упырям? Данияр сложил руки на груди и поклонился кикиморке. Та глянула на него искоса и только вздохнула. Потом побежала к товаркам, и секунды спустя ворон уже не мог в суетливой толпе различить, где ругавшая его кикиморка, а где ее сородичи...

Придется вернуться сюда сегодня же.



Он подошел к берегу речки – чуть подальше от кикиморок, которые деловито продолжали уничтожать следы пребывания здесь упыря, и тщательно отмыл ножи. Выждав, когда чуть подсохнут, сунул в поножи и обошел табор, бегающий среди трав и кустов, чтобы выйти на асфальтовую дорожку в аллее.

Он вышел из лесопарка, сглатывая слюну: неподалеку, в небольшом открытом кафе, готовили шашлыки. На мосту аппетитный запах ослабел: порывы ветра разогнали мясные ароматы, и Данияр уже спокойней пошел к дому.

Когда завернул во двор, сразу отметил, что на скамье у подъезда сидит Меченая.

Он молча сел рядом. Ноги от пережитого дрожали. Хотя он никогда бы себе не признался, что убить даже нежить – для него сложно. Но откат был всегда. Хорошо еще дрожь мелкая, и Меченая ее вряд ли заметит.

– Я ходила на работу, – доложила Меченая.

– Тебя же выгнали.

– Ага, а деньги-то не заплатили, – задумчиво сказала Меченая. – Ну, я и пошла. А на обратном пути я встретила... Помнишь, ты про алконостов рассказывал?

– Подошли? – хмуро спросил он.

– Ты говорил, что у них большинство – женщины, а я и не поняла сразу, кто это. Просто увидела, что они в белых одеждах. Думала, просто какие-то... – Меченая замолчала, посидела немного и хмыкнула. – В общем, я потом сообразила. И что они так... много их. Боятся меня, что ли. Данияр, а зачем им я?

– Ты посредник, – напомнил он медлительно, зато сердце сразу застучало нервно: а если алконосты Меченую соблазнят чем-то, что ей приглянется у них? Вон она какая мелкота. Ей пока все интересно. И она... уйдет к ним.

– Да помню я, что посредник! – нетерпеливо отмахнулась она. – Только они какие-то... такие... Ну...

Он ждал, что она все-таки выскажет свое впечатление об алконостах более внятно, и думал, что сегодня не зря вспоминал детство и знакомство со Всеволодом и Мраком. Его упрямая мать не сразу согласилась снова влиться в обширный семейный клан. А алконосты в городе – чем не клан? Вот и гребут всех под свою

гребенку. Хотят, чтобы все эзотерики, как говаривал Всеволод, оказались под их эгидой. Типа в городе так для всех удобней: и информация сразу всем будет идти обо всем, что интересует каждого, и реагировать будут все на любые происшествия без опозданий...

– Самоуверенные, – вдруг сказала Меченая. – Они как будто заранее думали, что помянут меня к себе, и я прыг – и у них. Они всегда такие приставучие?

Ответить на этот вопрос он не мог. Ответ был бы слишком субъективным. А если ответить, что они не приставучие, а, например, очень общительные, наверное, это будет выглядеть насмешкой. Меченая неожиданно понятливо посмотрела ему в глаза и вздохнула.

– Ты как моя бабуля. Она тоже всех обидеть боится.

Он даже сумел улыбнуться.

– А ты где был? – спросила Меченая, сквозь пальцы пропуская прядь русых волос. – Я поднималась на твой этаж, но из-за Мити звонить побоялась. И все думала, как же мы встретимся сегодня. Номера-то мне своего не дал.

– Проверил лежки. – Он встал. – Пора посмотреть, как там Дмитрий.

– Моего бывшего тоже Митей зовут, – задумчиво сказала Меченая, вставая следом.

– Бывшего?! – Он чуть не споткнулся. – Ты была замужем?!

– Нет, что ты! – скептически фыркнула она. – Митя был моим парнем. Недолго.

– А что сейчас? – оправился он после недоумения.

– А сейчас ты мой парень! – заявила она и взяла его под руку, шагая к подъезду.

Несколько опешивший от этой ее уверенности, он прошел до подъездной двери и только тут догадался спросить:

– Почему?

– Ну я же постоянно с тобой буду ходить, пока ты не переловишь всех... – Она огляделась осторожно, как заговорщик, и договорила тоном тише: – Пока всех упырей не поубиваешь! – А когда он хотел выдохнуть свободней, добавила: – Ну а там посмотрим. Ты мне и так очень нравишься.

Данияр побоялся спрашивать, чем он ей понравился, хотя вопрос так и вертелся на языке. Но про себя решил: девочка, видимо, очень романтичная. Пусть себе думает что хочет. Главное – она не отказывается ходить с ним и посредничать. Ради дела он побудет ее парнем. А там тоже... поглядим.

Они прошли мимо ее квартиры. Пока поднимались к нему, ворон спросил:

– Бабуля знает, где ты была утром и куда пойдешь потом?

– Знает, – легкомысленно ответила Меченая. – Она мне уже сказала, чтобы я тебя держалась. Сказала, что ты сильный и умный – меня защитишь, если что.

Данияр от этих слов почувствовал себя скованным по рукам и ногам. Нет, он и так бы защищал Меченую – настоящее сокровище среди эзотериков! Но чтобы вот так – чтобы на него возлагали надежды... Такого... груза он еще не испытывал.

Когда Меченая закрыла за собой дверь, замок довольно отчетливо клацнул и из комнаты донесся встревоженный голос:

– Кто там?

– Мить, не бойся, это мы! – крикнула Меченая. – Данияр и Руся!

Пока ворон шел к Мите, выжидательно сидевшему на кровати, ему подумалось: девочка-то себя чувствует в его компании все уверенней. Хорошо ли это? Плохо ли? Если она будет доверять в полной мере...

– Что видел во сне? – спросил Данияр, садясь на стул напротив кровати.

– Ты бы лучше сначала накормил его! – крикнула убежавшая на кухню Меченая. – Данияр, можно я в твой холодильник залезу?

– Лезь! – поморщившись – слишком уж громкая! – ответил ворон.

– А чего она командует? – вполголоса спросил Митя, тоже недовольно зыркнув в сторону кухни.

– Сначала – сны! – велел Данияр. – Летал по лесу?

– Летал.

– Гнались за тобой? – Ворон начинал злиться: одна болтает без умолку, из другого клещами слова не вытащить.

– Нет. Не гнались. Видел, будто я наверху, на дереве прячусь, а они... только уже не трое, а двое внизу бегают, как будто след потеряли.

– Они и в самом деле след потеряли, – пробормотал ворон. – Моя квартира защищена сильными оберегами. Ты в ней – как тебя и нет.

– И ладно... А эта... Ну?

– Что – ну? – не понял Данияр.

– Почему ей можно командовать? Она твоя... – Парень споткнулся на полуслове и пожал плечами, вопросительно глядя на ворона.

– Она не моя, а наша.

– Тоже ворон? – удивился Митя, ошалело хлопая глазами.

– Объясняю на пальцах. Эта девушка – для нас самое ценное! Она умеет говорить с нечистью. Таких людей очень мало, а в нашем городе – одна она.

– Какая такая нечисть?!

Пришлось рассказать про нечисть, которую Митя теперь тоже будет видеть, потому что он теперь знает, кто он. А после сна, который ему впервые объяснили, обычно начинающие вороны видят многое. Но не всё и всех понимают.

Ко времени, когда Меченая вошла с подносом в комнату, Митя преисполнился пониманием ее важности, так что смотрел на нее почтительно. Они поели ее увесистых бутербродов («Папа такие любит!»), запивая крепким чаем, а потом девушка спросила:

– Данияр, с чего начнем? Ты обещал сказать!

– Митя, как ты себя чувствуешь?

– Нормалек, – буркнул тот.

– Позвонить домой не хочешь?

– Нет.

– Почему? – искренне удивилась Меченая, к тайной радости Данияра и к открытому негодованию Мити. – Там же, наверное, тебя потеряли? Испугались, наверное, что ты домой не пришел ночевать! Ты бы хоть позвонил домой, предупредил родителей, что тебя не будет!

– Обойдутся, – уже сквозь зубы ответил парнишка.

А ворон взял себе на заметку узнать о родителях Мити. Что это – подростковый бунт? Или дома что-то более серьезное, чем простой разлад парнишки с родителями?

– Слушай, а сколько тебе лет? Ты учишься? Работаешь? – увлеченно продолжила допрос Меченая.

Митя чуть не в панике взглянул на Данияра. Тот кивнул: «Спокойно, парень! Все нормально, как бы ты сказал!»

– Я буду учиться в колледже. Только-только окончил школу.

– Ой, как и я! – обрадовалась Меченая.

Лицо парня вытянулось еще больше.

Данияр понял: еще немного – и начнет хохотать в голос. Девочка осваивается.

– Так, – поспешно сказал он, пока Митя не обиделся. – У нас на сегодня несколько дел осталось. Надо найти второго ворона, поговорить с ним. Если нам не поверит – предупредить его, что его могут убить.

– А третий? – снова влезла Меченая. – Как быть с третьим, если мы даже не знаем его адреса? Ты ж сказал, его потом можно будет найти. А если до того его упыри сожрут?

Последнее она выговорила так смачно, что Митя вздрогнул.

– Ну-у... – в замешательстве начал Данияр, но Меченая перебила его.

– А я придумала, как найти третьего! – похвасталась она. – Ты же сказал, Всеволод с ним говорил в том микрорайоне. Можно пойти туда и там барабашек спросить, с кем говорил Всеволод.

– Кого спросить? – ахнул Митя, а потом без паузы сказал: – Всеволода я знаю. Он говорил со мной. Но я как-то... Не подумал, что он всерьез...

– А идея неплохая, – проговорил Данияр, понимая, что он пока еще не привык, что у него есть посредник, рядом с которым многие проблемы становятся более решаемыми, чем обычно. – Митя, ты пробовал вставать? Как ноги? Держат?

– Держат, – уверил его парнишка. – Если ты о том, чтобы куда-то сходить, то могу.

Данияр кивнул и встал выйти в кухню. Уже на пороге он услышал тихое Мити:

– А ты что про барабашек говорила? Такие вправду бывают?

– Конечно! – возмутилась девушка.

Что уж она там дальше рассказывала молодому ворону, Данияр слушать не стал, закрыл за собой дверь. Но уже успокоился: как бы ни претило парнишке легкомысленное поведение посредницы, чудеса,

связанные с ней, заставят его примириться с необходимостью общаться с девушкой.

## Глава девятая

### *Руся*

После того как Руся с жаром вывалила Мите все, что узнала про барабашек, про зеркальников и даже про дрему, она надолго замолкла. Тем более в комнату снова вернулся Данияр, и девушка отсела чуть в сторону, чтобы подумать.

А подумать было над чем. Вопрос первый: и чего разболталась? Никогда такого с ней раньше не было, чтобы тараторила без остановки. Да, хотелось помочь Данияру познакомиться с новым вороном, как старший однажды обмолвился. Но... получилось как-то слишком суетливо, и Митя теперь, наверное, думает, что она всегда... трещит как сорока, как бабуля выражается.

Вопрос второй: а не посмеялся ли Данияр над ее предложением – использовать ее способность болтать с нечистиками, чтобы найти третьего ворона? Может, ее предложение только с ее же точки зрения выглядит замечательным? А на деле в нем много, ну, скажем так, наивного? Руся же недавно вошла в этот мир...

А третий вопрос очень волновал ее и заставлял сомневаться: стоит ли спрашивать Данияра о том, кто решил уничтожить воронов в городе? Или хотя бы – с какой целью? Или вообще – по какой причине? Кто так заинтересован в том, чтобы в городе не осталось воронов? Фу... Настоящий детектив!.. Только Руся обрадовалась, что может почувствовать себя сыщиком, как новая мысль заставила скуксить: а если Данияр знает, кто и зачем? Знает, но молчит?

«Ничего, выведаю! – самонадеянно решила девушка, глядя в окно, выходящее на балкон, но ничего за ним не видя, потому что взгляд не сосредоточивала. – Тем более я предупредила его, что он мой парень! Я-то сказала это в шутку, но он, кажется, воспринял серьезно. А раз воспринял, значит, в качестве моего парня должен будет мне рассказывать то, что другим знать необязательно!» Она еще немного посидела и решила: если она такой ценный человек, надо бы и вести себя подобающим образом. Более солидно. А то растараторилась, как последняя малолетка!..

– ...И выйдем вечером, – услышала она голос Данияра.

Не уследила за языком:

– Почему вечером?

– Последний упырь, как и предыдущие, активен ближе к ночи.

– А предупредить тех воронов? – удивленно спросила Руся. – Пока мы их найдем, пока сообщим... А если упырь раньше их найдет?

– Ты прослушала, – терпеливо сказал Данияр. – Мы выйдем вечером, чтобы найти того ворона, адрес которого нам известен. А упырь будет нашим доказательством, что на нас охотятся.

Руся открыла рот, чтобы спросить: «И что? Мы позвоним в квартиру этого ворона, разбудим его и скажем, что он ворон, а потом пропустим к нему упыря?» И закрыла. Данияр, наверное, лучше, чем она, уже все продумал. Или видит всю ситуацию со своей точки зрения. Просто объяснять не любит.

Наверное, Митя тоже так подумал. Он машинально почесал плечо, перевязанное бабулей, и спросил:

– А если ему цепочку подкинуть? Из нее он про нас узнает и сам к нам придет.

– Идея хорошая, – сказала Руся, вспомнив, что ей кратко рассказал Данияр о старинной цепочке вороновых снов. – Но как ему про цепочку сказать, чтобы он ее положил под подушку? А если выбросит?

– Мы подумаем еще, как это сделать, – пообещал ворон. – Хотите чаю или кофе? Я там воду кипятить поставил.

– А-а... – начал было Митя, со странной надеждой взглянув на него, и вдруг заткнулся, насупившись.

– Понял, – спокойно сказал Данияр и вышел на кухню.

Зато Руся не поняла, но в голове была каша, а потому она решила, что этот маленький загадочный инцидент сейчас не стоит ее внимания. И еще была проблема. Проблема сидела на кровати, и Руся кивнула:

– А ты ходить нормально можешь?

– Могу.

Девушка подозревала, что парнишка вряд ли достаточно здоров после вчерашней драки, потому что слишком уж потрепан упырем. Но хорохорится. И это ей понравилось. Но ночью его похвальба может навредить не только ему самому, так что... Как бы его разговорить, чтобы кое-что узнать? Она подтащила к кровати стул, на котором восседала, и, нагнувшись к юному ворону, вполголоса сказала:

– А почему ты не хочешь домой? С родителями поругался?



– Ну... – Юный ворон так опустил голову, что Руся сообразила: она, наверное, слишком бестактна, а потому сразу сказала:

– А я отдельно от родителей живу. В этом же доме. У меня тут бабуля есть – та самая, которая тебе раны лечила. Она травница.

– А почему отдельно?

– В этом году не поступала, думала – буду работать. А работа... обломилась. Ну а потом меня нашел Данияр. То есть одновременно с работой, которая обломилась, нашел. И не он сам.

– Всеволод помог?

– Не-эт, что ты! Меня Данияру показали кикиморки!

– Кикиморки?! Как?!

– О, я тебе про кикиморок не рассказывала? А ты меня ночью видел? Голову мою? Помнишь, какой причесон был?

– Как будто каска, – буркнул он. – И че?

– А ниче! – засмеялась Руся. – Это кикиморки мне волосы с травами переплели. И меня, как посредницу, могли видеть только те, кто умеет видеть, как колдун или ведьма. Ты же видел! – И без паузы предложила: – Пошли на балкон?

Наверное, только от неожиданности этого предложения Митя так же тихо ответил:

– Зачем?

– Я тебе барабашек покажу! – щедро сказала Руся. – Ну, пока Данияр на кухне с чаем возится.

– У меня... это... – внезапно покраснел Митя, пряча глаза. И досадливо замолчал.

Руся внимательно оглядела его, сидевшего на кровати и укрывшего ноги легким одеялом. Прикинув, куда мог деть его истерзанную одежду Данияр, девушка встала и поспешила в ванную комнату. Но потом сообразила, что нехорошо без ведома хозяина лезть в его дела (ванная комната – это все-таки очень личное!), и свернула на кухню. Чуть стукнув, чтобы предупредить о своем появлении, она спросила:

– А где Митина одежда?

Стоявший у плиты Данияр обернулся и медлительно сказал:

– Я сам принесу.

И принес. Руся на всякий случай, чтобы парнишка не стеснялся, пока одевается, отвернулась от кровати. А потом и вовсе вышла на

балкон. Данияр уже выводил ее сюда, значит, можно не спрашивать разрешения... Пристально оглядела все углы под крышей балкона и успокоилась: зеркальника не видать. А барабашки пока не знают, что она вышла в это интересное местечко, которое больше напоминало махонький кабинет начинающего алхимика. Одно только блюдо на откидном столе чего стоило! Вон сколько на нем всего! А вокруг него – столько всяких баночек с интересным содержимым. Почти как у бабули с ее сушеными травами.

– Ну и где твои барабашки? – подозрительно спросил за спиной Митя.

Оглянувшись, Руся пришла в замешательство. Ну ладно, джинсы на нем, которые Данияр явно отмывал от крови, поскольку видно было, что штаны еще влажные, до конца не высохли. Но почему на Мите жутко свободная футболка? Пусть чистая, но ведь это не для худосочного на вид пацана! Митя как будто понял. Одернул футболку, чтобы с плеча не съезжала, и вздохнул:

– Это Данияр дал. Моя тенниска... Разорвал ее упырь, в общем. В ключья.

– Если так, то не страшно, – заявила Руся. – Ты же не собираешься в этой футболке гулять? А вечером пойдем – сбегаете домой, переоденетесь.

– Ух ты... а это что? – уставился Митя на блюдо с землей, на поверхности которой лежали сухие веточки, камешки и еще какая-то мелочь.

– Не знаю, – честно сказала Руся.

Они попытались порассуждать, исходя из того, что квартира принадлежит ворону, причем Руся даже задала коварный вопрос: а не чувствует ли Митя подсознательно, что это такое. Митя фыркнул, а потом обернулся – посмотреть на нее и явно сказать что-то ехидное. И замер. А Руся торжествующе засмеялась: на ее левом плече сидели три барабашки, еще один цеплялся за ее спину, постепенно забираясь на другое плечо. И вся компания с благожелательным интересом пялилась на парнишку.

– Вот это... – прошептал Митя, у которого пропал голос.

– Ага, – согласилась сияющая Руся. – Это и есть барабашки. Хорошенькие, правда?

– Хорошенькие, – ворчливо заметил Данияр, стоявший в комнате возле балконной двери. – Пока дурачиться не начнут. Тогда все, туши свет – кидай гранату.

Барабашки чуть слышно проскрипели что-то ехидное, и Руся быстро отвернулась, чтобы Данияр не заметил ее желания рассмеяться в голос. Потому как нечистики очень хотели бы напомнить ворону громовое светопреставление, недавно устроенное в подъезде его «бывшей».

– А у них лапы есть? – спросил Митя, явно заинтригованный меховыми шариками.

Руся подняла руку, по которой к плечу полз еще один барабашка.

– Он цепляется за рукав – значит, лапки есть.

– А если им что-то сказать... ну, попросить сделать, они это сделают?

Данияр встал на пороге и с интересом взглянул на юного ворона.

– А что именно ты хотел бы им предложить?

– Цепочку под подушку того мужика! – выпалил Митя.

Руся с уважением посмотрела на него: ничего себе идея! А ведь здорово было бы! Барабашки бегают везде, где хотят. Могут проникнуть в любое помещение. Ведь таких колдовски защищенных квартир, как у Данияра, в городе, наверное, мало. И точно уж не защищена квартира того незнакомого ворона, который о себе ничего не знает и которого необходимо предупредить об опасности. А потом посмотрела на Данияра. Тот морщил лоб, глядя на барабашек.

– Не знаю, – признался ворон. – Не уверен. Раньше до такого никто не додумывался.

– Давай у них спрошу? – обрадовалась Руся.

– Мало ли что они тебе скажут, – пробормотал встревоженный Данияр.

Руся нахмурилась. Возможно, он не хочет рисковать? А вдруг барабашки что-то такое сделают с цепочкой, передающей только воронам странные, но полезные для них сны? Но тогда...

– А проверить? – быстро сказала она. Возможность эксперимента заставляла волноваться: вот здорово! Столько нового, столько неизведанного!

– Как? – посмотрел на нее Митя, и его глаза загорелись. – Точно! Можно прямо в квартире проверить – послать одного с балкона

перенести че-нить... в прихожую!

– Не получится, – уже задумчиво сказал Данияр и велел: – Заходите. Я там чай приготовил и перекусить кое-что.

– А ты скажешь, почему не получится? – спросила Руся, с сожалением кладя на балконные перила ладошку, по которой тоже нехотя скатывались барабашки.

– Скажу.

На столе кроме старенького подноса с маленьким кофейником и пузатеньким заварным чайником расположились чашки и тарелка с хлебом и крупно нарезанной колбасой. Вспомнив свои бутерброды, Руся тайком улыбнулась: все правильно. Это было давно, и Митя проголодался.

Торопливо набив рот, Митя попытался что-то сказать, и Руся, чувствуя себя переводчицей даже сейчас, «перевела», пряча смешинку:

– Данияр, так почему не получится?

Благодарно глянув на нее, Митя приник к большой чашке с чаем.

– Квартира защищена, – напомнил Данияр.

Девушка посмотрела на окно, к которому прилипли любопытные барабашки. Юный ворон тоже оглянулся. Потом посмотрел на Русю. Та примерилась к ситуации.

– А если с балкона... – медленно начала она. – Если я их пошлю к нам, к бабуле? Пусть оставят что-то в моей комнате? Они же знают, где моя комната! Что придумать такое же легонькое, как цепочка?

Митя заблестевшими глазами просительно уставился на ворона. Руся чуть не фыркнула, когда сообразила: ему уже интересно не то, как они второго ворона найдут, а доставят или нет барабашки цепочку в другую квартиру.

Данияр оглядел их обоих с каким-то странным чувством, будто уже о чем-то догадался и теперь боялся их разочаровать. Помешкав, он встал и взял со старенького серванта ту самую цепочку.

– Цепочку... – Он споткнулся на слове, снова с едва уловимой жалостью посмотрев на них, и продолжил, улыбаясь: – Ну ладно, пусть будет цепочка. Руся, попробуй дать ее барабашкам.

Чуть стол не опрокинули – так резво бросились к балкону Руся и даже Митя, забывший о своем голоде и хромоте. Данияр же, пожав плечами и продолжая улыбаться (Руся оглянулась), пошел следом лишь затем, чтобы снова встать у порога балкона.

Девушка собрала цепочку в горсточку, удивляясь, какая она легкая. Из-за деревянных шариков-бусин, что ли? Перед ней на подоконнике уселись барабашки, с любопытством глазевшие то на нее, то на Митю, которого признали безопасным.

Свободную руку Руся положила на подоконник. На пальцы немедленно взгромоздился один из нечистиков.

– Ты знаешь, где я живу, – еле дыша от волнения (эксперимент же!), сказала ему девушка. – Отнеси в мою комнату вот это.

Барабашка скосился на Данияра, и Руся заподозрила нечто, что может обернуться провалом – не эксперимента, а вообще их затеи. Она тоже посмотрела на ворона, и тот кивнул: мол, продолжай! Барабашка неохотно протянул лапку Русе. Рядом от полноты чувств вздохнул Митя. Руся, стараясь быть осторожной – для нее-то цепочка невесома! – опустила вещицу на лапку. И сначала даже не поняла, что произошло: цепочка, не встретив сопротивления, легла на ее же ладонь – туда, где сидел барабашка. Прошло несколько секунд, прежде чем до девушки дошла печальная истина: цепочка опустилась на ладонь сквозь лапку!

У Мити на лице нарисовалось такое разочарование, что Руся, вздохнув, предложила барабашке перейти на его руку. Может, парнишку хоть это утешит? Нечистик будто понял, чего она добивается, и сразу съехал на его ладонь.

– А почему так? – спросила Руся у Данияра. – Почему он не может взять?

– Я в этом не очень разбираюсь, – усмехнулся тот. – Всеволод как-то сказал мне, что они существуют в двух пространствах, если не больше. То есть здесь их форма, но материальное тело где-то в другом месте.

– Так бывает? – поразился Митя.

Но Русю волновало другое, поэтому, не обращая внимания на его вопрос, она чуть не перебила ворона промелькнувшим соображением – едва ли не возмущенно:

– А как же кикиморки?! Они же заплели мне волосы! И трав нарвали для этого!

Данияр развел руками:

– Руся, я многого не знаю. Старшие – знали. А мне это было неинтересно. Если только... Кикиморки вжились в материальную

жизнь – ту, которую видим мы. И сами стали материальны. Они, например, не умеют перемещаться между пространствами, как барабашки. Да и барабашки... Многие, насколько я помню, их вообще считают сгустками энергии.

От обиды за барабашек Руся чуть не расплакалась: как это – сгустки энергии?! Вон они какие – мягкие, мохнатые, глазастые! Но слезы мгновенно высохли, когда до нее дошло кое-что, и она сердито спросила:

– Ну и ладно! Пусть сквозь стены! Но почему я их чувствую на своей руке?! Я даже их вес чувствую! Их тепло и эту мохнатость!

– Руся, я не Всеволод! – замотал головой Данияр, смущенно улыбаясь. – Я не умею объяснять! А он бы сказал, что твои ощущения – это самовнушение! Ты видишь их и примерно представляешь, какие они на ощупь и на вес, – отсюда твои впечатления.

Заметив движение сбоку, девушка посмотрела на Митю и улыбнулась: напряженный от старания парнишка очень осторожно погладил отданного ему барабашку. И поднял глаза.

– Мягкий, – обескураженно сказал он.

– Слушайте, оставьте барабашек – и вернемся в комнату! – воззвал Данияр. – Нам надо подумать, как быть дальше.

Они вернулись за стол, и Руся мрачно, потому что очень жалко несчастных, неопределившихся барабашек, сказала:

– Я придумала, как это сделать!

– И?

– Мы подойдем ко второму, и я расскажу ему все, что о нем знаю. Всю его биографию, которую мне зеркальник выдал. Он мне поверит.

– Скажет – где-то нашли информацию.

– Тогда... тогда... – Она закусила губу, лихорадочно размышляя над задачей.

– Надо сказать, что какой-то хмырь на него зуб имеет, – хмуро сказал Митя. – Вот и пусть сам его остерегается.

– Митя, помнишь, как ты дрался с упырем? – так же хмуро спросил ворон. – Думаешь, обычный человек справится с ним? Второй будет думать, что сумеет его от себя отодрать. А спецом натравленный упырь – это... пиявка. Пока не убьет или пока не убьют его самого – не отстанет.

– Зеркальник! – выпалила Руся. – Пусть зеркальник ему передаст про нас!

– Не совсем понял, – признался Данияр.

– Да просто все. Я скажу зеркальнику, чтобы он показал этому человеку образы упыря и наши. И чтобы второй нам доверился.

– Глупо! – заспорил Митя. – Я лучше придумал! Данияр! Эти все... ну, барабашки и другие... они умеют отслеживать друг друга?

По лицу ворона Руся сразу догадалась, что он ответит.

– Упыря не сумеют, – категорически ответил Данияр. – Он – другое!

– Я не то имел в виду, – сказал Митя. – Нужно сделать что-то типа предупреждения. Сеть вокруг дома, где он живет! А когда упырь появится – бежать к этому второму!

– А успеем добежать, если упырь появится? – с сомнением спросила Руся.

Вообще, идея Мити ей понравилась – создать чуть ли не сигнально-разведывательную паутину вокруг дома, где живет второй! И тем спасти его!

Митя ссутулился. Упершись глазами в опустевшую чашку, он некоторое время размышлял, а потом пожал плечами.

– Не пройдет... Там постоянно дежурить придется.

Несколько минут они молчали. Потом девушка повернулась к Данияру:

– Ты говорил, что вороны в своих обычных снах тоже летают? Ты же летал?

– Летал.

– Так, может, я все-таки поговорю с тем вторым? И начну со снов. Спрошу, летает ли он вороном, когда спит.

– По лесу, – добавил Митя.

– А еще ты, Данияр, говорил, что, когда вас, воронов, будет трое, вы легко найдете последнего из списка Всеволода. Второй может узнать в вас своих?

– Трое – число колдовское, – покачал головой Данияр, – но только для объединенных троих.

– Это значит – нет? – уточнила Руся. Задумалась, а потом пожала плечами. – Но делать-то что-то надо. Если на неподготовленного человека накинется упырь... – Она помолчала и предложила: –

Я могу... взять это на себя, и не страшно, если меня сочтут ненормальной. Просто подойду к этому ворону и скажу ему, что на него может напасть псих. Он посчитает меня душой, но ведь оглядываться-то начнет. Как? Согласны на такое?

– Это могу и я, – вздохнул Данияр. – Только будет ли он оглядываться...

– А ему нельзя чего-нибудь подсыпать? – с надеждой спросил Митя. – Мы там у тебя на балконе чего только не видели! Я одну баночку открыл и понюхал!.. Он сон посмотрит с подсыпанным – и сам к нам придет.

– Митя, – предостерегающе сказал Данияр, – у колдунов нельзя нюхать ничего! Ни сухого, ни зелий...

Митя расплылся в медленной, довольной улыбке. Руся с интересом отметила это и сама улыбнулась: парнишке нравится принадлежать к тем, кто отличается от остальных! Но тут же испортила ему радость, выждав момент, когда он доест следующий бутербродище, и спросив:

– И все-таки, Мить. Почему ты не хочешь домой? Колись, а то мы сами беспокоиться начнем!

Парнишка насупился, а потом махнул рукой.

– Мать из дома выгнала. Я думал с пацанами сговориться – переночевать у них.

– Из-за чего? – сочувственно спросила Руся.

Митя снова помолчал. Поводил пальцем по скатерти. Шмыгнул носом.

– С отчимом не скорефанился.

– Чего? – не поняла девушка. Потом дошло. – И теперь тебе жить негде?

– Да нет. Могу к дяде съездить – он в другой части города живет.

– Сегодня тоже переночуешь у меня, – спокойно сказал Данияр. – Но учти. Сегодня в ночь с нами не пойдешь, пойдет со мной только Руся.

– Из-за этого? – хмуро спросил Митя, выпрастывая из длинного рукава хозяйской футболки руку, и Руся с жалобным стоном отвернулась. Кривые красные полосы на худенькой руке напомнили ей о том, что Митя весь в таких шрамах. Хорошо еще некоторые из них бабуля крепко перевязала.



– Из-за этого, – бесстрастно подтвердил ворон.

– А зачем тебе Руся? – буркнул Митя. – Она что, драться умеет?

– Упырь ее проигнорирует, – объяснил Данияр. – А мне она нужна, чтобы там же попробовать заснять его лицо. Потому как это единственный шанс узнать, откуда берутся мертвецы для поднятия. А там, глядишь, и спецов-некромантов найдем.

– Некроманты... – зачарованно повторил Митя и, будто опомнившись, спросил то, о чем хотела спросить Руся, но не решилась: – А за что они нас? Ну, воронов хотят поубивать?

– Не знаю, – признался Данияр. – Я надеюсь, поймаем спецов – узнаем.

Митя только вздохнул.

И Руся, поняв его, снова спрятала улыбку: ишь какие события мимо юного ворона проходят!

А потом пришлось сбежать уведомить бабулю, что внучка опять собирается не ночевать дома. Руся вернулась в квартиру Данияра, к радости Мити, с пирожками и прочими печеностями.

До вечера успели переделать множество дел: на наглядном пособии – на Мите – Данияр показывал девушке, как делать перевязки. Потом прибежала бабуля и уже объясняла, как делать припарки из трав и на каких ранах их делать можно, а на каких нельзя. Руся закатывала глаза, слушая старших: «У нас тут целый медсанбат!»

Потом пришлось снова спуститься, потому что бабуля набрала всяких снятых с ран Мити тряпок, которые надо бы простирнуть. Когда вошли в квартиру, бабуля, не оборачиваясь, заметила:

– Данияр все на тебя поглядывает. Ты ему нравишься.

Сказала так, как будто сообщила, что начал работать ближайший магазин после ремонта. Руся независимо фыркнула и объяснила:

– Это потому, что я ему сказала – он мой парень!

– Батюшки! – ахнула бабуля, резко развернувшись к ней всем телом. – Это ты-то с чего вдруг так-то?

– Логика, бабуля, – гордо сказала девушка и не выдержала, рассмеялась. – Бабуль, ты что? Не понимаешь, когда шутят? Я подшутила над ним, понимаешь? Типа мы все равно вместе ходим, поэтому он мой парень! Ты же не думаешь, что он серьезно может стать моим парнем? Ведь мы знакомы всего... ой, мамочки! Всего три дня!

Бабуля странно посмотрела на нее и вздохнула.

– Ну, коли так... Ладно. Но парень он, я смотрю, серьезный...

И только собралась идти в ванную, как Руся остановила ее:

– Бабуль, как ты думаешь, кто бы хотел убить всех воронов в городе?

– Откуда мне знать...

– Нет, давай с другой стороны... Кому выгодна смерть... Нет, опять не так. Кому выгодно, чтобы в городе не было воронов?

– Кто с нечистью балуется для темных дел – разве что для таких выгодно-то.

– Бабуль, последний вопрос: а ты не боишься меня в ночь отпускать?

– С этим-то вороном? – удивилась та. – Да он за тебя кого угодно убьет.

– Никогда не думала, что у меня такая кровожадная бабуля! – весело заявила Руся. – Ну все! Я побежала! Спокойной ночи, бабуль!

– Скорей – доброго вечера, Русенька. Солнце еще только садиться собирается.

– Ну, спокойной ночи – это заодно, – легкомысленно откликнулась Руся. И закрыла за собой дверь квартиры.

Она поднималась на этаж Данияра медленно, пытаясь понять, что имела в виду бабуля: «Да он за тебя кого угодно убьет». Неужели сама Руся настолько слепа, что не замечает чего-то в вороне, что заметила бабуля?.. Она помотала головой: «Только не сейчас думать о постороннем! Сейчас голова должна быть забита нужными мыслями. И важными для всех нас. О том, как мы поедем ко второму. О том, что ему говорить, чтобы он поверил. А если не поверит, как сказать про упыря так, чтобы он, этот второй, не погиб... Господи, сколько всего навалилось...»

## Глава десятая

### *Данияр*

Второй возвращается с работы ближе к девяти вечера – так объяснил зеркальщик.

Данияр предложил Меченой выйти из маршрутки за одну остановку до нужной, чтобы присмотреться к окрестностям и отметить опасные места. Те, где может таиться натравленный на второго ворона упырь. Данияр думал, что Меченая обрадуется прогулке и придется сдерживать ее словесные восторги. Ведь она ни с того ни с сего сочла его своим парнем. Пусть и временным. Но непредсказуемая девчонка, помалкивавшая в маршрутке, сейчас заткнулась наглухо. Она шла рядом, словно по рассеянности положив ладошку на его машинально согнутую руку, и сосредоточенно глядела вперед, будто размышляла над какой-то проблемой.

Успокоившись, что какое-то время она не будет его дергать вопросами, Данияр тоже сосредоточился – на наблюдении.

Солнце, по-вечернему тяжко-желтое, постепенно оседало за домами, сумеречно темными в собственной тени. Пятница – и на улицах толпы и потоки пешеходов: кто с работы сразу возвращался домой, вываливаясь из транспорта, кто забегал за покупками в магазины, а кто и гулял. У здешнего торгового центра, мимо которого шли Данияр и Меченая, все скамьи заняты – парочками, компаниями, «бандформированиями» пенсионеров или молодых мамочек с колясками и без. Дети носились по широкой площади вопящими от радости и азарта стайками, гоня голубей и пугая выгуливаемых по боковым дорожкам собак.

Меченая сильно вздрогнула и проводила сердитым взглядом внезапно пролетевших мимо скейтбордистов и спешащих следом за ними подростков на великах и самокатах. «Проснулась? – по-доброму ухмыльнулся ворон. – Болтать начнешь?» Но, судя по всему, Меченая быстро вернулась к занимавшим ее мыслям, а потому снова на автомате зашагала рядом, благо Данияр словно ненароком направлял ее, послушно следующую за ним. Поглядывая на ее голову,

непривычно простецкую с этим качающимся хвостом волос, он невольно подумал, что ее имя здорово подходит ей. Русоволосая...

Новое цепкое оглядывание территории впереди: ряд киосков и открытых торговых палаток завершал площадь у торгового центра. Между ними – небольшие проходы, а значит, местность потенциально хороша для прячущегося здесь упыря. Если он, конечно, здесь и прячется... Слушая вопросы и предположения мелких в своей квартире, ворон пытался найти в недавней беседе рациональное зерно. Он привык, что старшие сами решают все проблемы, а потом без рассусоливания сразу дают ему ясные и четкие задания. А вот теперь мозгами поворачивать приходится и ему.

Он не вздрогнул, когда она дернула его за рукав. Ждал этого.

– Данияр, а барабашки со мной водятся, потому что я посредник?

– Да.

– А я думала, я им нравлюсь, – пробормотала она.

– Ты им очень нравишься, – серьезно сказал он.

– А они меня сразу видят?

– Это как?

– Ну, они сразу понимают, что перед ними посредник?

– Конечно.

– А почему тогда... Почему они раньше не подходили? Сейчас чуть что – на руки и на плечи лезут, а раньше?!

– Ты смотришь на них и видишь. А раньше они были перед твоими глазами, но ты их не замечала, – объяснил ворон. – А они видят этот взгляд – мимо них.

– Данияр... Если я попрошу кикиморок, они мне сделают такую же плетенку, как недавно? Только с ленточками? Я куплю тонкие и нарежу на полоски...

– Тебе понравилось? А почему сама не спросишь у них?

– Я и забыла, что могу спросить... Данияр, вон там пацан промчался, – пробормотала она, – а у него на скейтборде лохматый такой... Это тоже нечистик?

– Угу... Это ты еще площадку перед торговым центром не видела.

– А что там? – заинтересовалась Меченая и встала, поневоле вынуждая остановиться и Данияра. Огляделась. И открыла рот.

Среди мельтешащих взрослых и детей бешено вертелись какие-то тощие фигурки, от которых шарахались немногочисленные

выгуливаемые собаки и которых совершенно не замечали люди. Те самые полулысые тельца с длинейшими конечностями, которые она видела во дворе дома Мити!

– Это матохи, – не дожидаясь ее вопроса, подсказал Данияр. – Видишь – народ смущают, чтобы еще больше суетились?

– Они же могут что-то плохое сделать? – растерянно спросила-таки девушка.

– Не успеют. Они суматоху наводят, собираясь большой толпой. Да, могут порой и скандалы и драки провоцировать меж людей... Но в той же суматохе эта нечисть забывает, что и на нее управа есть. Центр-то давно построен, а значит, кое-кто прекрасно знает, что матохи здесь – частые, хоть и нежеланные гости. Так... – Данияр обвел глазами площадь и, усмехнувшись, прищурился. – Посмотри-ка на край здания с той стороны, с самой дальней. Сможешь разглядеть?

– А кого я должна искать? – удивилась она. – Ой, кажется, эти матохи исчезают?... Ой... Вот это... да-а!

Данияр снова усмехнулся. Ему нравилось следить, как Меченая изумляется открываемому миру: из-за угла медленно выплывали две огромные фигуры, все так же невидимые для обычного человеческого глаза. Они тоже шли под ручку, и шли важно, колыхаясь громадными телами, словно наполненными мягким желе. Словно какие-то господа вышли на прогулку. Правда, неистовые матохи каменели-немели перед ними, поворачиваясь в их сторону. И мгновенно испарялись с бесшумными воплями вывороченных в оре пастей.

– Какие... персоны... – прошептала Меченая.

– Это угомон с угомоновной, – будто представил их девушке Данияр. – Пока Мрак был с нами, он часто вспоминал старую колыбельную: «Уж ты, Ванюшка, усни, угомон тебя возьми, с красной девицею угомоновной!»

Он даже засмеялся, когда увидел, как она крепко зажмурилась и потрясла головой.

– Почему красная девица?! Вон она какая... э-э-э... полненькая!

– Так сестрица дреме нашему, – спокойно сказал ворон. – К вечеру обычно появляется – на красной заре. Вот сейчас угомонит народ нечистый, а потом и обычный человек успокоится, домой захочет – выспаться.

Меж тем на площади не осталось ни одной матохи. А странная парочка прошествовала до другого края площади и пропала за углом.

Данияр снова повел девушку к нужному дому, невольно улыбаясь, потому что представлял, какая каша у той в голове. В русой голове. В голове Руси.

Впрочем, как чуть позже, на подходе к дому, выяснилось, голова у нее в правильном направлении работает.

– Я все думаю о Мите, – неожиданно сказала она, когда они сворачивали к подъездам. – Он видел сон про воронов и упырей. Поэтому признал, что сам ворон. А если этому второму сказать про сны... Он же их видит сейчас? И без цепочки?

– Видит, – подтвердил Данияр. – Только ты забыла, как озлился Митя, когда мы сказали ему о тех снах. Если сказать второму о том, что мы знаем, какие сны он видит, он, наоборот, может разозлиться и уйти.

– А если... если попросить зеркальника, чтобы он тот же сон, который в цепочке, передал второму ворону, он это сделает?

– Нет. Сны навевать он не умеет.

– А если соединить дрему, зеркальника и еще какого-нибудь нечистика?

– У всех, как ты говоришь, нечистиков своя строго очерченная территория действия, – терпеливо сказал Данияр.

– Жаль...

У подъезда, к которому они шли, стояли две скамьи.

«Что-то в последнее время слишком много скамеек...» – рассеянно подумал Данияр. Зато обе пустовали. Они вдвоем уселись на одной – типа как гуляли и решили отдохнуть, пусть и у чужого дома. До приезда второго ворона-новичка (а он должен подъехать на своей машине) оставалось всего ничего.

Руся сидела близко к Данияру, и он бедром чувствовал, какая она горячая. А когда взглядывал на девушку, видел отсутствующие глаза и решительно сжатый рот. Судя по всему, посредница обдумывала очередную идею, как использовать нечисть в своих делах. Время от времени она смотрела на дом и расплывалась в радостной улыбке – наверное, замечала неофициальных жильцов, его населяющих. Как бы там ни было, но вскоре Руся сидела довольная-предовольная,

поглядывая на барабашек, облепивших ее плечи и руки и счастливо поглядывающих ей в лицо.

А потом девушка снова сосредоточилась.

– А если... – начала она – и взглянула на дорогу перед домом.

Та была мало того что широкая, так еще и на газоне напротив, видимо, силами жильцов-автовладельцев, заасфальтировали несколько небольших участков, где на нумерованных местах стояли несколько машин. Теперь к одному из мест направлялась серая «Лада».

– Он, это его машина... – прошептала Руся, и Данияр настороженно встал.

Эх, не придумали, как вести себя дальше. Договоренность была одна: они просто запоминают мужика, а потом пытаются (единолично Данияр) защитить его от упыря.

Солнце еще не закатилось, но тени так вытянулись там, где дом купался в сумерках, что, казалось, еще немного – и наступит настоящий вечер, близкий к переходу в ночь...

Выйдя из машины, мужчина сразу колюче глянул на приподъездную площадку. Словно убедившись, что ему ничто не грозит, он звякнул брелоком-противоугонкой и пошел к входной двери. Данияр посмотрел на его лицо и словно увидел фотографию молодого Мрака: жесткое, напряженное – будто запал рабочего дня все еще оставался бликом в сжатом рте, в нахмуренных бровях...

Вздыхнув, Данияр собрался было снова сесть рядом с Русей.

Мужчина-ворон достал домофонный ключ...

Девушка внезапно вскочила с места:

– Александр Михайлович! Подождите!

Он обернулся так, словно готов прямо сейчас в драку. Но, убедившись, что к нему спешит только невысокая, хрупкая девушка, успокоился. Данияр выжидательно застыл, боясь помешать Русе. Он не знал, что придумала Руся, но отчаянно надеялся, что ее задумка будет успешной. Сообразив, что его замешательство может показаться чуть ли не трусостью, медленно, стараясь не выглядеть враждебно, пошел следом.

– Я вас знаю? – спросил мужчина, невольно косясь в сторону Данияра.

– Нет, вы меня не знаете! – напористо ответила Руся. – Зато я знаю о вас все! И я должна предупредить: вас хотят убить!

– Что за чушь ты несешь! – рявкнул второй.

– Видите ли вы в своих снах лес? – торопливо спросила девушка. – Летаете ли вы по лесу вороном? Да? Это ведь так?

Мужчина набычился. Данияр собрался было оттащить отчаянную девчонку от второго – не дай бог, матом пошлет или еще как-то оскорбит ее, но она вцепилась в кисть Александра Михайловича и повелительно сказала:

– Как вам нравятся мои спутники?

Подъездная металлическая дверь загудела, когда мужчина отшатнулся, врезавшись в нее, а перед тем и впрямь переведя взгляд на барабашек, которые поначалу сидели спокойно и под его ошарашенным взглядом утекли за спину девушки, чтобы оттуда продолжить опасливо глазеть на выбитого из колеи мужчину.

Но ворон не был бы вороном, если бы быстро не пришел в себя.

– Ты... кто? – жестко спросил он Русю.

– Я посредница, – твердо ответила она. – И я знаю о тебе все: где ты работаешь, какова твоя семья. И кто ты на самом деле!

И только после этих слов Данияр понял, что придумала и сделала Руся!

Она посредница. Между двумя мирами. И потому ее – ее! – должен увидеть любой принадлежащий этому миру – после физического контакта. Как она увидела остальных, после того как кикиморки заплели ей волосы. А значит, вместе с ней увидеть и барабашек, и всех тех, кто при этом «знакомстве» находился рядом с ней.

– И кто я? – вполголоса, все еще недоверчиво спросил Александр Михайлович, переводя взгляд с одного барабашки на другого.

– Ты ворон, – уверенно сказала Руся. – И позволь представить тебе еще одного ворона. Это – Данияр!

Мужчина сощуренными глазами взглянул на ворона, стоявшего за спиной посредницы. Данияр смотрел спокойно. Основную часть знакомства Руся выполнила. Теперь все зависит от Александра Михайловича, от его умения войти в ситуацию другого мира. Или от желания либо нежелания влиться в эту жизнь... Но девушка сумела удивить Данияра своей предприимчивостью. Она подняла глаза к одному из верхних этажей и добавила:



– Александр Михайлович, ваши с утра уехали на дачу. Может, мы поднимемся в вашу квартиру и поговорим?

– Откуда ты знаешь... – начал ворон и умолк, видимо не сообразив, как продолжить фразу.

– Мне сказали, – без колебаний ответила Руся, и Данияр был благодарен ей за эту уверенность.

– Пойдемте, – с некоторым недоумением предложил тот.

Данияр знал этот взгляд, которым Александр Михайлович окинул их двоих перед тем, как пригласить в дом: «Девчонка в драке ничего не стоит, а вот ее парень (или кто он там) выглядит довольно опасным. Но... справлюсь!»

Трехкомнатная квартира на шестом этаже оказалась простенькой и даже аскетичной. Привычная, стандартная мебель, интерьерных вещей маловато, но Данияру дом Александра Михайловича очень понравился какой-то обжитостью. А когда Руся в очередной раз засияла, взглянув куда-то в сторону и обнаружив там сразу двух домовых, стало ясно, откуда это впечатление обжитости: хозяин, выглядящий угрюмым и нелюдимым, любит бытовой комфорт.

На кухне все трое уселись за круглый стол, и хозяин быстро организовал чаепитие. Как ни странно, но Руся замолчала намертво, как будто выполнила главное и бразды правления полностью передала Данияру. Впрочем, роль посредницы она продолжала играть хотя бы своим видом: барабашки с обожанием лазили по ней, и даже свалившийся откуда-то на ее колени дрема блаженствовал, когда Руся пыталась его гладить. Александр Михайлович смотрел на это невольное представление тогда, когда, по ощущениям Данияра, разговор касался весьма тонких моментов, в которые ворон-новичок мог и не поверить. Но взглянув на притихшую девушку, которая наглядно показывала свое посредничество с представителями эзотерического мира, Александр Михайлович снова внимательно слушал Данияра, время от времени задавая уточняющие вопросы.

Впрочем, Данияр не так уж много рассказал. В основном то, что говорил и Мите.

– Упырь, говорите... – задумчиво протянул Александр Михайлович. – Это что? Мертвец, который пьет кровь?

– Не только, – сказал Данияр. – Если упыря поднять по незнанию – да, он будет в темное время суток по ночам шататься по

улицам, искать жертву. Года три назад было – в городе начали находить трупы бомжей. Нам тогда пришлось много побегать, пока не нашли «творцов» и не закрыли лавочку.

– И кто это был?

– Студенты меда развлекались. Нашли где-то репринтное издание темных и решили позабавиться. Брали трупы таких же бомжей, чтобы никто из родственников не протестовал против... ну... непочтительного отношения к мертвым. Да, эти пили кровь. Но специально натравленные убивают сразу.

Александр Михайлович внимательно посмотрел в глаза ворону, а затем в очередной раз перевел взгляд на скромно сидевшую посредницу.

– Я вижу этих, как вы их называете, барабашек, – наконец сказал он. – Но упыри... Что-то как-то... – Он беспомощно пожал плечами, не в силах выразить свою мысль.

Руся подняла голову. Данияр с интересом ждал, что она скажет.

– А вы выйдите на улицу, когда совсем стемнеет, – предложила она. – Вот и получите доказательство, что мы не врем.

– Полагаете, этот упырь уже сейчас может сидеть во дворе?

– Вам что, жалко? Сегодня его не увидите – завтра подежурьте, – чуть легкомысленно ответила Руся. – Если хотите, мы с вами посидим. Правда, есть одна загвоздка. Нам надо еще одного ворона найти. Мы знаем только микрорайон, где он живет, но ни его адреса, ни про него самого ничего не знаем. Одна надежда на зеркальника, – небрежно закончила девушка и прикрыла рот ладошкой, зевая: дрема успел на нее повлиять.

Данияру пришлось объяснять задумку Русеи, кто такой зеркальник и как его использовать в поисках третьего ворона. Александр Михайлович с каменным лицом посидел немного, а потом снова взглянул на краешек стола перед девушкой. И Данияр в очередной раз подумал, что встреча с Русей – огромная удача в его жизни. Потому что девушка улыбнулась, а потом негромко, голосом диктора начала перечислять все, что узнала от зеркальника из дома Александра Михайловича. Все то, что обычно не выходит за стены квартиры.

Тот прервал поток информации, кивнув.

– Ну хорошо. – Обернулся к окну. – Сейчас пока еще светло. Значит ли, что упыря ждать пока рано?

– Именно так, – после паузы (привык, что Руся в последние минуты постоянно отвечает) подтвердил Данияр.

– Может, тогда поедem в тот ваш микрорайон, где живет третий ворон? – сказал Александр Михайлович и замер, словно не веря тому, что предлагает. – Ну, не будем терять время? Машина у меня на ходу.

– Может, вызвать Митю? – намекаяще обратилась Руся к Данияру. – Помнится, ты говорил, что три ворона могут и без всякой помощи увидеть четвертого!

– Еще один интересный опыт? – задумчиво спросил Александр Михайлович. Судя по всему, он все еще сомневался, и Данияр понимал его: слишком много необычного взрослый ворон узнал всего за пару часов. – А где этот ваш Митя?

– У меня дома, – ответил Данияр. – Он очень сильно ранен. Прошлым вечером мы успели добраться до него и убить упыря.

– И поэтому Митя выжил, – меланхолично добавила Руся. – Но если думаете, что мы продолжаем врать, то Митя и правда здесь нужен. Ну, в смысле, чтобы вы его увидели. Он до сих пор в жутких порезах.

– Тогда, может, мы поедem в нужный микрорайон, а вашему Мите вызовем такси? – помедлив, предложил Александр Михайлович.

Данияр с трудом скрыл вспышку радости: он все еще горевал о гибели Всеволода, об ушедшем в тень Мраке, но... Может, этот крепкий и вдумчивый мужчина-ворон станет тем, кем до сих пор были для Данияра старшие?

– Я согласен, – слишком поспешно даже для себя ответил он.

Если Руся и мужчина-ворон восприняли его поспешность (а он это видел) как желание что-то доказать, то он сам решил приглядываться к Александру Михайловичу в качестве будущего старшего. Ну не старший он сам, Данияр, ни в какой мере! Выполнить что-то – это одно. Руководить воронами – другое!

– Я позвоню, – вызвалась Руся и тут же набрала номер Митиногo мобиьника. – Мить, мы встретились со вторым вороном и объяснили ему все, – нахально глядя на Александра Михайловича, возвестила она. – Как ты себя чувствуешь? Сумеешь приехать на такси к нам? Данияр тебе теннису оставил... Нет, такси мы сами вызовем... А-а, поняла... Да нет, не страшно. Я позвоню бабуле, она посидит в

квартире Данияра. – И шепотом сказала, глядя на Данияра: – Мы забыли ему ключи оставить.

Тут же определились с местом, куда подъедет Александр Михайлович со своими неожиданными пассажирами и такси с Митей, – у драмтеатра.

Когда вышли из подъезда, Данияр немедленно насторожился: ветер поднялся слишком резкий и с такими порывами, что за каждым кустом чудился прячущийся упырь. Но Руся взялась за его руку и тихо сказала:

– Нечистики говорят – вокруг дома никого.

Он коротко улыбнулся ей, и они поспешили к машине, возле которой их ждал Александр Михайлович.

Когда тот вырулил за дом, на трассу, сразу спросил:

– Бабуля? То есть обычные люди тоже в курсе?

Пришлось Данияру объяснять ему теперь уже про семьи и кланы эзотериков в городе, в частности – и о бабуле Руси, которая является необученной травницей.

– Город обретает новые краски, – проворчал Александр Михайлович и надолго замолк, хмуро глядя на темнеющую дорогу, по обочинам которой светились блеклые пока фонари.

Но, когда уже подъезжали к театру, он спросил:

– А зачем? С какой целью убивают воронов в городе?

– Это мы и хотим выяснить, – сумрачно ответил Данияр.

Когда на площади перед драмтеатром остановилось такси и из него с трудом вышел Митя, Руся сразу бросилась к парнишке, чтобы помочь ему уверенно держаться на ногах. Александр Михайлович воочию увидел, как выглядит человек, переживший схватку с упырем, причем не в качестве победителя. Такси уехало, а Митю немедленно усадили на заднее сиденье «своей» машины, оставив дверцу открытой.

– Глупо, – пробормотал он. – Лучше бы сделали, как Руся предложила в первый раз. Ну, спросить зеркальника.

Руся скептически огляделась.

– Один зеркальник – один дом, – напомнила она. – Мне теперь что, обходить все дома и звать зеркальников, чтобы они вспоминали про Всеволода и третьего ворона?

– А обходить втроем весь микрорайон? Тем более что третий ворон сейчас, может, уже дома и дрыхнет? – уныло предположил

Митя. И зевнул. – Эх, а я бы еще поспал! Дома такой возможности-то нет...

– Данияр, мы все в этом деле новички, – обратилась к нему Руся. – А есть такой нечистик, который все про всех в микрорайоне знает? Ну, кроме барабашек?

– Есть такой, но он... – Данияр пожал плечами. – Его еще найти надо.

– А как звать?

– Дорожный.

– Просто как-то, – пробормотала Руся. – А барабашки его могут знать?

– Я только слышал о нем, но никогда не видел. Так что не знаю.

– Тогда подойдем к первому попавшемуся жилому дому и попросим барабашек показать дорожного.

– А пошли! – загорелся идеей Митя.

Данияр заметил, что Александр Михайлович смотрит на самых юных в их недавно образовавшейся команде как-то... как на ребяташек, которые слишком быстро выросли.

Сам же Данияр чувствовал громадное облегчение. И не только потому, что дело сдвинулось с мертвой точки, но и потому, что уже два ворона под его защитой. Ведь Митю он сумел защитить. Александра Михайловича, который выглядит не просто крепким, а крутым, но вряд ли готов дать отпор нежити, он тоже сможет оградить от смерти.

Найти бы побыстрее третьего. Ведь пока в городе один натравленный упырь остался целым и невредимым. Но, узнав о второй смерти недавних двух упырей, его создатели наверняка поднимут еще одного. И ладно бы если только одного, а не нескольких сразу... Откуда они берут трупы? Кто они сами? И в самом деле, на первый план выходит актуальный вопрос: зачем гибель воронов тем неизвестным? И Данияр сейчас ругал себя только за одно: в прошлую ночь он был с Русей в квартире Всеволода. Узнал много информации, но не сообразил, что сведения при помощи зеркальника берет только из мобильного телефона Всеволода. А ведь надо было не только подробней допросить зеркальника, надо было пошарить по полкам книжного шкафа Всеволода, где тот, как знал Данияр, хранил дела, с которыми приходилось сталкиваться воронам, в том числе и учет выполненных заказов.

Наследников у Всеволода нет. Если полиция закончит это дело, пусть даже не отыскав убийцу, квартира вскоре будет недоступна для Данияра. Значит, в следующую ночь, если сегодня все обойдется, надо снова наведаться в квартиру Всеволода, в которой пока не было обыска.

Руся и Митя все еще обсуждали план, как вызвать дорожного.

Припомнив, что он обычно берет с собой, Данияр кивнул и сказал:

– Я попробую его вызвать. Надеюсь, получится.

– А как? – заинтересовалась Руся.

Он снял с себя цепочку с небольшими шариками, наполненными смесями трав и песка, а также иными ингредиентами, открыл один шарик и высыпал его содержимое на ладонь. Пришлось сунуть руку в салон машины: ветер уж очень сильный.

Склонившись, Данияр прошептал над смесью старинный вызов духа, присовокупив в нужных местах имя – дорожный. И только после этого выпрямился, отошел от машины и высыпал смесь на асфальт. Ветер, теперь уже надежный помощник, взметнул смесь и разметал-погнал ее в разные стороны.

Итак, придется немного выждать, пока один из дорожных не откликнется на колдовской воронов зов. В очередной раз Данияр с облегчением подумал об удаче в лице Руси. Без посредницы было бы тяжело. И времени на поиски воронов он потратил бы гораздо больше.

## Глава одиннадцатая

### *Данияр*

Возле подъезда Александра Михайловича они были в девять. Сейчас – одиннадцатый. На просторной театральной площади пустынно – на первый взгляд. На взгляд второй – уже видно, что в тени колонн с одной стороны сидит парочка, а с другой – негромко разговаривает и смеется небольшая компания. На пешеходной дорожке между театральной площадью и дорогой – активное движение, потому как напротив театра остановка. Солнце недавно сбежало от подступающей ночи, и яркие фонари оказались весьма кстати.

Руся вполголоса предложила Александру Михайловичу сесть в машину, а Мите остаться там же сидеть – на всякий случай, чтобы не спугнуть вызываемого духа. Данияр промолчал, но одобрил.

Они вдвоем вышли чуть впереди машины.

Если девушка напряженно всматривалась в площадь перед ними, то Данияр слушал место. В ночном многоголосии гула машин, невнятных обрывков чьих-то разговоров, шелеста ветра в листьях и траве он слышал другие звуки и видел непривычное для горожан: в кустах, обрамляющих театральную площадь с двух сторон, шуршали осторожные, даже крадущиеся шажки множества пока даже им не опознаваемых существ; в прохладном воздухе безоблачного неба порой мелькали, на мгновения закрывая точечно белые звезды, отнюдь не птичьи фигурки, да и сами крылатые фигурки были настолько прозрачными, а то и неясными, что чудились лишь игрой теней и света с поверхности земли...

Задумавшись, он не сразу понял, почему Руся внезапно присела на корточки, а потом вообще решительно встала на колени и уселась на бедро. Хорошо еще – в джинсах. А то ведь даже на летнем асфальте по ночам прохладно.

Он шагнул к ней и замер, чуть улыбаясь.

Одной рукой Руся упиралась в асфальт, другую держала чуть вытянутой, с раскрытой ладонью. И до этой ладони, открыв рот, благоговейно дотрагивался ладошкой тщедушный, ростом еле-еле в полметра старичок, с треугом на голове, из-под которого сзади торчала

косица. Опирался старичок на суковатую палку-клюку и был одет тепло, несмотря на разгар лета: в какой-то продолговатый пиджак, который язык не поворачивался назвать пиджаком, а хотелось обозвать чем-то вроде «пинжака» либо зипуна. Из-под этого зипуна словно росли настолько длинные штаны, что они не только почти скрывали босоноготь старичка, но и волочились следом лохмушками, впрочем, как и слишком длинные рукава зипуна. Дорог старичок пробродил явно немало.

Любопытствуя – слышал много, но видеть впервые увидел, Данияр осторожно, чтобы не спугнуть, присел на корточки чуть позади Руси.

В ночном воздухе прозвучал ее негромкий вопрос:

– Знаешь ли, дорожный, Всеволода? Ворона?

И ответила, будто сама сказала, после неожиданного певучего чириканья:

– Знаю. Бывал здесь старшой-то.

Данияр заметил, что дорожный, отвечая, чуть скосился набок, словно пытался разглядеть ворона, присевшего рядом. Причем в свете фонаря будто умятое к центру морщинистое личико овеяло мягким удивлением: ты-то разве не знаешь?

– С кем говорил Всеволод в те дни, когда ты его видел на... – Руся запнулась, и Данияру пришлось подсказать:

– На твоей земле хоженной?

– Да с воронушкой говорил! С кем ему еще говорить-то? А ты, стало быть, толмачиха, что ли, мил-девица?

– Толмачиха, дорожный. А ты мог бы нас провести к месту, где живет... – Руся снова запнулась на полуслове, но на этот раз обернулась к Данияру. – А разве среди воронов женщины бывают?

Тот успел кивнуть.

– Могу, как не мочь, мил-девица. А можно ль, покамест туда спешим, поболтать с тобой, девица-толмачиха?

Руся снова обернулась к Данияру, видимо смущенная ситуацией: дорожный мал, но как идти с ним рядом, при этом еще и разговаривая? Ворон примерился было сам предложить дорожному посидеть у него на руках на время дороги, но по его ногам и лицу словно дохнуло прохладой. Данияр еще подумал, что завтра будет росисто: что-то уж больно холодом от земли веет.



Но рядом с уже знакомой фигуркой первого дорожного внезапно появилась вторая, почти такая же, которая стремительно, хоть и так же певуче, застрекотала ошалелым сверчком в лицо первому. У Данияра аж рука дернулась попросить Русю прикоснуться ко второму, чтобы узнать, какие новости он так встревоженно сообщает. Но первый дорожный, открыв рот, выслушал второго, а потом глянул на Русю.

– Умуна ищите? – страшным шепотом перевела девушка. – Не найдете! Воронушку ищите? Не приманите – присвоили уже! Гостей не ждете? Встречайте, кого не просили ехать, не чаяли видеть!

Дорожные резко ударили палками-клюками по асфальту. После слаженного суховатого стука оба сгнули как не бывало. Будто резким порывом ветра обоих смело.

Данияр немедленно встал на ноги и помог подняться Русе.

– Что такое умрун? – торопливо спросила девушка, отряхиваясь от пыли. – Почему это слово не перевелось?

– Оно перевелось, – ответил ворон, поспешно и обеспокоенно оглядывая площадь и на всякий случай посматривая в сторону машины. – Это одно из старинных прозвищ упыря. Руся, надо бы подойти ближе к машине, а потом...

Театральную площадь в разных оттенках серого цвета неожиданно будто перерезали белыми полосами машинных фар. По глазам яркий свет ударил нехило... Данияр попятился, таща за собой несколько испуганную Русю, которая, впрочем, и не сопротивлялась. Ведь следом за первой парой ярких полос их ослепили еще две. Но вскоре звук моторов затих, а белые полосы угасли, потускнели.

Три машины встали напротив одной, с темными фарами и с двумя фигурками, довольно жалко смотревшимися в обливающим их перекрещенном белом свете.

Это Данияр оценил обстановку со стороны, как они вдвоем с Русей выглядят.

Да, смотрелись жалко...

Он уже наполовину расшифровал сказанное дорожными, а потому примерно предполагал, кто к ним сюда приехал и зачем.

Хлопнула дверца белой машины. Другая... Пересекая площадь, к нему с девушкой зашагали три фигуры в белом.

– Это алконосты? – прошептала Руся, вцепившаяся в его ладонь.

– Да, не бойся. Они ничего не сделают плохого.

– Я не боюсь, просто дорожные сказали, что...

Первая фигурка остановилась в трех шагах от них.

– Какие люди!.. – медленно сказал Данияр, сам удивляясь насмешке, прозвучавшей в его голосе. Хотя чего уж говорить... Алконосты – девушка чуть впереди, по бокам мужчины – шагали так торжественно и важно, что не хочешь, а посмеешься. – И под охраной!.. Доброго вечера, Анжелика! Что привело тебя сюда, под сень театральных колонн? Никогда не думал о тебе как о заядлой театралке.

– Хватит паясничать, Данияр, – раздраженно сказала молодая женщина. – Ты прекрасно знаешь, с какой целью мы сюда приехали.

– Нет, не знаю, – все так же медлительно покачал головой ворон. – Девушку-ворона вы уже рекрутировали. Что же вы сейчас здесь-то ищете?

– Откуда ты?! Откуда ты... – чуть не взвилась от злости женщина.

Но взяла себя в руки, косо глянув на Русю. Не ты ли, мол, уже все вызнала у нечистиков?.. Анжелика, насколько знал Данияр от Всеволода, – молодая ученица алконостов, которую предводительница здешнего клана готовила себе на смену, растила, как она любила говорить.

– Да, мы уговорили ее примкнуть к нам, – вызывающе ответила Анжелика. – Мне кажется, ты немного зарвался, Данияр. Мы в городе сила. И предлагаем тебе не просто так к нам примкнуть. Ты будешь гораздо сильнее, если встанешь под наше крыло. Что ты сейчас для города, если ты один? Твою посредницу мы не берем в расчет. Она неопытная. Ты просто не сумеешь ее нормально защитить, если вдруг понадобится. И ты не верил, что мы сумеем ночью защищать город. Так вот! – В голосе Анжелики зазвенели торжествующие нотки. – Сегодня вечером мы убили упыря и тем самым спасли девушку-ворона!

После недолгой паузы Данияр с некоторым недоумением (не показным – он и впрямь удивился, только не тому, чего ждала от него алконост) спросил:

– И чего ты теперь ждешь? Что я на колени бухнусь и взмолюсь о пощаде?

– Приведите ее! – бросила Анжелика, почти не оглядываясь. И встала руки в боки.

Руся не только начала цепляться за его ладонь, но и прижалась к нему.

– Это та самая, которая меня у входа в ТЦ дожидалась, – прошептала она.

– Да, я уже понял... – Он тихонько похлопал ее по руке. – Руся, не бойся. У нас тоже козыри есть. – Он вдруг склонился к ней. – Если только ты сама не захочешь...

Она поняла его недоговоренность и возмущенно прошептала:

– Ни за что!

Между тем от одной из машин, к которой ушел мужчина, сопровождавший Анжелику, побрели еще трое. Двое были также в белом, шагали спокойно, а между ними плелась фигурка в черном.

– Они что, избили ее, что ли? – ахнула Руся.

– Нет... Скорей всего... она, как наш Митя, столкнулась с упырем.

– То есть она дралась и алконосты спасли ее?

– Да.

– Они озверели, что ли?! – все тем же разъяренным шепотом снова возмутилась Руся. – Если спасли, чего сразу не помогли с ранами?! Почему они заставляют ее идти?! Ведь видно же, что она с трудом держится!

Данияр затаенно вздохнул, глядя, как двое мужчин то и дело ставят ковыляющую фигурку на ноги, помогая шагать.

– У них целители сильные. – Он снова вздохнул. – Так что они могут себе позволить лишние минуты выждать с лечением.

– Я не про целителей! Ей же больно! Прямо сейчас!

– О чем шепчетесь? – бесцеремонно спросила Анжелика.

– Ей больно! – чуть не рявкнула Руся. – Неужели вы не понимаете!

– Девочка, милая, – снисходительно сказала алконост, – это ты не понимаешь, какие силы будут задействованы в ее исцелении. Уже завтра она будет порхать как бабочка... Наши ребята предлагали ранее – и теперь я повторю: девочка, переходи к нам. Что ты будешь с этим вороном дружить? Что он может предложить тебе? А у нас ты будешь не только уважаемой, но и богатой. В отличие от ворона мы можем предложить тебе огромное поле деятельности, за которую отлично платят.

– Не обращай ко мне на «ты»! – громко сказала Руся. – И я тебе не девочка, а посредница, толмачиха. – И, проследив, как мужчины в очередной раз тряхнули девушку-ворона, зашипела сквозь зубы и со злорадством выпалила: – А деньги я и так буду громадные получать – от вас! Ведь теперь вы знаете, что в городе появилась толмачиха! Единственная и неповторимая! И, если понадобится, будете мне платить столько, сколько я запрошу!

– А гонору-то! – преувеличенно ахнула Анжелика. – Гонору-то у этой малолетки!

Но ворон заметил, что гневная отповедь Руси ее задела.

А вот насчет малолетки – это она зря сказала...

Руся процедила:

– А если я вам понадобится, пусть присылают другого алконоста на переговоры! С тобой, со старухой, я разговаривать не собираюсь!.. Господи, зачем вы ее привели?!

Девушка, стоявшая между алконостами, и впрямь имела весьма плачевный вид. Данияр, глядя на нее, жалостливо поморщился: вся в черном и кожаном – то ли металлистка, то ли байкерша, а то и готка... Ей небрежно вытерли кровавые потеки на лице и на руках, обнаженных до локтя. И видеть эту несчастную...

Хотя насчет несчастной... Девчонка подняла голову: тонкое лицо, еще не вполне оформившиеся черты – ровесница Руси? Что ей такого сказали о Данияре, если она с неожиданной злобой впиалась в его лицо черными, бездонными, густо разрисованными глазами? Как будто это он натравил на нее упыря...

Анжелика обернулась к ней, а потом высокомерно сказала, взглядевшись сияющими глазами в ворона:

– Мы привели ее для наглядного объяснения, с чем ты, Данияр, остался в городе. Ты одинок, ворон. А у нас был бы не один. И что ты теперь значишь? Ты жалок. После смерти Всеволода ты не сумеешь организовать дела, которыми славились вороны. А вместе с нами, с алконостами, ты будешь гораздо... – Она усмехнулась. – Эффективней.

Как об аппаратуре какой... Но это Данияр еще мог пережить.

– Именно ради этого ты привела сюда эту девочку? – спросил ворон, с жалостью глядя на девушку-ворона, у которой то и дело

подгибались колени, а алконосты, не глядя, вновь и вновь встряхивали ее, чтобы она продолжала стоять, не повисая на их руках.

– Нет. Не ради этого. Мы показываем несчастной, кто причина ее травм и боли. Это ты виноват в том, что упырь напал на нее! Ты! Ты не сумел защитить ее от упыря, а значит – на тебе вина за ее состояние!

Руся, державшаяся за его рукав, внезапно дернулась так, что он отвлекся и понял: она пытается оглянуться.

Машина, на которой они приехали сюда, стояла за их спинами – в двух-трех шагах. С погасшими фарами. И, возможно, алконосты посчитали ее за абсолютно постороннюю. Но вот она качнулась, и раздался щелчок замка на двери... Теперь, на эти подсказывающие щелчки, оглянулся и Данияр.

С обеих сторон от машины к ним с Русей подходили Александр Михайлович и Митя. Вечерняя полутьма и игра света и теней скрадывали царапины и кровоподтеки на лице Мити, а потому трудно было различить, насколько он пострадал. И он старался не хромать, шел, словно залихватски опираясь на машину.

Александр Михайлович уверенно встал с той стороны, где стояла Руся. Митя – сбоку от Данияра.

Анжелика поперхнулась, всмотревшись.

– Кто здесь говорит об одиночестве? – хмуро сказал Александр Михайлович. – Дамочка, вы мне очень не нравитесь! Бросаетесь словами так, будто осведомлены абсолютно обо всем!

– Мне – тоже не нравитесь! – подхватил возмущенный Митя. – И почему вы вините Данияра? В отличие от вас он сам дрался с упырями! Тоже мне придумали подставу!

Пока Анжелика хватала ртом воздух, вытаращившись на двух воронов, о существовании которых не догадывалась, Митя оттолкнулся от машины, на которую опирался, и целеустремленно прохромал к девушке-ворону. Остановился в шаге от нее и злобно сказал:

– Дурой будешь, если этим поверишь! Дурой! Поняла?! И будешь дурой, если останешься с ними! Ворона бесхвостая...

– Митя!.. – негодуяще позвал Александр Михайлович.

А Данияр вдруг прозрел. Он вскинулся, когда понял, что произошло.

– Анжелика, ты не смела этого делать! – проговорил он, неверяще глядя на алконоста. – Не смела! Ты воспользовалась ее состоянием и взяла с нее клятву?

Мужчина-алконост резко посмотрел на Анжелику. Та сжалась, но крикнула:

– Я все сделала правильно! Она была в сознании, а значит, клятва правильная! Ты не можешь меня упрекать в нарушении наших законов!

– Да она на ногах-то еле стоит! – сорвался на крик и ворон. – Вряд ли она соображала, какую клятву дает!

– Уходим! – чуть не в истерике завизжала молодая женщина. – Не слушайте его! Он специально меня порочит, чтобы оправдаться перед... перед этими! Уводите девчонку!

Данияр встревожился, что вместе с девушкой-вороном могут силой увести и Митю. Кажется, то же обеспокоило и Александра Михайловича. Он быстро шагнул вперед и, ухватив сзади за футболку, буквально оттащил Митю от алконостов.

Девушку сунули в одну из машин. Хлопнули двери, и, по впечатлениям, машины алконостов не уехали с площади, а сбежали с нее.

Трое воронов и Руся смотрели им вслед.

Данияр поежился. Он не привык переживать слишком глубоко, но сейчас вновь чувствовал себя подавленным. Столько эмоций испытать... Как будто его асфальтовым катком переехали.

– Что это было? – задумчиво спросил Александр Михайлович. Он казался самым спокойным из них. Но ворон слышал его учащенное дыхание. – Ценность Руси подтвердилась... – Он улыбнулся смущенной его словами девушке. – Данияр, что там с этой клятвой? Почему она испугалась твоих слов?

– Она потребовала с ворона клятвы быть на стороне алконостов, и девушка дала эту клятву. Но была при этом... не совсем вменяемой. Из-за боли или из-за того, что была... удивлена тем, что узнала о себе. Ну, что-то типа шока или дезориентации у нее точно было. Поэтому данная ею клятва среди наших не является настоящей.

Они помолчали. Руся уже не цеплялась за его рукав, а обняла его руку, плотно прислонившись к нему самому. И это как-то ободряло...

– И что дальше? – зябко передернув плечами, спросил Митя. – Вернемся домой?

– Интересно, – все так же задумчиво сказал Александр Михайлович. – Я еще не со всем разобрался в этой новой для меня жизни. Но один вопрос... Он очень логичен. Как они-то узнали про эту девушку? Ты-то, Данияр, понятно. Ты рассказал, как узнал про меня и про Митю. А откуда они узнали, что упырь нападет именно на нее? Если у них посредников своих нет...

Прежде чем ответить, Данияр опустил голову, раздумывая, признаваться ли. Потом вздохнул и пожал плечами.

– Если бы я знал, где она живет, первым делом пошел бы искать ее. Она слабей вас, Александр Михайлович. Чисто физически. А потому я не удивлюсь, что именно по этой причине упырь в первую очередь нашел ее. Точнее, его натравили на нее. Боюсь, я пошел по легкому пути – сначала разыскал вас, потому что ваш адрес был известен.

– Из чего мы делаем вывод, – заключил Александр Михайлович, – что те, кто поднимал упырей, знали обо всех воронах. И я согласен с Митей – что дальше?

– У Всеволода оставались книги и записи, – медленно сказал Данияр. – Я бы хотел съездить за ними. С Русей, если она не будет возражать. А вы... вы можете ехать домой.

– Ну нет, – возразил Александр Михайлович, – пока мое семейство отсутствует, пока я располагаю свободным временем, давайте-ка съездим туда с комфортом. На моей машине. А вдруг придется перевозить эти самые книги и рукописи? Ты же сам не знаешь, сколько их там.

Уже в машине Данияр, севший рядом с водителем, собрался с духом и признался:

– Кое в чем Анжелика права. Из меня плохой организатор и руководитель.

– А что вообще делают вороны в городе? – спросил Митя. – Ну, кроме того, что ходят на упырей?

Данияр улыбнулся его наивному представлению о деятельности воронов, но ответил серьезно.

– Я скажу так, как мне говорил когда-то Всеволод. С давних пор на Руси были волхвы, волшебники, колдуны и ведьмы – так

называемая эзотерическая жизнь. Темная половина этой жизни называлась Навь. И мы, вороны Чернобога, ее неотъемлемая часть. Наша вотчина – ночь и связанные с ней... процессы. В основном – смерть и пророчества, намертво связанные между собой. И по мелочи – работа с темными силами, которые порой начинают слишком нагло поднимать голову. Но смерть не значит, что вороны несут ее кому-то. Хотя бывало всякое, как в последние ночи. Чем я занимался до сих пор? Ночами слушал город... – Он помолчал и снова начал рассказывать: – Никто никогда не задумывался, как умирают порой одинокие люди в своих домах? Эта смерть тихая и горестная, потому что за мертвыми приходят только тогда, когда от гниющего тела начинает исходить смрад. А иной раз приходят, когда тела ссыхаются... А души, не отпетые, мыкаются и плачут над ними... Я слушаю город и иду туда, где отлетает одинокая душа, но остается на невидимой другим тончайшей привязи с телом. Я захожу в квартиру и проверяю, в самом ли деле человек одинок. А потом звоню тем, кто должен забрать и похоронить тело в течение трех дней. Иногда удается предотвратить смерть – это происходит, когда я улавливаю тонкое, еле слышное сотрясение пространства и понимаю, что вот-вот произойдет непоправимое. Можно и вообще предупредить смерть, но это бывает очень редко...

– Что ты сказал?! – вдруг вскинулся, не оглядываясь на него, Александр Михайлович. – Можно предотвратить? Можно уберечь от смерти?

– Можно, – спокойно подтвердил ворон. – Но это случаи... механические. Можно прийти вовремя – и отговорить от самоубийства. Можно прийти и оттащить человека, который вот-вот перейдет дорогу – одновременно с машиной, которая внезапно рванет на скорости и может сбить его. Такие случаи часто бывают. А что? У тебя были предвидения или предчувствия?

Младшие будто затаились на заднем сиденье, жадно вслушиваясь в их разговор. Но Александр Михайлович молчал, хотя его учащенное дыхание было слышно отчетливо.

– Несколько лет назад я служил по контракту, – негромко сказал он. – Побывал много где... Сейчас-то у меня жизнь мирная. Работаю бригадиром слесарей по газовому оборудованию. А вот когда служил – всякое бывало. Сны уже тогда были. Ну, что вороном летал. Только



пару раз случалось – видел во сне, кто из наших ребят погибнет в операциях, которые предстояли. Во сне это было... было так: вороном спускался к убитому и смотрел ему в лицо... Сначала посчитал глупым такие пророчества. А потом, как погибли те двое, которых видел во сне, стал приглядывать за теми, кто... – Он осекся. – Пробовал отвести от них беду. Даже пытался разговаривать с ними, чтобы сами поостереглись. И только однажды получилось одного из беды вытащить... Сейчас, пока живу в городе, такого почти и не видел. Впрочем, вру. Приснился дед однажды. Со стороны отца. Он как раз один жил. Наутро рванул к нему. Опоздал.

После такого откровения в машине надолго затихли. Дорога мчалась под колеса машины, переливаясь темно-желтыми огнями редких фонарей...

– Данияр, а почему мы только сейчас... – начал Митя и замолчал, видимо не зная, как объяснить то, что пришло в голову. И наконец нашелся. – Ну, это... Если мы, я и Александр Михайлович, – вороны, почему нас искали только-только? Почему не раньше?

– Ворон открывается не сразу, – ответил Данияр. – Способности могут просыпаться, а потом снова заглохнуть – и надолго. Вас начали искать сейчас, потому что вороны в вас проснулись окончательно.

– Поэтому все такие разновозрастные, – задумчиво подытожил Александр Михайлович и вздохнул. – Хотя я хотел бы пораньше узнать обо всем.

– Подожди, Данияр, – чем-то озадаченная, вступила в разговор Руся. – Получается, в последние сутки ты не слушаешь город? Потому что нами занимаешься? А если в это время... Ну, если кто-то умер и лежит в своей квартире? – Голос у нее дрогнул.

– Трое суток, – напомнил Данияр. – У меня еще есть время. Но – да. Город у нас большой. И после того, как пришлось заниматься упырями и воронами-новичками, мне предстоит работа в следующие ночи – объезжать нужные дома и проверять их.

– Подожди-ка, – забеспокоился теперь и Митя, – это что же? Ты едешь по городу, тратишь свои кровные, чтобы?..

– Работа такая, – заметил ворон и чуть усмехнулся.

– А как впишемся во все это мы? – спросил Александр Михайлович.

– Вы можете и не вписываться, – сказал Данияр. – Воронами никто не заставляет быть. Если не использовать полностью пробудившиеся способности девять дней, они постепенно засыпают – и уже навсегда.

– Я не хочу! – возмущенно сказал Митя и поправился: – Не хочу, чтобы они засыпали!

Не обращая внимания на его слова, Данияр закончил:

– Если же вы собираетесь использовать способности ворона, то я начну обучать вас слушать город – это во-первых. Во-вторых, надо будет изучить нечистиков, как их назвала Руся, чтобы в будущем отличать их от нежити. Потом покажу, как чистить помещения от зловредных духов. Последнее, кстати, единственный мой заработок. Ну и по мелочи всего наберется. Будь жив Всеволод, он бы научил большему. Я ведь всего лишь исполнитель.

– А зачем этим алконостам нужно, чтобы ты перешел к ним? Из-за Руси?

– Из-за нее тоже, – со вздохом кивнул Данияр. – Но в основном потому, что они, последователи Белобога, хотят контролировать и Навь. А это возможно только с помощью ее представителя.

– Фиг им, а не Руся, – проворчала девушка, явно впечатленная перечисленными обязанностями ворона.

Александр Михайлович с некоторым недоумением смотрел вперед, на бегущую дорогу, а потом, будто собравшись с мыслями, озвучил их:

– То есть у нас сейчас три представителя Нави и одна – Белобога?

– Руся не относится ни к одному из них, – покачал головой Данияр и улыбнулся, когда девушка аж подпрыгнула на сиденье от любопытства. – Еще раз напоминаю ее предназначение: она посредник между светлым, темным и человеческим мирами.

Руся шмыгнула носом, сияя от собственной значимости. Это было так потешно, что даже Митя засмеялся – и тут же тихонько охнул, схватившись за живот.

Но Александр Михайлович не просто определялся, уточняя.

– На сегодняшнюю ночь у нас, получается, несколько дел, – медленно, раздумчиво сказал он, слегка с вопросительными интонациями. – Побывать в квартире у вашего Всеволода и взять бумаги. Затем поехать по городу и попасть в те квартиры, где... – Он

осекся и сделал движение, будто хотел оглянуться, но просто посмотрел в зеркало заднего вида на младших.

– Это я сделаю сам, – поспешно сказал ворон.

– Ну нет. Если уж начали, то вместе. Разве что Русю с Митей забросить домой?

– Руську забрасывайте, но не меня! – недовольно сказал парнишка.

– Ща как стукну! – пообещала ему девушка, сердитая из-за бесцеремонного «Руська».

– Мы едем через весь город, – философски сказал Данияр. – Так что спите, пока есть возможность, а то вы мне там сонными не нужны.

Парнишка и девушка переглянулись и, немедленно ткнувшись друг в друга головами, закрыли глаза. Хм... Угроза подействовала – усмехнулся ворон и, пока те жмурились, осторожно перебросил через спинку сиденья махонькую горсточку трав и толченого в крошку пера. Минута... другая... Плечи младших расслабились. Эти двое уснули по-настоящему. Данияр не собирался таскать за собой «детешек», на которых ночь пока действовала слишком сильно.

– Это что?

– Этому я тоже научу, – пообещал Данияр, и Александр Михайлович кивнул, успокоенный.

## Глава двенадцатая

### *Руся*

Крепкий сон источал смачный запах мятных пряников. А снилась деревня... Два года назад, летом, в каникулы, одноклассница уговорила Русю на одну ночку съездить к бабушке – за ягодами. Та жила в полчаса езды от города, если ехать на автобусе.

Приехали не совсем вовремя. У одноклассницы оказалась очень шустрая бабушка, которая как раз закончила красить дом, пока дождей нет. Девочкам она обрадовалась, ягоды, которыми прельщала подружка, были замечательные. Но спать в ту ночь Русе было тяжело. Подружка-то уснула сразу. А Руся ворочалась от тяжелого, влажного запаха краски, будто пропитывающего ее саму. Потом стало хуже: чуть позже, ближе к двенадцати часам ночи, к этому запаху добавился аромат... нет! Вонь – приторно сладкая, бьющая в нос густотой, словно облако на дом спустилось. Несколько ошарашенная Руся решила, что так пахнут мятные пряники. Но почему настолько мощно? Благо кровать стояла у полуоткрытой двери в сени, девочка выскользнула из избы, а потом уселась на деревянных ступеньках крылечка во двор. Но летняя ночь оказалась слишком прохладной. Пришлось вернуться в сени и оглядеть доску-вешалку, прибитую к стене. Через две минуты Руся уснула, завернувшись в ватную фуфайку, а в помещение вернулась за полчаса до пробуждения хозяйки избы. На обратном пути Руся осторожно спросила подружку о сладком запахе, даже утром витающем в доме. Выяснилось, что у бабушки болят ноги и она мажет их камфорным спиртом.

Во сне Руся улыбнулась. Тогда, два года назад, ей почудилось, что подружкина бабушка втихоря от внучки и ее подруги ест любимые мятные пряники...

Но сейчас запах мяты снова ощущался отчетливо, хоть и не так ужасно, как от камфоры. Наверное, кто-то в машине жует жвачку... Чем больше она об этом думала, тем более прозрачным становился сон. А значит, прямо в нем возникали и другие вопросы. Например, почему в машине так спокойно? Она не дергается при торможении, не летит на открытых участках дороги так, чтобы их с Митей вжимало в

спинку сиденья, ее не потряхивает на пешеходных переходах, где есть «лежачий полицейский»...

А потом началось странное. Та самая тряска, которая отсутствовала до сих пор, началась внезапно и страшно. Правда, тряслась не машина, а сама Руся. А еще было впечатление, что по ней... бегают, оттого она и трясется.

Руся не сразу выдралась из сна. Но, едва сумела открыть глаза, сон исчез как не бывало. Да, она и Митя в машине, но стоящей на месте. Наверное, Данияру стало жалко их будить, и он с Александром Михайловичем ушел в квартиру Всеволода без них. И девушка успокоилась бы на этом предположении, продолжая наблюдать, как барабашки весело скачут по ее рукам и плечам, если бы один из нечистиков не цапнул что-то с ее колена, а потом бросил и снова включился в беготню по человеку. Медленно, чтобы не спугнуть барабашек, Руся подняла соринку и посмотрела на окно. Нет, щель только наверху и узкая – видимо, чтобы воздух поступал в машину.

Опустив глаза, она заметила: соринка много, и хорошо, что в машину попадает свет подъездного фонаря. Одной рукой она обобрала все соринки, сжимая их затем в кулачок: выбросит потом, когда придут мужчины... Рассеянно взяла несколько штук с колена Мити. И чисто машинально поднесла ладошку с мелким сероватым сором к носу. Холодным ароматом мяты повеяло не сильно, но отчетливо...

Не мятные пряники. Не жвачка. Не камфора... Перед глазами вновь появилась картинка: Данияр бросает чем-то в бывшую любовницу (а в этом сомнений теперь нет), и та утихает и равнодушно уходит из подъезда.

Данияр усыпил ее и Митю!

Откуда-то изнутри начала вздыматься злость.

Так нельзя! Это несправедливо!

Руся повернулась к дверце, чтобы немедленно открыть ее и помчаться в квартиру Всеволода. Чтобы ворваться в нее и, наплевав на глубокую ночь, наорать на ворона и на Александра Михайловича...

Она уже взялась за дверную ручку, но встревоженно обернулась к Мите. Нельзя. Выходить нельзя. Митя – тоже ворон, и неопытный, и прошлой ночью его едва не убили. Оставлять его в машине, да еще спящим... Разбудить и повести за собой? Но тогда машина останется без присмотра!.. У-у, Данияр! Бессовестный! Загнал в ловушку! А она-

то о нем думала, что он добрый и заботливый... Стоп! Не мигает ли снаружи поставленная Александром Михайловичем противоугонка?.. Руся честно попыталась увидеть синие всполохи, но – увы. А выйти побоялась.

Закипая настоящим гневным бунтом из-за невольного заключения, Руся сердито смотрела на подъездную дверь и представляла, как видит Данияра выходящим, как он подходит к машине и как она уничижающе говорит ему: «Использовал меня, да? И тебе не стыдно уподобляться алконостам?!» А потом придумывала другие слова, похлеще, пообидней – такие, чтобы его сильно задело, обидело. И даже барабашки, продолжающие бегать по ее и Митиным плечам, не утешали... Она мрачно смотрела из темной машины на ярко освещенную фонарем дорожку к подъезду и думала, как бы завтра, то есть уже сегодня утром, например, отказать Данияру, если тот снова позовет на помощь. Отказать так, чтобы он понял ее значительность и важность как посредника. А не использовал как глупую девчонку, которая только и делает, что смотрит ему в рот...

– В мешке...

Девушка от испуга подпрыгнула на сиденье. Выдохнутые Митей шепотом слова продрали морозом по спине. Стремительно развернувшись к Мите от окна, она уставилась на него. Барабашки затаились на тех местах, где их застал этот шепот... Отмерев, Руся, слыша собственное сердце, все еще больно колотящееся от мгновенного страха, пригляделась к парнишке: вот так по-дурацки решил подшутить над ней? Но Митя совершенно очевидно продолжал спать в наведенном вороном сне. Вспомнив, как можно узнать, видит ли сны спящий, Руся всмотрелась в его закрытые веки, благо свет с улицы позволял разглядеть его лицо. Да, глаза под веками неровно двигались, а дыхание... Митя дышал все учащенней, как будто видел кошмар. И вскоре Руся испугалась. А если с ним что-то за время отсутствия старших произойдет? И что же он видит в своем сне, если говорит про какой-то мешок?

А потом Руся вспомнила кое-что и взяла себя в руки, хотя это было непросто. «Митя – ворон, – еще раз напомнила она себе. – А если он видит пророческий сон? Предсказание? А я сорву ему это предсказание... Тем более если человек резко просыпается, он сразу забывает все, что видел во сне. Даже у меня такое бывало. Нет уж...

Пусть досмотрит, а потом расскажет, что видел». И села поудобней, чтобы слышать все, если парнишка-ворон снова заговорит. На всякий случай – слышать. А если он все-таки забудет, что во сне было? А она, Руся, скажет ему, что именно слышала от него, и Митя вспомнит свой сон.

Теперь девушка уверилась, что Данияр не зря оставил ее в машине рядом с Митей. Думая о воронах, об их странных способностях, она, усиленно размышляя над всем подряд, немного путалась с тем, где способность, а где – стечение обстоятельств, но приходила к выводу, что и стечение обстоятельств у воронов не бывает напрасным. А вдруг такие ситуации – это тоже прозрение, только... ну, на этом – интуитивном уровне? И барабашки не сбежали, а тоже смотрят... Значит, она, Руся, права, и надо сидеть смиренно, сторожа юного предсказателя.

А заодно можно подумать еще кое о чем.

Девушка-ворон.

Бедненькая... Как ей досталось от упыря... Если алконосты – хозяева светлого дня, то почему они так небрежно отнеслись к раненой? Или светлый день еще не значит – добрый день? Алконосты – обычные люди с даром, только им дано использовать его днем? Но в любом случае девочку могли бы сразу перевязать. Да хоть умыть от крови!..

– Из багажника...

Шепот Мити снова застал врасплох.

Руся встрепенулась. Две фразы, сказанные шепотком, показалось, были связаны между собой по смыслу. Например, потому что мешки и правда можно положить в багажник. Но о каких мешках говорится в его сне? Какие мешки он видит там? Или... Руся аж заледенела от страха. Воображению представилась яркая картинка: злоумышленники пробрались в морг, отыскивали нужные им свежие трупы – и теперь впихивают их в мешки, которые потом прячут в багажник. А потом из тех трупов они – Данияр сказал: некроманты! – будут сотворять упырей!

Бедный Митя! Ну и сны ему снятся!.. Руся даже захотела пожать ему руку и вообще посидеть не просто так рядом, а именно – сжав ему ладонь, чтобы и во сне он знал, что не один. Но опять-таки побоялась

прервать сновидческое прорицание, а потому лишь вновь уставилась на парнишку-ворона с ожиданием.

А если не морг? Если в мешки затаскивают выкопанных покойников – только-только с кладбища? Воображение мигом подкинуло кадры из парочки фильмов про зомби... Правда, дальше этих кадров у Руси не пошло, так как зомби – это все-таки зомби, а упыри – это упыри. Зомби сожрут всех и всякого, а упыри сосут кровь. Ну и в некоторых случаях, как тот, в котором она участвует, будут стремиться убить определенного человека. Хм... Значит, они, эти упыри, мертвецы-киллеры?

– Совсем рядом...

Вот уж после этого Руся внутренне взмолилась: «Проснись! Сам проснись, Митька! Мы хоть спрячемся в подъезде! У него дверь металлическая, домофонная – ни один упырь не прорвется! Митя!»

И тут барабашки подозрительно пропали. Все как один.

Русю затрясло. Она пригнулась так, чтобы ее не увидели снаружи и чтобы глаза пусть и с трудом, но могли еще следить за улицей. А та оказалась отнюдь не пустынной, как думается, когда смотришь на ночные дороги. Машин и сейчас очень много – личных в основном. То паркуются возле домов, то срываются с места. То и дело слышно чирикание брелоков-противоугонок, а потом гул мотора. И очень много прохожих. Машину свою Александр Михайлович поставил сбоку от двери в подъезд, потому что рядом стояли еще две – площадка приподъездная очень просторная. А на дороге, параллельной дому, время от времени появлялись энергичные прохожие. Шли не прогулочным шагом, не уставшие, не сонные... Руся с надеждой предполагала, что в темной машине их с Митей не видно. Да и кто среди ночи будет вглядываться в салоны припаркованных у дома машин? И тут же холодела: тот, кто ищет воронов!

А Митя спал. И дыхание постоянно менялось. Как только Руся с той же надеждой слышала размеренное и вроде как спокойное и думала – вот он, момент разбудить, не пугая внезапностью, как парнишка-ворон тут же начинал дышать учащенно, словно срывался с места, а потом... потом бежал так, что только пятки сверкали! И это его дыхание было еще страшней спокойного. Если учащенное дыхание, то будить нельзя: существовала опасность разбудить ворона внезапно для него самого. А если он при этом сон забудет?!



– Трое...

Выдохнув, Руся решила. Информации от парнишки-ворона она собрала достаточно – пусть с этими многозначительными обрывками разбирается Данияр! А не она, несчастная, перепуганная до ужаса посредница!

– Митя...

Ей показалось – она лишь на шелесте, на одном выдохе произнесла имя ворона, но парнишка открыл глаза немедленно.

– Что... случилось? – сиплым со сна голосом спросил юный ворон. И скосился на окно. – А где эти?..

Хороший вопрос! – просияла Руся.

– Старшие ушли в квартиру Всеволода, – шепотом объяснила она. – А нас оставили. Но нам тоже туда надо.

– Зачем? Хотя я тоже хочу... Ну, посмотреть, что там...

– Не из-за этого. И говори шепотом.

– Почему?

Руся колебалась пару секунд – не больше. И тем же шепотом выпалила:

– Я боюсь! Пока спал, ты тут столько нарасказал, что я чуть не... – Она осеклась. Митька – не подружка, чтобы продолжить: «Чуть не описалась!»

– А что я? – встревожился Митя и сел удобней – развернувшись к ней.

– Ты сам-то помнишь свой сон?

– Нет. Вроде как нет, – добавил он неуверенно.

Девушка, чувствуя себя немного виноватой из-за его прерванного возможного предсказания, все же быстро пересказала все слова, ненароком подслушанные из сна юного ворона, а потом поделилась выводами:

– Нам надо в подъезд. А что, если ты видел трех упырей, которых выпустили в городе? Что, если из тех троих один уже рядом? Ты еще... – Она хотела сказать «слабый», но предпочла не обижать Митю и подкорректировала: – Ты еще не оправился! А если они побьют стекла и полезут в машину?

– Рядом? – Он быстро оглядел пространство чужого двора, а потом посмотрел на подъездную дверь. – А как дверь откроем? Позвоним старшим?

– Не знаю, – неуверенно ответила Руся. – Данияр при мне один раз открыл домофон, просто приложив к нему ладонь...

Оживившийся Митя завозился, чтобы выйти из машины. Кряхтя, он открыл дверь (Руся мысленно перекрестилась: она боялась, что старшие заперли их здесь!) и высунулся посмотреть наружу.

– Интересно, а он что-нибудь говорил при этом?

– Нет, вроде молчал. – Руся предпочла не говорить, что не помнит, как все происходило у Данияра.

Она быстро выбралась со своей стороны и подбежала к Мите. Лечили его, конечно, шустро, но ведь раны быстро не заживают. Так что она хоть и не собиралась взваливать его на себя, как медсестра в фильмах про войну, но решила идти рядом и быть начеку, если что-то пойдет не так.

Митя медлительно подошел к двери и хмыкнул, глядя на домофон.

– Давай быстрее, – поторопила его Руся, то и дело оборачиваясь, чтобы держать двор и его окрестности под наблюдением.

– А куда он прикладывал руку?

– Вот сюда!

Парнишка-ворон приложил ладонь на указанное место и замер. Тишина – и никаких подвижек.

– Не получается.

Руся затаила дыхание: от угла довольно длинного дома по дороге двинулась какая-то фигура. Двинулась неторопливо. Запоздалый прохожий? Или... упырь?

– Русь, может, позвонишь Данияру?

– Нас усыпили, – машинально ответила девушка, чтобы объяснить ситуацию разом. – Они не хотели нас брать с собой.

– Ну ни фигя себе! – удивился Митя. – А ты так и скажи, что мы проснулись и не хотим сидеть в машине, пока они там.

– А если он велит сидеть и сторожить машину?

Фигура не спеша приближалась. У Руси задрожали руки, но она все-таки не позволила страху полностью овладеть ею. И не могла понять себя. Такая жуткая ситуация, а она ищет глупые отговорки, чтобы не выглядеть перед Данияром трусихой!

Митя протянул руку и требовательно сказал:

– Давай свою мобилу!

– Зачем?

– У тебя там Данияр.

Логично. Пусть Митя и звонит. Он ворон – и Данияр ворон. При чем тут посредница? Не ее хотят убить. Хотя могут и ее прикончить – как свидетеля. Или просто заодно. Кто знает, что у этих упырей в их мертвых мозгах творится...

Руся лихорадочно выдрала телефон из заднего кармана джинсов. Нашла телефонную книгу и не глядя сунула мобильник Мите. Подозрительная фигура плелась уже за два подъезда от них.

– Нет, это Митя! – грубовато сказал парнишка-ворон, когда на том конце связи откликнулись. – Какая квартира у вас? Мы сейчас войдем! – А потом обернулся к Русе и подбадривающе кивнул: – Все хоккей! Сейчас будем там.

– Давай быстрее... – зашипела Руся, заметив, что фигура на расстоянии подъезда от них оживилась и поддала скорости. – Быстрее, Митька! Там какой-то непонятный тип! А вдруг!.. Быстрее же...

Митя быстро отбарабанил названный ему номер квартиры, уныло пропел домофон, и двое вбежали в подъезд, а потом Митя вцепился в дверную ручку и заставил дверь побыстрее закрыться. Щелчок.

Двое в полутьме подъезда посмотрели друг на друга и сильно вздрогнули, когда снаружи явно попытались открыть дверь. Забыв о том, что дверь закрылась, парнишка-ворон снова вцепился было в ручку, но Руся коротко кивнула ему в сторону лифта:

– Бежим!

Уже в кабине лифта Митя задумчиво сказал:

– А вдруг здешний жилец? А мы, как дураки, перед его носом дверь закрыли.

– Ничего, – сердито отозвалась Руся и передернула плечами. – Если жилец, у него ключ должен быть. А если нет – сам дурак! Пусть от своих дома получит за то, что разбудил, и за позднее возвращение! И за нас, что испугал.

– Ты испугалась?

– Он шел медленно. А когда нас увидел, сразу побежал.

– Значит, точно жилец, – заключил Митя. – А мы ему по носу.

– Не фиг было плестись, – уже не совсем логично сказала девушка и вздохнула. – Добежал бы – вошел бы с нами. Но мне кажется, это не жилец.

– Из-за моего сна? – с любопытством спросил Митя.

– Ага! – опомнилась Руся. – Вот что я хотела спросить. Ты свой сон-то не вспомнил? Что у тебя там было? Ты то спокойно дышал, то запыхался, как будто за тобой гнались!

– Не помню. Ты не ответила. Почему ты решила, что не жилец?

– Не знаю.

– Русь, слушай, а ты можешь барабашек на разведку выслать? Ну, чтобы они узнали, кто это такой?

– Нет... Я пока такое не умею – посылать на разведку.

Когда лифт остановился, дверь нужной квартиры сразу открылась. В прихожей их встретил Данияр.

– Не могли там подождать? – недовольно буркнул он и только начал разворачиваться, как Митя сказал ему в спину:

– В город привезли еще трех упырей. Один, возможно, сейчас топчется у подъезда.

– Что-о?..

В прихожей появился Александр Михайлович. Старшие быстро допросили младших, после чего... Руся открыла рот. Митя – тоже, но с откровенным восхищением.

Данияр на секунду замер, словно прислушиваясь к себе. Александр же Михайлович огляделся суженными глазами и снял с вешалки сложенный зонт с хорошим таким набалдашником. Первым к двери шагнул Данияр – даже не оборачиваясь на Александра Михайловича. Пара невнятных слов уже за порогом – и Данияр побежал по лестнице вниз, а Александр Михайлович шагнул к лифту, велел остающимся:

– Закройтесь! Откроете потом...

Руся подбежала к двери и щелкнула замком – тот оказался из простых.

– Интересно, окна квартиры во двор выходят? – задумчиво спросил Митя, и они кинулись по комнатам искать эти самые окна.

– Здесь! – крикнул он, и Руся побежала к нему.

Увы... Крыша над дверью подъезда закрывала обзор. Оба вздохнули и вернулись в прихожую – дожидаться старших. Пересекая большую комнату, Руся заметила, что в ней хороший такой беспорядок. Старшие устроили обыск?

– Что там у них... – ворчал Митя, топчась у входной двери и время от времени поглядывая в глазок.

– Если там упырь, – вздыхала Руся, – как думаешь, куда они его труп денут?

– Напротив этого подъезда, на другой стороне дороги, контейнер стоит для мусора. Ты разве не видела? – удивился парнишка-ворон. – Вот туда и скинут.

– Где ты там видел контейнер?

– А его машины тамошние закрывают. С твоего места не видно, а с моего – да.

– Данияр говорил, что надо бы запомнить лицо упыря или заснять его на телефон, – вспомнила Руся. – Хоть один из старших взял мобильник?

– Зачем запомнить? – поразился Митя.

– Можно поискать потом и опознать, с какого кладбища взялся. А там, глядишь, можно и некромантов найти.

– Руся, ты так... легко об этом говоришь, – уважительно сказал он. – Как будто сама давно в этом живешь...

– Угу, живешь, – буркнула Руся, хотя его предположение ей польстило. – Пара дней – и все. Просто меня как будто за шкиряк взяли и бросили в это во все.

Негромкий стук в дверь возвестил о приходе старших.

– Ну что? – накинулись на них с порога младшие. – Тело спрятали? В мусорку выбросили? Или еще куда? Лицо засняли?

Но какой-то расслабленный Александр Михайлович лишь слабо улыбнулся их напору и ответил:

– Пьяный жилец это был.

– Ну-ка, садитесь за стол и рассказывайте теперь спокойно и с подробностями, – призвал Данияр и кивнул на гостиную.

Рассказывать по второму разу пришлось Русе. Митя отказался, потому что сна не помнил, а его шепот слышала лишь девушка.

Выслушав и задав пару уточняющих вопросов, старшие вороны переглянулись.

– Итак, там поняли, что упыри уничтожены, а потому оперативно подняли еще троих? – спросил Александр Михайлович. – Но как они об этом узнали?

– Легко, – проговорил Данияр. – Наверняка на каждом из них была колдовская метка, по которой их и отслеживали хозяева.

– А у вас что? – нетерпеливо спросил Митя. – Нашли свои бумаги?

Оба старших неожиданно стали серьезными и даже какими-то раздосадованными.

– Бумаг нет, – нехотя отозвался Данияр. – Кто-то забрал абсолютно всё. Всех наших клиентов. Все наши карты с местами, которые мы обрабатывали от негатива.

– А вы вызовете этих, барабашек, – предложил Митя. – Пусть они все расскажут. Да и этот, как его, зеркальник тут, наверное, есть. Пусть его Руся допросит.

– Не получится, – с сожалением сказала девушка, чуть опередив Данияра. – Насколько я поняла, все квартиры воронов защищены от проникновения нечисти.

– Секунду, а лестничная площадка на этом этаже? – спросил Александр Михайлович. – Она тоже защищена от просмотра этой самой нечистью?

Данияр просветлел лицом и, взглянув на Русю, прошел к двери. Они вышли на площадку, и Руся осмотрелась. В самом темном углу, на потолке, она обнаружила зеркальника и быстро пробежала еще одну лестницу вверх, где и уселась на подоконник. Минута на зов и установление контакта – как она это для себя назвала. Затем здешний зеркальник осторожно спустился к ней и уже привычно неощутимо положил свою длинную конечность на ее руку. Она закрыла глаза, впитывая и запоминая нужные образы... Все это время настороженный Данияр стоял рядом и следил за происходящим.

– Ну что? – нетерпеливо, словно Митя, спросил он. – Ты видела этих людей?

– Видела, – чуть обиженно ответила она. – Они в черных очках были! Правда, я запомнила номер машины, на которой они приехали, но... зеркальник сказал, что номер был слабо прикручен. Возможно, поддельный, который потом сняли.

– А сколько их было?

– Трое, как в прошлый раз.

Они вернулись в квартиру, где их дожидались Александр Михайлович и Митя.

– И опять во главе всего встает вопрос о воронах, – сказал Александр Михайлович, хмурясь после отчета Руси. – Кому вы так насолили, что вас хотят уничтожить? Уж если даже дела забрали... Там были личные данные?

– Нет, – покачал головой Данияр. – Только коротко о том, что уже сделано.

– Теперь вообще без работы? – сочувственно спросил Митя.

– Нет. Пока у меня один заказ на исполнение, да обещался еще один клиент позвонить. Так что без работы пока не буду.

– Жаль, что зеркальник не мог войти сюда, – покусав губу, заметила Руся. – Может, здесь они сняли бы очки?

– Это не могли быть алконосты? – неожиданно спросил Александр Михайлович. – Может, вы им как кость в горле из-за каких-то ваших дел?

– Нет, вряд ли, – чуть усмехнувшись, сказал Данияр. – Им ночь, несмотря на всю их похвальбу, не подвластна. Да и обращались они сами к нам довольно часто, если знали, что только мы можем помочь.

– А чем они занимаются? – заинтересовался Митя.

– Тем же, что и мы, только с обратной стороны. Мы уничтожаем. Они вливают силы туда, где требуется их помощь. Иногда работали совместно: однажды я очистил одно местечко нехорошее, а потом приехали алконосты и прямо при мне начали вливать в него силы, чтобы оно обрело привычную мощь. Их вотчина – работа и здоровье. Они стараются помогать там, где не хватает светлой силы.

– Но почему тогда эта Анжелика такая... – Руся замаялась.

– Я понял, – спокойно отозвался Данияр. – Просто не надо забывать, что она всего лишь человек со способностями алконоста. Как и все мы. А характеры у всех разные. Вот и все... По-моему, нам пора уходить.

Они тихонько спустились к машине. Руся увидела, как Данияр коротко взглянул на четвертый этаж и быстро сел рядом с Александром Михайловичем. Сердце девушки сжалось. Всегда тяжело прощаться...

Поскольку Александр Михайлович хотел узнать побольше подробностей о деятельности воронов, к которым сам теперь принадлежал, то Данияр и его пригласил к себе – до конца ночи. Руся, представлявшая примерно, о чем будут говорить мужчины и

парнишка-ворон, сразу сказала, что пойдет спать. Хотя втайне надеялась, что Данияр ответит: ей обязательно надо остаться у него вместе со всеми. Облом. Данияр сочувственно покивал и отпустил ее к бабуле – отсыпаться. Впрочем, натягивая на себя одеяло, полусонная, она была благодарна его заботе.



## Глава тринадцатая

### *Данияр*

Ранним утром, когда Митя не выдержал и уснул прямо за столом, Данияр и Александр Михайлович напоследок съездили к дому Мрака – еще раз проверить квартиру. Когда вошли в помещение, Александр Михайлович остался в прихожей, побаиваясь заходить, поскольку не умел двигаться так, как Данияр.

Квартира оказалась все так же пуста. Ни следа Мрака. Вроде все вещи на месте, но... Впечатление, словно предметы обихода принадлежат странно пустому человеку – человеку, которого трудно назвать личностью: ни одного признака, что Мрак жил здесь хотя бы три дня. Все нейтрально и усредненно.

Старик, кажется, нашел место, где можно отлично спрятаться от преждевременной смерти. Данияр его не осуждал. Никому не хочется умирать... такой смертью.

Две недели пролетели, как пролетает лето. Только оглянулся – все вокруг зазеленело и запело, а вот на тебе – уже и август, с его слишком высоким и пустым без стрижей небом!

Данияр уставал так, как никогда до этого. Приходилось заниматься немислимым для себя делом – обучением воронов-новичков. А заодно и посредницы. Причем обучение шло, к сожалению, абы как: вспомнил одно – рассказал и показал; подвернулась под руку проблема – использовал как пример. Ну и дальше так: что буквально липло к обучению, то и рассказывал, объяснял. В основном, конечно, учил слушать город, угадывать места, где тлеет смерть, и определять: она уже произошла или уловилось ее предчувствие. А когда наитие стало четким, начал учить ощущать негатив в городе – особенно в ночные часы, когда этот негатив становится доступным для поисков.

А еще раскрывал «карту» города, знакомя новичков с семьями и кланами. И тоже не сразу всех вспоминал, а поначалу говорил лишь о тех, кто важен в общении с воронами в первую очередь.

Новички очень удивились, когда узнали, что в городе есть свои некроманты, которые тоже пытаются разобраться с чужими упырями. Но группа некромантов, чуть многочисленней группы воронов на данный момент – всего двенадцать человек, была слишком неопытна: как-то не вовремя умерли их последние старейшины, и молодым пришлось учиться самостоятельно, в основном по книгам. Появись в городе бывалый некромант, он бы выучил ребят побыстрей, но... это всего лишь мечты.

И Данияр сознавал, что воронам-новичкам повезло: у них есть хотя бы довольно часто ранее практиковавший ворон.

Ему очень нравилось, как увлеченно всему подряд учится Руся. Девушка не отказывалась и от уроков с Данияром, и от занятий, на которых она чаще всего самостоятельно изучала тех, чью речь ей приходилось переводить. Однажды он нечаянно заглянул в раскрытый блокнот, оставленный ею на столе. Сама она на его балконе активно общалась с нечистиками, окруженная в основном барабашками и ничками. Заглянул и не сумел удержать улыбки: «1. Кикиморки болотные – такие старушечки на куриных лапках и с куриными клювами. 2. Барабашки – пушистики с глазами. 3. Зеркальник – невнятная тень, которую на руке иногда чувствуешь, а иногда – нет. 4. Нички – махонькие толстушки такие, которые по ночам стучат в стены и в окна, шалют». А на второй странице почему-то без объяснений все то же – только в столбик и под датами: «1. Кикиморки. 2. Барабашки. 3. Дрема. 4. Нички. 5. Зеркальник». И так далее. Данияр не сразу понял, что Руся пытается сосчитать, сколько нечистиков увидит в сутки. А когда сообразил, вспомнил, как ей сам рассказывал и о чем, и по-доброму усмехнулся: девушка хочет увидеть крылья воронов!.. Кстати, с лесопарковыми болотными кикиморками Руся недавно пообщалась удачно и теперь бегала с новой прической – той же плетенкой, только вместо травинки кикиморки вплели в волосы тонкие золотистые ленточки, которые девушка специально купила для этого дела.

А еще Данияр с грустью вспоминал воронушку и проклинал свою нерешительность: в ту ночь надо было все-таки настоять, чтобы алконосты отдали девушку им, воронам. Анжелика приборзела, грубо говоря, а он ведь поймал ее на этом... А так... Девчонка промелькнула в их жизни – и пропала. Адрес ее они нашли, да что с того. А ведь,

судя по внешним данным и по характеру, она была бы боевиком ему на пару. Единственное – теперь придется постоянно сторожить ее от упырей. Хоть алконосты и сами ее стерегут, но ведь они отнюдь не вороны. Да, жаль, что она с ними...

С другой стороны... Если клятва алконостам была ненастоящей, девчонка вольна в своих устремлениях. Захочет уйти от алконостов – Данияр возражать не будет.

Александр Михайлович учился, как и ожидалось, лучше всех. Если младшие, обучаясь, успевали открывать рты и делиться впечатлениями, часто не относящимися к делу, то бывший военный буквально вгрызался в воронову науку, а на всякие дива дивные смотрел изучающе, чисто практически...

Митя плохо слышал город, зато его сны были яркими и отчетливыми. Благодаря ему первого из новой тройки упырей, вброшенных в город, сумели поймать и уничтожить на следующую же ночь. Другие двое то ли очень хорошо затаились, то ли были настолько ловкими, что утром уходили из города на время дневной спячки, но найти их было трудно. Даже Митины сны не помогали.

Данияра это бесило до крайности. Ведь, чтобы продержаться до выполнения «задания», упырь должен пить кровь. А если чертовски оголодает, то жертв не оберешься. И он ведь не только кровушку тогда тянуть будет. Еще и разорвет, озлобившись с голодухи. Его и науськивать не придется...

Спустя те две суматошные недели Данияру позвонил теперь уже старый знакомый. Алконост. Именно с ним чаще всего общался Всеволод, если алконосты находили что-то интересное для служителей ночи. Именно Степан был послан к Данияру, когда алконосты обнаружили, что с ним ходит внезапно появившаяся в городе посредница. До сих пор Данияр знал его только по имени – до появления Руси. Теперь – в лицо.

– Данияр, доброго...

Он споткнулся на привычном для себя «дне», и ворон чуть улыбнулся.

– Доброго, – тем не менее настороженно ответил Данияр, глянув на часы: время к десяти вечера, и вся его компания вновь собралась у него – думать, как еще можно использовать Русю, чтобы добраться до

упырей. Обычно Степан так поздно (для алконоста) не звонил. – Что случилось?

– Понимаешь... – замялся тот. – У нас небольшая странность. Мы вызвали сначала Иннокентия, а он сказал, что... Ты знаешь, кто такой Иннокентий? – встревоженно перебил сам себя Степан.

– Знаю, – ответил ворон. Иннокентий был одним из двенадцати некромантов города. Данияр его помнил по делам, когда совместно с некромантом работал Всеволод.

– Он сказал, что вороны должны знать, что это такое, – не совсем уверенно проговорил Степан. – Ты не подумай... Мы знаем, что ты давно всем этим занимаешься, но ведь Всеволод чаще... – Он снова замялся.

Хоть Степан его не видел, Данияр машинально пожал плечами.

– Может, я посмотрю сначала? – предложил он. – А потом скажу все, что знаю.

– Хорошо, – с облегчением согласился Степан. – Записывай адрес.

– Я буду не один, – предупредил ворон.

– Ну, мы на это и рассчитывали.

Тонкий намек алконоста на новую встречу с посредницей Данияру не очень понравился. Но делать нечего, работа превыше всего. И он записал адрес, после чего объяснил своей заинтригованной компании, что происходит нечто чрезвычайное. Александр Михайлович поднялся первым... Митя ходил все еще довольно медленно – не привык, что на нем все может зажить как на собаке, и все еще боялся боли.

Была еще одна проблема. Как «оперившиеся», то есть осознавшие, кто они есть, вороны, Александр Михайлович и Митя легко переносили вынужденное бодрствование по ночам. Им хватало пары часов сна в день, чтобы чувствовать себя в любое время суток выспавшимися. Руся же частенько зевала, если ее приходилось вызывать по утрам. А еще поначалу с младшими были две проблемы. Одну решили легко. Митя больше не враждовал с отчимом. Старшие вороны поговорили с последним, и мужчина больше не трогал пасынка и не цеплялся к нему.

А вот с Русей было иначе. Она искала работу, чтобы не сидеть на шее у своей семьи. Но работа – летом? Найти очень трудно – особенно постоянную. И тогда вмешался Александр Михайлович: он пообещал

девушке поднять свои связи среди бывших однополчан, живущих здесь, и попросить их трудоустроить выпускницу школы.

Повеселела же Руся после того, как, решив одно дело благодаря ей, Данияр вручил ей часть денег, обещанных ему клиентом. Убедившись, что без помощи не останется, Руся полностью погрузилась в изучение обитателей ранее неведомого ей мира.

Машина мягко неслась по поздневечерней дороге среди трехэтажных домов. Элитных домов. Микрорайон этот Данияр знал. Бывал пару раз с Всеволодом. Здесь селились те, кто достаточно богат. И потому в каждом доме было, как правило, лишь шесть квартир.

– Данияр, ты хоть примерно представляешь, зачем ты понадобился алконостам? – спросил Александр Михайлович.

– В общем – представляю, – откликнулся ворон. – Они наверняка начали какое-то дело, связанное с ночью. Или конкретно с воронами. И облажались, если не сказать хуже. Они ж думают, со всем справятся.

– Самоуверенные, – заключила Руся.

У одной такой трехэтажки белую машину алконостов увидели сразу. Фонари-то сильные. Александр Михайлович остановил машину у торца дома, благо здесь хорошие ограды, и выглядело так, словно он въехал в небольшой отсек закрытого двора.

Вышли все сразу, и как-то так получилось, что Руся оказалась между Данияром и Митей, а Александр Михайлович подстраховывал ее сзади. Девушка заметила инстинктивную раскладку сопровождающих мужчин и только смешливо фыркнула:

– У меня эскорт как у королевы!

– А то! – отозвался Митя, зорко вглядывавшийся вперед.

Но за несколько шагов до машины алконостов Руся сама осторожно ушла за спину Данияра. Ворон, почувствовавший ее перемещение, только кивнул: мало ли что, для начала надо выяснить, зачем они здесь и как их встретят. Подвергать юную посредницу психологическому давлению не хочется. Из небольшой группы к ним шагнул Степан. Данияр услышал за спиной новое тихое фырканье – Руся узнала алконоста, преследовавшего ее у торгового центра.

– Добрый вечер, – несколько нервно приветствовал их Степан.

– Добрый, – отозвался Данияр и представил своих спутников.

Краем глаза он отметил, что Анжелика в группе из шести человек стоит так, чтобы ее не сразу можно было разглядеть. Отступила в тень, чтобы не раздражать приехавших воронов? Если так, то неужели такая умная – или кто-то подсказал?

– У тебя здесь все новички? – явно риторически спросил Степан и вздохнул. – Сначала мы покажем только тебе, а потом будешь решать, звать ли с собой остальных.

Боковым зрением Данияр заметил, как напрягся Александр Михайлович.

– Все нормально, – кивнул ему. – Думаю, я недолго.

Он рассчитывал, что группа алконостов войдет в дом вместе с ним. Но нет, те не сдвинулись с места. Насколько он сумел рассмотреть в свете фонарей и машинных фар, все они были очень встревожены. И успокоился: в таком состоянии они вряд ли будут напирать на посредницу с целью уговорить остаться с ними. Он отметил, что воронушки среди алконостов нет. Не взяли с собой, потому что неопытная?

Вслед за Степаном он вошел в дом.

Здесь, в роскошном холле, сидела на боковом диванчике консьержка и, икая от недавнего плача, всхлипывала. А стоящий рядом молодец в полувоенной форме, вероятно здешний охранник, тихонько ее в чем-то убеждал.

Степан, не глядя на них, прошел к коридору слева. Данияр следовал за ним, бесшумно ступая по мягкой ковровой дорожке. Алконост вошел в приоткрытую дверь и, не сбавляя шага, начал пересекать то ли громадную гостиную, то ли... Данияр даже не знал, как назвать это помещение, уставленное мебелью под старину и сплошь украшенное коврами как на стенах, так и на полу. «Охота ж им тут постоянно пылесосом работать? – рассеянно восхитился он, начиная прислушиваться к внутренним впечатлениям. – Или я отстал от жизни и у них тут прислуги полон дом?»

Мельком взглянул на окна, не зашторенные, за стеклами которых золотом полыхало узкое зарево на краях облаков – остатки торжественного заката. словно по инерции, подумал: «Узнать бы, сколько сейчас времени...» И поразился себе: зачем? А потом забеспокоился – он на месте, которое вызывает тревогу у алконостов... Интуиция начинает работать. Время... Что со временем?

Ворон отрешился от всяческих мыслей о постороннем. Заметил, что алконост все еще идет впереди него, но постепенно замедляет шаг. Направление легко увидеть: открытая дверь, перед которой стоит еще один алконост и, замерев и напряженно вытянувшись, наблюдает за чем-то, что происходит в невидимом пока Данияру помещении. Судя по движению головы алконоста, внутри помещения кто-то ходит.

– Вот, – ненужно сказал Степан. И остановился сбоку от дверного проема.

Алконост, стоявший у двери, оглянулся и посторонился, давая дорогу ворону.

Данияр не спеша, цепко приглядываясь к ярко освещенному помещению, переступил порог и застыл на месте.

В грудь ударила ледяная волна. Он чуть не задохнулся, уже на одних рефлексах чертя в воздухе перед собой защитный знак и подаваясь назад.

А ночь уже вползала в помещение, несмотря на яркое освещение и здесь. Вползала, властно сменив вечер... Вползала, властно сгущая время...

– Ты что... – начал было Степан.

– Вон отсюда!.. – рявкнул Данияр, не оглядываясь на обоих алконостов.

Внутренне ужасаясь тому, что собрался сделать, он кинулся в помещение.

Девушка-ворон немислимо медленно оборачивалась к нему – медленно под воздействием витающего в помещении заклятия. Она не успевала даже перевести взгляд на Данияра... Такая беззащитная в своем черном прикиде и безжалостно брошенная неумехами и дуболомами-алконостами на произвол судьбы... Такая хрупкая перед временем, которое неумолимо начинало сжиматься...

Ворон, на считанные мгновения свободный от заклятия, сгустившегося в комнате, подлетел к ней и рывком поднял на руки. Шепотом и лихорадочно отчитывая заклинание колдовского отпора и отторжения, он помчался со своей ношей назад, к дверям, в которых, как последние дураки, встали алконосты. Не поняли, что он им крикнул?.. Они как будто не понимали, что все его действия продиктованы жесткой необходимостью, а потому беспомощно

открывали рты и пытались сказать что-то то ли в свое оправдание, то ли, наоборот, агрессивно желая урезонить его.

– Вон отсюда! Уходите! – вновь зарычал он, нисколько не сомневаясь, что эти... так и останутся на пороге, мешая ему быстро выбраться из увиденного кошмара.

Они, подстегнутые его рыком или испуганные скоростью и боясь быть сбитыми им, все же освободили ему проход. И тогда он не просто выскочил с воронушкой на руках, а еще и ногой ударил сначала по одной двери, а затем – по другой, вбивая обе в косяк и желая заклинить их там.

Не отдышавшись, не отвечая на вопросы всполошенных алконостов, которые растерялись и, кажется, наконец-то испугались по-настоящему, он бросился в коридор. Спиной чувствовал, как выпирают двери из косяка, а потому, перескочив новый порог, обернулся к двоим, бегущим следом:

– Закрывайте двери! Быстро!

– Но там хозяин квартиры!

– Сколько дней это продолжается?!

– Три! – проблеял второй алконост.

– Нет больше там хозяина! – снова рявкнул ворон и развернулся бежать по коридору к выходу из дома. – Сдох уже! Бегите!

Бежать и молиться Чернобогу, чтобы тот оградил свою – воронушку! Чтобы было так, что та не успела попасть в центральный водоворот и осталась прежней! Чтобы было так, что он, Данияр, явился вовремя и сумел ее вытащить до того!

А девушка-ворон на его руках снова невероятно медленно поднимала голову и ужасающе медленно взглядывала на него, на Данияра. И он, видя ее равнодушное лицо, умирал в душе, потому что это он виноват в том, что с ней произошло! Если бы он в прошлый раз не бросил ее на произвол судьбы, если бы отвоевал ее раньше, с ней бы ничего не произошло! И сам до боли в глазах вглядывался в ее бесстрастное лицо: не появились ли на нем морщины, не выцвели ли ее глаза?! Вроде ничего нет... Но ведь признаки старения могут проявиться и позже!

Он выскочил во двор и развернулся вместе с ней на руках к алконостам.



– Данияр, не слишком ли много на себя берешь? – недовольно начала Анжелика.

– Кто?! – злобно прохрипел он, глядя ей в лицо. – Кто ее послал на смерть?! Кто оставил ее там одну?! Почему ты сама там не осталась?! Сволочь!

Анжелика отшатнулась, испуганная силой его гнева.

Алконосты зароптали было, но после его слов о смерти замолкли.

– Данияр... – предостерегающе сказал Александр Михайлович, и он едва не прижал воронушку к себе, когда ее хотели забрать у него.

До затуманенного ужасом сознания с трудом дошло, что это свои, что возникшая рядом из тени Руся похлопывает его по руке, озабоченно заглядывая в глаза...

– Возьми! – Он передал воронушку на руки Александра Михайловича и снова обернулся к Анжелике. – Какого черта... – сквозь зубы проговорил он, стискивая челюсти и уже страшась, что сорвется и будет орать. – Какого черта вы сразу не позвали меня, если сразу поняли, что это дело ночи?!

– Откуда мы знали... – звонко заговорила Анжелика, стараясь напористо перебить его. – Мы уже третий день работаем здесь – и ничего такого.

У Данияра перехватило дыхание.

– Третий... день? – И взглянул на алконостов. – Здесь все, кто был в той комнате?

– Нет, не все, но... – Анжелика тоже оглянулась на своих, а когда посмотрела на Данияра, пренебрежительно предложила: – Если хочешь, я могу обзвонить всех, кто был здесь в первый день.

Она, видимо, думала, что ворона смутит ее насмешка, он поддастся на провокацию и откажется, но Данияр прорычал:

– Звони немедленно! – И, не сдержавшись, вполголоса добавил: – Дура... Какие вы все дураки!..

И даже Степан промолчал: кажется, ужас ворона все-таки напугал всех.

А Данияр, понимая, что его негодование вот-вот перейдет в истерику, которую трудно будет остановить, спохватился и поспешил к воронушке, на ходу снимая с себя все обереги и передавая Мите, чтобы тот повесил ей на шею. Девушка двигалась все еще очень замедленно, и Руся жалобно спросила:

– Что с ней?

– Попала в заклятие времени.

– Что это за заклятие? – тихо спросил обеспокоенный Александр Михайлович.

– Знаю только со слов Всеволода, – нехотя отозвался Данияр. – Такая штука, в которую, если попадешь, сразу стареешь за пару дней. А на третий... – Он перевел дух и договорил: – На третий день умираешь... естественной смертью.

– Поэтому ты велел ей звонить, – осипшим голосом сказал Александр Михайлович и взглянул на Анжелику, которая вполголоса чертыхалась, потому что очередной алконост не отвечал на ее звонок.

Наконец ей надоело, и она набросилась на Данияра:

– Иннокентий сказал, что такое мог сотворить только ворон! Вы же не нашли Мрака! А если это он устроил?!

– Не лезь в дела воронов, – сквозь зубы сказал Данияр. – Зачем нашему старику убивать этого человека?

– А если Мрак свихнулся?! – чуть не завизжала алконост. – Может, напоследок покуражиться захотелось?! Свою силушку показать?! Что здесь произошло?! Не хочешь объяснить?! Ведь мы тебя вызвали, чтобы ты объяснил!

Данияр собрался с мыслями и пересказал то, что уже пояснял своим.

– Сколько человек не откликнулось? – хмуро спросил ворон. Он уже пришел в себя и в душе теперь ощущал сожаление по ушедшим.

– Двое... – тяжело дыша, так же хмуро ответила Анжелика. – А еще одна умирает. Ты... – нерешительно сказала она и коротко взглянула в сторону Александра Михайловича, который все еще не спускал девушку-ворона с рук. – Ты сумеешь спасти нашу... ее, как эту?..

– Слишком поздно, – покачал головой ворон. – Эта девочка сегодня впервые в том помещении была?

– Впервые.

– А твои люди были там два дня. Процесс старения и умирания необратим.

Анжелика посмотрела на окна первого этажа.

– И как долго туда нельзя будет войти?

– Заклятие обычно делают на трое суток. Завтра после восхода оно развеется.

– Откуда ты знаешь? – Ее голос дрогнул. – Откуда ты все это знаешь?

– Память хорошая, – огрызнулся Данияр. – Всеволод много чего рассказывал. А время мы ночью очень хорошо видим.

– Ты уверен, что это сделал не Мрак? – настаивала Анжелика. – Тогда кто?

– Некроманты вообще-то тоже такие штуки иногда проворачивают, – напомнил ворон. – А если это сделали те, кто упырей в город привозит?

– Иннокентий сказал... – начала Анжелика, но Данияр взглянул ей в глаза, и она замолчала.

– Как будто он много знает о воронах, – уже спокойнее заметил Данияр и деловито сказал: – Теперь пусть ваше руководство разбирается со всем, что тут было. Мы уезжаем и увозим девушку-ворона.

– Как хотите.

Ответ подсказал: алконост и сама знает, что клятва, данная им воронушкой, ненастоящая. Поэтому так легко отпускает...

Анжелика мрачно смотрела на их машину. Наверное, она уже в мыслях представляла, как придется отчитываться по технике безопасности перед своими старшими. Ей не позавидуешь... Но и жалеть не хотелось. Ее группе разок повезло – они сумели убить упыря, да еще спасти воронушку. И они решили, что могут все! А это «могут все» обернулось против них. Смертью обернулось.

Сами виноваты. Как виноват и Данияр, не умеющий настоять на своем.

Он не стал что-то еще говорить ей, а развернулся и пошел к машине. Помог усадить постепенно оживающую девушку-ворона на заднее сиденье, между Русей и Митей, и попросил:

– Митя, проследи: как она очнется, пусть не снимает с себя обереги.

– Ага! – пообещал Митя и сурово поинтересовался: – А мы все такое умеем устраивать – ну, со временем?

– Все. Только учиться надо.

– Ты нам многого еще не рассказал, – вздохнул Александр Михайлович. – Что у тебя еще в записке?

– Пока ничего, – отозвался мрачный ворон, то и дело поглядывая назад, на воронушку. – Хотя... Могу рассказать, что именно вороны умеют делать. Например, менять реальность – для отдельных личностей. Но мы не сумеем, потому что старших нет.

– Это как? – удивился Митя.

– Как у загипнотизированных. Они будут думать, что четко видят, что происходит. А на деле все иначе. Руся... Ты плачешь?

– Мне жалко тех алконостов! – всхлипнула девушка. – И эту воронушку тоже жалко. И мы даже не знаем, как ее зовут. Данияр, она выживет?

– Я успел вынести ее до полного отсутствия света, до полного наступления ночи. Может, и выживет. Смотрите-ка, кажись, оклемалась... Эй, как тебя зовут?

– Миранда, – буркнула воронушка.

– Ну нет, говори свое настоящее имя.

– Карина.

– Что ты помнишь, Карина? Помнишь, как ты стояла в той комнате?

– Я все помню, – угрюмо призналась Карина. – Когда ты схватил меня на руки, я думала, что ты заметил... ну, что у меня голова закружилась. Что мне тяжело стоять и что я вот-вот упаду... А потом все. Как будто заболела... Тяжело было...

Еще минута – и девушка-ворон полностью пришла в себя. Это было заметно хотя бы по тому, что она больше не пыталась положить голову на плечо Руси, а села прямо. И Данияр выдохнул с облегчением: не умрет.

Поскольку с девушкой надо было ближе познакомиться, решили отвезти ее на квартиру Данияра. Карина не возражала.

– Только у меня... ноги почти не чувствую.

– Поможем, – пообещал Митя.

И сдержал свое обещание. Не без помощи Руси. Когда приехали к дому, младшие взяли воронушку под руки и повели ее к подъезду. Александр Михайлович торопился следом, чтобы подхватить, если что. Ведь девушка шла не просто неуверенно – у нее то и дело

подламывались ноги, и младшим приходилось держать ее на весу, дожидаясь, пока она соберется с силами.

Данияру даже почудилось в один из моментов, что вся сочувствующая группа только и ждет, когда девушке можно будет оказать помощь.

Они прошли мимо почтовых ящиков к лифту. Краем глаза все еще напряженный Данияр заметил, что в его ящике что-то белеет. Немного поотстав, он запустил пальцы в ящик (ключей при себе не было) и выудил стопку бумаг.

– Что это? – поинтересовался Александр Михайлович, на всякий случай тоже отстав от младших.

Данияр, не веря глазам, перебирал листы. Спohватился и ответил – с очень большим недоумением:

– Бумаги Всеволода.

## Глава четырнадцатая

### *Руся*

Сначала Руся решила, что Данияр испугался. Впрочем, было чего... Она сидела в машине и с содроганием подсчитывала смерти этой ночи. Человек, который жил в том богатом доме. Алконосты, которые двое суток находились у него. Чуть не умерла девушка-ворон Карина... Потом Руся с удивлением поняла, что Данияр не испуган. Он обозлен. Как он разговаривал с этой Анжеликой!.. Нет, Руся могла бы подобрать слова похлеще! Но только после того, как подумает пару минут. А Данияр был искренен именно сейчас и говорил именно то, что чувствовал и думал. И говорил правильно!

Мужчины почему-то отстали, и Руся с Митей, поднимаясь на четвертый этаж, вели под руки девушку-ворона. Та шла как-то дергано: то бодро топала ногами, то вдруг начинала тащиться так, словно вот-вот ее медленно поведет в сторону и она со всей дури грохнется на плиты лестничной площадки. А был момент, когда Карина внезапно огляделась по сторонам, заглянула в лица своих сопровождающих и пробормотала странное:

– Мы ведь еще идем?

– Ага... – пыхтя, ответил Митя.

Он устал, оттого что девушка-ворон опиралась в основном на него, а потому начал хромать на ту ногу, которой две недели назад больше всего досталось от упыря. И тогда, благо Карина пока ни о чем не подозревала и, кажется, до сих пор находилась под заклятием времени, хоть оно и коснулось ее слегка, Руся осторожно, используя повороты лестницы, постаралась взять ее вес на себя. Последний марш преодолели с горем пополам – воронушка, которую Руся уже полностью тащила на себе, опять ничего не соображала, а Митя цеплялся за перила и громко дышал. И Руся подумала так, как наверняка подумала бы ее бабуля: «Мальчишку только-только на ноги подняли, а уже такую тяжесть таскать заставили!» Как там бабуля? Наверное, уже спать легла...

Митя открыл дверь квартиры – в этот раз Данияр оставил ему ключи. Руся немедленно взвалила на свое плечо руку воронушки и

потасила дальше: та опять как-то странно двигалась, отрешенно обводя взглядом потолок и стены. Правда, когда миновали прихожую, она собралась с силами и довольно-таки на твердых ногах, почти не опираясь на Русю, прошествовала к дивану, куда ее Руся с помощью Мити и сгрузила.

– Я за чаем, – вполголоса сказала Руся Мите.

– А мне? – выдохнул тот.

– На всех сделаю, – ободряюще кивнула девушка и убежала на кухню, на которой за две недели освоилась неплохо.

А когда вернулась, воронушка и Митя сидели все так же: она – на диване, он – у стола. Поставив на стол поднос с чашками и бутербродами, Руся первым делом понесла чай Карине, зная, что Митя сам возьмет все, что ему нужно.

– А ты кто? – неожиданно неприязненно спросила Карина. – Я так поняла, что здесь все вороны, кроме тебя?

Поскольку воронушка смотрела в этот момент чуть выше Русиних глаз, девушка сообразила, почему возник такой вопрос. Волосы, необычно перевитые золотистыми ленточками. Чуть не фыркнув, Руся почти наивно ответила:

– А я им помогаю. Чтоб голодными не остались.

Отвернулась, пряча улыбку, и пошла к столу. Митя обалдело глядел на нее. Открыл рот, наверное – спросить, почему она не сказала, что посредница. А потом откинулся на спинку стула. Понял, почему ей не хочется объяснять воронушке?.. Кстати, ничего себе воронушка. Да она целая акула! Ишь, не нравится ей, что среди воронов затесался не ворон! Сама еще в себя не пришла, а уже... критикует.

– Пойду еще бутербродов наделаю, – тихо сказала Руся Мите.

Но Карина услышала и с неожиданным презрением окликнула:

– Так ты прислуга здесь, что ли?

– Сама ты прислуга! – вырвалось у возмущенного Мити. – У этих, у алконостов!

– Ты!.. – взвилась девушка-ворон.

Она, чуть не заикаясь со злости, пыталась найти слова и ответить что-то агрессивное парнишке-ворону. Руся подумала: «А ведь Митя-то прав насчет тебя!», – хотела ее успокоить, но не успела и слова сказать: в комнату вошли мужчины.

– Карина, как ты себя чувствуешь? – сразу спросил Данияр, с тревогой глядя на воронушку. – Голова кружится?

– Нет! – буркнула та, смотря на всех исподлобья.

– Руся, пойдем, без тебя никак, – хмуро сказал Александр Михайлович. – Поговорим с зеркальником. Может, он видел, кто был у почтовых ящиков.

– А что там? – примирительно улыбнувшись Мите от двери комнаты и выходя в прихожую, спросила Руся.

– Кто-то подложил в мой ящик бумаги Всеволода.

Только сейчас Руся заметила в руках Данияра пачку бумаг. Александр Михайлович заглянул в комнату, кивнул удивленной, как мельком заметила Руся, Карине и тоже вышел из квартиры. Руся недоумевала: а он-то почему не остался? Но вспомнила: во-первых, ему надо сторожить посредницу – мало ли. Во-вторых, он до сих пор с детским восторгом воспринимает появление нечистиков, хотя и старается спрятать свои чувства и уже не один раз видел и зеркальника, и барабашек... Митя, наверное, обиделся, что ему приходится сидеть с Кариной. Ничего, как только зеркальник покажет, кто принес бумаги, Руся уведет парнишку-ворона на балкон, и они поболтают с барабашками – те знают множество интереснейших (и абсолютно ненужных взрослым воронам) историй про жителей дома.

Александр Михайлович побежал по лестнице быстрее всех, а Руся вздохнула: жаль, бабулин дом старенький и всего лишь в пять этажей! Был бы лифт – насколько легче было бы и с перемещением воронушки, и с перебежками... А потом она подумала: «Может, не надо было оставлять Митю с Кариной наедине? Переругаются еще без нас...»

Подъезд ночью привычно для ночных путешественников был не похож на дневной: мало того что пустынный, так еще и погруженный в тишину. Чаще за окнами проедет машина, чем из чьей-нибудь квартиры донесется какой-нибудь звук.

Зато какое удовольствие – бежать по лестницам, поглядывая на стены и потолок, где бесшумно топчет следом за людьми целое стадо барабашек!.. Руся чуть не задела паука, спускавшегося на длинной нити над лестницей. Пауку повезло: при виде мчавшихся барабашек он мгновенно взвился к потолку... И что-то Русе вдруг показалось, что не



паук то был, а кто-то иной – из нечистиков. Только вот рассмотреть его хорошенько уже не удалось.

На повороте от одной лестницы к другой Данияр, наверное, взглянул на нее, потому что негромко, точно боясь разбудить подъезд, спросил:

– Чему ты улыбаешься?

Руся непроизвольно издала почти беззвучный смешок, вспомнив:

– Не передрались бы они там в квартире, Митя с Кариной.

– С чего бы это?

– Карина думает, что я в твоей квартире хозяйством занимаюсь. Ну, помощницей по дому. Я-то ей не сказала, что я посредница. А она сразу на меня стала смотреть вот так: фи! А Митя за меня обиделся.

Руся снова хихикнула. Никогда не думала, что возможность прятать свое истинное лицо может приносить удовольствие! Ты считаешь, я всего лишь мелочь пузатая, но я-то про себя знаю, что я – ух какая!.. Почти игра. В маски.

– А тебе это нравится? – спросил Данияр.

Ответить не успела – добежали до площадки с почтовыми ящиками. И девушка опять смешливо скривила рот: хорошо, что ночь уже глубокая, а то бы жильцы глаза на них таращили: чего, мол, разбегались то туда, то сюда? А еще мелькнула мысль: будут ли узнавать алконосты, за что убили того мужчину из богатого дома? Жаль, что из-за временного заклѣтия и из-за Карины пришлось быстро оттуда сматываться. А еще интересно, позовут ли алконосты ее, Русю, чтобы допросить нечистиков, которые в том доме обитают? И можно ли уже завтра, например, входить в тот дом?

Между стенами с рядами вертикальных почтовых ящиков – окно с высоким подоконником. Мужчины одновременно протянули к девушке руки – и этот нетерпеливый жест вызвал их дружный смех. Вот как хотелось побыстрее узнать, кто принес бумаги Всеволода! Все еще смеясь, Александр Михайлович кивнул Данияру – и тот легко подсадил Русю на подоконник.

Мужчины отошли, а девушка, прежде чем звать зеркальника, поняла, что не только ею владеет какое-то необычное возбуждение. Они все, включая Митю, с нетерпением ждут разгадки хотя бы одной тайны.

Ищущим взглядом обвела углы под потолком – и представила полупрозрачную, раскоряченную тень.

Барабашки, толпами следовавшие за посредницей по стенам и потолкам, от окна отхлынули волной, едва потолок дрогнул и из глубоких теней на нем отделилась тень более отчетливых очертаний... Как только тень вплыла в угол подоконника и протянула конечность к посреднице, Руся поспешно задала заранее сформулированный вопрос. А зеркальник буквально сразу передал ей образ виденного.

Забыв, что на ее руке все еще лежит его бесплотная конечность, девушка удивилась: как он это увидел, если дом хоть и пятиэтажный, но подъездов-то в нем – вон сколько! Зеркальник удивление посредницы воспринял как вопрос и отозвался впечатлением, которое на мгновения словно затопило Русю – впечатлением любопытства к незнакомым людям.

– Спасибо, – прошептала девушка.

Когда зеркальник пропал, снова втянувшись в подъездные тени, Руся спрыгнула с подоконника, и к ней немедленно подошли мужчины.

– Это была женщина, – озадаченно сказала она. – Лет примерно как моей маме, около сорока пяти. Одета в светлые брюки и цветастую блузку. Волосы темные, короткие. – Она замолчала, снова вызывая в памяти нужный образ. – Глаза небольшие, а губы только чуть-чуть тронуты помадой. Я ее не знаю.

И вместе с Александром Михайловичем с надеждой уставилась на Данияра.

Тот нахмурился и пожал плечами.

– Таких знакомых у меня нет.

Русе хотелось съязвить: «Есть только дамочки, которые бегают требовать деньги на ребенка, причем не твоего?» Но она сочла неудобным лезть в чужую личную жизнь. Хотя чем дальше, тем почему-то больше Руся вспоминала прелестную женщину с жутким характером. И так же почему-то злилась на Данияра.

Спохватившись, что еще не все рассказала, девушка продолжила:

– А еще... она приехала на серой машине. И номера машины были закрыты чем-то.

– Серая? – Данияр задумался. – Если учесть, что на улице зеркальник видит предметы в оттенках серого, то машина может быть

и белой.

– Номера закрыты? – Александр Михайлович тоже задумался и пожал плечами. – Шпионский детектив. То есть некто заранее предполагал, что нечистики, как Руся говорит, могут описать нам его машину?

– Получается так, – подтвердил не менее удивленный Данияр.

– Значит, это кто-то из кланов или семей? – изумилась Руся.

– Возможно... – сказал ворон, уставившись на свой почтовый ящик.

И они, вполголоса переговариваясь, начали подниматься за Русей по лестнице. Радостные барабашки скакали по стенам и обсуждали зеркальника. Судя по их словам, он уже ушел в другой подъезд, куда кто-то приехал в качестве позднего гостя.

Когда Руся открыла дверь в квартиру Данияра, Карина все так же сидела на диване, положив себе на живот большую, с потрепанным рисунком под гобелен подушку-думку и обняв ее. То ли спала, то ли задремала. В последнем деле ей помогал дрема, взобравшийся на думку и активно зевающий. Митю девушка обнаружила в темной, без света кухне. Он стоял у окна и смотрел на улицу. Мужчины заглянули в гостиную и тоже направились на кухню, где Руся включила верхний свет, несмотря на странное недовольство Мити.

– Данияр, с ней точно все в порядке? – спросила она.

– Теперь уже точно, – ответил ворон. – Около нее еще оставались круги времени, но сейчас они опали. Теперь она в безопасности.

– А ты умеешь такие заклятия убирать? – рассеянно поинтересовался Александр Михайлович, поглядывая на бумаги Всеволода, которые Митя принес сюда, на кухню.

– Нет. Я только вижу, – признался Данияр. – Такие вещи умел делать Мрак. Всеволод тоже, но у него уходило больше времени на снятие заклятия. Мрак же мог глянуть – и заклятия как не бывало.

– Так кто же эта женщина? – спросил Александр Михайлович.

– Что за женщина? – негромко переспросил Митя у Руси, и та пересказала ему все, что видел зеркальник.

– Вариантов ответа на этот вопрос очень много. Надо сосредоточиться на другом. – Данияр сел за стол, не спуская глаз с бумаг.

– Надо, – согласился Александр Михайлович. – Например, на том, все ли бумаги здесь. Ты знал про них – можешь сказать точно, все ли здесь?

– В таких бумагах Всеволод обычно описывал наши дела, – ответил Данияр и оживился. – Между прочим, эти дела могли бы помочь мне вспомнить не только что было, но и чему я еще вас не научил.

– Это как? – удивился Митя.

– Просто. Вспомню, как эти дела проходили, – вспомню, какие приемы применял, чтобы выполнить их. Я предупреждал: я практик.

Он взял в руки бумаги, и присутствующие затаили дыхание, с беспокойством следя за ним. Шелест перебираемых листков, шорох откладываемых... Митя не выдержал:

– Ну? Что?

– Бумаги, судя по датам, за полгода моей работы. Здесь только то, что касается лично меня. Но в полном объеме. Теперь можно будет даже восстановить связь с заказчиками. И продолжить с ними... сотрудничество.

– Данияр, – обратился к нему Александр Михайлович, – можно я просмотрю их? Я обычно быстро вникаю. Мне бы очень хотелось знать, что именно вы делали и каким образом все происходило.

Данияр, словно машинально, сжал бумаги в руках и с минуту смотрел на них. Поднял глаза и неловко улыбнулся.

– Скажу честно – отдавать бумаги на дом не хочу.

– А если сделать копии? – спросила Руся. – У меня здесь, в бабулиной квартире, есть ксерокс. Бумаги ведь не секретные? Почему ты их давать не хочешь? Боишься потерять?

Ворон снова помолчал и нехотя признался:

– Это единственное, что осталось от моей прошлой жизни. Как-то... стремно расставаться с прошлым, хоть это всего лишь бумаги. Нет, не бумаги... Фиксированная прошлая жизнь.

– Вы как маленькие, – пробормотал Митя и зевнул. – Александр Михайлович, а у вас дома компьютер есть?

– Ноут у меня.

– Ну вот! Я видел, у вас айфон клевый. Сфоткайте листы – и все. Дома почитаете.

Мужчины переглянулись, и Руся засмеялась: выход, и такой простой, найден!

Пока суд да дело: пока Данияр раскладывал листы, а Александр Михайлович готовился их фотографировать – Руся тоже не сидела сложа руки. Поесть они чуть-чуть поели, но неизвестно как вороны, а ей самой вдруг так есть захотелось! Вообще, она заметила, что именно по ночам голод будто накидывался на нее. Так что она включила духовку, достала из холодильника большую чашку с полуфабрикатом – с творогом, смешанным с тертым сыром, добавила туда яйцо, приправы и начала тереть на мелкой терке сардельку. Митя, сообразивший, что она готовит, схватил доску и хлеб и принялся резать его на ломтики. Поглядывая в сторону Руси, проворчал:

– Давай-давай! Нечего! Всю сардельку клади! Мне нравится, когда там больше колбаски, чем сыра!

– Еще и привередничает! – фыркнула девушка.

Митя любил ее горячие бутерброды.

Когда мужчины закончили с фотографированием, Руся уже доставала противень с бутербродами, источающими такой аромат, что со стола мгновенно смели все посторонние предметы и с трудом дождались, пока Митя разольет на всех чай.

– Карину зовем? – спросила Руся.

– Она спит, – сказал Данияр.

– Почему? – поразился Митя. – Ночь – наше время!

– Она в такой передрыге побывала, что для нее сон сейчас – настоящее лекарство.

Очередной перекус подвигнул Александра Михайловича на размышления:

– Надо бы суммировать все, что произошло. Девушка-воронушка, насколько понимаю, теперь наша?

– Не уверен, – вздохнул Данияр. – Если ворон себя осознал вороном, это еще ничего не значит. Права давить на нее у нас нет.

– Ага, – вредным голосом сказала Руся – и Митя согласно кивнул после добавленных ею слов: – Нам, значит, на нее давить нельзя, а алконостам можно?

– Вы же видели сами: она легко ушла от них именно потому, что на нее давили, а потому ее там ничто не удерживало.

Александр Михайлович, на которого все посмотрели, ожидая продолжение его речи, обобщил:

– Как только она просыпается, мы у нее спрашиваем, так? Нам недоговоренности не надо. Так, этот вопрос решили. Далее. Что мы имеем с этой ночи, кроме появления в нашей компании Карины? Мы имеем труп, который появился в результате колдовства. Причем ты, Данияр, говоришь, что такое могут сделать и вороны, и некроманты.

– Перебью, – угрюмо сказал, нахмурившись, ворон. – Эта работа принадлежит все-таки воронам. Совершенно точно.

В кухне стало тихо-тихо... Все с испугом смотрели на Данияра, а тот упрямо не поднимал глаз от стола, с опустевшей тарелки из-под бутербродов. Первым не выдержал Александр Михайлович:

– Данияр, прекрати так вести себя! Мы все здесь дилетанты, кроме тебя. Объясни нам свои слова. Это тоже учеба. Почему ты так уверен, что ловушку со временем мог сделать только ворон?

– У некромантов... – начал Данияр и осекся. – Нет, мне с этой точки зрения будет трудно объяснять. А вот с Кариной... Если бы временную ловушку сделал некромант, Карина быстро бы не оправилась. Хуже того, если бы некромантская ловушка девушку задела даже краем, для воронушки это был бы конец. Но девушка выжила. И даже быстро пришла в себя. Поэтому я думаю – это воронья ловушка. Когда ворон ставит ловушку, а это бывает очень редко, он всегда оставляет лазейку-оберег для своих. На всякий случай. Поэтому я и думаю, что Карина – это сигнал, что ловушку ставил ворон.

– Ты... уверен, что Всеволод погиб? – медленно спросил Александр Михайлович.

– Уверен.

– А если это был...

– Мраку под девяносто, – раздраженно сказал Данияр. – И он на такие дела неспособен. Характер не тот.

– Ну хорошо... – Александр Михайлович задумался. – Предположим, что в нашем городе появился ворон, который каким-то образом ускользает из снов Мити.

Митя и Руся переглянулись. И ошеломленный парнишка-ворон пообещал:

– Я сегодня постараюсь на него настроиться!

– Так, дальше. Тот человек, который умер в ловушке времени. Надо бы узнать, кто он. И кому выгодна его смерть... Прямо как в детективе... Ладно, я могу узнать у своих ребят, кто в полиции работает. Есть у меня такие... Что мы еще можем сделать? Задействовать Русю? Руся, ты как, не откажешь?

– Когда такое было? – хмыкнула девушка. – А что вы хотите сделать? Если спрашивать тамошних нечистиков, то ведь нас в тот дом не пустят!

– Можно начать с дорожных, – предложил Митя. – Им с тобой болтать понравилось. Данияр, а зеркальники могут перемещаться из дома на улицу?

– Они перемещаются там, где тень, но точно сказать не могу.

– Кто такой зеркальник? – мрачно спросили от кухонной двери.

– О, Карина! Садись за стол, – гостеприимно позвала Руся. – Я тебе отложила парочку бутербродов, и чай есть. Будешь?

Данияр быстро встал и поднес для Карины табурет, чтобы она под села к общему столу. Девушка хмуро оглядела всех, особенно остро зыркнув на Митю, который пренебрежительно отвернулся, но села-таки.

– Зеркальник – это такая нечисть, которая занимается сбором информации по дому, – объяснила Руся, подавая ей тарелку и чашку с чаем.

– Нечисть?.. А ты тут при чем?

– А я перевожу с его языка на человеческий.

– Руся – переводчица и посредница между двумя мирами, нашим и миром нечисти и нежити, – добавил Данияр.

Карина подозрительно посмотрела на него, потом так же подозрительно – на аппетитные бутерброды. Но сглотнула и взяла один с тарелки на пробу. Все в одобрительном молчании следили, как она ест их и запивает чаем. Девушка же глаза больше не поднимала и ела так, словно делала одолжение. Хотя Руся, сидевшая напротив, видела, что молчаливое внимание тяготит воронушку. Поэтому, когда та дожевывала последний кусочек, заглядывая в свою чашку, спросила:

– Карина, а ты теперь с нами будешь? Или сама по себе?

– Попробуйте только меня одну оставить! – окрысилась воронушка.

Мужчины выдохнули и сели свободней. А Митя даже поднялся и долил ей чаю.

Затем потратили несколько минут на то, чтобы ввести Карину в курс дела. И Александр Михайлович продолжил свои размышления.

– Если с зеркальником не выйдет, спросить барабашек? – предложила Руся. – Они должны знать все, если только это все не укрыто чужими берегами. Или временная ловушка не даст им узнавать информацию?

– В такой ситуации я еще не бывал и ничего сказать не могу, – покачал головой Данияр. – А ты сумеешь поговорить с ними сейчас?

– Да они там уже к окну прилипли, – улыбнулся Митя, который после решения воронушки остаться тоже выглядел успокоенным. – Ждут, пока Руся выйдет к ним.

– Пойду прямо сейчас, – решила девушка и встала из-за стола.

– Я с тобой, – ожидаемо сказал парнишка-ворон.

– А... – начала воронушка и опустила голову, глядя исподлобья. – Это... ну... можно мне... с вами?

– А ты видишь нечистиков? – с любопытством спросила Руся.

– Не знаю, – буркнула та.

– Алконосты не любят нечисть, – сказал Данияр. – Поэтому нечисть не любит алконостов. Поэтому они и не думали тебе показывать кого-то из Навьей мелочи. Они отпускали тебя домой, Карина?

– Только под присмотром. Сказали, что упыри могут снова напасть.

– Поэтому она не видела их. Идите познакомьтесь.

– Кстати, да... – Александр Михайлович смотрел в окно и, кажется, не видел его, и младшие застыли у двери. – Упыри. Убийство воронов, которые издавна жили в городе. Не потому ли, что чужой ворон хотел здесь обосноваться?

– Нет, – категорично сказал Данияр. – Вороны не убийцы. Они близко к чистильщикам, но отнюдь не убийцы.

– Но ведь как-то все это взаимосвязано... Появление упырей, причем не городских. Уничтожение воронов. И внезапная смерть во временной ловушке человека.

– Богатого человека, – добавил Митя, и глаза у него заблестели. – А вдруг наследники его заказали кому-то? И чужой ворон решил



помочь? Ведь это почти не убийство? Человек попадает в ловушку, быстро стареет и умирает. Но ведь своей смертью. Данияр, а если ты не прав? И чужой ворон именно потому... – Парнишка-ворон неожиданно осекся. – Но упыри... Каким боком?

– Сговор некромантов и чужого ворона? – предположил Александр Михайлович. – Если вороны – люди. Алконосты – люди. Все как ты и говорил, Данияр. У всех человеческие сильные и слабые стороны. А если чужака взяли на слабо? Предложили такую сумму, что он поддался?

– Чтобы подкупить ворона, нужна громадная сумма, – проворчал тот.

– А если на кону стояла сумма еще более громадная? Нет, надо узнать, что за человек был убитый. Очень уж необычная смерть. – Александр Михайлович обратился к Карине: – Алконосты никаких предположений не делали по поводу ловушки?

– Что она может знать? – с досадой перебил Митя. – Мы вытащили ее еще до того, как тот человек умер! А значит, алконосты вообще не знали, умрет ли он. Они только видели, что он слишком быстро стареет!

– Ты прав, – пробормотал Александр Михайлович и кивнул. – Идите на балкон. Я с вами бы пошел с большим удовольствием, но не хотелось бы мешать вашей беседе.

Руся встретилась глазами с воронушкой и кивнула на кухонную дверь. Митя потопал впереди девушек. За спиной Руся услышала голос Александра Михайловича, обращенный к Данияру:

– Ее ты тоже будешь обучать?

– Если время будет. У нас тут такое закручивается, что легче держать ее рядом с нами, чтоб никто на ее жизнь не покусился. Разве что... учить на ходу – в перерывах между делами и поездками.

– Как и всех нас, – вздохнул Александр Михайлович.

Руся, шедшая позади младших воронов, вдруг подумала, что ей очень не нравится эта идея. Что ей очень не хочется, чтобы Данияр учил воронушку всем вороньим премудростям. Пусть ее учит Митя! Ну и что, что он поцапался с ней недавно! Сейчас-то он спокойно относится к ней. Потому что для него она своя. А для нее, для Руси, нет!

## Глава пятнадцатая

### *Данияр*

Когда Руся ушла за младшими воронами на балкон, Александр Михайлович вполголоса заметил:

– А ведь девчонка к тебе неровно дышит, Данияр.

Данияр поморщился:

– Знаю. Я же ворон – вижу.

– А чего ж ты ее на расстоянии держишь?

– Александр Михалыч, а ты не в личное лезешь? – огрызнулся ворон.

– Может, и лезу, – легко согласился тот. – Я ж мыслю реалиями своего прошлого: нельзя упускать счастье – неизвестно, сколько времени на него дадено. Мне вот повезло – вернулся. Кто ж знал, что на тихую войну?.. Ладно, больше про то не буду. С чего начнем решать нынешние дела?

– У нас два основных дела. – Про себя Данияр выдохнул: не любил душещипательных бесед. И вообще, Руся – это очень сильно личное. – И оба – те же самые. Во-первых, надо найти гнезда упырей. Нежить давно не появлялась, а значит, вскоре проголодается. Во-вторых, кое-что обещал сделать ты – узнать, кто тот покойный. Может, благодаря твоим сведениям подберемся ближе к тем, кто упырей в город привез.

– Митька у нас сны вещие видит, – задумчиво произнес Александр Михайлович. – Да вроде как все самотеком. Данияр, можно ли как-нибудь его видения упорядочить, то есть заставить парня видеть сны на определенную тему? Ну, как он сам того пожелал?

– Всеволод сказал бы – как, – в очередной раз вздохнул Данияр. – А я вот... Разве что посмотреть те дела, в которых вместе со мной Мрак был? Из воронов он был лучшим сновидцем-вещуном.

– А что, у каждого ворона кроме обычных способностей и свои таланты есть? – изумился Александр Михайлович.

Но вопрос он задал риторически, тут же, видимо, вспомнив Митю, и сразу же уткнулся в бумаги Всеволода.

Сидя напротив, Данияр уже спокойней смотрел на него. Он недавно уверился, что именно Александр Михайлович в ближайшее время станет среди городских воронов руководителем, каким был Всеволод. От сердца сразу отлегло, когда он это не только понял, но и принял. А уж большее сходство с Всеволодом Александр Михайлович невольно показал Данияру, когда, сидя над бумагами, видимо думая о последнем обсуждении, вдруг спросил – то ли Данияра, то ли опять-таки риторически:

– Следует ли из этого, что некроманты решили убить того человека и нашли, скажем примитивно, неизвестного нам ворона со способностью легко работать со временем? Любопытно, однако...

– Как это? – не сразу понял ход его рассуждений Данияр.

– Ну, ты же сам говорил, что ворон в человеке просыпается постепенно. Вон сам глянь: Митька – совсем пацан, и я – чуть за сорок мне. А если до того, как ваш Всеволод нашел нас троих – я ту девчонку, Карину, тоже имею в виду, – те некроманты нашли еще одного новичка-ворона?.. Хотя нет. Не получается по времени. Упыри-то начали убивать после того, как Всеволод нашел нас. Значит, если ты уверен, что время в том доме ускорил ворон, то некроманты нашли его в другом месте.

– И еще неизвестно, некроманты ли это были, – задумчиво договорил Данияр. – Среди служителей ночи тоже есть такие, что могут... Нет, упырей поднимать могут только некроманты. Нечисть в первые же дни Русе сказала, что тех, кто поднимал, трое. И Митя во сне видел тоже троих. Кто-то втроем поднимает... Нет, есть вариант, что поднимают двое, а третий им только помогает. И этот третий и есть ворон. Но... – Данияр беспомощно пожал плечами, как-то не представляя, что ворон может себя повести таким образом: вместо того чтобы чистить город, наоборот, его втравливать в грязь.

Разговор впустую, как понимал Данияр, прервался благодаря младшим. Сначала в комнату влетела Руся, за ней младшие вороны. В один миг Данияр оценил состояние Карины: она больше не пыталась задирать нос. Кажется, на нее произвело большое впечатление общение Руси с нечистиками. А вот сама посредница выглядела расстроенной и несколько обескураженной.

– Данияр, барабашки сказали, что не могут ничего объяснить по тому дому, потому что там нет нечистиков! – выпалила она.

– Как это?! – оторвался от бумаг Александр Михайлович.

– Ну, они сказали, что дом, где жил убитый временем, находится... ну, что-то вроде... – Она оглянулась на Митю, и тот солидно подсказал:

– В слепой зоне. Данияр, а что такое слепая зона?

– Непросматриваемая, – машинально сказал Александр Михайлович и тоже уставился на Данияра. – Или у нас есть другое определение?

«У нас» – надо полагать, у воронов.

– Это зона, которую стороной обходит нечисть, – медленно сказал ворон. – В которой селиться не может, потому что она убийственна для них. Чаще всего эта зона возникает из-за использования оберегов. Как в моей комнате, например. Но целый дом...

– А если там аномальная зона? – азартно блестя глазами, спросил Митя. – Для нечисти? Такое бывает?

Карина, не замечая, что открыла рот, только и переводила взгляд с одного на другого. Именно ее обескураженный вид заставил Данияра соображать быстрее.

– Придется съездить туда и посмотреть, – с досадой сказал он. – А остальное? Ты спрашивала у нечисти, что они знают об упырях?

– Ничего не знают, – с грустью сказала Руся. Судя по всему, она сникла: пользы от нее, от посредницы, никакой!

– Если там ничего не найдем, у нас остается лишь одна возможность – слушать ночь, – снова вздохнул Данияр.

– А как это – слушать ночь? – немного скованно спросила Карина. И Данияру показалось, что она спросила лишь потому, что младшие вели себя наравне со старшими и не стеснялись наперебой задавать вопросы и рассуждать вслух.

– А разве ты... – начал он и спохватился. – Алконосты не объяснили?

– Они мне просто сказали, что я должна уметь слушать ночь, а как это делается – нет, не объяснили, – угрюмо ответила воронушка.

– Я научу, – пообещал Александр Михайлович. – Это самое легкое из того, что мы умеем.

Данияр немного удивился: почему он? Но тот поймал взгляд ворона и чуть скосился на Русю. Та до сих пор смотрела

настороженно – после вопроса воронушки, но после ответа Александра Михайловича расслабилась...

Оставив младших дома, Данияр и Александр Михайлович уехали выяснять, почему дом умершего от скрученного времени оказался в аномальной зоне. Дом осмотрели. Осмотрели ближайшие окрестности. И ничего не поняли. Пришлось вернуться и начать первую ночь прослушки.

Карина постепенно, на обычных беседах за чаепитиями, рассказала о себе.

Она оказалась приезжей. В прошлом году поступила в университет и сняла комнату. Домой на летние каникулы возвращаться не хотела, но не по той причине, что Митя. Нет, она хотела самостоятельности. Уже в первый год она обнаружила, что университет – это громадное непаханое поле для студента-коммерсанта, если у него есть отличные мозги. Такие у нее имелись. Она даже сумела вместе со стипендией скопить столько, чтобы оплатить комнату на лето. Ведь заказы на контрольные, курсовые посыпались с первого семестра. Если бы не одно «но», все было бы замечательно. «Но» заключалось в том, что девушка была вороном. И любила одиночество. Те, кто заказывал ей работы, пытались навязаться в друзья-подружки. Таким просто говорила: «Мне некогда». И даже не извинялась. Если «друзья» не понимали и продолжали навязываться, она могла и рывкнуть. Однажды за спиной услышала, как ее обозвали дикарем, и только пожала плечами: по ее характеру, такая репутация – лучше не бывает. Что заказы пропадут – абсолютно не боялась: богатых лентяев на курсе было достаточно. А ведь она перешла на второй курс: на следующий год будет набор первокурсников, а значит, ряды ее клиентов увеличатся.

Общество воронов и посредницы для Карины стало глубокой отдушиной. Она могла легко молчать, когда болтали Митя и Руся. Она внимательно слушала старших воронов и потихоньку, вникая, начинала и сама рассуждать, пытаясь разгадать страшную и убийственную загадку упырей и жуткого скрученного времени...

Данияр заметил, что Карине очень нравится слушать ночь.

Они приезжали в центр города, находили какой-нибудь уютный уголок – обязательно в каком-нибудь сквере или на детской площадке, откуда их никто не гонял из-за позднего времени. Сиделись на

скамейки – и слушали. Руся в это время бродила где-то рядом, встречаясь с дорожными и иными нечистиками, и активно общалась с ними, выпрашивая о том, что происходит в городе, – то есть по-своему тоже слушала город.

Еще Данияр заметил, что у каждого ворона своя поза на прослушке.

Александр Михайлович сидел на скамье ссутулившись, положив локти на колени. Будто уставший после работы. Закрывать глаза не любил. Просто останавливал взгляд на сером асфальте и даже не мигал.

Митя сидел откинувшись на спинку скамьи, с закрытыми глазами. Часто задремывал, но это к лучшему, считал Данияр. Именно на границе сна и бодрствования парнишка-ворон отчетливей ощущал город.

Карина сидела напряженно, с прямой спиной. И не сразу впадала в нужное состояние прослушивания. Ей необходимо было настроиться. После настраивания ее голова чуть-чуть опускалась, словно она прислушивалась к еле слышному для нее зову. В первые разы воронушка вообще пыталась сидеть положив ногу на ногу. Пока Александр Михайлович не объяснил ей, что таким образом она напрочь закрывается и от города, и от любого человека.

Никого, в том числе и Русю, сторожить, охранять не надо было: за несколько часов до первого дежурства Данияр провел практический урок создания охранных оберегов. Низка камешков с просверленными для нити узкими отверстиями спрятала воронов и посредницу от упырей.

Уже на следующий день после присоединения Карины к воронам Александр Михайлович выполнил свое обещание. Так вороны и посредница узнали, что умерший человек из богатого дома был баснословно богатым врачом-стоматологом, известным за рубежом благодаря своим наработкам по специальности протезиста. Но его профессия воронам была неинтересна. Гораздо более интересным показалось, что покойный был не семейным, что его богатое наследство до сих пор ждет наследника. Признаться честно, Данияр ожидал, что при появлении на горизонте наследника станет легче найти того, кто «заказал» стоматолога.

С упырями тоже было сложно. После трех суток дежурства пришлось признать, что упырей теперь ограждает от прослушки воронов какой-то мощный оберег. Этот оберег не могли пробить ни вороны, ни городская нечисть.

Итак, ночами сидели и слушали город. Ближе к утру ехали по адресам – на «зов» одинокой смерти. Проверяли, точно ли попали в дома, где жил одинокий человек. И звонили в полицию, чтобы умершие не лежали в своих квартирах без погребения. Днем, пока Руся отсыпалась, вороны анализировали прослушивание, и Данияр объяснял, чем одна смерть отличается от другой...

Четвертая ночь стала прорывом.

С первого часа ночи все четверо сидели на скамейке – на остановке, которая располагалась на самом высоком городском холме. Руся сидела неподалеку – тоже на скамейке, но только у магазина, то есть немного позади остановки. Поглядывая через прозрачную стенку остановочного павильона, Данияр видел, что она, судя по шевелящимся губам и по позе (сидела склонившись чуть вперед), болтала не только с домашними нечистиками, но и с дорожными. Настроенный на посредницу, он мог бы и не оглядываться в тревоге, как она там. Но Данияру хотелось собственными глазами убедиться, что с Русей все в порядке. Пару раз он ловил на себе понимающий взгляд Александра Михайловича, но не обижался на него. У каждого свои предположения, почему он оглядывается.

Сначала он ощутил движение воздуха. И внутреннюю вспышку, едва моргнул, на мгновение закрыв глаза.

– Мост... – дремотно, еле шевеля губами, произнес Митя.

Слово прозвучало так растянуто, что показалось шипением. От голоса парнишки-ворона, почти шепота, по спине продрало так, что Данияр, давно подготовленный к чему угодно, замер вполоборота, боясь двинуться, чтобы не спугнуть то ли пророчество, то ли ночное видение. Одновременно он уставился невидящим взглядом на опору, поддерживающую крышу остановочного павильона, чтобы все остальное не мешало восприятию ворона. И внутренне влился в пространство города, принял его в себя. Мостов в городе несколько. Отрешившись от посторонних звуков, Данияр приступил к проверке каждого моста, начиная с ближайшего.

– Внизу... – шепотом же будто отозвалась на слово Мити Карина. – У воды...

В глухой отстраненности Данияр смутно почувствовал, что рядом словно скользнула призрачная тень. Не сразу сообразил, что Александр Михайлович тоже начал проверять мосты, а значит, пошел тем же путем, с ближайшего.

– Два мертвеца... – монотонно продолжил Митя.

И Данияр увидел.

Одна тень, наполненная гнилостной чернотой и чудовищным голодом, осела перед другой, неподвижно лежащей перед ним. У первой тени не осталось даже признаков псевдожизни. Вторая, лежавшая, едва теплилась мягкими живыми красками, которые постепенно угасали. И первая пожирала ее, резко наклоняясь к телу и орудуя когтистыми руками – потроша убитого.

Первый из двух упырей не выдержал. Он несколько дней умирал без пищи. И сорвался с крючка – с заклятия, натравлявшего его на воронов.

– Маленьких мостов нет...

Даже Данияр не сразу понял информацию, шепотом переданную Митей. Но, «осматриваясь» в смутной мгле под мостом, который пока еще не идентифицировал, ворон догадался, о чем говорит младший: под этим мостом нет пешеходного мостика. Что это значит? Это значит, что упырь убил и пожирает не обычного человека, который решил поздней ночью сократить путь домой. Нет, упырь убил, возможно, самую удобную и беззащитную дичь – бомжа. Летом бродяги частенько ночевали под большими мостами, благо погода позволяла.

Смутная тень, в которой Данияр узнал Александра Михайловича, словно резко выстрелила – так внезапно пропала.

– Старый железнодорожный вокзал! – выдохнул старший ворон.

Этот вокзал отличался от других тем, что был еще дореволюционной постройки, и за его пределами оставалось довольно большое, никому, по сути, не принадлежащее пространство – пустырь. Нет, оно принадлежало вокзалу же, поскольку время от времени туда заглядывали тамошние дворники. Но это было настолько редко... Поэтому городские бомжи частенько уходили известными им



дорожками через железнодорожные пути и кучковались там, среди хлама, который скапливался постепенно, годами...

– Первый сейчас уйдет, – бесстрастно сказал Митя – и открыл глаза. – Данияр, что делаем? Надо ехать к мосту!

– Но железнодорожный вокзал... – встревоженно заговорила Карина, которая тоже сумела пройти по нити внимания Александра Михайловича.

– Ну что? – запыхавшись, подбежала Руся. – Нашли?

– Сначала к мосту! – велел Данияр. – Он и правда вот-вот уйдет. А второй пока еще только идет к вокзалу! Быстро!

В машину Александра Михайловича влетели, старшие, как обычно, сели впереди, на заднее сиденье – Руся, между Митей и Кариной, которые вполголоса быстро начали объяснять ей, что видели и куда едут.

Данияр машинально вынул кастет и пошевелил ногами, удостовераясь, что ножи на месте. Митя был вооружен небольшим ломиком – правда, с собой не носил, на время прослушки оставляя в машине Александра Михайловича. Тот как раз и показал, как действовать этим ломиком, чтобы упырь с ног не сбил, как было с Митей в первую ночь жуткого знакомства с нежитью.

Карина брала с собой ножи с длинным лезвием. Данияру пришлось показать ей, как приделать ножны для них в сумочке, которую она постоянно носила с собой. И, как старший ворон, провел пару уроков владения основными приемами боя с ножом. Не было уверенности, что воронушка будет отлично драться, но ведь впереди есть время, чтобы научить ее быть хорошим бойцом.

За Александра Михайловича беспокоиться не приходилось: он на высоком уровне владел многими видами холодного оружия. Правда, завидев кастет Данияра, немедленно обзавелся подобным.

В дороге, объяснив Русе, куда они могут ехать и зачем, младшие вороны снова погрузились в прослушивание, чтобы уточнить, какой им нужен мост.

Вскоре Митя проговорил:

– Между районами!

– Подтверждаю! – отозвалась Карина.

Судя по всему, решил Данияр, ребятам очень даже нравилось быть воронами. И кажется, чувствовали они себя если не разведчиками, то

бойцами невидимого фронта. Ночного фронта.

Александр Михайлович по наводке младших воронов свернул на нужную дорогу, а Данияр размышлял о том, как бы не взять младших с собой к мосту. Он пока очень не хотел использовать их в стычке с упырем. Нет, девушка выглядела решительной и отнюдь не трусливой. Да и Митя рвался в бой.

Но если Данияр опытный боец, если Александр Михайлович – бывший военный, то эти... желторотики... Да, они могут не спасовать в критическую минуту, но... Он прикусил губу, размышляя, что можно придумать.

– Что? – шепотом спросил Александр Михайлович.

После краткого раздумья ворон одними губами произнес:

– Не хочу брать... их.

Александр Михайлович помолчал, прежде чем ответить:

– Оставить на путях отступления упыря – сторожить, если вдруг мимо нас прорвется. Пойдет?

Данияр хмыкнул: Александр Михайлович сразу сообразил. Теперь оставалось лишь придумать посты для младших воронов. До моста ехать еще пару минут. Приказать младшим сторожить по обе стороны моста – те тропы, по которым упырь может сбежать?

– Карина, Митя, – не оглядываясь, сказал он. – Мы остановимся. Вы сразу побежите в разные стороны – встать по краям моста. Будете охранять места прорыва.

Он очень надеялся, что такая формулировка ребят не возмутит и заставит их серьезно отнестись к поручению.

– А я? – пискнула от волнения Руся.

– Охраняешь машину, – сурово ответил Александр Михайлович.

– Есть – охранять, – прошептала она, хлопая глазами.

Наверное, пыталась представить, как упырь лупит кулаками по стеклу окон машины, стараясь их разбить?

Мимо и навстречу проносились машины, словно и не будний день ожидался впереди. Ближе к мосту прибавилось дававших яркий свет фонарей, и воздух, врывающийся в окна, становился все прохладней и будто даже тяжелей...

– Здесь! – сказал Митя, чуть ли не носом водя по стеклу окна. – Я его уже чувствую!

– Я тоже! – взволнованно вторила ему Карина.

Александр Михайлович остановил машину на обочине. Замигали сигнальные огни. Дверцы пораспахивались и тут же захлопали.

– Сидеть на месте! – жестко напомнил Русе Данияр. И распрямился, чтобы скомандовать: – Мы с Александром Михалычем – под мост! Вы – бегите на края, сторожите с обеих сторон! Быстро!

Младшие побежали сначала, естественно, вместе. Кажется, именно по дороге они успели договориться, кто куда, и Карина, не останавливаясь, побежала по мосту дальше, а Митя остановился у первой асфальтовой тропки вниз.

Данияр, будто отвечая на вопрос, кивнул. Все правильно. Митя еще не вполне окреп после нападения упыря, а Карина – девушка спортивная.

Дождавшись старшего ворона, Данияр бросился мимо Мити в темноту, которую изредка прорезывали огни с транспортной дороги под мостом. Здесь фонари по ночам не горели. Городские власти считали, что хватает света с моста.

Когда Данияр целиком и полностью оказался в тени моста, он так шарахнулся в сторону, что чуть не свалился на круче. Рядом с ним тоже шарахнулась небольшая тень, а потом юркнула чуть ли не между ногами и, тоненько взвыв, пропала где-то наверху. Бродячая собака? Ладно, не до нее... За спиной послышался крепкий, хоть и негромкий мат: псина проскочила мимо Александра Михайловича.

– Данияр... – после небольшой паузы услышал он.

– Здесь я. Двигайтесь осторожно – крутой спуск.

– Вижу... – проворчал тот и тут же замер. – Данияр, упыря не слышу...

– Я слышу, – спокойно отозвался ворон. – Он все еще ест. Время есть. Вы не забыли мобильник?

– С собой.

Данияр надеялся сфотографировать лицо упыря, прежде чем тот сдохнет.

На последних метрах спуска ноги заскользили на утоптанной тропе: асфальт закончился, завернув в сторону пешеходной дорожки.

– Ты его видишь? – шепотом осведомился Александр Михайлович.

– Да.

Что-что, а видеть в темноте вороны-новички пока не умели, хотя Данияр и старался их научить. До поисков упыря просто времени маловато было. А в скоростном режиме их учить – смысл?

Да, Данияр видел. Они все еще спускались, и он не отрывал взгляда от двух темных куч: одна вытянулась по всей длине, другая будто уселась на нее.

На ходу шепотом договорились, как будут уничтожать нежить. Александр Михайлович остановился в тени, а Данияр быстро перебежал на другую сторону от упыря, забравшись чуть наверх и на ходу натягивая перчатки.

Прежде чем начать наспех обговоренную с Александром Михайловичем операцию, он вдруг подумал: «А откуда упыри знают, где надо искать бомжей?» Секунды поиграв с мыслью о том, что некроманты заранее вложили в гниющий мозг запасной вариант с пропитанием для упырей, он сам себе ответил: «Они несколько дней бродили по городу в поисках нас. Наверняка не раз проходили мимо бомжацких пристанищ!»

Именно такое пристанище находилось в верхней части насыпи для моста. Причем место это окружали недавно насаженные кусты. Удобное расположение для бродяг: сверху от посторонних глаз закрыты мостом, снизу от дороги – кустами. Ветер подул в сторону Данияра, и он сморщился от смрадной вони давно немытых тел и устоявшегося «аромата» дешевого пойла.

Но – время. Данияр согнулся, превращаясь то ли в старика, то ли в утомленного жизнью, опустившегося мужичка. Голосом выше своего обычного он слабо позвал:

– Степан! Ты здесь, что ли? Это я, Тоха... – И испытал детское злорадство, используя имя знакомого алконоста. – Где ты там? Что-то сегодня ноги еле волочу... К непогоде, что ли... Степан, а?..

Шелест ветра по кустам заглушил гул с дороги: мимо проехали один за другим несколько автомобилей... Данияр, продолжая изображать немощного, заковылял к кустам, за которыми застыл над раскромсанным телом бомжа упырь. Что сделает нежить? Сбежит с места происшествия напрямиком на Александра Михайловича? Или рванет к следующей жертве, которую предположит в Данияре?

Упырь избрал третий путь. Видимо, решил, что идущий в смертельную ловушку человек не сразу разглядит, что тут происходит.

Так что можно доесть первого, а потом наброситься на второго. И он ничтоже сумняшеся вновь склонился над трупом бомжа, вгрызаясь в его тело. Данияр подошел так близко, что слышал, как чавкает упырь и с подвыванием тянет из трупа подхваченные изуродованными зубищами, но не оторванные куски плоти... Время от времени он затихал, вслушиваясь в тяжелый, неспешный шаг Данияра. А тот подходил все ближе, продолжая бормотать что-то – лишь бы говорить, чтобы не спугнуть упыря. И до боли в глазах вглядывался в кусты: поднялся ли упырь с коленей? Не собирается ли резким броском накинуться на идущего к нему человека?

Но упырь, видимо, решил, что жертва и так сама тащится к нему, так чего ж напрягаться? Данияр остановился за его спиной и тем же слабым голосом осведомился:

– Степан, ты что тут затеял?

Упырь поворачивал голову целую вечность...

Он то ли всхлипнул, что ли охнул, когда на половине оборота в его спину вошли два ножа. Удар кастетом в ухо заставил его упасть... Из кустов вылетел Александр Михайлович и одним махом отсек ему башку.

– Мобильный! – напомнил Данияр, руками в перчатках хватая башку, которая поскакала было по покатой насыпи.

Вспышка включенного телефонного экрана была не особенно яркой. Но сердце ворона дрогнуло: неужели хоть какой-то просвет? Неужели появилась возможность хотя бы определить, откуда берут трупы для поднятия упырей?! Старший ворон быстро сделал пару снимков, а потом, по-детски открыв рот, наблюдал, как голова упыря оплывает в нечто больше похожее на желе, чем... Сравнения Данияр не подобрал. Некогда было. Он отбросил башку в кусты, ногой оттолкнул тело упыря от погибшего бомжа...

– Прости, – прошептал Данияр, склоняясь над бродягой. – Не успели...

– Бежим! – напомнил Александр Михайлович. – Нам еще надо на вокзал успеть. Может, там предотвратим... И еще... Таксофон находится в остановке отсюда. Успеем сделать звонок в полицию насчет этого бедолаги.

И они побежали на мост.

## Глава шестнадцатая

### *Руся*

На площадь перед железнодорожным вокзалом их машина влетела, когда горизонт на востоке уже всюду светился будущим восходом, мягко переливаясь из голубого в выцветшее зеленое. Чуть прохладный по-утреннему воздух не напугал: все были взбудоражены и нервничали, а потому предрассветного холодка не чувствовали.

Старшие выскочили из машины так, что открывший рот Митя сказать ничего не успел, потому как Данияр на мгновение обернулся и рывкнул:

– Русю – сторожить!

Быстро вышедшая из машины Карина аж отпрянула от этого рывканья – и выяснять, кто именно должен сторожить посредницу, никто не стал. Минуты не прошло, а старшие скрылись за зданием вокзала.

Александр Михайлович поставил машину за рядом дремлющих такси, ближе к зданию. Багажником она чуть не упиралась в аккуратно подрезанные кусты на длинном газоне, хаотично испещренном узкими асфальтовыми дорожками. Руся эти кустарники знала – снежнягодник, его листочки ей всегда нравилось рассматривать: светло-зеленые, да еще в белую полоску. А чуть за ним, за снежнягодником, высились декоративные яблони. Руся посидела-посидела немного в тепле машины да и вышла, чтобы хоть полюбоваться на ветви яблонь, оттянутых книзу довольно увесистыми яблочками. Эх, не поесть этой кислятины, так хоть помечтать, что приедет домой и парочку купленных бабулей нормальных, сладких яблочек схрумкает... Девушка прекрасно понимала, что всеми силами пытается отстраниться от происходящего сейчас за зданием вокзала, чуть слева за железной дорогой, где и находится нужное воронам место. И потому упрямо таранилась на яблочки, прячущиеся среди седовато-зеленых листьев.

Потревоженные было на большой скорости влетевшей на площадь машиной полусонные таксисты снова расслабились, а кое-кто спрятался в машину. До следующего поезда еще несколько часов.

С пригородных обычно мало кто из пассажиров пользовался такси – все старались бежать на остановку общественного транспорта. Так что вскоре возле ряда из двух десятков машин торчали теперь всего две-три фигуры – не более...

– Ты не слишком далеко отошла? – бдительно спросил за спиной Митя.

– Да нет. Я тут постою, – ответила Руся, не оглядываясь. – Мне хочется увидеть рассвет – от начала до конца. А то сколько мы по ночам бегаем, а на рассвете я все время дрыхну, когда возвращаемся. А тут – такая оказия, как бабуля говорит.

– А я думал, ты кого-нибудь увидела, – с неожиданной усмешкой сказал он.

Руся не сразу поняла, о чем он. Народу везде полно, несмотря на ранний час. И конечно же она, стоя у длинного газона с многочисленными дорожками, видела многих. Потом дошло, и девушка тоже усмехнулась.

– Ну, кого-то здесь и в самом деле многовато.

– Новенькие есть? – поинтересовался Митя и встал рядом.

Он был в курсе, что Руся хочет увидеть крылья воронов. Сами-то они не видели – может разглядеть эти призрачные крылья, а потом постоянно их замечать только человек (и они, вороны, тоже – в зеркале), встретивший однажды на своем пути несколько разных нечистиков.

– Маловато для моей мечты, – вздохнула она. Но улыбнулась. – Мить, посмотри, какой рассвет! Краешек начинает краснеть.

– Ветреный день будет, – значительно объявил парнишка-ворон, который уже успел нахвататься по мелочи всяких сведений от старших. Он оглянулся, и его голос стал немного глуше: – Карина, а ты куда? Мы же договаривались стоять здесь!

– Я ненадолго, – откликнулась воронушка. – Только дойду до края площади – и назад. Устала на одном и том же месте болтаться. Нас все время старшие бросают просто так, как будто мелюзгу в нас видят и потому нам не доверяют... Так что... В общем, походить хочется, а не торчать на месте.

– Только и в самом деле недолго! – бросил ей в спину Митя и обернулся к Русе: – Ух ты... смотри-ка... Эх, жалко, я не художник... Как переливается...

А переливалось и впрямь не просто завораживающе – притягательно. Смотрели Руся и Митя на горизонт в небольшую брешь между деревьями, и краски на нем не пропадали, а становились все ярче. Трудно было оторвать взгляд от узкой линии горизонта, которая словно закипала – причем, если взглядеться, так и чудилось, что она плавится холодной алой волной, то и дело слегка поднимающейся и тут же опадающей, а потом... потом...

– Руська, это что? – ошалело спросил Митя и замолк, открыв рот.

Руся тоже открыла рот – поругаться из-за «Руськи». И закрыла.

Сквозь ветви деревьев хлынули не солнечные лучи, а сверкающие блески, какие бывают от солнца на воде. Они прыгали на ветвях и листьях, мягко слетали на землю, где вспыхивали в самых мрачных тенях под деревьями и под высокими кустарниками.

Русю это тоже поразило. В первые мгновения она решила, что это какой-то обман зрения. Но ведь и Митя видит...

Вскоре блески, которые вблизи стали похожи на слитки расплавленного золота, окутанного пушистым сиянием, уже устилали почти весь газон, глухо и слабо помигивая на асфальте. Зачарованная Руся все так же произвольно шагнула на край газона, глядя, как сверху величаво спадают золотистые пятна, а потом машинально подставила ладонь.

Митя ахнул за спиной.

На ладони оказалось не блестящее нечто. Нет, держась за указательный палец, в девушку с любопытством всматривалась небольшая, с голубя, птица солнечного цвета. Только клюв у нее был длинней, чем у того же голубя, а хвост не только длинен, но отличался мягчайшими перьями. И необычно синели глаза, которые к тому же мерцали холодными белыми звездочками.

Потрясенная Руся осипло спросила:

– Вы... кто?

Ее ладошку будто теплым лучом погладили, а потом она услышала звонкое – нет, звенящее, – хотя птица не открывала клюв:

– Огневицы мы, толмачиха. С солнышком приходим.

Этот краткий диалог мгновенно привлек внимание остальных золотых птиц: они в секунду окружили-облепили Русю, которая неудержимо улыбалась и едва слышала за спиной оханье и вздохи восхищенного Мити.



– А почему я раньше вас не видела?

– А мы на рассвете тебе, юнице, только и видны, – пропелопрозвенело в ответ. – Вот будешь постарше – и каждый день будешь нас видеть.

Руся боялась поворачивать голову, чтобы посмотреть на плечи: а вдруг прямо сейчас сорвутся с нее, как с трамплина, и слетят куда-то в неизвестность? Но стоять вот так, чувствуя себя чуть ли не новогодней елкой!.. Она улыбалась от безудержного счастья, сама не понимая, в чем оно, это счастье-то, и будто взмывала куда-то вверх, к высоким голубым небесам...

На грешную землю ее спустил дрогнувший голос Мити:

– Руся... Там Карина...

Забыв обо всем, привычная к постоянной опасности в поездках по городу, девушка резко повернулась.

Карина дошла до угла привокзальной площади, где за лестницами скрылись мужчины. Она стояла там и, кажется, ждала ушедших.

А к ней на всех парах мчалась черная машина.

Воронушка еще как-то лениво посмотрела через плечо, но, видимо, легкомысленно решила, что ничего особенного не происходит.

Нет, возможно, черная машина не сумела бы вписаться всем корпусом между двумя лестницами, одна из которых вела наверх, к залу ожидания, а другая уходила куда-то вниз – под здание вокзала, и дорожка между ними, куда ушли старшие вороны, узковата, но ведь... Водитель явно не собирался останавливаться! Правда, и черная машина с каждым мгновением ехала более чем странно: замедляясь, как в кино, когда хотят подчеркнуть какие-то необычные кадры...

– Он что, псих?! – уже кричал Митя, как-то странно двигаясь: то несколько быстрых прихрамывающих (всегда хромал, волнуясь) шагов к Карине, до которой дозваться через всю площадь, учитывая рев несущейся к ней машины, кажется, невозможно – она на зов не оглядывалась больше; то внезапно замирал, чуть ли не отшатываясь и изумленно оглядываясь на Русю. – Она что, дура?! Каринка-а! Обернись!!!

А Руся ничего не понимала.

Почему воронушка не слышит Митю?

Почему машина едет так, словно водитель вознамерился задавить девушку?

Но задавить, наезжая на нее в таком темпе...

Но Митя не бежит к Карине, хотя испугался...

– Беги... – зазвенели тревожные голоса – зазвенели так, словно она стояла в окружении множества существ. – Беги к ней – ты сумеешь...

Она нерешительно шагнула, смутно ощущая, что эта замедленность времени ей хорошо знакома, но опять-таки – почему...

Машина, только что летевшая на Карину – а в этом Руся была уверена, все заметней замедляла ход, но тем не менее быстро приближалась к воронушке, которая сейчас стояла столбом и удивленно смотрела на Митю, вопившего так, что вот-вот сорвет голос... И медленно, очень медленно распахивались дверцы такси, стоявших в их ряду, а из других машин очень медленно выходили – на крик Мити? – таксисты и ужасающе медленно оборачивались к парнишке-ворону, словно не замечая, что на привокзальной площади происходит что-то пугающее...

Обо всем этом думая и видя абсолютно все, Руся мчалась к Карине – наперегонки с черной машиной – и тоже вопила изо всех сил:

– Карина, спрячься на лестнице! Спрячься на лестнице! Поднимись на лестницу!

И бежала девушка как-то чудно, мельком видя свои раскинутые руки, а на них – вцепившихся в рукава блузки сияющих золотистых птиц. Будто громадная, по сравнению с огневицами, птица, которая старается взлететь – и осталось-то для взлета всего ничего: пара шагов, пара толчков от земли!.. Но поражалась только одному: почему все так замедленно, а она нет?! Почему Митя не может бежать, а шагает так, как будто только изображает ходьбу?! Как будто напряженно идет против сильнейшего ветра?

Наравне. Бегут и едут параллельно... Черная машина уже оказалась наравне с ней... Уже начинала отставать от нее...

Четыре человека – не три!

Она не сразу сообразила, почему подумала, что в машине должно быть три человека, а тут вдруг – четыре.

И догадалась! Она все поняла так неожиданно, что сердце, которого до сих пор не чувствовала, забилося больно-пребольно!

Это некроманты! Но...

Там, рядом с водителем, сидел кто-то еще, кто поднял руки, в тесной машине тоже изображая полет. Однако его полет, насколько понимала Руся, заставлял изменяться время. Зачем?! Зачем он это делает?! Это некромант?! Он замедляет время?!

Машина – позади. Отстают!

Адреналин поджег ноги. Руся наддала и больше не обращала на машину внимания, сконцентрировавшись на Карине, которая замерла, непонимающе глядя на приближающихся к ней машину и девушку-посредницу. Руся обозлилась: даже если воронушка думает, что машина преследует ее, Русю, почему она стоит, ничего не предпринимая?!

– Карина, на лестницу! – завизжала Руся. – На лестницу!

Воронушка с трудом открыла рот. Судя по глуповато округленному рту, она собиралась спросить: «Зачем?»

– Быстро!

Не снижая скорости, подскочившая к ней Руся резко толкнула ее в плечо, разворачивая к лестницам. Стоило прикоснуться к воронушке, как та немедленно ожила.

– Беги! – вскрикнула Руся, вталкивая ее на верхние ступени.

За Митю, который тоже угодил во временную ловушку, она не боялась: пока он только пытался бежать, так и не сумев преодолеть замедление времени, он все еще оставался среди людей, а значит, более или менее в безопасности.

– Кто ты такая?! – яростно рыкнули из машины, которая едва не врезалась в крепкую кирпично-бетонную стену, скрывавшую лестницу вверх, и с трудом остановилась, круто развернувшись.

Спустя мгновение из черной машины выскочил водитель, следом с заднего сиденья еще двое.

Четвертый, тот, кто сидел рядом с водителем, остался в салоне.

Руся сильно пихала ничего не понимающую, совершенно ошарашенную Карину вверх. Воронушка не знала, на кого смотреть в первую очередь: на золотистых птиц, облепивших руки и плечи Руси, или на преследователей. Заслышав топот за спиной, Руся в испуге обернулась к некромантам и вновь раскинула руки со спокойно сидящими на них огневицами.

Оставленного в салоне черной машины человека она видела не очень хорошо, да и смотрела на него только мельком, контролируя

движение к ней троих здоровенных мужчин, и все же успела кое-что заметить. Он медленно опускал руки, изображавшие время-крылья, а потом его руки вдруг упали, как будто неизвестный ворон неимоверно устал... И сам повалился на бок, тяжело привалившись к закрытой дверце.

– Что-происходит-что-происходит... – бормотала Карина за спиной.

Трое мужчин в черных одеждах поднялись на первые пять ступеней – от Руси (Карина стояла выше) их отделяло тоже пять же ступеней – и замерли. Широкоплечие, страшные в своей черной одежде (даже рубашки черные!) в это радостное безоблачное утро, когда край солнца уже поднялся над горизонтом.

Воронушка их больше не интересовала. Они тарацились на Русю, которая не опускала рук с сидевшими на них огневицами, будто решительно загораживала, защищала от некромантов Карину. Тарацились и тут же жмурились, кривясь и отворачиваясь, словно сияние огневиц слепило их.

– Уходите! – громко сказала Руся. – Уходите!

Один из некромантов внезапно опустил глаза и, схватившись за перила, поспешил уйти. Остальные, откровенно испуганные, последовали его примеру. Руся посмотрела на ступени и поняла, что сама не может дышать: из-под одной из ступеней вылезло жуткое чудо-юдо и сейчас скалилось вслед торопливо уходящим некромантам. Те чуть ли не в панике уселись в машину – и так же откровенно удрали. А когда черная машина исчезла с привокзальной площади, чудище глянуло на Русю и медленно вползло в лестницу. Девушка выдохнула, узнав: это здешний ночевик-охранник – такого она видела, когда Данияр дрался с упырем, вцепившимся в Митю. А перед тем как драться, ворон от нечистика, жутковатого на вид, потребовал защитить посредницу-толмачиху, что ночевик и собирался сделать.

Огневицы, словно так и надо, не спеша оттолкнулись от своего странного насеста – от рук и плеч Руси – и, мягко взмахивая длинными крыльями, устремились к солнцу, чтобы постепенно исчезнуть в его смягчающемся сиянии.

– Ч-что эт-то б-было?

Стук Карининых зубов Руся расслышала отчетливо. Тяжело опустила занемевшие руки и, будто не расслышав вопроса воронушки,

хрипло сказала:

– Пойдем к Митьке. Ему трудно ходить, а он еще хотел бежать к тебе... – Она словно опомнилась и, оглянувшись на Карину, рывкнула: – Тебе сказали не отходить далеко, дура! Такая непослушная, да?!

И заплакала, ярко вспоминая, как уверенно, неся угрозу в самом своем движении, надвигались на нее некроманты. Как ей самой было страшно – даже несмотря на спокойствие огневиц, которые, как она сейчас сообразила, помогли ей прорвать колдовски замедленное время.

Карина обняла ее за плечи и, вздрагивая от пережитого, повела вниз по лестнице.

Митя, который чуть не упал, прорываясь сквозь приостановленное время, а то вдруг уступило, застыл на середине площади. Руся мельком видела, как черная машина пролетела мимо него, но только сейчас ужаснулась: а если бы водитель сбил парнишку-ворона, как он это намеревался сделать с Кариной?! И снова расплакалась от пережитого потрясения. Воронушка шептала что-то успокаивающее, да что с того сейчас...

От волнения хромая еще сильнее, Митя доплелся до девушек.

– Что это было?!

– В машине поговорим, – сухо ответила Карина.

Но Руся слышала в ее голосе виноватые нотки и вздохнула.

Дошли до машины, сели. Подошли двое таксистов, тоже пытались узнать, что же произошло. Но Карина твердо сказала, что какие-то дураки хулиганили, и от них отстали.

– Кто это был? – задал уже более конкретный вопрос успокоенный Митя.

Они сидели на заднем сиденье, чуть прижавшись друг к другу.

Шмыгнув носом и отерев с лица последние слезы, Руся ответила:

– Я думаю, некроманты. Но в машине у них сидел точно не некромант. Он расставил руки в стороны, а когда опустил, время восстановилось.

– Некроманты и ворон? – встревожился Митя. – Значит, Данияр был прав? А зачем они приехали сюда? Как-то странно совпало все.

– Никаких совпадений, – мрачно сказала Карина, сосредоточенно хмурясь. – Помните, что сказал Данияр? Возможно, на них, на упырях, обереги есть, которые их прятали от нас, от воронов. Ну хотя бы,

чтобы ты, Митя, их во сне не видел. А если у этих упырей были обереги еще и для наблюдения за ними?

– Хочешь сказать... – начал Митя и замолк, видимо пытаясь сложить все, что знал, воедино. – Получается... Эти некроманты где-то за городом прятались и узнали, что одного упыря убили. И они тут же приехали в город. Но зачем? Чтобы спрятать второго упыря от нас?

– Если обереги с наблюдением, то, я думаю, ситуация немного другая, – задумчиво сказала вороношка. – Они увидели другое. Смотри. Если наблюдение было постоянным, сначала они увидели, что упырь пошел не туда, куда надо. Они поняли, что упырь проголодался и может выдать себя, убив обычного человека. И поехали. А потом увидели, что один убит, и убит воронами. А тут защита снова сработала – уже у второго упыря. И они поехали за ним, потому что понадеялись приехать раньше воронов.

– И увидели тебя, – хмуро сказала Руся.

– Ну, здесь не просто увидели, – вздохнула та. – Сама посуди. Они видят меня – и сразу понимают, что я новичок. Тот упырь, которого алконосты убили, уже напал на меня. И они это знают. И теперь решают убить меня, потому что знают: раз новичок здесь – опытные ушли убивать упыря.

– Выглядит логично, – пробормотал Митя и поежился. – Я думал, что время для нас, воронов, поддается... В смысле что мы-то можем спокойно ходить, когда с ним что-то делают. А тут...

– Где ж поддается? – напомнила Руся. – Если Данияр вынес Карину и сам испугался, как бы с нею чего не было. Ну и попали мы...

– Слушай, а что это за птицы были? – взглянула ей в лицо Карина. – Ну, которые на твоих руках сидели?

– Они назвались огневицами. И почему-то сказали, что их мне можно видеть только на рассвете. А вот когда стану старше, могу и каждый день.

– Это из-за них ты спокойно шла по площади? – спросил Митя.

– Думаю, да. – Руся помолчала немного, а потом содрогнулась, подняв плечи. – Быстрее бы наши вернулись!

И все замолчали. Дверцы машины закрыты. Вокруг таксисты – и подъезжают все новые машины. Но ведь кто их знает, этих некромантов. Может, не постесняются и при народе сделать попытку убить их.

– Руся, ты очень испугалась? – явно виновато спросила Карина.

– Я сначала... не поняла. Мне было... Я за тебя испугалась, потому что не поняла, почему ты не реагируешь на наши крики. А потом испугалась, что не успею и машина тебя сшибет...

– Русь, – вдруг жестко сказал крепко перед тем задумавшийся Митя, – идти нормально я не мог, но видеть-то видел все. Вот ты мне скажи. Я правильно понял, что машина с некромантами сначала въехала на площадь, а потом...

– А потом я ее обогнала! – ахнула Руся. Подумала немного и сникла. – Нет, это огневицы мне помогли бежать.

– Что-то я вас не пойму, – удивленно сказала воронушка. – Вы о чем?

– Мне показалось, – отрешенно сказал Митя и насупился, глядя на спинку переднего сиденья, – что тот, ну, ворон некромантов, спецом замедлил время для машины, когда увидел, что она едет на Карину. Русь, а ты его разглядела? Узнать сумеешь?

– Стекло бликовало, – покачала головой девушка.

– Понял. Но ты сказала, что, пока он держал руки, некроманты шли медленней. Давай вспоминай! Я же видел: ты толкаешь Карину, а значит, вы шли медленно. Но некроманты на первых же ступеньках вас догнать не сумели! Мне кажется, тот ворон вас спасал. И что с ним было, если он к дверце привалился? Может, он раскаивался?

– Ну-у... не знаю, – сказала Карина. – Мне кажется, такой человек, который с этими убийцами связался, вряд ли может раскаиваться. Слушайте... Я плохо помню, что было, но вы двое вспоминайте малейшие подробности! По мне, так когда вернутся Данияр с Александром Михайловичем и узнают, что тут было, они в первую очередь вас допрашивать будут.

– Быстрее бы, – вздохнул Митя.

Но старшие вороны вернулись лишь через полчаса. По их решительным лицам, по жесткой походке младшие поняли, что охота на упыря прошла успешно. Первым делом оба попросили вынуть из бардачка пачку салфеток. Принюхавшись, младшие сморщили носы... Не садясь в машину, оба старших ворона тщательно вытерли лица и руки, а потом привели в порядок обувь.

– Ну что там у вас? – высунувшись из машины, спросил Митя. – Убили упыря? Он никого не сожрал? Успели?

– Успели, – ответил сразу на все вопросы Александр Михайлович и дошел до ближайшей мусорной урны, чтобы выбросить кучу использованных салфеток.

Когда он сел за руль, а Данияр – рядом с ним, девушки взглянули на парнишку-ворона, и тот, правильно поняв их взгляды, начал:

– Данияр, у нас тут тоже кое-что произошло. Давай мы тебе прямо сейчас расскажем, а то потом забудем.

– Давай, – согласился слегка удивленный ворон.

Руся еще подумала, что, может, они, младшие, зря решили рассказать о происшествии прямо сейчас. Но Митя и Карина оказались правы: услышав во всех деталях о странном случае на площади, Данияр, очень серьезный, уточнил несколько моментов и попросил:

– Откуда и куда шла машина, покажите.

Митя показал. Данияр вышел из машины и заторопился к указанному месту. Поскольку он не позвал с собой Александра Михайловича, тот сидел некоторое время спокойно, а потом как спохватился.

– Вы тут посидите, ребятки, а я все-таки сопровожу Данияра. Мало ли. А если те некроманты не уехали? – озабоченно сказал он и поспешил догнать ворона.

Митя от нетерпения вышел из машины, к нему присоединилась Карина. Руся же прильнула к окну, следя, как мужчины подошли к месту, откуда черная машина свернула на привокзальную площадь. Девушке показалось – Данияр на секунду только встал на это место, а потом пошел по пути, который проехала машина некромантов, так, словно видел ее. Причем ему даже не мешало то, что площадь здорово оживилась и на ней суетились не только таксисты, но и частные машины, в которых люди приезжали встречать с поезда своих родных и близких. Впрочем, и машины будто объезжали стороной и его, и Александра Михайловича...

Вот Данияр дошел до лестницы, внимательно осмотрелся. Задержал взгляд (Руся не видела, но ей так почудилось) на той точке, где встала черная машина, в которой остался только чужой ворон. И Руся тут же поделилась впечатлением с младшими воронами:

– Мне одной кажется, что Данияр буквально видит эту машину? Он ведь смотрит точно на то место, где она стояла!



– Кто его знает – может, и видит, – недовольно проворчал Митя. – Мы ж не все свои способности знаем, а он только и вспоминает, когда сам что-то делает.

– О, Александр Михалыч у него что-то спрашивает, – заметила воронушка. – На что спорим, что о том же, о чем и мы думаем?

И тут Русю озарило.

– Ой, мы и тупые... – простонала она, хватаясь за голову. – Номера-то!

– Ничего и не тупые! – обиделся Митя. – Я хотел разглядеть, но они что-то, видимо, сделали – и цифры с буквами рябили. Помню, что там были семерка и девятка, а как они стояли – фиг знает. Зато запомнил автомобиль – «тойота лендкрузер».

– Таких в городе полно, – разочарованно сказала Карина.

– Но ты машину видел, – все еще сосредоточенно сказала Руся. – Слушай, а ты видел хотя бы тень ворона – сбоку от водителя?

– Может, и видел, – неохотно сказал Митя. – А что?

– Мы уже однажды говорили об этом. Мить, попробуй во сне увидеть эту машину с тенью ворона в ней, а? – азартно предложила девушка. – А вдруг?

– Идея – во! – оценила Карина. – Только вот... Мить, ты как?

– Я попробую, но гарантировать не могу, – предупредил парнишка-ворон. – О, наши идут. Интересно – с чем?

«Наши» пришли с объяснением, почему Данияр так легко определил местоположение машины рядом с вокзальными лестницами.

– Структуры остановленного времени все еще опадают, а в них остались тени тех, кто там был.

– Тогда, значит, вы видели ворона, который сидел в машине?! – обрадовался Митя.

– Смутно, но видел, – согласился Данияр. – Александр Михайлович, пора.

Машина выехала с привокзальной площади, и все замолчали.

Обсуждение и прикидки на основе двух происшествий будут позже. Сейчас каждый переваривал события и по-своему представлял, что произойдет далее.

## Глава семнадцатая

### *Данияр*

Обычно Карина недовольно ворчала, когда ее после ночных приключений «закидывали» домой. Такая самостоятельная. Сегодня – молчала. Данияр наблюдал за ней в зеркало: девушка глубоко ушла в себя, а потому лица не держала, сидела, печально уставившись на свои руки, опущенные на колени. А еще она всегда могла по-дружески огрызнуться на Митю, если он, устав, засыпал, головой удобно устраиваясь на ее плече. Последнее частенько случалось. Сегодня она терпеливо поправляла ему эту самую голову, если, проваливаясь в сон, парнишка-ворон ухом съезжал с ее плеча, а потом мог испуганно вздрогнуть, резко проснувшись. Что никому не на пользу, ведь все надеялись, что после таких впечатляющих событий Мите приснится сон-откровение.

Руся смотрела в окно, держа в ладонях, сложенных ковшиком, ездового – обитателя машины Александра Михайловича. Тот, счастливый (сама толмачиха ему благоволит!), свернулся в этом уютном ковшике клубочком и скромно дрых – на вид котенок котенком, пока не поднимал мохнатую башку и не тарасился на всех спросонья ошалелыми круглыми глазами. С хозяином машины ездовой поначалу, когда в том открылся ворон, держался настороже и старался не попадаться ему лишний раз на глаза. Но дружба ворона с самой толмачихой преисполнила ездового чуть ли не благоговения. Теперь, врасплох застигнутый хозяином в машине, ездовой не ушмыгивал куда подальше, а низко кланялся ему. Александр Михайлович на такие церемонии только хмыкал и кивал.

Из всех младших сейчас только Руся выглядела бодрой и энергичной. Что совсем неудивительно после встречи с огневицами. Но тоже смотрела не совсем довольной, и пару раз Данияр поймал на себе ее взгляд.

Карину не только доставили к подъезду, где она снимала комнату, но и проводили до двери квартиры, хоть она и вяло отмахивалась. Провожали старшие. Митя все еще спал – правда, уже на плече Руси...

У двери квартиры Карина вынула ключи, но открывать замок помедлила и спросила:

– Огневицы – такие красивые! Неужели и они нечистики?

– Нет, конечно, – ответил Данияр. – Они духи светлого дня.

– Вон че, – бормотнула она, повернула ключ в замке и, не прощаясь, закрыла за собой дверь.

Затем Александр Михайлович отвез оставшихся пассажиров к дому Данияра и Руси и сразу уехал. Данияр и Руся повели спотыкающегося Митю на четвертый этаж. Домой его сегодня отвозить не стали. У его матери с отчимом, кроме него, двое малышей. Спать не дадут. А его сны сейчас на вес золота.

Митю устроили на недавно купленной кушетке – вместо старой кровати, выброшенной наконец-то. Благодаря всей честной компании и в частности парнишке-ворону Данияр начал обновление квартиры, потихоньку выбрасывая не принадлежавшие ему вещи. Так что специалист-сновидец Митя занял кушетку по праву единственного ворона, который, как остальные, может не спать, но вынужден это делать.

– Я пойду? – прошептала Руся, невольно улыбаясь, глядя на парнишку-ворона, с довольным ворчанием обнявшего подушку.

Несмотря на огневиц, придавших ей силы, выглядела она все-таки утомленной.

– Сейчас полшестого, – напомнил Данияр, следуя за ней в прихожую и собираясь проводить ее до двери бабулиной квартиры. – Ты мне нужна в десять. Тебе хватит времени на сон?

– Сказал тоже... – скептически проговорила Руся и зевнула. – Да я в девять как огурчик буду!..

У двери она потянулась было к замку, а потом замерла – и оглянулась.

– Данияр, я такая некрасивая, да? – задумчиво спросила она, пытливо всматриваясь в его глаза. – Я тебе совсем не нравлюсь, да?

– Что? – растерялся ворон.

– Ты уже две недели как мой парень, а ни разу даже не обнял меня, – по-детски пожаловалась Руся. – Мой бывший, ну, тот Митя, все время обниматься лез и целоваться, а тебе на меня наплевать... – Она досадливо сморщилась, вздохнула и призналась: – А мне так иногда хочется, чтобы ты меня обнял!

Данияр смотрел на запрокинутое к нему девичье лицо – и прозревал: нет, Руся говорит одно, а на деле, сама того не подозревая, хочет другого! Она вброшена в эту странную жизнь с почти вечной ночью, где поминутно могут появляться странные, а порой жуткие, несущие смерть существа. Да, девушка держится стойко, но внутри, наверное, постоянно испытывает... может, и не страх, но... неуверенность?

Он порывисто шагнул к ней и бережно обнял. Сначала она стояла жестко, как солдатик, а потом расслабилась и выпростала руки из его хватки, чтобы тут же схватиться за его плечи и прижаться ухом к его сердцу. Но почему-то от этого легкого движения он услышал торопливое биение не своего, а ее сердца... «Эх ты, Руська, – думал он, улыбаясь, потому что так, иной раз забывшись, обращался к девушке Митя, и это смешное и задорное имя вызывало добрую усмешку, – как же я раньше не сообразил, что тебе не хватает ощущения... защиты. Силы рядом с тобой. Не умею я думать о таком. Спасибо, что подсказала...»

– Я буду, – пообещал он над ее головой – и в ее волосы, переплетенные ленточками, от которых почему-то пахло не парфюмом, не шампунем, а припекающим солнцем, крапивой и какими-то травами. Пахло так притягательно, что хотелось долго вдыхать эти запахи и наслаждаться ими. – Я буду твоим парнем по-настоящему. Ты ведь не станешь стесняться, если я буду обнимать тебя при всех?

– Нет, – буркнула она ему в плечо и отстранилась. Не оглядываясь, открыла дверь, перешагнула порог и снова остановилась. Обернулась. – Я приду в десять.

– Я буду ждать, – серьезно сказал он.

И проследил, как она легко побежала по ступеням лестницы в свою квартиру. А когда она скрылась на середине второй лестницы, Данияр бесшумно начал спускаться следом. Он всегда провождал ее до квартиры таким образом. На всякий случай.

Руся остановилась у своей квартиры, но входить не спешила. Еще пару секунд – и ворон услышал шепот. Быстро наклонился вперед и тут же отпрянул. Высовываться дальше, чтобы увидеть голову девушки, мерцающую шелковыми ленточками, не стал, а терпеливо выждал, пока Руся, присев на корточки, закончит разговор с дремой и

войдет к себе. Когда замок в двери негромко щелкнул, ворон вернулся к себе.

Убедившись, что Митя спит и видит сны (глаза под веками энергично двигались), Данияр ушел на кухню. Здесь он выложил на стол старенькую папку с бумагами Всеволода – и теперь не только его – и прикинул: полчаса на сон, полчаса на приготовление завтрака для себя и Мити, оставшееся до прихода Руси время – на запись того, что произошло этой ночью... Ведя журнал дел, Данияр обнаружил, что некоторые детали тех случаев, которые он записывает, становятся на письме очень значимыми, хотя в обсуждении, например, он вряд ли обратил бы на них внимание. Еще он выяснил, что, записывая факты, может записывать и возникающие вопросы, которые надо уточнить.

Но записывать он все равно не любил. И втайне выжидательно и даже с надеждой поглядывал на Александра Михайловича, который недовольно морщился, разбирая его почерк. А вдруг? Вдруг Александр Михайлович решительно заберет этот журнал и сам начнет руководить воронами?

На угловом диванчике валялись две подушки. Данияр пристроил обе под голову и сразу заснул – настенные часы напротив. Последний образ перед тем, как сомкнуть глаза, – часы, показывающие половину седьмого. В это время он должен встать.

Обычно так и случалось. Сбоев не бывало.

Но встал в двадцать минут седьмого.

Звякнул мобильник. Эсэмэска. Ворон поднялся мгновенно. Взял телефон со стола и удивленно приподнял брови. Алконост. Степан.

Прежде чем ответить – а в эсэмэске просили о небольшом разговоре, закрыл дверь в комнату, а потом и в кухню, благо короткий коридор между помещениями имелся. Да еще сел так, чтобы от кухонной двери его скрывала стена.

– Доброго, – сказал Степан. – Я тут не один, и хотелось бы встретиться. Со мной Иннокентий. Он считает, что нам всем нужна помощь посредницы.

Некромант обратился к алконостам? Странно.

– Что случилось?

– Наши некроманты вычислили, что в городе произошло уничтожение двух упырей. Мы поняли, что вы сегодняшней ночью тоже поохотились – и удачно. Мы нашли места, где они уничтожены.

Оборванную ткань городского пространства восстановили. И на всякий случай созвонились с Иннокентием. Он походил по местам, которые ему показали, и говорит, что упыри подняты чужими ребятами. Слишком много вложено в мертвяков сил. И вообще грубая работа. Как будто работали новички.

– Но Иннокентий... – начал Данияр.

Степан перебил его:

– Иннокентий со своими не новички, а младшие. И мертвяков пока поднимать не пробовали. Но видят они замечательно – старшие успели научить этому. Ты готов с нами встретиться?

– Мои отдыхают, – напомнил ворон. – Ночь у нас была не из легких.

– Понимаю. Назначай время сам.

– Вечером. После семи.

– Принято. Один вопрос до встречи: у тебя есть хоть какая-то информация по делу?

– Есть, – без промедления ответил Данияр и добавил, чтобы алконост не выпрашивал: – Проверяем и уточняем.

После секундной паузы Степан с досадой сказал:

– Были бы с нами – может, быстрее бы дело раскрутили.

И отключился. Данияр положил мобильник на стол и некоторое время смотрел на него. Скептически хмыкнул, вспоминая последние слова алконоста. Быстрее бы? Вряд ли. Алконосты – любители все контролировать. Это в них подмечал еще Всеволод. А Мрак, помнится, все посмеивался: «Они на каждое дело понапишут двадцать папок бумаг, прежде чем в поле пойдут!» Ну уж нет. Каждому свое. Воронам – ночь. Алконостам – день. И пусть так и остается.

Но сон уже выветрился. Прислушавшись к себе, Данияр кивнул: ни в одном глазу! Пора приступать к другим делам, тем более – время.

Он открыл дверцу холодильника и выяснил, что готовить завтрак не надо: вечером девушки запекли курицу. Теперь ее можно разогреть – и вперед. Плюс остатки салата. В большой такой салатнице. И хлеба достаточно. Если что – морозильник набит любимыми Митей сардельками. А пока Данияр поставил чайник и принялся за записи.

Отпивая из чашки горячий чай с травами – привет от Русиной бабули! – ворон писал то быстро, то с остановками, порой не зная, как

сформулировать ту или иную мысль. Карина недавно подсказала ему писать с большими полями: если вдруг возникнут сомнения, на полях можно записать вопросы. Так что, вспоминая все детали и записывая их, рядом ворон брал на заметку: «Руся и Карина: как примерно выглядели некроманты? Старые или молодые?» Это он вспомнил, что обе девушки утверждали: рассмотреть лица неизвестных некромантов было нельзя, поскольку видели их словно сквозь волнистое стекло. То есть была та же заморочка, что и с номером машины: чужаки использовали заклинание-обманку, при котором взгляд на них будто соскальзывал, а лица расплывались, искажая черты. Но Данияр считал, что по движениям чужаков можно все-таки определить их возраст. А это большое подспорье для расследования: довольно-таки часто бывало в городе, и не только в их родном, что молодые «эзотерики» пытались нажиться, используя собственные способности.

Но этим-то, чужакам, в их городе что нужно?

Или один из них – родственник того стоматолога-протезиста?

Выглядит правдоподобно.

Он так увлекся записями, что вздрогнул, когда с небольшим треском открылась кухонная дверь. Дом-то старый, проседал потихоньку, вот двери, естественно тоже старенькие, порой в косяках слегка заклинивало.

– А где все? – сонно спросил Митя. И оживился при виде чашки. – Я тоже чаю хочу! Ой, Данияр, что я видел! Что я видел!.. Ты не представляешь!

– Садись, – велел ворон. – И рассказывай спокойно.

Но Митя не успел – в дверь позвонили. Так что парнишка-ворон, сжав первое попавшееся под руку оружие – столовый нож, шлепнулся на мягкий стул и с тревогой уставился в сторону прихожей.

– Сиди, – вполголоса сказал Данияр и заторопился к двери.

Он предполагал, кто это может быть. Время прийти Русе. Но Данияр не ожидал увидеть вместе с ней на пороге Карину.

Не здороваясь, ворон кивком указал девушкам на кухню.

– Митя что-то видел. И кажется, очень интересное.

Продолжать не надо было. Обе поспешили на кухню, где быстренько приготовили парнишке-ворону чай с бутербродами, а потом уселись напротив и приказали:

– Рассказывай!

– Ну, я это!.. – энергично приступил к повествованию Митя. – Как мы решили, так и сделал. Когда начал засыпать, держал перед глазами картинку – ну, машину и то место, ну, которое там рядом с водителем. Я-то его, ну, ворона, не видел, издали же смотрел. Ну а вдруг, думаю...

– Мить, ты не думай! – нетерпеливо сказала Карина. – Рассказывай.

– Я и рассказываю, – обиделся парнишка-ворон. И громко отпил чай с края чашки, отчего воронушка чуть не зашипела на него сердито. – Сами налили горячий, а я виноват, – проворчал Митя. – Ну ладно. Там, в общем, если коротко, так: видел чувака, примерно чуть старше тебя, Карин, но чуть младше Данияра. Но это так подумалось. Точно во сне не разглядишь.

– Опять колдовство, да?.. – разочарованно сказала Карина. – Маскирующее...

– Ты че?! Нет, какое колдовство?! Они его избили! Во! У него лицо все в синяках – и не видать, какого он точно возраста! Я же говорю – видел все коротко!

В кухне воцарилась тишина. А Митя задумчиво сказал, глядя на Карину:

– Помните, мы потом обсуждали, почему время остановилось? Ну, я решил, что это тот чувак остановил – чужой ворон? По мне, так его избили именно из-за этого – что он нам помог. Я прав?.. А били... у него под носом черно. Наверное, кровь.

И снова все затихли, глядя на сновидца.

У Данияра мелькнула странная мысль, и он здорово пожалел, что рядом нет Александра Михайловича. Тот бы сразу ему мозги на место вправил, раскритиковав эту мысль. Выскажи он ее младшим – они, судя по всему, начнут придумывать жалостливую историю для неизвестного им ворона. Так что придется промолчать.

– Всеволод только раз подошел ко мне и спросил о снах, – медленно сказала Карина. – И ты, Данияр, сказал, что адреса моего у вас не было. Были адреса Мити и Александра Михалыча... Что-то вертится в голове – какая-то идея, но...

Ворон не стал говорить, что идея эта, возможно, того же порядка, что его мысль.

Он посмотрел на часы. Времени на все про все маловато.



– Митя, позавтракаешь – запиши свой сон. Когда записываешь, подробностей вспоминаешь больше – так говорил Мрак. Карина, ты пришла почитать бумаги – оставляю их тебе. Пожалуйста, пока Митя записывает сон, не мешай ему. А вот когда запишет, пусть прочитает тебе. Ты человек умный – может, попробуешь выпросить у него подетально то, что тебе покажется интересным.

– А вы куда? – сразу сообразила спросить воронушка.

– Нам с Русей надо съездить в одно место. По делам. По делам, связанным с деятельностью посредницы, – чересчур официально даже на свой вкус уточнил он, когда Руся удивленно взглянула на него. – Руся, ты позавтракала?

– Ага, – немного растерянно сказала она и, не глядя, пошарила в карманах цветастой, в основном в зеленых тонах блузки. Что-то там звякнуло, после чего девушка украдкой выдохнула.

Митя и Карина не заметили, но Данияр внутренне усмехнулся: «толмачиха» испугалась, что на проезд денег не хватит. Он кивнул ей на прихожую, и вскоре оба вышли на лестничную площадку. Пока спускались, Данияр предупредил:

– Все сегодняшние поездки оплачены, так что о деньгах не беспокойся.

– Хорошо, – с некоторым сомнением ответила Руся. Кажется, она решила ни о чем его не спрашивать.

Вышли на залитую утренним солнцем улицу. У первого же магазина отловили свободное такси, и Данияр получил время подумать на досуге над сном Мити. И над своей мыслью – идеей Карины. Если он правильно понял ее рассуждения, получается, Всеволод ранее нашел еще одного ворона, но не успел отразить это ни в бумагах, ни в последнем телефонном разговоре с ним, с Данияром. Зато этого ворона нашли трое нездешних некромантов. Как они сумели уговорить его на убийство незнакомого ему человека? И... вопрос из вопросов: откуда ворон-новичок знал, как это сделать? Как сгустить время, провести жертву через быстрый поток времени, чтобы тот внезапно состарился? Как? Если он новичок?

Теперь, когда Митя увидел сон, где неизвестный ворон довольно молод, отпало подозрение, что к смерти стоматолога-протезиста причастен старик Мрак. Данияр и ранее не верил в это, но теперь у него появилось веское доказательство, если Анжелика будет

упорствовать в своем мнении и доказывать, что того человека убил один из городских воронов. Да и зачем это убийство Мраку?

Доехав до пригородного автовокзала, они вышли на остановке и стали ждать автобус пригородных линий. Данияр положил руку на плечо Руси. Та засияла и, поглядывая на него снизу вверх, спросила:

– Теперь ты мне расскажешь, куда мы едем дальше?

– У нас три поездки. Первая – надо съездить на дачу Мрака. Я хочу удостовериться, что его там нет.

– Но ты говорил, он умеет прятаться!

– Даже Мрак не мог предполагать, что одновременно с этими событиями в городе появится посредница-толмачиха. Кстати, тебе не кажется, что слово «толмачиха» грубовато звучит?

– Нет, – твердо сказала Руся. – Мне это слово нравится. Все нечистики меня так зовут. И я как будто солидная такая тетя, а не девочка, как меня бабуля называет иногда. Вот как... Ты думаешь, он отсиживается на даче? Но почему тогда его ни ты, ни Митя во сне не видите?

– Чтобы увидеть такого ворона, как Мрак, да еще во сне, надо уметь прямо во сне пробивать его обереги. А они у Мрака старинные, что значит – наполненные силой под завязку. Во сне просто так его не заметишь.

– Поняла. Ты хочешь, чтобы я расспросила тамошних нечистиков – на даче?

– Не только нечистиков, духов светлого дня тоже.

– А другие поездки? Ты сказал – не одна, а три.

– Потом мы заедем в одно место, которое надо осмотреть, чтобы его почистить. Дело дали мне, но ты получишь половину оплаты. Деньги же тебе нужны? Вот и начинай.

– А третья? – упрямо спросила Руся.

– Третья поездка будет к алконостам. Они на местах уничтожения упырей нашли что-то интересное, что надо будет проверить. Сказали – нужна посредница.

– Одна не поеду! – категорически сказала Руся.

– Мы поедем все вместе, – успокоил ее ворон. – Алконостов я предупредил, что мы явимся все – и вороны, и ты.

На автобусе проехали две длиннейшие остановки и вышли прямо перед воротами в дачный поселок. Пока Данияр оглядывался,

вспоминая, как пройти к даче Мрака, Руся тоже осмотрелась и вздохнула от избытка эмоций. Ее саму пока что не заметили, но она, кажется, уже зацепила глазом парочку явных духов светлого дня. И уж что точно поняла, так это то, что они гораздо... красивей нечистиков...

– Нечисть перед духами светлого дня как мыши перед райской птицей, да? – улыбнулся Данияр, читая все ее мысли по лицу.

Руся мгновенно насупилась:

– Нечистики лучше! Они... такие непосредственные, и с ними разговаривать легко.

– Но ведь ты еще с этими не говорила. И огневицы, помнится, тебе понравились. Пойдем, нам в эту сторону.

– Данияр, – вдруг оживилась Руся, – мне огневицы сказали, что пока я их буду видеть только на рассвете, а потом каждый день. Это как?

– Огневицы – не просто духи светлого дня. Они бережливые покровительницы женщин, но не девиц, – хмыкнул Данияр. – Вот когда у тебя будет семья...

Оборвав фразу на полуслове, он резко дернул Русю в сторону от плохо асфальтированной дороги, по которой пролетели на бешеной скорости несколько мотоциклистов, а следом – на той же безумной скорости промчался «мерседес», грохочущий на всю округу ударными и пением чьего-то визгливого и тонкого, но, без сомнений, мужского голоса.

Руся прижалась к Данияру, резко побледневшая.

– Психи... – с трудом выговорила она. – Разве так можно – по дачным дорогам?!

– Э-э, милая, – сокрушенно сказала полная женщина, стоявшая за забором, к которому они отпрыгнули. – Здесь же не только дачники! Мы-то тут стараемся на земле работать, но и богатых бездельников полно. Дома понастроили, в которых летом живут, кто за границу не сумел поехать на лето, вот и гоняют с утра пораньше – и ничем их не урезонишь. Так что ходите осторожней по здешним дорогам, да и по тропинкам тоже. Мало ли на кого тут напоретесь.

– Спасибо, – пробормотала все еще дрожавшая от неожиданности Руся и вопросительно взглянула на ворона. – Идем?

– Идем.

На этот раз они пошли как давно сложившаяся парочка: Данияр положил руку на плечо девушки, слегка прижимая ее к себе, а Руся и не возражала, время от времени прижимаясь к нему, особенно если слышала нарастающий грохот машин и визгливые вопли зарубежного певца. Но теперь мотоциклисты и «мерседес» мотались где-то неподалеку. Тем более что Руся и Данияр шли настолько узкой тропой, что не только машине – мотоциклу было бы трудно проехать по ней.

– А ты откуда знаешь про дачу? – спросила Руся, наконец-то успокоившись.

– Бывал там не раз. В этом году еще не был.

– А он что, жил тут? Работал?

– Ну не сказать, чтобы работал. Грядок он не делал – вот яблони любил. Он их холил и лелеял, ухаживал за ними так, как некоторые хозяйки за своими грядками не ухаживают. И яблоки у него были всегда шикарные. Особенно с одной яблони – не знаю, как называется. Но когда они поспевали, можно было посмотреть яблоки на солнце – и в них будто прозрачные медовые просветы, а в них виднелись черные семечки. Такие полосатые – красные на желтом. И по вкусу тоже как медовые.

– Фу-у!.. – рассмеялась Руся. – Ты так вкусно рассказываешь, что мне яблок захотелось! А нам здесь дадут яблок? Давай, если у тебя деньги есть, купим у кого-нибудь немного? Чтоб всем нашим хватило?

– Давай, – согласился ворон, усмехаясь, но уже начиная вглядываться вперед настороженно. Насколько он помнил дорогу, они должны вот-вот оказаться на территории Мракова дачного участка. А там было два входа: один – со стороны дороги, вроде как официальный, другой – сделанный Мраком втихаря, со стороны узких, протоптанных дачниками тропинок.

И где-то через минуту они очутились именно перед этим входом – у калитки, едва различимой в деревянном заборе. Руся вполголоса спросила:

– А если его здесь нет, а мы зайдем – вдруг кто-нибудь вызовет полицию?

– Не бойся. Видишь? От калитки до домика – всего несколько шагов. И у него тоже есть запасная дверь. Так что идем и не боимся.

– А если... – начала девушка и неожиданно довольно скептически спросила: – Может, мне поговорить с кем-нибудь и узнать, есть ли кто

на даче?

Данияр замер – и бесшумно рассмеялся. Сняв свою цепочку с вместилищами для колдовских заготовок, он раскрыл один шарик.

– С какой стороны ветер, не заметила?

– По-моему, вот с этой... – с интересом откликнулась Руся. Она открыла рот, вероятно собираясь спросить, кого пытается вызвать для «мирных переговоров» ворон. И закрыла, видимо сочтя, что скоро увидит все своими глазами.

Благодарный ей за молчание – так быстрее пройдет вызов, Данияр принялся шептать заклинание, вставляя в него имена домовых и садовничих – и надеясь, что Руся не слишком будет разочарована, что вызывает он нечисть, а не духов светлого дня.

Когда заклинание было нашептано, а колдовская смесь развеяна по ветру – на дачный домик, девушка выждала немного и тихонько спросила:

– Ты ведь нечистиков зовешь?

– Как ты догадалась?

– Ну ты же ворон. А духи светлого дня этому заклинанию не подчинятся?

– Нет. Это заклинание и в самом деле больше подходит для ночных жителей.

Присев среди высоких трав пижмы, ромашки и конского щавеля, Руся ждала недолго: через трухлявые доски забора к ней перелезли сразу три представителя нечисти. Удивленная и счастливая, девушка узнала о существовании не только привычных ей домовых, одетых, словно стародавние крестьяне, в зипуны и широченные штаны с торчавшими из-под них лапотками, а также в меховые шапки, но и садовничих, которые от домовых отличались лишь широкополыми шляпами.

А когда она поговорила с ними, тоже весьма счастливыми от встречи с толмачихой, взглянула на Данияра и разочарованно сказала:

– Что внутри домика – неизвестно. Он тоже заговорен от проникновения нечисти.

– Ты спроси, приходил ли кто сюда?

– Спрашивала. Они сказали, что тропка тоже заговорена, а потому любой прошедший по ней для них скрывается в неизвестности.

– Последний вопрос: не появлялся ли кто вокруг этого забора, кто пытался проникнуть на дачный участок?

Домовой и садовничие переглянулись и быстро-быстро заговорили, чуть не споря между собой. Выслушав их и дождавшись тишины, Руся объяснила ворону:

– Темные какие-то были. Бросали колдовские смеси, как у тебя, но не призывающие, а отгоняющие. Такое бывает?

Домовой и садовничие возмутились и принялись что-то доказывать Русе. И замолкли, когда ворон низко склонился перед ними и поблагодарил за пояснения. Три нечистика быстро пропали в траве, а Русю Данияр поднял с земли и молча повел за калитку.

## Глава восемнадцатая

### *Руся*

Если честно, Руся не хотела заходить в садовый домик Мрака. Он же пропал. А если его убили? Как убили Всеволода, как пытались убить молодых воронов? И в домике лежит... труп. Ой, не надо... Но до потайной дверцы было три-четыре шага. Да и Данияр шел уверенно, разводя в стороны высокую траву, растущую так, словно на дачном участке давно никто не бывал. Даже крапивы не испугался – лохматой от пыли, наверное, с ближайшей дороги. Правда, девушка уже знала, что перед домиком идеальная чистота – и сорняков не видно. Видела, когда обходили часть забора. То ли Мраку было все равно, что делается за домом, то ли он посчитал, что так нужно для маскировки.

Оставалось только молиться про себя, чтобы дверца оказалась закрыта.

Но дверь в домик, такая низенькая, что пришлось бы пригнуться не только Данияру, низенькая, видимо, тоже из соображений безопасности, оказалась не заперта. И ворон открыл ее, лишь раз допустив тихий скрип. Быстро перешагнул порог и протянул руку замешкавшейся Русе.

– Никого. Входи.

И снова плотно закрыл дверь. А Русе снова стало не по себе. Ну ладно – домик принадлежит опытному ворону, который умеет охранять свою собственность необычными способами. Но ведь незапертая дверь может подсказать и уязвимость... Что же случилось с Мраком, если его и здесь нет?

– Данияр, – прошептала она, следуя за вороном по пятам: даже шепот в пустом помещении казался очень громким, – а почему Мрак? То есть... почему его так зовут?

Тот едва слышно и коротко сопнул носом, будто фыркнул.

– На самом деле его зовут Марк. Но он весь такой темный... Объяснить не могу – это надо видеть. Темный, несмотря на очень белые из-за седины волосы. Однажды я, еще пацаном, оговорился и сказал вместо Марка Мрак. Всеволоду смешно стало, а Марку

понравилось. Ну и получилось прозвище, которым стали его звать постоянно.

– Ясно, – прошептала она и подумала: «Наверное, этот Мрак очень добрый, раз не разозлился и не обиделся на Данияра?.. Хоть бы он живой был!»

– Странно, – услышала она бормотание ворона.

– Что – странно?

– Такое впечатление, что Мрак здесь жил буквально пару дней назад.

– Как ты узнал?! – поразилась Руся, оглядываясь: у одной стены – раскладушка, на которой строго натянуто покрывало и лежит хорошо взбитая подушка. Тут же – табурет. У другой стены – небольшой стол, видимо сработанный собственными руками, и еще один табурет. Ближе к входной двери – еще один стол, кажется, для готовки, потому что на нем керогаз и под чистым полотенцем угадывается стопка посуды. Все чисто и упорядоченно – так, словно здесь с месяц вообще никто не бывал. Второй комнатухи Руся не видела, но ведь и Данияр туда не входил еще. С чего он решил, что хозяин здесь недавно был?

Данияр стоял перед кухонным столом для готовки. Откинул полотенце с посуды и внимательно приглядывался к тарелкам и паре чашек.

– И даже больше, – не слыша вопроса Руси, пробормотал он. – Впечатление, что жил кто-то, но не Мрак. Странно.

Она даже подошла в надежде, что сумеет догадаться, что навело его на такие мысли. И ничего не поняла. Если даже посуда чисто перемыта, на ней не может оставаться следов, мыл ли ее человек вчера или сегодня. Придется спрашивать.

– А как ты узнал?

Данияр кивнул на посуду, как будто Руся ее не видела, а потом спохватился и ткнул пальцем не в стопку небольших тарелок, а в несколько пластиковых чашек, притулившихся рядом с ними.

– Мрак терпеть не может пластик.

Она некоторое время тоже смотрела на одноразовую посуду. Смешно. Завидев пластиковую посуду, она бы посчитала очень скучным или бедным человека, который ее вымыл так тщательно, что она даже в полутьме светится чистотой, посчитала бы странным, но не подумала бы... Впрочем, Мрака-то она почти не знает. Так что



неудивительно, что Данияр может делать какие-то выводы, а она нет. Хотя...

– А если к нему кто-то приходил с едой в пластике? Вдруг Мрак здесь прятался, а ему кто-то еду носил? Тарелки-то вон какие чистые – может, заодно и пластик вымыл?

– Нет, одноразовую он сразу выбрасывал.

Тогда Руся сделала еще одно заключение.

– Вот что значит, когда дом закрывают полностью от нечисти, – философски сказала она. – Был бы здесь домовый – сразу бы все о Мраке узнали.

– Привычка, – вздохнул Данияр. – Дом ворона – только дом ворона.

– Тогда тебе надо приглядеться, есть ли здесь другие вещи, которые Мраку не принадлежат, – предложила Руся, чувствуя себя опытным детективом.

Данияр присел перед небольшой фанерной тумбочкой и открыл дверцу. Быстро обшарил ее глазами и покачал головой. Снова вздохнул. Встал, медленно обошел комнатушку, затем заглянул в другую.

– Нет. Пусто. Никаких следов, что у Мрака здесь был гость.

– Ты говоришь так, будто все вещи Мрака знаешь наизусть, – поддела Руся. И оживилась: – Данияр, а нечистики могут подойти к окнам? Или защита распространяется и на окна дома? А вдруг они что-нибудь видели, пока снаружи были?

– Если что-то и было, то глубокой ночью, когда нечисть занимается своими делами.

– Ну ладно, – сдалась девушка. – Будем рады и тому, что с Мраком ничего страшного здесь, на даче, точно не произошло.

– Секунду, – внезапно сказал Данияр и взял стоявшую у двери небольшую стремянку.

Он поставил ее у порога второй комнатушки и поднялся по ней. Присмотревшись, Руся увидела довольно широкую полку, прикрепленную почти под невысоким потолком, отчего ее сразу и не заметишь: выглядела как часть потолка, разве что с небольшой черной полосой, будто доска чуть отогнулась в этом месте. Ворон поднял руку – там, под потолком, темновато – и быстро провел ею по всей

длине. Рука вздрогнула на полпути, а наверху что-то резко бумкнуло и загудело.

– Что там? – Руся, взволнованная, тут же очутилась рядом.

Ворон застыл, кажется проверяя, а потом, под аккомпанемент все еще гудящих струн, с недоумением ответил:

– Похоже, гитара. У Мрака никогда не было гитары!

Доставать инструмент он не стал, а осторожно спустился со стремянки (Руся придерживала) и пожал плечами.

– Не понимаю.

– А если здесь у него по договоренности кто-то жил? – шагая следом за ним, несущим стремянку на место, спросила девушка. – Я, например, сначала подумала на бомжей, но ведь соседи быстро заметили бы и выгнали их. Летом-то здесь все видят. А вот если у Мрака здесь были свои... Данияр, а ведь это идея! Давай спросим соседей? Вдруг они что-нибудь знают?

– Вороны не любят соседства, – вздохнул тот.

– Ты же Митю терпишь, – насмешливо напомнила Руся.

– Митя – это Митя. Пока суд да дело, терпеть приходится. Хорошо... Что мы получили... Здесь кто-то недавно жил...

– Но почему ты все время говоришь – недавно? – рассердилась она. – Откуда ты знаешь, что прошло... ты сначала сказал – два дня, а теперь – недавно!

– Все приблизительно, – объяснил Данияр и взял ее за руку, чтобы подвести к потайной дверце. – Посмотри. Видишь пауков? Когда мы вошли – порвали паутинную сеть надвое. Дверь здесь прилегает неплотно, а потому я сразу увидел, открывая, что паутина оплела дверь с обеих сторон. Значит, она сначала растянулась, а потом порвалась. Но ее здесь мало. Поэтому и говорю о нескольких днях. Кто-то здесь был до нас.

– Ну, паук... – проворчала Руся и подумала: «Вообще-то тоже версия...»

– Не веришь? – улыбнулся ворон и снова за руку подвел ее уже к входной двери.

Приглядевшись, девушка приподняла брови: эта дверь была заткана паутиной чуть ли не сверху донизу. Когда Данияр убедился, что она рассмотрела даже пауков, он сказал:

– Это непростая паутина. Мрак вызвал тенетников, чтобы они оплели двери для контроля за нежеланными посетителями.

Руся не стала спрашивать, умеют ли такое делать все вороны. Спросила другое:

– Ты разочарован?

– Пока не знаю.

Она уважительно посмотрела на него. Так спокойно держится, хотя ситуация тут – тайна на тайне едет и тайной погоняет! Но что дальше? Будто отвечая на незаданный вопрос, Данияр снова осмотрел обе комнаты, покосился на широкую полку с невидимой отсюда гитарой и опустил глаза к клочьям паутины.

– Нам пора.

Выбравшись из трав, росших так, что скрывали непрошенных гостей Мрака аж до макушек, они осторожно закрыли за собой потайную калитку в заборе и вышли на узкую тропку. Русе пришлось снова идти за Данияром, но разговор вести можно было и здесь. Так что Руся даже голос напрягать не стала, спросив:

– Ты думаешь, Мрак прятал здесь того ворона, из машины некромантов?

– Откуда такое придумала?

– Ну как же... Больше воронов здесь нет. А Митя сказал, что тот ворон старше меня, но младше тебя. И в то же время умеет делать что-то такое, что тебе не под силу.

Она ляпнула не подумав, а потом испугалась: а если обидится? Но Данияр только хмыкнул и напомнил:

– Забыла? Я говорил, что у воронов есть способности, которые развить нетрудно.

Тропинка впереди чуть расширилась так, что теперь по ней можно было шагать вдвоем. Обрадованная, что ворон не рассердился на ее слова (только что поняла, как они обидны), Руся догнала его и взяла за руку. Заискивающе глядя на него и в то же время пряча лукавую усмешку, спросила:

– А когда все закончится и Мрак вернется, он угостит нас своими медовыми яблочками? Данияр, ты попроси его, ладно? Мне тоже хочется посмотреть на солнце сквозь яблоко и увидеть черные семечки!

Он только глянул, как она идет совсем близко к нему, но умудряется при этом подпрыгивать от непонятной радости, и покивал.

Что еще для счастья надо? Здесь, на тропинке, пыль с дороги не чувствуется, зато сильно пахнут цветы и травы. За всеми оградами поют птицы и раздаются невнятные голоса дачников. С тропки впереди то и дело кто-то вспархивает, а однажды путники вышли за небольшой поворот, а на теплой утопанной земле сидел рыжий кот и жмурился на солнце. На звук их шагов оглянулся и тут же исчез словно и не было.

Девушка только вздохнула, думая: надо ли набрать букетище, с которым бабуля-травница разбираться будет? Или не стоит? Растительность-то здесь роскошная! И не выдержала, выкрутила пальцы из мгновенно расслабленных, когда он понял, что она хочет свободы, пальцев ворона и бросилась вперед: это чтобы он не возражал, пока она собирает. Ведь пока она рвет букет, он доходит до нее, а как дошагает, она снова побежит вперед и нарвет еще немного! Услышала за спиной короткий смешок: Данияр понял ее уловку, но, видимо, одобрил такой экономный способ одновременно и набрать травы, и сберечь время.

То ли букет, то ли веник вскоре оказался таким длинным и толстым, что пальцы вокруг него не смыкались. «Ничего! – решила Руся. – Главное, он не тяжелый!» И положила его снопом на сгиб локтя. Полюбовавшись на сиреневые цветочки вики и вдыхая умопомрачительно сладкий аромат донника, девушка с трудом оторвалась от созерцания набранного и зашарила глазами впереди. Время есть – Данияр, наверное, специально отстал надолго, чтобы она успела набрать столько, сколько хочется. Но и идет не слишком медленно. И Руся бросилась к ближайшим разноцветным зарослям, а потом огорченно рыкнула на себя: тропка заканчивалась, выводя на плохо асфальтированную дорогу! Ничего, здесь и у последних заборов травы хороши! Присмотрев пару стеблей с оранжевыми «рябинками» пижмы, она быстро сломала их, добавляя в букет, а потом крикнула Данияру:

– Здесь дорога!

И повернулась посмотреть, та ли это дорога, с которой они сворачивали на эту тропу. Краем глаза заметила, что за вороном, чуть

отставая, бегут по тропинке три знакомые фигурки и что-то кричат. Нечистики попрощаться хотят?

Глаза, которые только что начали воспринимать дорогу и необычное на ней, будто взрезало лезвием. Руся задохнулась от боли. Не могла ни моргать, ни двигать глазами. Только смотрела вперед и чувствовала, как сжался живот от страха слишком глубоко дышать.

А впереди... В десяти шагах – та самая машина, которая гоняла по дачной дороге, а полукругом от нее – та самая свора мотоциклистов, которая ее сопровождала в этих гонках. Ладно машина. Но человек, небрежно присевший на капот машины и скрестивший руки, не просто смотрел на девушку в упор. Именно его взгляд не давал ей двигаться с места. И несколько секунд спустя она даже ощутила этот взгляд – не просто лезвие, а замораживающее...

От боли потекли слезы, а молодой мужчина, примерно лет тридцати, в черной джинсе, продолжал всаживать ледяное лезвие в ее глаза – не шевелясь при этом жутком действии. Сам он был какой-то стандартный – сразу не запомнишь. Темноволосый. Темные глаза смотрели равнодушно, лицо чуть скуластое, а губы кривились в таком презрении, что Руся поначалу было ворохнулась: «Я не мелочь, которую можно раздавить не глядя! Я тоже что-то значу!», а потом только плакала в голос – где-то глубоко внутри, потому что сделать хоть одно движение чревато такой болью...

Оставалось дышать лишь короткими вздохами. И ужасаться, потому что вдыхаемый теплый воздух, напоенный запахами никнущих под жарким полуденным солнцем трав, стал могильным: воняло не только холодной свежей глиной вырытой могилы, но и гниющей плотью...

А черные мотоциклисты замерли так, что она, видя их боковым зрением, страшилась одного: как бы не кинулись все вместе. Когда тот, их главный (а что главный – понятно без слов), бросит им: «Фас!»

Показалось, где-то в другой вселенной она услышала невозможный сейчас шелест, будто кто-то громадный – где-то там, далеко, и в то же время рядом – распахнул огромные крылья...

Но резко заледеневшая спина внезапно начала оттаивать, толчками повышая градус тепла. Как будто к Русе кто-то шел – не слишком быстро, но и не медленно.

Когда она почувствовала, что занемевшие руки снова ощущают шершавые неровности набранного букета, она ощутила, как плотно позади нее кто-то встал, а потом расслышала шепот Данияра:

– За мою спину.

Она хотела пожаловаться ему, что двигаться не может, что даже дышать не может, но неожиданно поняла, что ноги тоже ожили. Более того, ворон положил невыносимо горячие ладони на ее плечи – и тепло его рук рвануло вниз, пронизав тело живительным потоком, растопившим могильный холод.

Руся неуклюже шагнула. Сообразила, что может дышать и шевелиться, – и с всхлипом юркнула за Данияра. Не как за защиту. А как за преграду тому взгляду, которым ее до сих пор удерживал на месте черный тип.

А тот (она выглядывала из-за Данияра, боясь взглянуть в глаза черного типа) выпрямился и оттолкнулся от машины. И Руся снова испугалась, потому что в голосе этого человека сочилось ядом недоумение высшего существа перед букашкой:

– Это кто тут мне пытается противосто...

И рухнул на землю, на последних сантиметрах ударившись головой о бампер.

А девушка, только было вздохнувшая с облегчением, вновь перепугалась: мотоциклисты тронулись с места! Они лениво отталкивались от земли, заставляя свои тяжелые машины двигаться вперед, и сужали полукруг перед Данияром и Русей, не давая возможности уйти, потому что их было слишком много.

– Руся... Беги в домик Мрака, – вполголоса сказал ворон.

Но, обернувшись, девушка ахнула.

– Что там? – ровно спросил Данияр.

– Там... двое. Без мотоциклов.

– Тогда не отходи от меня.

Лежавший на пыльной дороге хозяин машины зашевелился. Ни один из мотоциклистов даже не повернулся в его сторону, чтобы помочь. Разглядев, что он вот-вот поднимется, Руся встала за Данияром, спиной к нему, и, стараясь не попадать взглядом на двоих, которые медленно и вроде как нехотя приближались к ним от начала тропы, уставилась в зелень, скрывающую заборы – сначала в одну сторону, потом в другую.

Где домовой и садовничие? Почему они пропали, когда так нужны?..

– Я толмачиха... – прошептала она, даже скорей выговорила совершенно без голоса, потому что голос осел и ушел куда-то глубоко в горло. – Я толмачиха... Помогите нам, пожалуйста... Я толмачиха...

Слезную просьбу о помощи пришлось прервать, потому как потребовалось устоять: земля ни с того ни с сего вдруг так дрогнула, что пришлось переступить с ноги на ногу, чтобы удержаться и постыдно не свалиться. Что еще за напасть... Почему молчит Данияр?

Она снова высунулась из-за его спины, хотя по ситуации требовалось отслеживать приближение тех двоих, которые, оказывается, стерегли их почти с самого начала. И открыла рот. Машина черного типа каким-то образом передними колесами рухнула в яму, которой секунды назад на дороге не было. Мотоциклисты торопливо откатывали свои машины в сторону, полностью забыв о тех, кого пугали. А хозяин машины с воющей руганью пытался вылезти из ямы, то и дело в панике оглядываясь на колеса и кашляя в поднявшейся пыли.

И только сейчас, оглушенная происходящим, Руся услышала, как ворон тоже шепчет, но не в смятении, как недавно она, а безучастно, как ей на первых порах показалось. Когда она снова прижалась к нему спиной, первым делом глянула на узкую тропку – там никого не было. Двое напугавших ее – сбежали!..

И тут она снова услышала шепот Данияра. Она не понимала ни словечка, но с каждым его словом (она снова высунулась посмотреть вперед) на дороге происходило нечто еще более жуткое: машина заваливалась носом, поднимая сверкающий на солнце даже сквозь вздымающуюся пыль полированный зад. А ее хозяин уже хрипел, не в силах выскочить из поразительной ловушки. Он только и делал, что хватался руками за край ямы, а тот мгновенно рушился дальше! И черный тип, уже пятнисто посеревший в облаке пыли, бессильно съезжал к колесам своей машины.

И следившая во все глаза за этим странным действием Руся испугалась уже за него: неужели среди этих мотоциклистов, которые с наивным по-детски испугом на лице продолжают отступать от катастрофы на дороге, не найдется ни одного, кто захочет помочь ему?

Хозяин машины в очередной раз сорвался с края уходящей вниз ямы – и больше не появлялся. Половина мотоциклистов рванула с места происшествия.

Остальные стояли, наверное таращась на пропасть, из которой торчал только багажник машины да мотались клубы пыли. Руся уже не знала, что делать. Хотелось побежать к этой яме и хотя бы убедиться в том, что водителю ничто не угрожает. Но только она подняла руку, чтобы дотронуться до замолчавшего ворона, как один из мотоциклистов все-таки покинул свою машину и неуверенно, поглядывая на Данияра (судя по положению шлема), подошел к колдовской ямине.

– Уходим, – не оглядываясь на девушку, прошептал Данияр.

Теперь она взяла его за руку и осторожно, не спуская глаз с мотоциклистов, повела в импровизированный переулок дачного поселка – туда, где их ждали трое взволнованных нечистиков. Как только место происшествия скрылось за небольшим поворотом, Данияр глубоко вздохнул и попросил Русю:

– Скажи им, – он кивнул на домового и садовничих, – что я сейчас вызову тенетников завесить вход на эту тропинку. Нечисть не любит пауков и будет тебе благодарна за предупреждение.

– А зачем? – робко спросила она, присаживаясь перед нечистиками. – Ну, пауков?

– Я не знаю, откуда тут взялся некромант и опытен ли он, чтобы знать об этом, но обычно некроманты не уничтожают паутинные сети. Что значит – за нами не пойдет.

– Мне кажется, ему и сейчас не до этого, – заметила Руся, с трудом удерживаясь на подрагивающих ногах, когда страх отпустил.

Но нечистиков честно предупредила о пауках, сама додумавшись, что для них пауки тоже могут быть неприятны – мягко говоря.

Домовой и садовничие покивали – и тут же сгнули в травянисто-цветочных зарослях. Ни одна травинка не шелохнулась...

А Данияр снял со спрятанного под рубахой оберега привычный для глаза Руси шарик, развинтил его и рассеял содержимое ближе к входу на тропку между участками. Сеяние колдовской смеси сопровождалось шепотом, в котором Руся опять-таки, сколько бы ни вслушивалась, не расслышала ни одного знакомого слова.



А потом они, не оглядываясь, поспешили прочь от этого места. Руся даже сначала не сообразила, что Данияр-то тоже не знает всех здешних мест. Дошло – спросила:

- А где мы теперь на дорогу выйдем?
- Обойдем домик Мрака и выйдем.
- Данияр, подожди...

Она остановилась, глядя на ворона и не видя его, не понимая, почему не может удержать в руках букет, специально собранный для бабули. Но больше всего не понимая, почему ее трясет и почему она всхлипывает так, словно долго плакала... Данияр не стал ждать, а подскочил к ней и сразу прижал к себе – вместе с букетом. Правда, букет выпал-таки из ослабевших рук, но Руся на это не обратила внимания, а, уткнувшись в грудь ворона, продолжала трястись, с ужасом понимая, что не может остановиться, как ни старается.

Стуча зубами, выговорила:

- Что-о... со мной?

Железной рукой прижимая ее к себе, Данияр неожиданно ласково провел ладонью по ее голове и сказал:

– Не бойся, Русенька. Сейчас пройдет. Это откат. Ты испугалась. Но я здесь, Русенька. Все пройдет быстро. Нас никто не преследует, и мы сейчас дойдем до остановки... Слушай меня, Русенька, и ничего не бойся.

Он что-то еще говорил, а Руся, с сухими глазами, прерывисто дыша, молчала и лишь в душе молила: «Ты только говори! Не переставай, Данияр, пожалуйста!»

Показалось, прошел целый час, прежде чем дрожь пропала и сильно напряженное тело расслабилось. Ожидавшая, что Данияр немедленно поведет ее к остановке, Руся удивилась, когда очутилась в домике Мрака. Она вопросительно взглянула на ворона еще на пороге, но тот кивнул и объяснил:

– Мне надо позвонить. А я сразу не сообразил. Так что ты здесь посидишь, а я сделаю то, что надо.

Он усадил девушку на табурет у стола – сел рядом, на другой. И, хотя Руся ожидала, что разговор у него будет секретный, он позвонил при ней. И по первым же словам догадалась, о чем будет беседа.

– Иннокентий, привет. Это Данияр. – Он внезапно ухмыльнулся. – Своих не сдаем, и кто номер твой дал – не скажу... Ну-ну, не сердись.

А теперь внимательно слушай. Дачный поселок в северном пригороде знаешь? Кто там из твоих сегодня балуется?.. Ах, у тебя здесь никого? Мы с посредницей сегодня заехали сюда по делам. Некий тип на машине – записывай номер, – он продиктовал номер машины, – попытался погрузить девушку в могильный холод, чтобы... произвести на нее впечатление, – иронически сказал он после паузы. – Точно не ваш?

Он отнял мобильник от уха и на мгновение протянул телефон Русе, чтобы та услышала страшное рычание Иннокентия.

– Понимаю твои чувства, – чуть насмешливо сказал он. – В общем, там тебе каждый скажет, на каком участке дачной дороги застряла машина... Да, там покрытие обрушилось... Нет, а мне-то зачем ты это говоришь? Мне куда было деваться? Вы некроманты – вот и приводите свои дела в порядок так, чтобы эти твои последователи не нарушали установленные правила. – Он вдруг скривил рот в ухмылке. – Ты же не хочешь, чтобы про этот случай узнали алконосты? Все-таки середь бела дня – и нападать на людей. А ведь он себе целую армию собрал... Ага, хорошо... И еще. Иннокентий, хочу попросить тебя: не мог бы ты быстро осмотреть этого типа? Не он ли поднял упырей?.. Думаешь? Ну ладно, тебе лучше знать. Хорошо. Звони, если что. Да не за что.

Руся открыла рот. Некромант. А она даже не подумала, что он может быть причастен к появлению упырей! А если где-то здесь, на одном из дачных участков, находится несчастный неизвестный ворон, которого избили за то, что он помог своим?

Данияр между тем поднялся и прошелся по кухне, бормоча что-то о том, как ему надоело болтать по делу и особенно без дела. Наконец вытянул откуда-то громадный магазинный пакет и запихал туда Русин букетище.

– Так будет легче... – отчетливо сказал он, но явно не Русе.

– Данияр, а ты не думаешь, что тот ворон... – И девушка замолчала.

– Нет, не думаю. Те некроманты прятались, а этот пыжится изо всех сил, хвалится своей силой. Думаю, под началом Иннокентия он не станет хорохориться. Тот его быстро в оборот возьмет. Отдохнула? Идем?

– А сейчас куда?

– Надо бы в одно учреждение сбегать. Там парочка помещений есть, в которых люди боятся бывать. Тебе надо поговорить с тамошней нечистью, узнать, в чем дело.

– Пойдем! – Она вскочила с такой готовностью, что сама нервно рассмеялась: наконец-то что-то всего лишь связанное с ее странной профессией!

Данияр только улыбнулся ее поспешности и не отдал пакет с травами, а понес сам, не забывая притом держать саму толмачиху за руку. Руся послушно шла рядом и думала: попробовал бы он не взять ее за руку! Она бы сама вцепилась! Но путь до остановки вкруговую оказался не слишком коротким. Деловая ходьба постепенно успокоила девушку, и вскоре она уже размышляла о том, как обрадуется бабуля принесенному добру... И так, чтобы ворон не заметил, ежилась, вспоминая жуткое происшествие на дороге. Выскочке-некроманту повезло: среди набранных им дураков все-таки оказались пусть не друзья, но более или менее совестливые люди...

Руся вздохнула, закрывая для себя тему некромантов и перенастраиваясь на будущий разговор с нечистью в каком-то учреждении.

## Глава девятнадцатая

### *Данияр*

В пригородном автобусе девушка успокоилась окончательно. Сидя у окна и усыпляемая жарким, проникающим в окно солнцем, она лишь раз очнулась от дремоты и спросила:

– Данияр, а почему?.. Я даже не знаю, как сказать. Этот некромант был очень сильный, а ты сам говорил, что ты младший. Как ты сумел его победить?

– Столкнись я с ним по-настоящему, я б ему проиграл, – ответил ворон и чуть примял пакет с травами, чтобы удобней было держать его. – Да, он сильней. Но он пользуется только грубой силой, не знает более... более тонких приемов, что ли? А может, и знать не хочет. Но, пока он рушил мою защиту, я нашел способ, как его хотя бы нейтрализовать. Мне легче было сбить с ног его и заставить растеряться, чем отражать его атаку. Поэтому я обратился к земле. Дорога-то в этом месте удобная – для вроде как нечаянной аварии.

– Я думала, он узнал в тебе ворона и хотел навредить, – призналась Руся.

– У меня впечатление, что он вообще о том, что вокруг него делается, не знает, – сказал Данияр и улыбнулся. – Он думает, он такой единственный. Представляю, как он вылупит глаза, когда увидит обозленного Иннокентия с его командой.

– То есть этот некромант к нашему делу не относится, – сонно сказала Руся и снова прикорнула на его плече.

«Кто его знает, – про себя вздохнул Данияр. – Упыри-то тоже были подняты довольно грубо. Может, кто-то из более слабых некромантов подбил этого – сил-то у него немерено, – провести ритуал? Или соблазнил чем?» Он задумался, чем можно соблазнить некроманта. И кивнул себе: знанием о способностях.

Любопытный взгляд со стороны отвлек от деловых мыслей. Напротив, через сиденье, сидела лицом к ним полная женщина в пестром платье. На пустом месте рядом она удерживала пластиковое ведро со сливой, а на коленях – огромную сумку, из которой торчала огородная зелень и алели бока мясистых помидоров. Дачница. И?..

Время от времени она поглядывала на Данияра и Русю и умильно улыбалась. Сначала Данияр решил, что ей нравится, как спит Руся. Потом по глазам он понял, что она любит ими обоими, как парой. И поспешно перевел взгляд на боковое стекло. Не до отношений сейчас! И Руся, несмотря на ее решительность, не его дама сердца, а... Он усмехнулся. Боевая подруга! Данияр отгнал мысли о личном и попробовал думать о вороне, который, возможно, прятался на даче Мрака. Но данных маловато, чтобы предположить, что там был именно ворон. А если Мрак уступил чьей-то просьбе? Например, по каким-то причинам человеку нужно было несколько дней перекапаться на даче, вдали от города? Наличие гитары в домике вроде как подтверждало эту версию. Впрочем, для размышлений опять-таки не хватало фактов...

Он осторожно придержал голову Руси на своем плече, когда слишком резко затормозил автобус. А вскоре они вышли на остановке и стали ждать маршрутку.

Пока ждали, Руся, разомлевшая от сна под солнцем, но при этом все еще остро соображавшая, спросила:

– А что это за учреждение, куда мы поедим?

– Отделение строительной организации. Полного названия не помню. Что-то связанное с архитектурой.

– А как они узнали, что ты... занимаешься такими делами?

– Сарафанное радио. Один человек знал обо мне. Ему понравилось, как я выполнил порученную работу, и, когда узнал, что у кого-то проблемы такие же, как у него, отозвался обо мне как о специалисте-эзотерике. Второй рассказал обо мне третьему. Вот и вся недолга. Так обычно спецов и передают – по слухам.

– А мы успеем до встречи с алконостами?

– Успеем. До семи времени еще вон сколько! – И, снова улыбаясь, кивнул на здание старого автовокзала, на котором красовались громадные часы, не электронные, а на механизме. И затаил дыхание: увидит?

Еще бы ей не увидеть! После стольких-то встреч сегодня!

Девушка оцепенела, открыв рот. И Данияр вместе с ней некоторое время замороженно следил, как с часов словно стекают белые невесомые облачка и, отделившись от циферблата, мгновенно

превращаются в призрачно-белых птиц, улетающих бесконечной чередой куда-то на восток...

– Это они... время? – прошептала Руся.

– Они.

– Почему белые?

– Идеальные светлые духи дня.

– Но они и ночью работают! – возмутилась она.

– Все правильно. Просто тогда они становятся незаметными даже для нас. – И предупредил: – Больше я рассказать не могу. По времени – не спец.

Подлетела маршрутка, куда девушку ему пришлось втаскивать чуть ли не силой. Да, идущее, бегущее время завораживает порой даже его. Оплатили проезд и сели на заднее сиденье. Руся тут же спросила:

– А если часы сломаются?

– Дома лучше не оставлять. По ночам выходят такие темные сущности, что даже воронам не под силу. Разве что некромантам, но только очень сильным. Даже примета есть: нельзя оставлять дома сломанные часы и всякие будильники. Слышала о такой? Время-то остается вокруг часов, но становится... ну, если говорить обычными словами... беспорядочным. А для живых такое состояние времени – хуже нет.

Руся передернула плечами и со вздохом замолкла.

Корпус нужного им здания назывался «Архитектура и градостроительство. Филиал».

– А вдруг нас сейчас отсюда... попросят? – прошептала Руся, пока они сидели на мягких стульях неподалеку от вахтера, очень уж подозрительно поглядывавшего на них.

– Ничего страшного. Уйдем. Займемся нашим делом – упырями.

– Смеешься, да?

– Есть немного, – сознался Данияр.

По боковой лестнице быстро сбежал взволнованный человек в сером костюме и подошел к ним. Он взъерошил короткие волосы и близоруко прищурился, разглядывая Данияра, потом посмотрел на Русю и в недоумении распахнул глаза.

– Это вы специалист, да? – вполголоса заговорил он, заговорщицки оглядываясь на настороженного вахтера, словно боясь, что эти двое принесли ему как минимум запрещенное вещество, о цене

на которое еще и сторговаться надо бы. – А девушка – тоже? Но мы договаривались только на одного. Или девушка?..

– Девушка – помощница, – спокойно объяснил Данияр. – Вы не могли бы нас проводить в те два кабинета, о которых говорили?

– Да-да, конечно! – спохватился человек, который, видимо, из-за неловкой для него ситуации забыл представиться.

Идя за ним, Данияр вдруг насмешливо подумал, что этот человек, который не представился даже во время телефонного разговора, сейчас так же резко и суетливо выпалит, что он рассчитывал только на одного специалиста, а потому девушке платить не будет. А еще ворон подумал, что он сам в последнее время довольно часто насмешничает и улыбается. Не потому ли, что в его жизни, будто споткнувшейся недавно на ровном месте, появились вороны-новички и посредница Руся?.. А Руся, хотя он боялся, что она обидится, тоже посматривала в спину человека в костюме с едва уловимой улыбкой, которую пыталась спрятать.

Сначала Данияр не понял, почему она улыбается. Думал, что ее насмешило странное поведение заказчика – слишком суетливое. Потом уловил, что она то и дело посматривает на левое плечо мужчины, и сам подавил смешок: одной лапкой держась за ухо этого человека, на его плече сидела неведома зверушка, похожая на слегка сдутый маленький мячик, сильно обросший шерстью, и изумленно тарасилась на следующих за ним ворона и посредницу – особенно на посредницу. Но вот зверушка внезапно оглянулась на дверь кабинета, которую ее «ездовое средство» начало открывать, и тут же исчезла с его плеча.

– Я заходить не буду, – извиняющимся голосом сказал заказчик и наконец спохватился, вспомнив о вежливости: – Меня зовут Илья Максимович.

Данияр представился сам, представил Русю и приступил к делу:

– Если не возражаете, мы тут осмотримся, а потом позвоним вам.

– Отсюда звонить нельзя, – неожиданно шепотом сказал Илья Максимович и с содроганием заглянул в полуоткрытую дверь.

– А мы выйдем и позвоним из коридора, – успокоил его ворон, чувствуя: еще немного, и его пробьет на громкий смех. С другой стороны, он понимал, что не поддающееся объяснению происшествие может напугать любого. И это соображение заставило его вновь стать серьезным.

Илья Максимович благодарно покивал и торопливо, не оглядываясь пошел прочь по коридору. Как только его фигура скрылась за поворотом, Руся присела на корточки.

– Эй, куда спрятался? – ласково спросила она, заглядывая за полуоткрытую дверь. – Выходи – поболтаем!

Бочком-бочком, стеснительно, нечистик появился из-за двери, и его милая неуклюжесть вызвала у Руси улыбку.

– Ты кто? – наивно спросила она.

– Хохлик это, – подсказал ворон, – здешнего домового помощничек. Так?

Тот похлопал на ворона настороженными глазками, едва видными из шерсти, а потом перевел взгляд на толмачиху. Она спросила, дотянувшись до него ладонью, приглашающе раскрытой:

– Ты хохлик?

И тут же ответила:

– Он я, он!

– Хохлик, а что в этой комнате случилось? – перевела ему Руся вопрос Данияра.

– Ой, а страсти-то там какие! – всплеснул лапками хохлик. – Ты дверь-то закрой, толмачиха, а я тебе все и обскажу, пока хозяина моего нету, домового-то.

Пока хохлик болтал с Русей, Данияр заглянул в кабинет и сразу задержал дыхание. Пахло гнилой рыбой и черной, гниющей же тиной. Пахло деревом, многие годы полузатопленным в стоячей воде... При этом сам довольно просторный кабинет мог похвастать разве что сиротливо стоявшей у стены темно-коричневой тумбочкой. Судя по мелкому сору и чуть заметным полосам на линолеуме, мебель здесь была, но вытащили ее отсюда более чем поспешно. Хм. Кажется, сотрудники в этой конторе сидят в других кабинетах – и довольно кучно. Данияр их хорошо понимал: оставаться в этом помещении с сырым воздухом, даже если не принимать во внимание гнетущую атмосферу, – чревато как минимум астмой.

Что ж. Район новостроек. Видимо, земля здесь ранее была густо заселена нечистью.

Данияр закрыл дверь в помещение, в котором даже в жаркий августовский день приходилось ежиться то ли от холода, то ли от озноба. Как хорошо, что у него есть Руся! Он бы, конечно, определил,



кто тут из нечисти шалит, но с помощью толмачихи расследование пойдет быстрее.

А через минуту он уже знал, в чем дело.

– Раньше-то тут болото было! – тараторил хохлик, а следом, как опытная переводчица-синхронистка, Руся. – А потом понастроили домов, да не везде болото ушло. А где болото, там и вредь всякая. Вот здесь и появилась Леднея-трясуница, свои порядки начала наводить! Не приди вы с вороном, – он опасливо покосился на Данияра, – еще пару дней, Леднею-трясуницу отсюда и не выставить будет! Уж мой-то хозяин так с ней дрался-ругался, ан нет – не получается ее отседова повыгнать. Но уж теперь-то надежда только на ворона. Выгонишь ли? – жалостливо обратился хохлик к Данияру.

– Выгоню, – уверенно сказал тот.

Хохлик еще немного попричитал, благоговейно глядя на толмачиху, а потом сгинул.

– Ты понял, что он говорил? – немного с недоверием спросила Руся.

– Понял. Он говорил про Лихорадку – это нечисть с болот. Если человек селится на болоте, он должен быть готов к тому, что однажды в дом войдет она, Леднея-трясуница, и попробует выгнать хозяина дома с этого места.

– Почему?

– Она считает это место своим, – пожал плечами Данияр. – А нечисти обычно трудно объяснить, что времена меняются, что приходится порой уступать даже свои владения и искать другие пристанища. Так что вызываем Илью Максимовича и договариваемся, что завтра придем чистить помещения: он сказал, у них два кабинета нехорошие. Значит, Леднея-трясуница успела нагнать болотный дух не только в этот. У меня с собой нет нужных трав и камней.

Они вызвали Илью Максимовича, объяснили ему ситуацию и заручились его позволением прийти завтра. Он, теперь уже преисполненный надежды, проводил их до выхода из учреждения. Хохлик, судя по всему привычно усевшийся на его плечо, оттуда помахал лапкой Русе.

Пока ехали домой, Данияру позвонил Степан. Судя по голосу, алконост был страшно разозлен.

– Что случилось? – спокойно спросил Данияр, чуть склоняясь к Русе, чтобы слышала и она.

– Сегодняшняя встреча отменяется! – рявкнул алконост. – Анжелика требует, чтобы вы передали все то, что знаете об упырях и тех некромантах. В письменном виде и с подробностями! Только потом, после анализа этого материала, она собирается говорить с вами о происшествии на вокзале!

– Приезжай сам, – предложил ворон. – Записывай адрес. И поделимся информацией, и поговорим о том, о чем хотела бы поговорить Анжелика. Можно под запись. У тебя в мобильнике есть такая функция?

Тот осекся на полуслове. Помолчал, а потом медленно сказал:

– А что? Неплохой поворот. Приеду. Говори адрес – буду после семи.

Выйдя на своей остановке, Данияр вдруг замер, а когда Руся вопросительно оглянулась на него, предложил:

– Иди домой, к бабуле, а я быстро сбегаю в магазин за продуктами. Сдается мне, что холодильник почти пустой.

Руся, на автомате взявшая протянутый ей пакет с травами, возмутилась:

– А что, вместе нельзя? Может, я тоже чего-нибудь хочу? Мороженого, например?

– Я думал, ты устала и голодна, – усмехнулся ворон.

Они отправились в магазин, а когда вышли из него, девушка подняла глаза к табло с электронными часами на остановке и ахнула:

– А мне показалось, мы так быстро все сделали!

– Ты упускаешь из виду, что поездок было много – и все разные, – заметил Данияр и вздохнул: уже половина четвертого!

Покосился на девушку. Та старалась утаить, что постоянно зевает. Ничего. Придут домой, он отправит ее домой спать! Иначе ночью проку от нее будет мало.

В квартире Данияра сидела одна Карина и увлеченно читала книги с «эзотерической полки» – Данияр старательно собирал их когда-то, пока не надоело. Вид объемных пакетов с продуктами взбудрил ее: девушка-ворон тут же побежала с ними на кухню – разгружать и планировать ужин. Откровенно зевающую Русю Данияр лично проводил до бабули, услышал восторг той при виде пакета с

травами и цветами и тайком улыбнулся, вспомнив, что и себе он кое-что для колдовских смесей нарвал, пока шагали дачной тропкой.

Вернулся в свою квартиру и спросил у Карины, хлопчущей на кухне:

– А где Митя?

– Ему позвонили друзья, и он ушел. Сказал, что ненадолго, – доложила Карина.

– Когда был звонок, помнишь?

– Около двенадцати, – растерянно сказала воронушка, глядя на кухонные часы. – Но он сказал...

– Ненадолго... – закончил Данияр.

Они посовещались, и Карина сказала, что будет готовить ужин, потому что не собирается сидеть у него на шее, и, кстати, сама успела сбежать в магазин за некоторыми полуфабрикатами.

Данияр вернулся в комнату. Четыре вечера. И Митя один. Позвонить? Но если он с друзьями, то в безопасности?.. Ближе к пяти придет Александр Михайлович, и они вместе позвонят Мите, если он к тому времени не вернется?

На время отбросив мысли о парнишке-вороне, Данияр стал записывать сведения, которые намеревался продиктовать Степану. Он так увлекся, вспоминая детали ночного происшествия, что чуть не подпрыгнул, услышав звонок в дверь.

Приехал Александр Михайлович, а с ним в квартиру вошла и Руся, которую о его приезде предупредили барабашки.

Шестой час. На кухне Карина уже привычно расставила блюда с закусками, которые можно брать почти как со шведского стола и которые тем удобны, что их можно оставить на потом.

– А где Митя? – спросила Руся.

Данияр кивнул и взялся за мобильник. Спустя чуть ли не минуту незнакомый пьяный голос спросил:

– Кто? Дани... Фиг знает, что тут у него написано... Дани... яр?

– Митя где?! – рыкнул изумленный ворон.

– Тута... Дрыхнет...

– Тута – это где?!

Невнятный собеседник отключился, что-то бормоча.

Вороны и посредница, слышавшие разговор, вопросительно взглянули на Данияра, и Руся сухо сказала:

– Десять минут вам с Александром Михайловичем, чтобы поесть, а потом ищем Митю.

Он не сразу понял, что побледнел, но почувствовал, как от щек отхлынула кровь, и сообразил, что тревога за беспечного вороненка отразилась на его лице довольно ясно. Александр Михайлович уселся за стол и принялся накладывать себе на тарелку закуски. Он тоже финансово вкладывался в здешний стол, поскольку порой приходилось, как сегодня, приезжать сюда сразу после работы. Карина, видимо, поела, пока готовила, так что она вместе с Русей ушла в комнату.

– И как мы его будем искать? – тихо спросил Александр Михайлович, искоса поглядывая на кухонную дверь.

– Обереги же я вам дал, – напомнил Данияр. – Вот по нему и будем искать Митю. Заодно еще один урок для вас с Мариной.

– Это хорошо, – пробурчал тот с облегчением. – Я уж думал, по всему городу раскатывать придется. Вы с Русей съездили, куда хотели?

– Да. Митю найдем – расскажем, что видели и что было.

Уложились с ужином не в десять минут, а гораздо быстрее, и сразу отправились к машине, оставленной неподалеку от подъезда. Данияр хмыкнул: да, своя машина – это тебе не на общественном транспорте раскатывать.

Августовский вечер приближался к той границе, когда восприятие ворона обостряется и он может тонко ощутить не только сам город, но и веяние любой жизни, на которую настраивается. Стоя рядом с машиной и чувствуя на себе взгляды воронов и Руси, Данияр сжал в кулаке главный оберег – шарик с перышком ворона и настроился на перо. Одновременно он держал перед внутренним взором лицо Мити. Обратная связь пошла не сразу, но вскоре он «увидел» жилой дом, промелькнула газонная ограда, у которой он, Данияр, убил упыря. Мгновенный холодок по позвоночнику, а потом – выдох: перо подсказывает, что это дом, где нашли Митю. Потом взгляд увело в сторону – через дорогу от дома. Небольшое возвышение с детской площадкой и трансформатором. Вильнуло вокруг трансформатора. И видение закончилось.

– Недалеко от дома Мити, – назвал он местонахождение искомого «объекта».

И потянулся к двери машины.

– Нет! – вдруг со злостью сказала Руся и спрятала за спину крупно задрожавшие руки. – Ты сядешь назад, со мной!

Удивленные необычным тоном, Александр Михайлович и Карина уставились на нее. А девушка опустила глаза и повторила с той же злостью, но уже и чуть ли не с истерическими слезами в голосе:

– Ты сядешь со мной!

Данияр ничего не понял, но, чтобы не терять время, пожал плечами и сел назад. Руся быстро шмыгнула к нему и вцепилась в руку. Карина села рядом с Александром Михайловичем, а когда машина выехала на улицу, предложила:

– По-моему, не стоит дожидаться, когда рядом будет Митя. Рассказывайте, что с вами случилось. Из-за чего Руся так переживает? Чего она так боится? Вы же вроде на дачу ездили? Что там было?

Руся проворчала что-то жалобное, а Данияр, поняв наконец, что с ней, приступил к повествованию. Выслушав его, Карина вздохнула и призналась:

– Я б тоже психанула, если бы такое пришлось пережить. Вы уверены, что этот Иннокентий со своими совладеет с тем паршивцем?

– Чуть позже позвоню и узнаю, – пообещал Данияр, глядя Русю по плечу. – А так... Могу сказать, что Иннокентий справится. Более того, он человек нервный – из-за того что приходится действовать без старших. Так что молодчику тому, боюсь, здорово не понравится, когда и как его скрутят.

Из-за вечерних пробок дорога до Митино дома заняла около сорока минут. Карина и Данияр еще пару раз пытались дозвониться до парнишки-ворона, но теперь им вообще никто не ответил. Оставив машину у подъезда, все четверо быстро поднялись на пригорок и обошли трансформаторную будку.

Дрыхнет! Данияр, державший Русю за руку, ощутил, что вскипает. А через минуту, когда до него дошло, что именно видит, он взбеленился. Александр Михайлович первым шагнул к Мите, который, как и еще двое ребят лет семнадцати-восемнадцати, валялся на асфальтовой дорожке, проложенной вокруг трансформатора и спрятанной высокими травами, и вынул из его расслабленных пальцев пивную банку. Явно пустую. Поднес к носу, осторожно нюхнул и, сморщившись, сообщил:

– Намешали пива с водкой.

– Фу-у... – прошептала Карина.

– И что теперь? – спросила Руся, с брезгливой жалостью глядя на Митю. – Данияр, ты сумеешь его вывести из этого состояния?

– Нет, – резко сказал ворон. – Сам напился – пусть сам прочувствует все, что дает ему эта пьянь. С друзьями он встретиться захотел... Александр Михайлович, помогите мне поставить его на ноги. Карина, побудь рядом с Русей, пожалуйста.

Руся немедленно придвинулась к девушке-ворону. Та серьезно кивнула, взяла ее за руку, и они пошли за мужчинами, между которыми, жестко поддерживаемый, плелся бурчащий что-то Митя.

Они сунули его на сиденье так, что теперь Данияр оказался между ним и Русей, которая вновь крепко обняла его руку... Пока стояли в первой пробке, Александр Михайлович выразил общее любопытство:

– Данияр, что это значит? Я имею в виду твои слова – «сам прочувствует». Что может прочувствовать ворон в состоянии опьянения?

– Это переживают не все вороны, а только те, кто имеет дар сновидца, – неохотно отозвался Данияр и, скривившись, отвернулся от парнишки-ворона, который то ли вздохнул, то ли выдохнул: а-а-а... – Митя пока сам не понимает, но, трезвый, он свои сны контролирует – даже когда очень крепко спит. А в алкогольном угаре сны могут вырваться из-под контроля и увести хозяина в такие пропасти, выбраться из которых не просто сложно, но довольно-таки жутковато.

– Почему? – поторопилась спросить Карина.

– Ворон – существо не вполне нашего мира. И он, когда пьян, может проходить в сновидениях такими землями, что потом... – Данияр покосился на Русю. – Потом он будет вспоминать происходившее с ним во сне, как будто все это случилось наяву и совсем недавно. И что там с ним было – он будет помнить всю жизнь.

– Тогда это к лучшему, – спокойно заключил Александр Михайлович. – Если его в следующий раз позовут друзья, он сам расставит приоритеты, с кем быть и в каком состоянии. Пусть даже ему придется испытать... неприятные видения.

– Может, и так, – согласился Данияр и посмотрел на Митю чуть не с жалостью. – Только... не хотел бы я сейчас оказаться на его месте.

– Да он вроде выглядит так, будто с ним ничего и не происходит, – заметила Карина, тоже оглядываясь на парнишку-ворона.

– Будем надеяться... – пробормотал Данияр.

Но ближе к дому расхлябанный, обмякший до безобразия Митя стал постепенно превращаться в человека, который видит во сне что-то такое... Данияр угрюмо следил за ним. Парнишка-ворон выпрямился и сел более собранно. Его лицо стало сосредоточенным, пальцы сжались в кулаки...

– Он не проснется? – прошептала Карина, которую странный процесс преобразования Мити не просто заинтересовал, а, кажется, начинал страшить.

– Нет.

– Почему? Он же, похоже, избавляется от опьянения?

– Нет, не избавляется. Уже избавлен. Проблема в том, что он собирается с силами там, в неведомых землях, куда его унесло сном. Что значит – он столкнулся с опасностью.

– Ты так говоришь, как будто для Мити это и правда опасно, – прошептала Руся.

– Так и есть, – мрачно откликнулся ворон.

Они доехали до дома Данияра и Руси. Машина уже остановилась, когда девушки вскрикнули, а Александр Михайлович выругался: Митина голова резко откинулась на подголовник, словно парнишку-ворона ударили в челюсть, а из болезненно распяленного рта брызнула кровь.

## Глава двадцатая

### *Данияр*

Данияр выхватил из кармана сложенный магазинный пакет и резко раскрыл его перед Митей. С мучительным стоном парнишка-ворон, придержанный его же рукой за шиворот, согнулся вперед – и его стошнило. Задыхаясь и хрипя, Митя с трудом разогнулся – глаза слепые, на лице – ужас.

– Девушки, быстро из машины! – рявкнул Данияр. – Карина, идите в квартиру!

Воронушка обняла и так вцепившуюся в нее потрясенную Русю и потащила ее к подъезду.

Александр Михайлович обернулся к заднему сиденью и снова выругался вполголоса. И, лишь чуть отдышавшись, спросил:

– Почему... отослал? Разве еще не все?

– Нет, – угрюмо сказал ворон.

– Что можно сделать?! Неужели мы будем так сидеть и чего-то ждать?!

– Не знаю... – сквозь зубы процедил Данияр. – Я с таким не сталкивался! Знаю только, что потом человек все-таки возвращается из Нави!

– Что-о? – поразился Александр Михайлович. – Ты хочешь сказать...

– Его сознание ворона там. И сделать... – Данияр осекся и глубоко вздохнул, будто вспомнив о чем-то. – Нет, вру. Есть один способ не дожидаться его, а выдрать оттуда. Только...

– Что – только?! – Старший ворон дернулся почти одновременно с Митей, который снова согнулся так, словно его ударили в живот, а потом задрал голову, вновь со свистом задыхаясь – явно от нехватки воздуха.

Данияр вмял его в спинку сиденья одной рукой, другой вынул мобильник.

– Помоги, зафиксируй его, чтобы не болтался! – крикнул ворон.

Александр Михайлович стремительно выбрался со своего места и присел со стороны Мити, пока Данияр искал номер в телефонной



книге. Наконец нашел и спустя несколько секунд быстро сказал собеседнику:

– Степан, можешь подъехать прямо сейчас? У нас парнишка в Навь ушел... Жду.

– Объяснишь? – сердито спросил Александр Михайлович, когда ворон опустил свой мобильник.

– Сейчас все еще светлый день, хоть и близится вечер, – хмуро ответил Данияр, снова развернувшись всем телом к парнишке-ворону. – Пока солнце не зашло, алконост может вытащить Митю из Нави, из царства тьмы. У Степана есть на это силы.

– А если... – У Александра Михайловича дрогнул голос. – Если Митя останется там после захода солнца... Что тогда?

– Знали, как помочь, старшие. Обычно ворон сам выходит. Если сумеет выстоять – против тех, кто пытается его там убить.

– Данияр! – уставился на него ворон. – Неужели больше нет старших – тех, кто живет поблизости или далеко, но знаком тебе? Неужели хотя бы по мобильной связи нельзя установить с ними контакт, чтобы взаимодействовать, когда нужен совет или помощь, как сейчас?!

– Я надеялся найти Мрака, – угрюмо признался Данияр. – Он знает многих. Я никогда не интересовался... чужими. Откуда мне было знать, что этот мелкий, – он брезгливо и с жалостью взглянул на Митю, которого вновь придерживал за плечо, – уже сейчас сообразит напиться?

Больше они не разговаривали. Контролировали движения Мити, чтобы не врезался головой, если будет дергаться, посматривали в окна, не идет ли Степан. Вытащить парнишку-ворона из машины было проблематично. Куда его в этот прекрасный сухой вечер? В квартиру Данияра? И как это сделать незаметно, когда на обеих лавочках у подъезда сидят пенсионерки, делясь новостями? Не дай бог, хоть одна из них окажется слишком бдительной и вызовет участкового! Как объяснить полицейскому, что именно происходит? К тому же Митя в таком виде...

В окно со стороны Александра Михайловича стукнули.

– Данияр сказал, эта тачка, – услышали они мужской голос.

Александр Михайлович вышел из машины, уступая место Степану, и снова занял место водителя. Данияр продолжал прижимать

Митю к спинке сиденья.

– Данияр, тоже уйди, – велел Степан, не глядя на него и быстро осматривая Митю.

Ворон молча выполнил приказ и пересел вперед, к Александру Михайловичу.

Алконост вынул из-под рубахи оберег на очень длинной цепочке, да еще сложенной вдвое. Отщелкнув миниатюрный карабин, скреплявший уменьшение цепочки, часть ее он достаточно свободно накинул на парнишку-ворона. Двое очутились внутри бережного пространства. Затем алконост зафиксировал Митю в одном положении, локтем левой руки упираясь ему чуть ли не в горло, а правой рукой будто пожал ему руку. И откинулся на спинку сиденья. Его взгляд словно стал пустым.

Почти одновременно с ним обмяк Митя, закрыв наконец глаза и бессильно опустив голову на фиксировавшую его руку Степана.

Спустя несколько секунд в машине появился странный звук: где-то далеко словно играли на флейте плохо слышимую мелодию. Звук то нарастал, то затихал, чтобы вскоре вновь появиться... Вот только уловить саму мелодию было сложно.

Александр Михайлович, с интересом и тревогой наблюдавший за происходящим в зеркало заднего вида, хотел было что-то сказать или спросить, но Данияр, глянув на него, покачал головой и приложил палец к губам. За окнами машины продолжала кипеть летняя жизнь: голуби гоняли воробьев от крошек, которые кто-то сыпал с балкона второго этажа, на деревьях ругались вороны с галками, негромко беседовали женщины на скамье, прохаживались с колясками молодые мамы, время от времени перед домом проезжали машины, а ветер, шелестевший листьями березы, гонял пыль по тротуару...

Данияр смотрел на бесстрастно-пустые лица парнишки-ворона и алконоста и переживал, что не сообразил выключить звук мобильного. Знал, что на зов мобильного телефона ни Митя, ни Степан не откликнутся – просто не услышат его оттуда, где они сейчас находятся. Но все равно переживал, что сигнал мобильного мог разрушить связь между ними... Сначала он смотрел на лицо Мити, на котором видимое бесстрастие постепенно переходило в какую-то усталость. Потом глаза будто прикипели к запястью Степана, на котором темнели наручные механические часы, и ворон, словно зачарованный этими часами,

машинально начал следить за стрелкой. Белые птицы времени все так же мягко слетали с циферблата, только пропадали гораздо быстрее, чем с тех, на которые он и Руся любовались на автовокзале.

Мелодия затихла.

– Иди за мной, – глухо сказал Степан, чьи глаза все так же смотрели в никуда.

– Иду... – прошептал Митя и открыл глаза, ни на чем не сфокусированные.

Еще через пару минут Степан убрал руку от шеи парнишки-ворона. Глаза алконоста все еще были пустыми.

Степан снял с шеи Мити цепочку.

Наконец их странное рукопожатие распалось, а в глазах обоих появилась жизнь.

Митя подскочил на месте, ошарашенно глядя на Степана, который посматривал на него с кривой усмешкой.

– Что... что это было? – уставился парнишка-ворон на своих.

– Митя, запомни раз и навсегда, – стараясь не вздохнуть при нем с облегчением, сердито сказал Данияр. – Алкоголь ворону противопоказан!

– Но я же совсем немного! – жалобно и удивленно заныл тот. – Корешки предложили – как я мог отказаться?

– Молча! Скрипя зубами, – бросил алконост. – Да и какой смысл пить в светлый летний день? Тебе что, заняться нечем? Да и друзья эти твои... Нужны тебе такие, что с места в карьер напиваться предлагают?

– А ты вообще кто такой, чтобы меня, ворона... – насупился Митя.

– Митя, – мягко сказал Александр Михайлович, – рот закрой. Если бы не Степан, мы твое брэнное тело сейчас увезли бы в больницу, а там бы тебя отправили прямо в морг, поскольку то, что с тобой произошло из-за твоей пьянки, очень похоже на кому.

– Что ты видел в этом сне? – резко спросил Данияр.

– На ко-ому... – пробормотал Митя, ежась под взглядами старших. – А я думал, мне сон снится... А где девчонки?

– Ты их напугал своим состоянием.

– Вот блин... – прошептал парнишка-ворон.

С минуту в машине все молчали, а потом Степан предложил:

– Пусть расскажет, что видел в этом сне. Иначе потом в обычных снах отзовется.

Митя содрогнулся, наверное вспомнив виденное, и пролепетал:

– Я лучше потом, ладно?

– Как хочешь, – пожал плечами алконост. – Тебе потом жить.

– Объясните мне, – вмешался в разговор Александр Михайлович, – если Навь – это... ну, наше, то почему Митя там оказался в опасности?

– Навь не любит слабых, – ответил Степан. И уже мягче добавил: – Данияр, совсем плохо с обучением новичков, да?

– Опять предлагаешь присоединиться? – хмуро откликнулся ворон.

– Да нет. Вы мне обещали информацию по делу. Может, поговорим об этом где-то в другом месте, более располагающем к беседе? А там, глядишь, я кое-что и присоветую.

Они вышли из машины, и Данияр повел гостей в подъезд, а потом и в квартиру – очухавшийся Митя нашкодившим мальчишкой помчался впереди всех. Знал бы он, к чему приведет вторжение первым в квартиру Данияра... Ох и досталось ему от девчонок! Сначала в прихожую выскочила, услышав его шаги, Руся и бросилась чуть ли не со слезами обнимать. Но быстро отстранилась от Мити с брезгливым: «Фу-у! Ну и воняет от тебя!» Потом из кухни выбежала Карина – и сразу убить парнишку-ворона ей помешали только мокрые руки, которые она вытирала полотенцем.

За считанные секунды обе устроили такую головомойку, что он вспотел и поспешил укрыться в ванной комнате, потому как разгневанные девушки ругались не переставая! Только умывшись и хорошенько вытершись полотенцем, он вышел, виновато сутулясь и боясь лишней раз попасться на глаза всем.

За nasкоро собранным девушками столом в комнате Александр Михайлович, переглянувшись с Данияром, наконец взял на себя обязанности старшего и быстро пересказал все события, которым вороны были свидетелями. А Данияр рассказал, как они с Русей съездили в дачный поселок, – утаив, естественно, до звонка Иннокентию, инцидент с новоявленным некромантом. Объяснил поездку отчаянными поисками Мрака.

Первый ценный факт, который сообщил им Степан, как раз касался дачного поселка.

– За этим поселком есть довольно большая деревня. Ваши фотографии мы проверили. Покойники для создания упырей взяты оттуда, то есть с кладбища при деревне. Причем это кладбище вплотную примыкает к дачному поселку. А еще там уже раньше были отмечены акты вандализма. Только родственники до сих пор не подозревают, что могилы не просто разрыты, но и лишены гробов с телами.

Данияр с трудом выдержал взгляд алконоста и ничем себя не выдал. Заметил только, что и Руся, похоже, разрывается между желанием рассказать и скрыть то, что они узнали о некроманте, терроризирующем дачный поселок. Стало стыдно, что приходится утаивать, но, с другой стороны, ему не терпелось побыстрее выпроводить Степана и в подробностях рассказать своей компании о дачном приключении.

Пока Степан подробно перечислял, сколько свежих могил было раскопано неизвестными некромантами, ворона мучила совесть: алконост им помог, а они... И уже другой вариант возникал в мыслях: отозвать Александра Михайловича на балкон, коротко сообщить ему про дачи и спросить, стоит ли говорить Степану о происшествии. Или... Или, по крайней мере, выйти на балкон и созвониться с Иннокентием, чтобы у него узнать, стоит ли рассказывать алконостам о дачах...

Тем временем Степан, кажется, сообразил, что Данияр отмалчивается не просто так.

– Данияр, ты снова собираешься что-то скрывать?

Вороны и Руся, удивленные вопросом Степана, уставились на Данияра. Впрочем, Руся, кажется сообразив, в чем дело, снова отвела взгляд.

Тот вытер вспотевший лоб и исподлобья оглядел всех, остановив взгляд на алконосте. Перебрал в уме варианты и успокоенно сказал:

– Я тебе доверяю больше, чем Анжелике. Как сделать так, чтобы алконосты не узнали о том, что знаем мы?

– А если этот факт, который ты собираешься скрывать какое-то время, настолько важен, что могут пострадать люди? – рассердился алконост.

– Мне нужно сделать звонок, прежде чем тебе что-то рассказать. – Ворон поднялся и, ни на кого не глядя, вышел из комнаты.

На балконе он догадался на всякий случай встать спиной к комнате. Алконосты славились тем, что умели читать по губам.

– Иннокентий, что там у вас?

– Нашли этого субчика, как ты и сказал, на дороге! – со злорадством победителя откликнулся некромант. – Громадная тебе благодарность, Данияр!

– Иннокентий, у меня два вопроса. Первый: этот тип связан с упырями?

– Связан! Примерно месяц назад к нему пришли трое и объяснили, какие силы он в себе таит. Учили какое-то время одному и тому же приему – поднятию упырей. Еще пару-тройку некромантских штучек показали, так, по мелочи, ничего особенного... Кто такие – он не знает даже имен.

– Хочешь сказать, его дорогая машина... – с изумлением начал Данияр.

– Именно. Они ему заплатили бешеные бабки за упырей. Причем мы считали, что упырей было шестеро-семеро, а он поднял тринадцать штук. Управлять он ими не умеет – не научили. Сказали, хватит того, что у него силы на это есть. Так что в городе скоро появятся еще упыри. Если он не соврал, конечно.

– Вопрос второй: у меня дома сидит алконост – Степан. Можно ли ему рассказать про вас и этого некроманта? Они уже нашли кладбище, с которого упырей поднимали.

– Рассказывай, – согласился Иннокентий. – Если уж они про кладбище... Чего уж скрывать...

– Что будете делать с этим типом? – невольно поинтересовался ворон.

– Он думал, он такой сильный – единственный, – ухмыльнулся некромант. – Пока не столкнулся с нашим Филиппом. Этот быстро ему втолковал, кто есть кто. Удачи тебе, Данияр! И еще раз спасибо!

Вернувшись за стол, Данияр обратился к Степану:

– Сначала говоришь ты: что там обнаружили алконосты, когда разбирались с упырями на вокзале?

– А ведь верно, – с интересом склонился к алконосту Александр Михайлович, сидевший в кресле. – Я бы тоже хотел это узнать.

Даже державшая себя в руках Карина встрепенулась.

– Ничего особенного, – вздохнул Степан. – Анжелика любит преувеличивать важность нашей работы. А обнаружили... Видимо, ваша девушка, посредница, разговаривала с огневицами?

– Разговаривала, – подтвердила Руся и напористо, даже сердито добавила: – И что? Нельзя было?

– Я же сказал – Анжелика любит преувеличивать. Она хотела узнать, о чем ты с ними говорила. Ну вроде как она собирала все подробности дела.

– Ни о чем таком, – пожала плечами Руся. – Я спросила, кто они такие. Я же впервые их видела. Они мне рассказали про себя. И все.

– Я так и предполагал, – пробормотал алконост и повернулся к Данияру.

Тот уже собрался с мыслями и рассказал о самоуверенном некроманте и звонке Иннокентию.

– Итак, обобщим, – задумчиво сказал Степан. – Мы знаем, кто делал упырей, которые убивали воронов. Или хотели убить. Но... я не понимаю цели этих неизвестных нам некромантов! Зачем им надо было убить воронов, а потом еще и того человека, стоматолога!

– А вы выяснили, кто наследует ему? – спросил Александр Михайлович.

– Очень дальняя родня.

– Проверили на способности?

– Пока до них еще не добрались, хотя Анжелика немедленно созвонилась с тамошними алконостами и попросила проверить, нет ли среди родственников стоматолога воронов и некромантов.

– А вороны-то при чем? – поразилась Карина.

– Вы сами сказали: дачный некромант – неуч. Ему показали пару приемов, чтобы он сотворил упырей, и все. Со временем он работать не умеет. Вороны – умеют.

Руся слишком быстро опустила глаза, а остальные сделали вид, что ничего особенного не происходит. Правда, Степан не успел заметить, что Руся не смотрит на него. Потому что Данияр поспешно отвлек его внимание глупым вопросом:

– А вы, алконосты?

– Что – алконосты? – не понял Степан.

– Вы ничего от нас не скрываете? А вдруг у вас есть такие факты, о которых мы не знаем? А ведь нам эти факты во как нужны!

– Нет, фактов у нас тоже маловато, – вздохнул Степан и поднялся. – Ладно. Мне пора. Созвонимся, если что?

– Созвонимся, – кивнул Данияр и проводил его до двери.

Когда он снова вошел в комнату, все сидели и молчали. Наверное, пытались обобщить услышанное. Руся подняла голову.

– Данияр, ты не скажешь ему про ворона, который сидел в машине?

Он присел рядом с ней.

– Пока не скажу. Все-таки наш, ворон. Сначала бы узнать, что с ним. А то эти алконосты могут его и заподозрить... ну, в пособничестве.

Митя, который сидел кусая губы, резко взглянул на всех сразу.

– Вот! И я про это! А вы – сразу ругаться!

– Что еще? – недовольно спросил Александр Михайлович.

– Он там! – выкрикнул парнишка-ворон и сжал кулаки. – Я его там видел!

– Где – там? – медленно выговаривая слова и мгновенно осознав, что имеет в виду Митя, тем не менее спросил Данияр.

– Там, в Нави!

– Откуда...

– Я же сказал вам, что думал, что сплю и вижу сны! – выпалил вороненок и стукнул кулаком по столу. – А вы сразу орать на меня.

– Хочешь сказать, его тоже напоили? – испугалась Карина.

– А когда ворон пьян, он исчезает из здешней реальности, – негромко сказал Данияр, с трудом сдерживаясь, чтобы не загрохотать от отчаяния кулаками по всему, что под руку попадется. – Получается... Получается, они его так прячут? Получается, они все где-то здесь, в городе? Некроманты-то своих, как вороны, видеть не могут.

– А нужен он был, чтобы устроить стоматологу естественную смерть, – размышляла Карина. – Типа, сам помер, от старости. Что они собирались потом с ним сделать?

– Судя по всему, алконосты сами вплотную заняты поиском неизвестных некрмантов, – сухо сказал Александр Михайлович. –



Значит, как я понимаю, нам надо сосредоточиться на поиске неизвестного ворона.

– Вот я дурак... – прошептал Данияр.

– Не понял.

– Надо было привезти сюда гитару с дачи Мрака! Это единственная вещь, которая подтверждает, что в доме Мрака был кто-то кроме него. Мы с Русей подозреваем, что это был ворон. Но тот ли...

– А зачем гитару сюда? – удивилась Карина.

– Чтоб я с ней в обнимку спал, – насупившись, строго объяснил Митя.

И все посмотрели на него – мятого, с припухшими веками и запавшими глазами. А Александр Михайлович посмотрел в сторону окна.

– До того как алконосты рванут в дачный поселок, время есть. Съездим?

– А чего им рвать в поселок? – заметил Данияр, проследив его взгляд. – Некроманта свежеиспеченного Иннокентий и его ребята уже вывезли оттуда. Тип-то этот – городской. Так что алконостам там сейчас ничего не светит найти. Поселок сейчас и нам не опасен. Если ты считаешь, что можешь нас туда свозить... Почему бы и нет?

– А по дороге Митя расскажет, что видел в Нави, – мрачно сказала Карина.

– Я только бабулю предупрежу, – вскочила с места Руся.

Данияр хотел было сказать, что ее участие в поездке вообще-то не нужно. Но представил себе машину только со своими воронами – и почувствовал, что без толмачихи в ней будет... пусто. Ну и вездесущее «а вдруг» повлияло.

Пока Руся бегала на свой этаж, Карина ткнула в Митю пальцем и напомнила:

– Едем на дачу – ты рассказываешь про Навь! Едем с дачи – будешь дрыхнуть с гитарой и видеть сон про ее хозяина, понял?

– Отстань! Я тут придумал кое-что...

Только Данияр решил, что парнишка-ворон придумал какое-то решение по делу о неизвестном вороне, как Митя засиял и радостно сказал:

– А может, мы там переночуем? На даче Мрака? А что? Близко от города! На природе! И я могу спать не просто с гитарой, а на кровати, где спал тот неизвестный! Данияр, давай, а?

– Там места хватит? – с сомнением спросил Александр Михайлович у Данияра. – Ну, всем на ночь расположиться?

– Хватит, – растерянно ответил ворон. – Только...

– Пикник! – обрадовался Митя. – Давайте там пикник устроим! Заедем по дороге в магазин – накупим всего!

– Ты как с цепи сорвался! – сердито сказала воронушка. – С чего бы это? Ты же провинился, а весь такой радостный!

– Я не радостный, – уже деловито сказал Митя. – Просто мне постоянно есть хочется. Никогда такого раньше не было. С психа, что ли?

– Не с психа, – ответил Данияр, переходя в кухню и оглядывая полки холодильника и прикидывая, что бы с собой взять: кажется, Александр Михайлович не против предложения Мити. – Побывал в Нави – энергии уйму потратил. А Навь – это край голодных тварей, где и сам начинаешь постоянно ощущать, что есть хочется. Так что голод твой оттуда, из Нави.

Вернулась Руся, ей объявили, что едут на всю ночь в дачный поселок. Данияр с тревогой ожидал, что она откажется, но девушка пожала плечами:

– Посмотрим. Если вдруг нам не захочется там оставаться или наоборот, мобильник у меня с собой – позвоню бабуле, чтобы не волновалась.

В машине сначала молчали – не мешали Александру Михайловичу выезжать из города по вечерним пробкам. Дорога слишком напряженная, чтобы он вслушивался еще и в Митино повествование. Хотя уже и знали, что старший ворон – хороший водитель.

Данияр посматривал на свою компанию. Больше всех жалел Александра Михайловича. С тех пор как он с ними, для его семьи одно счастье, что жена и дети почти постоянно гостят у родителей, а потому не возражают против его странных дел по ночам. Про Карину он знал, что воронушка приглядывается к домам, ближайшим к его дому: здесь хоть и дальше от университета, но собираться вместе удобней. Митя дома почти не ночует. Тоже занялся самообразованием, а где им

заниматься, как не у ворона в квартире, где можно почитать нужные книги?

Вскоре проехали мимо последней городской остановки. Справа и слева от дороги потянулись деревья. Карина тут же напомнила:

– Митька, рассказывай!

– А чего это – Митька! – обиделся тот, но рассказывать начал сразу – видимо, давно не терпелось. – Ну и местечко, эта ваша Навь!

– Наша Навь, – напомнил Александр Михайлович.

– Ну, наша... В общем, там сплошняком лес! И там, я так понял, никогда не бывает солнца! Я там лежал на поляне – вокруг одни коряги и эти, корни с пеньками.

– Выворотни, – пояснил Данияр.

– Я сначала лежал, потом сел. Ой, лучше б не шевелился! На меня там такой гад напал! Вцепился сразу в шею! Я думал – задохнусь!

– А что за гад? – не выдержала Карина. – Ты б хоть чуточку описывал, Мить!

– Гад как гад – змеюга жуткая! Я сначала думал – он такой огромный. Потом понял, что это из-за темноты. И сам ему в шею вцепился!

– У змей шея бывает? – усомнилась Карина.

– Откуда я знаю? Только там у него, под челюстью, такое тонкое было – я и подумал, что это шея. Он как начал пасть раскрывать! Как зашипел, а потом как захрипел! И так больно сразу! Он когда зашипел, ядом брызгаться стал! А я сумел на ноги встать и, как в кино, – бац! Вместе с ним в первое попавшееся дерево с маху как долбанулся! Он и затих. Я его еще раз со всего маху приложил об ствол – на всякий случай, и только потом бросил на землю. Лучше б не бросал. Только он свалился, а его кто-то из-за дерева и уволок. У меня аж сердце упало со страху. Лапа когтистая такая... А если б и меня? Тут смотрю – кто-то рядом стоит. Высокий такой, тощий-претощий. Я ему: «Эй, чувак! Ты кто?» А он ко мне вышел – ой, елки-зеленки... А это скелет! В штанах и в рубахе! И это... босой, что ли? – сам удивился Митька, не зная, как выразить увиденное. – Ну, на костях, в общем. Только я от него, а он вдруг поворачивается – и идет куда-то. Я за ним. Смотрю, а он с тем мужиком, с вороном из машины некромантов, схватился. Я – бегом к ним, думал помочь, а потом, может, и поговорить с ним. Да как свалюсь! Ямища какая-то – в темноте не разглядел. А в ней – какая-то

башка с зубами. Много-много зубов. Мне только локоть поцарапали, но рука сразу онемела, а потом онемение вверх пошло, и я снова начал задыхаться – воздуха не хватало! А потом отполз от ямы, башка следом за мной выворачивается из нее. И тут слышу – музыка звенит! Гляжу в ту сторону, а ко мне бежит человек, а сам весь чуть не елкой новогодней сверкает! И вокруг него как будто стены растут. Он меня за руку поднял и кричит: «Беги за мной!» Ну, я и побежал. Глаза открываю, смотрю – в машине сижу, а рядом – алконост. Ну и... приехали. А тот – там остался. Краем глаза я ухватил, что он ту скелетину на землю бросил. А что дальше с ними было – не знаю.

## Глава двадцать первая

*Руся*

Согласилась-то она без раздумий на все: и на поездку, и на возможную ночевку по-походному в чужом месте. Но, уже подходя к машине Александра Михайловича, шаг замедлила... Ехать туда, где пришлось пережить ужас могильного холода? Туда, где, наверное, бродят еще не найденные упыри, которых, как выяснилось, гораздо больше, чем они до сих пор предполагали?! Нет... Нет-нет-нет.

Но задние дверцы открылись почти одновременно. Плюхнулся на другой край сиденья Митя, который уже пришел в себя и в глазах которого горело возбуждение и любопытство. Потом, как ни странно, сюда же сел Данияр. Сел – и выглянул из машины на Русю. Улыбнулся. Да еще легонько шлепнул по сиденью: поторопись, мол! Руся поспешно села рядом с вороном, сомневаясь теперь только в одном: брать ли его под руку, почти обнимая, или не стоит? В маршрутках-автобусах это объятие было каким-то естественным. Но на виду у всей их компании...

Разрешил сомнения Данияр. Взглянул на нее и кивнул:

– Отдохнуть ты не успела. Если в дороге подремать захочется, то моя подушка, – он с улыбкой похлопал себя по плечу, – рядом.

Митя посмотрел на Русю, высунувшись из-за Данияра, и засмеялся:

– А я с другой стороны!

Сообразив, что для всех ситуация выглядит как шутливая забота ворона о младших, Руся успокоилась и уже привычно притулилась к его плечу... Ветерок, врывавшийся в машину над приспущенными оконными стеклами, обвевал разгоряченные лица. Русю теперь не страшила даже та жуткая сказка, которую начал рассказывать Митя, едва только машина помчалась по пригородной дороге.

В продуктовый магазин все-таки заехали. Может, оставаться на даче и не придется, но в доме Данияра холодильник Митя опустошил неплохо.

Когда парнишка-ворон закончил вспоминать о кратковременном, но тем не менее опасном путешествии по мрачному местечку Нави,

Карина первой додумалась:

– Значит, нас на дачах могут подстерегать две опасности. Это мотоциклисты – они остались без своего ненормального некроманта. И упыри?

– Мотоциклисты нам не страшны, – заметил Данияр. – Они лишь сопровождали некроманта, который наверняка сорил деньгами и показывал, с их точки зрения, кошмарные фокусы.

– Как это – не страшны? – возразил Александр Михайлович. – Мы лишили их бесплатной жратвы и спиртомицина, как я понимаю. Тот их предводитель ведь именно этим их привязал к себе?.. Лишили чувства превосходства, наверняка тот некромант бахвалился своей властью над беспомощными людьми. В общем, лишили хлеба и зрелищ. А если отомстить захотят?

– Не захотят, – уверенно сказал Данияр. – Они видели, что я сделал. Для меня это мелочь по сравнению с силой их некроманта. Как щелчок по носу. Но для них это выглядело круто. Ведь тот некромант, судя по всему, забавлялся только с людьми. И он работал с силой примитивно. Я же знаю парочку приемов. Достаточно эффективных. Но они-то не знают, что это всего лишь приемчики. Поэтому они думают – я круче. И не забываем, что Иннокентий со своими на их глазах вообще скрутил его.

– Остаются упыри, – подытожила Карина.

– Тоже нет, – покачал головой ворон. – Сами посудите: они приготовлены по наши души – зачем неизвестным некромантам выпускать их в дачном поселке?

– А если этот дурак без их ведома еще несколько штук сделал? – подал голос Митя. – Чтобы перед этими своими чуваками похвастаться?

– Степан же сказал: всех упырей сделали заранее. А потом деревенское кладбище, с которого их взяли, начали усиленно охранять. Помните, что Степан сказал о вандализме? Ну вот. Ход на кладбище этому типу заказан. Как и всем, кто хотел бы раскопать могилы для него и его увеселений.

– Значит, мы ничего на дачах не боимся? – пожелала убедиться Карина.

Глядя на нее, чуть не повисшую между спинками передних кресел – обернувшись к сидящим позади, Руся улыбнулась. Не только

она, толмачиха, изменилась внешне. Одевавшаяся готкой, сейчас Карина добавила в свой привычно мрачный наряд не металлические бусы и кольца черного цвета, а... словно синеватые перья: какие-то странные бусы с бисером, переливающимся всеми оттенками глубокого синего цвета. Именно эти вставки изменили настроение черного. Было мрачно – стало таинственно... А вот косметики готской у нее совсем не осталось. Даже глаза не подводила. Впрочем, Карине косметики и не надо: на тонком лице глаза с немного тяжелыми веками, опущенными густыми ресницами, и так выглядели большими.

– Скажу честно, – насмешливо ответил ей Данияр. – Не знаю, что нас может ожидать в поселке, но дачный участок Мрака защищен от проникновения любой нечисти или нежити. Митя, теперь, когда ты рассказал нам основную историю, попробуй вспомнить все детали, связанные с тем вороном, которого ты видел в Нави. Что-то меня зацепило в твоём рассказе, но что...

– Подожди-подожди! – вдруг заторопилась явно чем-то удивленная Карина. – Данияр, ты так говоришь о Нави, будто это отдельная... страна? Земля? Но ведь это был всего лишь сон! А ты говоришь о Нави так, словно она существует!

– Навь не страна. Навь – это мир. У него свои законы и своя жизнь.

– Но почему...

– Карина, ты приняла на веру сны Мити, в которых он видел наш город. Придется принять и виденную им Навь. Виденную наяву. Ведь это место отличается даже от леса, в котором за ним гонялись упыри!

– Да, но и упыри в первом сне гонялись за ним по лесу, а он-то в лес не ходил!

– Леса не было, – подтвердил Данияр. – Был лесопарк, в котором прятался один из упырей. Во сне Митя видел именно лесопарк. Митя, что с тобой?

– Щас, – пробормотал парнишка-ворон, уставившись в боковое окно. И нервно сглотнул. – Щас.

– Что с ним? – удивилась Карина.

Но юный ворон продолжал бормотать:

– То есть... если я в следующий раз напьюсь, а вы меня не вытащите... или вас рядом не будет... я останусь там навсегда? Со

всеми этими скелетинами и змеюгами? – И намертво замолчал, хлопая не сосредоточенными ни на чем глазами.

– Дошло, – констатировал Данияр.

После недолгого ошарашенного молчания Александр Михайлович спросил:

– Данияр, а... там выжить можно?

– Если успеешь набраться опыта, – отозвался тот. – Но это будет не жизнь, а вечное соревнование, кто кого успеет сожрать первым. Или подмять под себя, чтобы сделать своим рабом или, помягче, прислугой.

– Откуда ты знаешь?

– Мрак пару раз посылал меня туда. Он умеет делать это и без спаивания.

– Зачем?! – с ужасом спросила Карина.

– Чтобы я знал, что Навь – это такая же реальность, как, скажем, далекий от нас Берлин. Или Лондон. Мы же в них тоже не бывали, но в их существование верим, – несколько насмешливо сказал Данияр.

– И ты уходил туда, как Митя?

– Нет, я уходил полностью, так как был в сознании в отличие от него.

В машине притихли, хотя Руся, поглядывавшая на всех исподтишка, догадалась, что спросить хочется всем и о многом. Данияр же вспомнил, что ехать осталось недолго, и попросил:

– Митя, расскажи еще раз.

– Да нечего больше рассказывать! – с досадой ответил парнишка-ворон. – Все уже рассказал! Просто я с перепугу много чего не увидел и не запомнил.

– Ладно, последний раз спрошу – и больше не буду беспокоить. Тот ворон, к которому скелет пошел, он далеко от тебя был?

– Да нет, не очень. Расстояние как между двумя подъездами дома.

– Понял, – задумчиво сказал Данияр и замолчал.

Руся покосилась на него: догадался, что его зацепило, когда Митя впервые рассказывал про свое попадание в Навь? Чего молчит? Мог бы и сказать...

Впрочем, уже подъезжали к дачам, рассыпавшимся по нескольким холмам, и тут спохватился Александр Михайлович:



– Данияр, а здесь есть где поставить машину? Или можно будет загнать ее на участок Мрака?

– Нет, участок у него точно не под машину, – покачал головой ворон. – Мы оставим ее возле дома правления товарищества. – И улыбнулся. – Там обычно две-три машины стоят всю ночь. Поставить надо будет рядом, а когда выйдем, я положу в машину оберег, отводящий глаз. Машину никто не заметит до утра. И даже позднее.

– Покажешь, как это делать? – азартно вскинул голову Митя.

– Нет, не покажу. Сначала научитесь делать такие обереги, а потом – покажу.

– А почему не сразу? – спросил неугомонный парнишка-ворон.

– Свои обереги я никому не доверяю.

Пока ехали краем дачного поселка, Руся прикинула к окну. В утреннюю поездку она не очень всматривалась в это место. Поселок был очень старый, а потому домишки-будки и сараюшки соседствовали с добротными постройками из кирпича, а кое-где торчали двухэтажные дома – настоящие коттеджи.

Обещанное Данияром правление размещалось в двухэтажном деревянном доме. Руся видела его утром. Слева от крылечка и правда стояли три машины, причем с краю оставалось место еще для двух. Александр Михайлович припарковал машину вплоты к ближайшей, как скомандовал Данияр, и все вышли, стараясь вести себя тише: приехали тут! На чужое место свою машину поставили!

Руся улыбнулась: их компания словно шайка напраказивших подростков!

С громадным интересом все ждали, что такого колдовского сотворит ворон, чтобы их машину никто не заметил. Больше всех был разочарован Митя: Данияр положил под «дворники» чужой и их машины по камешку-голышу и что-то прошептал сначала в одну сторону, потом – в другую.

– И все? – обескураженно сказал парнишка-ворон.

– Все, – спокойно подтвердил Данияр.

– Но мы видим! – настаивала разочарованная Карина.

– Вы вороны, – напомнил Данияр. – А у меня расчет на обычных людей.

Сразу за домом правления, куда Данияр повел компанию, было две дороги: одна асфальтированная – двум машинам еле-еле разойтись, другая, справа, – узкая тропка, слегка присыпанная битым кирпичом.

Данияр почему-то замедлил шаг, не успев свернуть на тропку, хотя по его движению было понятно, что он намеревался свернуть именно направо. А потом и вовсе остановился. Невольно замерли и остальные, машинально оглядываясь. Удивленная Руся подошла к Данияру, хотела взять его за руку. Он быстро взглянул на девушку, но ничего не сказал, только крепко сжал ее ладонь. И вот тут-то она сообразила, что не оглядываться надо, а прислушиваться.

Поселок будто придавила тяжелая, странная тишина.

Нет, звуки-то раздавались, но как-то маловато для августовского вечера на дачах. В основном пересвистывались птицы – и то редко. Руся ожидала услышать позвякивание ведер, глухой стук лопаты о землю на грядках, негромкий говор и смех на участках, шум проезжающей машины, звонкий собачий лай сразу в нескольких местах – то есть ожидала услышать все то, что слышала утром. Светло же еще, пусть солнце и оседает в кустах и деревьях. А тут... Шелестели трава и кусты из-за небольшого ветра. Перешептывались листья на деревьях. И ни одного человеческого голоса. Собачий лай слышался, но глухо, будто собак заперли в домах.

Где-то недалеко взвыл мотор мотоцикла. Но не воинственно, как утром, а словно в панике. Рокот быстро удалился и пропал.

Ничего не говоря, Данияр медленно, настороженно вертя головой по сторонам, зашагал к тропке – за ним Руся, будто забытая им, но все еще крепко ведомая за руку. Оглянувшись на первом же повороте, убедилась, что Александр Михайлович тревожно погоняет молодых воронов впереди себя, замыкая процессию.

Не сделав и десятка шагов, Данияр обернулся.

– Обереги на всех?

Вороны переглянулись и закивали.

А еще через пять минут осторожного хода по тропке, которая по краям уже чернела из-за закрытых кустарником заборов, встревожилась и Руся. Почему она не видит нечистиков? Ну ладно духи светлого дня, им сейчас уже вроде как спать пора. Но где нечистики? Эти-то, насколько она сообразила, могут действовать и

днем и ночью! Куда они подевались? Хотя это всего лишь тропка... Не всегда им тут гулять...

В незаметную калитку первой прошмыгнула Руся, как человек, который уже знает, куда идти. Следом за ней Данияр пропустил остальных, а затем тщательно закрыл калитку и вошел в домик. Митя уже сидел на кровати, где только что лежала гитара, и пытался тренькать на ней, крепко зажимая струны и удивляясь, какие они тугие. Аккорды, которые он пытался озвучить, у него не получались. Александр Михайлович посмотрел и негромко, но пренебрежительно сказал:

– Оставь инструмент. У тебя ничего не выйдет.

– Почему это? – буркнул парнишка-ворон.

– Это семиструнка, а ты пытаешься на ней играть, как на шестиструнной.

Разочарованный Митя отложил гитару и уставился на Данияра.

– Ну, что там?

– Пока не понимаю, – ответил ворон. – Постою немного у калитки. А вы пока осмотритесь и решите, оставаться ли здесь на ночь.

– Я с тобой! – вскочила Руся и неловко объяснила остальным: – Может, встретим кого из нечистиков, поспрашиваем, что тут да как.

– Я с вами, – категорично сказал Александр Михайлович.

– А мы на кухню! – обрадовался Митя. – Да, Карин? Зря, что ль, приехали? Хоть небольшой ужин, да на природе! – уже важно сказал он, подняв указательный палец к низкому потолку.

– Жора-обжора... – проворчала воронушка, но на кухню пошла, велев Мите захватить пакеты с продуктами.

Данияр, усмехнувшись, вышел из домика. По едва заметной тропинке трое прошли к калитке и принялись разглядывать дорогу перед участком, напряженно вслушиваясь в тишину.

– Такое впечатление, – прошептал Александр Михайлович, – будто здешних собак запирают в домах, в будках не оставляют. Это такие... здешние порядки?

– Пару ночей я у Мрака ночевал здесь, – покачал головой ворон. – Но такого не было. Разве что закон вышел или правление чудить решило. Но... бред какой-то.

– И людей нет, – прошептала Руся. – А ведь эта дорога к правлению и к выезду из товарищества. И сегодня не пятница, не суббота, чтобы люди ночевать здесь оставались. Неужели все ушли по домам раньше, до наступления... вечера? И на остановке рядом с воротами людей не было...

– Данияр, – вдруг забеспокоился Александр Михайлович, – случись нам быстро уходить отсюда, ворота поселковые будут открыты? Или их на ночь запирают?

– Нет, такого не было, – неуверенно ответил Данияр. – Но опять-таки четко сказать не могу. Мало ли что сейчас поменялось в дачных правилах...

– Данияр, тут упавших яблок много! – сказал подошедший к ним Митя. – Можно я соберу? Я и корзину нашел, тут и водопровод есть, чтобы помыть.

– Разглядишь, в темноте-то? – поддразнил Александр Михайлович, оглянувшийся на него.

– На ощупь найду! – буркнул обиженный Митя. – Я же не виноват, что мне есть хочется! Это все Навь!

– Ага, для посещения которой надо всего лишь выпить, – со вздохом сказал старший ворон.

– Мить, я с тобой, – решила Руся. – Где корзина?

– Я ее под яблоней оставил! – обрадовался парнишка-ворон, насупившийся было после замечания Александра Михайловича.

Руся предложила ему помощь не оттого, что хотела помочь. Нет, страшновато стало смотреть на пустынную небольшую улочку между дачными участками. Никто из травы и кустов не выглядывал – даже садовничие, которых, как понимала Руся, здесь должно быть довольно много... Но ведь вот же здесь она – толмачиха, и смотрит над краем забора – и ее видно всем нечистикам. И где они?.. Так что... Лучше отвлекись работой, пусть та и заключается всего лишь в сборе падалицы. А старшие вороны пусть смотрят дальше. Пусть... охраняют их, сборщиков.

– Мить, – шепотом позвала она, – тебе все еще хочется здесь переночевать?

Парнишка-ворон не отвечал пару минут, и девушка решила, что в шелесте листвы и травы под яблоней он не расслышал ее шепота. А потом ее увлек поиск яблок, прячущихся в траве. Яблок оказалось не

так много, как расписывал Митя, так что тем более не хотелось проморгать хоть одно, несмотря на сумерки...

– Не хочу, – вдруг услышала она, и Митя, собиравший яблоки, выпрямился. – Что-то мне тут не очень нравится...

– Слева от тебя, – машинально подсказала Руся и добавила: – Мне тоже не хочется. Я знаю, что дом Мрака защищен, но за пределами участка я не увидела ни одного нечистика. Что-то тут не так.

– Хватит собирать! – послышался голос Данияра. – Быстро в дом.

– Зачем? – строптиво спросил Митя, поднимая корзину, чье дно еле было покрыто яблоками.

– Хочу проверить, хорошо ли защищен забор. Если плохо – придется быстро уезжать отсюда. Так что в дом!

– Но мы... – начал Митя – и внезапно корзина выпала из его рук, а Руся немедленно отшатнулась к Данияру.

Гнетущую тишину над дачными участками прошел тоскливый тонкий вой.

Все четверо окаменели, прислушиваясь, а потом Митя с сомнением прошептал:

– Собачку одну на даче оставили?

– Быстро в дом! – повторил ворон и, подхватив корзину, сунул ее в руки парнишки. – Александр Михайлович, проводите их!

Тот было заикнулся, что хочет пройтись вдоль забора вместе с ним, но Данияр раздраженно ответил, что справится один и не хочет отвлекаться на помощь неопытному ворону, если что-нибудь произойдет. Руся ожидала, что Александр Михайлович будет возражать, но Данияр уже отвернулся от них и зашагал куда-то в сторону от калитки.

Старший ворон вскинулся было идти за ним, но наступившую было тишину пререзал новый вой – и показалось, что все дачные домики вокруг резко пригнулись, лишь бы их не заметили. Руся, испуганная, стремительно помчалась к двери дачи Мрака и уже через пару шагов услышала, что следом несется Митя. У порога, открыв дверь в темную, тесную прихожую, или тамбур, она обернулась: Александр Михайлович нашел где-то здоровенную, примерно двухметровую жердь и, держа ее перед собой, медленно пятился к домику... Проскочил мимо девушки, державшей дверь нараспашку, Митя, на этот раз крепко державший ручки корзины.

Из кухни выглянула обеспокоенная Карина, вцепившаяся сразу в два больших ножа.

– Что там такое?

– Пока не знаем, – отдышавшись, ответил Митя. – Данияр пошел выяснять. Нас прогнал. Сказал, мы неопытные.

– Ничего себе пикник, – пробормотала Карина, а Митя опустил взгляд на ее руки и всколыхнулся:

– Каринка, а там еще ножи есть?

– Лопат хватит, – неожиданно холодно ответил Александр Михайлович, цепким взглядом осматривая прихожую и комнату. – Я тут видел еще небольшую тяпку и грабельки для рыхления, кажется. А еще интересно, работает ли его пила на батарейках? Топор не ищи – я уже прихватил. – И повернулся боком, показать висящий на бедре легкий топор с пластиковой петлей на топорнице.

Девушки, открыв рот, смотрели, как мужчины спешно вооружаются. Впрочем, быстро захлопнули рты, когда расслышали за окном, раму которого плохо закрыли, пронизывающий душу вой уже нескольких «бедных собачек».

Предварительно стукнув в дверь – предупредить о своем приходе, вошел Данияр.

– За забор участка ни одна нежить не проникнет, – хмуро сказал он. – Но, если быть откровенным, я не понимаю, что происходит. Наверное, придется...

Он замолчал, глядя в пол и раздумывая.

– Я с тобой, – спокойно сказал Александр Михайлович.

– Не имею права рисковать жизнью неопытных... – начал Данияр и осекся, резко оглянувшись.

Мимо дачного участка Мрака в темноте катилась звуковая волна воя на разные голоса, словно по дороге мчалась свора бешеных собак, среди которых были и маленькие, и громадные. И дорога перед участком уже не тосковала, а злобно выла и рычала на разные голоса, уносясь куда-то дальше, в темноту.

– Черт... – прошептал Александр Михайлович, мгновенно осунувшись. Понял, что его не услышали, и заговорил в полный голос: – Что это? Здесь все собаки взбесились, что ли? Или это...

Руся почему-то сразу представила, что мимо проезжают машины, из окон которых голоса динамики с записью собачьего воя. Почему

уж так фантазия разыгралась – неизвестно, но... Машины продолжали ехать...

– Они бегут так, будто знают, что где-то... – вполголоса, словно боясь, что с опасной улицы его услышат, проговорил Митя. – И так много... Данияр, кто это?

– Сидите здесь! – решил ворон и вышел из домика.

– Безоружный?! – поразился Митя.

– Карина, сторожишь их! – рявкнул Александр Михайлович и тоже выбежал на участок. Хлопнула дверь. Шагов старшего ворона они не разобрали: вой становился плотным, как будто обезумевшие собаки огибали именно участок Мрака.

Воронушка растерянно посмотрела на дверь, словно ожидая, что старший ворон вот-вот вернется, а потом оглянулась на младших, оставленных на ее попечение.

– Митя, корзину на кухню! Руся, проверь, все ли окна закрыты!

Дел оказалось маловато. Карина-то успела на кухне приготовить ужин на скорую руку. Чем еще заняться? Свет не включали, хотя лампа на проводе вяло болталась под потолком. Но свет сейчас мешал бы: чудилось, что только в темноте можно будет разглядеть страшного врага, а вот свет не давал такого преимущества... Но и сидеть в темноте, видя лишь очертания силуэтов, тяжело. Вроде бы в закрытом доме. Вроде бы на защищенном участке (Данияру можно верить!), но...

Руся первой не выдержала.

– Давайте хотя бы на пороге постоим, – тихо предложила она. – Слышите? Вой ушел куда-то... Может, сейчас Данияр вернется и все расскажет.

Что именно мог рассказать Данияр – придумать не сумела. Но ребята охотно согласились постоять на пороге, у открытой двери, чтобы чуть что сразу заскочить в домик и запереться хотя бы на щеколду. Щеколду-то заранее проверили, как вдвигать на скорости. Повторив движение с щеколдой, все трое вооружились, чем сумели, и скупились на пороге, напряженно прислушиваясь к темноте.

Руся неожиданно для себя обнаружила, что ребята стоят с обеих сторон от нее, будто подрядились ее защищать. Может, это потому, что у нее в руках был только один из кухонных ножей, а у Карины –

другой нож и топорик для разделки, который она нашла в кухне, а Митя стоял, приподняв лопату, в которую вцепился обеими руками?

Но от порога тоже трудно было разобраться в ситуации.

Они все понимали, что так и должно быть. Слишком неопытны, чтобы старшие допустили их к активным действиям. Александр Михайлович тоже неопытный. Но он бывший военный. А значит, может пригодиться Данияру.

– Данияр сказал – забор защищен, – тоненьким от волнения голосом напомнила Руся. – Может, посмотрим, что там?

Они и в самом деле ее охраняли. Пошли к забору так, что она оказалась между ними. И, прежде чем высунуться над краем забора ей, сначала выглянула Карина.

– Никого, – шепотом доложила она, кривясь, потому что прислушивалась к невнятному вою и рычанию где-то далеко.

Митя тоже посмотрел, прижимая к себе лопату.

– Пусто, – тоже негромко доложил он. – Мне кажется, они убежали куда-то вниз. Здесь ведь везде холмы.

Руся едва удержалась от вопроса: «Они – это кто?» Но сказала другое:

– Как вы думаете, Данияр и Александр Михайлович пошли за ними?

– Наверное, – неуверенно сказал Митя и поежился. – Только не понимаю – зачем? Если собаки бешеные, то с ними лучше не связываться.

– А если не бешеные? – возразила Карина, машинально строгая столбик забора ножом. – Мы же сразу не поняли, почему в поселке тихо. А если дачники знают, что тут вот такое бывает? Поэтому... затаились? Или уехали в город заранее? Пока солнце не село? Поэтому и своих собак спрятали?

– А мне кажется, Данияр понял, что случилось... – с тревогой сказал Митя. – Только как бы они там...

С подножия холма внезапно раздался пронзительный крик, такой громкий, что он перекрыл даже непрерывный вой. Впрочем, и вой теперь постепенно перешел в рычание.

Все трое вцепились в забор, со страхом вслушиваясь в этот крик. А тот превратился в острые вскрики, болезненные и отчаянные. И к нему присоединился еще один долгий вопль, который тоже вскоре



прервался, а после нескольких болезненных вскриков перешел в затихающий стон, пока не пропал в торжествующе кровожадном вое неизвестных существ.

– Убили кого-то, – прошептал Митя.

– Типун тебе на язык! – огрызнулась Карина. Голос ее дрожал, но секунды спустя воронушка резко отстранилась от забора и жестко сказала: – Уходим! Они возвращаются!

Едва она это сказала, как из-за забора, снизу, из черной травы, Руся услышала умоляющий голосок:

– Матушка толмачиха! Голубушка! Спаси – помоги укрыться за защитой колдовской!

## Глава двадцать вторая

### *Данияр*

У воронов – навий слух. В обычных условиях они живут обычными людьми, и чутье их слегка притупляется из-за множества мелких дел и забот. Но в экстремальных ситуациях ворон вслушивается в подозрительные звуки и мгновенно определяет такие тонкости, какие не думал найти ранее...

Услышав первый вой, уловив его особенности, Данияр просто ушам не поверил.

Этого не может быть.

Но, вспоминая того самовлюбленного дурака-некроманта, одновременно потрясенно признавал: именно это и должно было случиться! Логично же! Именно такой стопроцентный дурак, как этот некромант, и мог такое проделать. А именно он, ворон, должен был понять эту его... логику! И не понял. Тоже дурак.

Однако не время заниматься самобичеванием!

Он кинулся из домика Мрака снова к забору вокруг участка. Пробежал несколько шагов, а дальше – крадучись, хотя его и так вряд ли бы кто услышал, особенно с улицы: дорога за забором заходила в иступленном вое и рычании под аккомпанемент бесконечного топота по асфальту.

Ворон шел напряженно, настраиваясь на зрение в темноте. Фонари на редких столбах, обычно по-деревенски сиявшие теплым желтым светом, утонули во тьме. Но даже в полной мгле безлунной ночи, приправленной появившимися облаками, хорошо утоптанная дорожка от домика до забора отчетливо отсвечивала серым.

Еще не приблизившись к забору, Данияр резко вскинул руку ко рту – хоть рукавом рубахи защитить нос от смрада, хлынувшего в недавно свежий, травяной и древесно-земляной воздух. Но успел-таки вдохнуть эту вонь – и закашлялся. Пришлось отвернуться.

Тем временем топот за забором постепенно затихал, уносясь куда-то вниз, между холмами. Вой же, отдаляясь, не становился менее злобным.

Ворон шагнул к забору и попытался увидеть дорогу. Глухо. Показалось лишь, что она стала грязной, словно... словно после дождя по ней проехала телега, с которой валилось собранное где-то дерьмо.

Настроенный на звуки с дороги, он резко развернулся, неожиданно заслышав шаги за спиной. Оба ножа из поножей уже были в руках, так что осталось только спрятать их лезвиями назад. Александр Михайлович – с длинной жердью, которую он крепко держал как дубинку.

– Ты вышел безоружным... – начал было тот обеспокоенно, но Данияр сразу показал свое оружие. И, кивнув, старший ворон спросил, тщетно вглядываясь в даль: – Что происходит? Ну и вонь...

– Он поднял всех мертвых собак и кошек, которых для него нашли его шавки! – яростно выплюнул Данияр. – И с чего начинать... я не знаю! У меня ножи, а здесь нужны только топоры!

– В домике топоров больше нет!

Эта категоричная фраза отрезвила Данияра. Мало того, мысли, будто в панике беспорядочно разбегавшиеся до сих пор в разные стороны, мгновенно соединились в нужной последовательности. Данияр прикинул примерный план, что должен сделать, тем более он уже прекрасно знал, куда хлынула волна четвероногих упырей. Склонившись, он сунул ножи на место и нашарил в кармане мобильник.

Едва на том конце откликнулись, он рявкнул:

– Иннокентий, быстро в дачный поселок! И всех своих бери! Этот, которого вы взяли, сотворил упырей из мертвых животных! И они бегают по поселку! Живо сюда!

Не дожидаясь ответа, сунул в карман мобильник и оглянулся на ошеломленного Александра Михайловича.

– Тебе лучше оставаться здесь!

– А ты?

– Сбегаю к соседям за топорами.

– Ты думаешь, соседи... – с сомнением начал старший ворон.

– Дачники, кто не успел уехать до заката, сидят в своих домах, запершись!

– Откуда ты знаешь?!

– Я их чувствую. Живых. Они закрылись вместе с живыми кошками и собаками. Судя по всему, эти его шавки не впервые на ночь

выпустили упырей на свободу. Только вот на этот раз... Они забыли, что некроманта нет и что утром собирать упырей в одно место будет некому. А набегавшись ночью между дачами, упыри разбредутся по поселку и из поселка куда глаза глядят, и тогда...

– Я с тобой! – упрямо проговорил Александр Михайлович.

– Ты понимаешь, что это будет бойня?

– Понимаю!

– Их там десятки!

– Бронежилет бы... – с сожалением пробормотал Александр Михайлович. – Но и без него обойдемся. А как же наши?

– Границы упыри не могут переходить. А забор – это худо-бедно, но граница. Хуже, что в поселке есть неогороженные участки.

Откуда-то снизу раздался отчаянный крик.

Данияр больше не сомневался. Он в два шага – с опорой на прут в металлической калитке – перепрыгнул через забор и побежал к ближайшему участку напротив. Александр Михайлович, сжимая топор, – за ним.

Еще один прыжок – и Данияр промчался по тропке из битого кирпича к дощатому сараю. Сразу подошел не к входной двери, а к маленькому окну.

– Соседи! Нужен топор, и не один, если есть!

За стеклом, которое изнутри явно прикрывало что-то плотное, всполошились, вполголоса загомонили, то ли спрашивая, то ли наскоро совещаясь.

– Всю жизнь хотите прятаться?! – рыкнул Данияр в ярости и ужасе оттого, что крик, который распался на мелкие вскрики, вот-вот совсем прекратится. – Я же всего лишь топор прошу! Отдам потом! Я с участка напротив!

– Маркова, что ли? – глухо донеслось из домика. – Счас, подожди!

– Не открывай! – тоненько завизжали изнутри. – Не открывай! Ты ему топор, а он тебя, дурака старого, по башке им треснет!

– Собаку пожалейте! – уже не закричал (воплъ упырей уходил дальше), а в полный голос высказался ворон, добавив в голос колдовских, убеждающих интонаций. – Доберутся до вас – ее же первой загрызут!

– Я ж говорю – наш, местный! – огрызнулся в домике мужчина на визжавшую от страха женщину. – Раз собаку нашу знает! Не скулит

ведь даже!.. Эй ты! Иди к двери!

Ветхая дверь приоткрылась – кулак пройдет. В сарае темно – невидимый мужчина втиснул в проем топор. Пока Данияр вытаскивал из зазора оружие, его бдительно спросили:

- А почему топор тебе не один?
- Нас двое! – не мешкая, ответил ворон.
- Держи!

Через минуту оба ворона, вооруженных нехилым таким холодным оружием, кинулись вниз, к подножию холма. После пары шагов Александр Михайлович крепко выругался, чуть не поскользнувшись: упыри были слишком небрежно подняты начинающим некромантом, а потому продолжали разлагаться на ходу, оставляя на дороге склизкие клочья шерсти и гнилую плоть. И все это плохо видно ночью, тем более тем, кто спешит на помощь и кому некогда смотреть под ноги.

К первому крику присоединился второй, более слабый и недолгий.

Оба вскоре начали пропадать в неистовом вое упырей, обнаруживая себя только редкими, из последних сил вскриками.

По пути вороны не разговаривали: оба понимали, что тратить силы на слова нет смысла. Они примерно уже представляли, с чем и в каком количестве придется сейчас столкнуться. Да и дорога не позволяла отвлекаться, слишком уж опасная и скользкая.

Данияр знал, что Александр Михайлович хотел бы кое о чем его спросить. Видел, как он быстро взглядывает на смутные верхушки фонарей. Все правильно. Этого вороны-новички еще не проходили. Когда силовая масса любого колдуна превышает обычные показатели, электричество не выдерживает. Одно дело – одинокий упырь, проходящий под мигающим от силового напряжения фонарем. Другое – сплоченная свора упырей, уничтожающая одним своим появлением все на своем безумном пути: и материальное, и не различимое глазом. Электрикам наутро придется повозиться, восстанавливая в этом поселке оборудование.

Крики затихли. Или людям не до бесполезных воплей о помощи, или...

Когда дорога стала чуть ровнее, Данияр увидел даже в темноте: в конце асфальтированной двухполосной дороги кипел черно-серый сумасшедший муравейник. Адова свора уже не вопила с торжеством,

а пыталась прорваться вперед, к затихшим жертвам, и только грызлась и рычала. Плотность упырей на этом участке была такой, что первый же взмах топора, затем опустившегося в это месиво, оставил после себя два безголовых тела.

Два ворона прорубались к центру участка вместе с упырями, по их перерубленным телам, преодолевая укусы от остатков зубов и клыков и порезы от когтей. Судя по столбам, здесь намечалась постройка каркасного домика. На фоне ночного неба можно было разглядеть женскую фигурку, залезшую на один из столбов и спихивающую палкой лезущих к ней упырей. Чуть дальше упыри толпились еще тесней, и вороны, догадавшись, что там второй человек отбивается от нападающих мертвецов, бросились вперед, насколько это было возможно.

Ночь... Бесконечная бойня...

А в ушах звучит собственная фраза: «Ты понимаешь, что будет бойня?!»

Навий глаз открылся первым, и Данияр уже видел, куда обрушится лезвие топора. Рядом с хеканьем рубился Александр Михайлович...

Поглядывая на него иногда, Данияр закусывал губу и с хрипом бился дальше. Кто из них двоих первым... Кто?!

Первым стал Александр.

Он вдруг затих со своим хеканьем, выпрямился, расправляя плечи, продолжая рубить визжащую и рычащую нежить. А топоры просто замелькали около него, словно он крутил вокруг себя тонкие ивовые прутья. Упырей сносило от него, как от взбесившегося вентилятора, — перемолотыми в крошку.

А потом пришла очередь Данияра. Усталость пропала. За спиной появились крылья — по впечатлениям, металлические. Они жестко выпрямили ему спину и толкнули вперед. На земле не должно быть псевдомертвых порождений другого навьего представителя...

Упыри гибли десятками под топорами воронов, чьи души и сердца перешли границы человеческого и полностью отдались колдовской, вороновой ипостаси.

Третий этап перевоплощения навьих воронов тоже начался внезапно. От обоих воронов во все стороны хлынули убийственные для упырей волны. Поднятые некромантом животные еще пробовали

сопротивляться, пока в их мертвые мозги не влезло подспудное, глубинное понимание, кто именно их уничтожает.

Упыри прыснули во все стороны – подальше от воронов-берсерков, окровавленных, но продолжающих бойню.

В границах неогороженного участка вскоре не осталось ни одной псевдомертвой твари. А оба ворона, подходя к этой границе, отчетливо ощущали ее – и останавливались... Потом они вернулись к центру участка, к незаконченному срубам.

Александр сунул за ремень топоры, забыв, что они в гнилой крови и плоти, и подошел к лежащему на отесанном бревне телу. Ни слова не говоря, не оглядываясь на Данияра, он склонился над полумертвым мужчиной, легко взял его на руки и выжидательно обернулся к Данияру.

Данияр подошел к столбу, поднял голову.

– Они не вернутся?! Они не вернутся?! – истерически плакала плохо видная наверху женщина. – Он жив?! Мой муж жив?!

– Спускайся, – равнодушно велел ворон.

Он видел, как ее лицо исказилось от страха, но повелительные интонации сделали свое дело, и женщина принялась осторожно съезжать со столба. Она бы долго возилась, если бы Данияр не поднял руки и не подхватил ее под мышки.

– Что с ним?! Что?!

Он перехватил ее на полпути к Александру, который уходил с участка со своей полуживой ношей. Так что Данияр легко поднял растерянную женщину на руки и понес ее следом за старшим вороном.

Они вороны-воины – оба. Не сновидцы, не прорицатели. Он знал это, еще только увидев Александра, еще не подозревая о его военном прошлом.

Сегодняшняя ночь, всего каких-то несколько минут, это знание подтвердила.

Женщина на его руках замолчала, только постоянно напрягалась – тянула шею посмотреть на своего мужа, чьи ноги и голову только и видела. Она даже не стала спрашивать, куда их несут. Кажется, ее успокаивало то соображение, что они двое пришли им на выручку, а значит, им помогут и далее.

Нести их обоих было легко: навья ночь все еще поддерживала своих воронов.

У калитки участка Мрака их поджидали. И эту калитку открыли поспешно, испугавшись, что старшие вороны устали.

– Данияр! – пискнула от волнения Руся, которая странно махала руками: и всплескивала ими, и разводила в стороны – наверное не зная, с чего начинать помощь пострадавшим.

А вот воронушка среагировала быстро.

– В комнату обоих! – скомандовала она. – Мужика на кушетку, женщину – в кресло! Я видела тут аптечку, сейчас перевяжем.

Кажется, Карину не смугили ни кровь, ни страшные порезы. Не то что сморщившегося от ужаса Митю, который, возможно, не переносил вида крови. Воронушка унеслась на кухню, потом появилась вновь, прижимая к себе небольшую коробку аптечки.

– Дай мне тоже, – твердо сказала Руся и обеспокоенно спросила: – Карина, а ты умеешь оказывать первую помощь?

– У нас на первом курсе была военная кафедра! Практику проходили в больнице, – пояснила воронушка, ловко промокая кровь на мужчине, рядом с которым очутилась женщина, глядевшая на нее как на сошедшего с небес ангела.

– Вы как? – бросилась к воронам Руся и ваткой начала промывать лицо сначала Данияру, рухнувшему в кресло, а потом и усевшемуся на подлокотник кресла Александру Михайловичу, кажется чем-то обескураженному. – Сильно ранены?

Данияр, время от времени шипящий, когда дезинфицирующее средство попадало на царапины и порезы, заметил, что Митя на кухне поставил на газовую плитку кастрюлю с водой. Наверное, Карина велела.

– Все в порядке, – пробормотал Александр Михайлович, а потом заглянул в глаза Данияру. – Данияр... что... это было? Ты знаешь, там, в этой бойне, что-то произошло. Что это? И... как это случилось?

Помолчав немного – не хотелось при посторонних говорить о сокровенном, Данияр ответил:

– Это одно из боевых проявлений ворона.

Александр Михайлович, сипло дыша – пошел откат, догадался-таки.

– Потом расскажешь подробно, – то ли скомандовал, то ли попросил он, машинально вытирая кровь, бегущую из рассеченной скулы.



– Расскажу.

Зазвонил мобильник. Данияр попытался вынуть его из кармана и криво усмехнулся. Рука мокрая от крови. Точнее, не мокрая. Плохо засохшая кровь мешала влезть в карман.

Руся вынула его телефон, когда ворон немного привстал, и поднесла к его уху. Данияр благодарно кивнул.

– Что? – спросил он, краем глаза заметив, что звонит Иннокентий.

– Мы собрали всех некромантов города. Даже самых неопытных. Окружаем поселок, чтобы ни одна тварь не сбежала. Вы как?

– Нашли двоих, на которых напали упыри, откачиваем.

Помолчав, Иннокентий спросил:

– То есть вы вышли на них?

– Вышли. – Объяснять, что они вышли драться за людей, попавших в беду, он не стал. Иннокентий и сам должен понять это. Но напомнил: – Среди некромантов бывают хорошие врачи и целители. Может, пришлешь их сюда? У нас мужчина и женщина. Мужчина пострадал больше всего. Он посадил свою жену на столб, а сам начал отбиваться.

Он объяснил, как дойти до домика Мрака, и услышал потрясенный голос Иннокентия:

– Мы нашли неогороженный участок, и здесь... – У него явно перехватило горло. – Вы... Данияр, вы...

Он не знал, как выразить то, что увидели некроманты.

– Была бойня, – уже раздраженно сказал ворон. – Пришлось попотеть. Ты же не ожидал, что мы будем цацкаться с упырями? Все, заканчивай. И присылай целителей.

Ему казалось, он устал до такой степени, что на эмоции, кроме раздражения, не способен. Но что-то мелькнуло перед глазами – и он замер, снова схватившись за топор. Из комнаты в прихожую и окна порскнуло столько нечисти, что он, изумленный, поначалу глазам не поверил.

– Откуда?! – поразился он.

– Садовничие и домовые попросили пустить их на ночь в защищенное место, – с некоторым вызовом сказала Руся. – Япустила. Они обещали с рассветом уйти.

– Точно обещали? – настаивал ворон.

– Точно. Клятву дали!

– Тогда пусть сидят.

Потом события вдруг перешли в фазу поспешных.

Появились двое некромантов. С уважением и опаской поглядывая на старших воронов, они немедленно принялись за обследование двоих пострадавших, которым Карина с помощью Мити не только сумела отмыть от крови все порезы и укусы, но и залепила некоторые особенно страшные раны пластырями. Кроме того, целители тщательно осмотрели и Александра Михайловича с Данияром и в спешном же порядке обработали их раны – порезы и рассечения, которых оказалось очень много, чего оба в пылу боя не заметили.

Затем приехала машина, в которую погрузили мужчину – тот так в себя и не пришел. Его сопровождала испуганная жена. Больше всего она боялась, как бы мужа не увезли без нее.

Потом ушли целители.

Зато пришел Иннокентий – невысокий темноволосый мужчина с жесткими глазами. Пришел со странной просьбой.

– Данияр, ты уж пока не говори алконостам про этих упырей.

Ворон испытующе взглянул на него:

– Что, тоже под себя подмять пытаются?

– Есть такое дело. Так что эти мелкие упыри... они нам их еще не раз припомнят, – неохотно улыбнулся некромант. И оживился. – А мы-то не понимали, чего этот дурак таинственность на себя напускает! Ну, этот некромант, которого вы нашли. А он вон что, оказывается!.. Улыбается загадочно, на нас сверху вниз смотрит. Сообразил же сотворить такое!

– Вы из него выдерите список всех его здешних дружков-товарищей, – устало посоветовал Александр Михайлович. – Мало ли что у него еще в записке... А если он где-то полуфабрикаты этих упырей оставил? Дружкам-то?

– Хм... Мы как-то об этом не подумали, – признался озадаченный Иннокентий. – Но визнаем. Он, честно говоря, дурак дураком... Кому только дар сильного ни достается...

И некромант уехал вместе со своими, перед тем клятвенно заверив, что уничтожили всех упырей в дачном поселке. Данияр было открыл рот спросить, нет ли среди них человека-упыря. Но подумал, что Иннокентий и сам бы первым делом рассказал о том, и не стал спрашивать.

Вороны и посредница с минуту смотрели на открытую дверь в притихшую тьму.

Митя шмыгнул носом и неловко сказал:

– Мы так здесь и останемся?

Еще минуту все обдумывали странный вопрос парнишки-ворона.

Первой отозвалась Карина:

– Я бы тоже не отказалась вернуться в город.

А Руся вопросительно посмотрела на Данияра.

Александр Михайлович встал и кивнул:

– Данияр, дай топор. Схожу к соседям, оставлю у их двери. Вернусь – поедem в город. Что-то... Митя прав. После таких событий оставаться в поселке – нет, неохота.

А когда он снова вошел в помещение, Митя сообщил ему:

– Мы все будем спать в доме Данияра. Я у него в квартире, а Карина – у Руси. Мы так договорились, чтобы тебе не ездить много.

– Спасибо, – спокойно кивнул Александр Михайлович, но все видели, как он рад этому их решению.

– Ой, гитару чуть не забыли! – спохватился Митя и бросился было за музыкальным инструментом в другую комнату, поменьше.

Данияр остановил его на полпути.

– Гитара не нужна. Завтра попробуем одну вещь. А сейчас – не задерживаем Александра Михайловича. Быстро идем к правлению поселка.

– А как же нечистики? – испугалась Руся, вспомнив.

– Окно открыто – уйдут, – объяснил Данияр, который только сейчас почувствовал, что начинает пошатываться, и переживал за старшего ворона, каково ему будет вести глубокой ночью машину.

Но в дороге Александр Михайлович выглядел бодрым.

Когда младшие вышли и сразу пошли к подъезду, он, усмехнувшись, негромко сказал Данияру:

– Всю дорогу вспоминал то странное ощущение, как ты сказал, проявления. Оно... часто бывает?

– Только в боевом трансе, – понимающе усмехнулся и Данияр: вот почему старший ворон за рулем казался бодрым!..

– Вон как... Любопытно. Ладно, до завтра.

– До завтра.

Данияр пошел к двери подъезда, которая медленно и величественно качалась из стороны в сторону перед уставшими глазами. Пальцы ворона вздрагивали, когда тени упырей возникали между ним и металлической дверью. Он знал, что это видения полусонных мозгов вкупе с впечатлениями от недавней бойни, но руки вздрагивали конвульсивно – и он ничего не мог поделать с этим.

Девушки дожидались его у квартиры Руси.

– Ты уверен, что тебе перевязка не нужна? – строго спросила Карина, а Руся посмотрела с такой жалостью, что он сумел улыбнуться.

– Нет, спасибо. Некроманты-целители все, что надо, перевязали. Мне нужен сон.

Он мог бы объяснить, что сон, особенно под утро, помогает любому ворону быстро избавиться от любых порезов и ран, отправляя его на время в Навь, где он будет летать, набираясь сил. Но он слишком устал... Он кивнул им и поднялся на свой этаж. Митя уже спал. Вот уж кому тоже не слишком повезло с сегодняшним днем!

И с ночью...

Прежде чем устроиться спать, Данияр вышел на балкон, где взял пакетик с землей и рассыпал ее возле кушетки, на которой спал парнишка-ворон. Земля вперемешку с мелкими крошками асфальта была взята с того места, где Митю нашли пьяным. То есть взята от трансформатора возле его же, Митино, дома.

– Спи, Митя... – прошептал Данияр, от усталости еле ворочая языком. – Спи и выполняй свое предназначение ворона-сновидца.

Если он, Данияр, все понял правильно в предыдущем сне парнишки-ворона, значит, новый сон Мити будет очень неожиданным для всех.

Сам же Данияр практически упал на диван и некоторое время смотрел в потолок. Глаза закрывать – страшно. Он знает, что его может ждать во сне. Все, что наяву было смешанным воедино, сейчас будет разбито на отдельные детали. Остается лишь уповать: даже во сне он не уступит.

Но видимые в свете ночника, оставленного для Мити, предметы вели себя необычно: их очертания то и дело расплывались, а цвет неожиданно становился слишком ярким. Данияр понял, что бороться со сном не стоит. Слишком устал.

И закрыл глаза.

И первая же оскаленная пасть с гнилыми зубами рванула к нему, сверкая фосфором давно потухших глаз. А за ней – следующая, визжа так, что даже уши заложило. Мелькнула перед глазами облезлая лапа с распяленными когтями. Упала откуда-то сверху плешивая морда с полуистлевшими драными челюстями... Он уходил от этих несчастных мертвых зверей, которым не дали покоя даже после смерти. Уходил от них, неестественно жаждущих крови и живой плоти, все дальше – в темные глубины, туда, где он переставал быть человеком, потому что на спине вновь вырастали крылья, позволявшие летать среди тяжелых еловых лап и в густосплетении дубовых сучьев... Летать в тишине спящего леса, где только шелест листьев и неясные шорохи... Где с каждым взмахом крыла ноющие мышцы перестают давать знать о себе... Где стягиваются все порезы и царапины... В сон, который не сон. В Навь, которая убивает и исцеляет...

## Глава двадцать третья

*Руся*

Тихонько заперев за собой дверь, Руся обернулась к Карине. Та настороженно оглядывала прихожую, узкую и тесную.

– Эта дверь в ванную, эта – в туалет, – прошептала Руся. – Здесь – бабулина комната, а вот этот коридорчик пройдешь – и сразу моя комната. Чаю будешь?

– Нет, спасибо, – наконец улыбнулась воронушка. – Мне бы умыться – и спать. Найдется у тебя на чем?

– Сейчас приготовлю. Вот смотри: это полотенце для рук. Вот тебе полотенце для лица, – чувствуя себя хозяйкой, принимающей гостей, объясняла Руся. – Мыло – вот. Не забудь: потом в коридорчик.

Когда-то, очень давно, самую большую комнату, гостиную, отделили от комнаты поменьше огромным листом ДСП. Вот и получилось помещение с небольшой кладовкой для зимних вещей и прочего и с тем самым коридорчиком в три шага от прихожей до Русиной комнаты.

Пока Карина умывалась, Руся постелила ей на кровати, а себе разложила кресло-кровать. Если не приглядываться, теперь в комнате два спальных места, одно из которых только чуть-чуть уже другого. И не надо будет спорить с гостьей, кому куда ложиться, если та вдруг застесняется и захочет лечь на то, что не такое удобное, как обычная кровать.

Так что вошедшая Карина послушно (устала же!) легла на указанное ложе – и мгновенно уснула.

Руся выключила настольную лампу и встала у окна. На востоке начинало быстро светать. Зелень в это спокойное, лишь слегка потревоженное облаками утро стояла притихшая.

От прикосновения к ладони Руся вздрогнула, но потом усмехнулась: личный домовый Евсеич подобрался ближе и уселся рядом с ее рукой, упирившейся в край подоконника. Встретились глазами, и девушка кивнула:

– Идем на кухню.

Евсеич тут же пропал – побежал впереди хозяйки, наверное...

Проходя мимо кровати с воронушкой, Руся замедлила шаг. Спит ли? Спит – и очень крепко, судя по дыханию. Вымоталась за ночь. Счастливая. А Руся давно за собой заметила: если день выдался деятельный и суматошно-переживательный, то уснуть будет трудно... Она вздохнула и тихо-тихо, на цыпочках вышла из комнаты... Интересно, помог бы ей заснуть дрема, если попросить его о помощи? Пока сна ни в одном глазу.

Одна надежда на домового. Хоть один час Руся успеет поспать, если поделится всеми событиями вчерашнего вечера и ночи с терпеливым собеседником.

Из кухни восточную сторону больше видно. А потому в дальних от окна уголках темновато: утренние сумерки застоялись. Зато подоконник, гостеприимно широкий, сияет словно солнечным днем...

Заглянув под салфетку на тарелке, девушка нашла вчерашние оладушки и налила в чашку кефира из бутылки, оставленной бабулей на утро. Есть хотелось ужасно. «С нервов!» – вспомнила Руся любимое бабулино присловье.

Поспешно доев две солидные оладьи, Руся, удобно севшая на подоконник, шепотом принялась рассказывать. Домовой сидел перед ней на полотенце, скатанном для удобства в рулон, и внимательно слушал.

– Мы-то думали, что будет чуть ли не загородная прогулка. Митя так вообще предложил остаться на ночь. Типа пикник устроить. Ну, ты же слышал его, когда мы проходили мимо нашей квартиры, да?

Домовой покивал.

– Решили, что на месте посмотрим, стоит ли оставаться. И поехали. А как приехали – жуть страшная сразу. Нет, мы-то сразу не поняли, что случилось. Просто в том поселке такая тишина была!.. – Она вздохнула, вспоминая гнетущее впечатление пустого места, которое утром активно и оживленно гомонило на разные голоса. – А потом началось... Главное, уже темно становилось. И вдруг как затопали за забором, как завыли! Мы думали – бешеные собаки по поселку бегают. Правда, понять не могли, откуда столько: бежали они мимо нашего домика, ну, домика Мрака, очень долго. А потом Данияр и Александр Михайлович ушли. Взяли с собой топоры и ушли. А пока их ждали, тамошние садовничие попросились к нам, за забор. Оказывается, Мрак на забор поставил колдовскую

защиту и от них тоже. Ну, мы их спросили: вам-то чего бояться? Спрятались бы за любым забором – вас собаки-то и не достанут. И вот тогда мы узнали... Ух как испугались! Садовничие сказали, что там не собаки бегали, а упыри! Представляешь, Евсеич?! Этот дурак сотворил упырей из мертвых собак и кошек! По ночам их выпускал прямо в поселке, а потом собирал в какой-то сарай. Они его-то слушались. А потом... Потом приехал Иннокентий со своими и забрал его – мозги почистить. И этот... дурак, не сказал ему, что он натворил! А его друзья, такие же дураки, сегодня вечером взяли и без него выпустили этих упырей! Я послушала-послушала садовничих – и такая жуть...

Руся передернула плечами, поставила ноги на подоконник и села, обнимая колени. Она снова переживала ужас, пробивший ее в дачном поселке, когда она узнала про упырей – собак и кошек. Она тогда немедленно впустила садовничих и других нечистиков, а уж только потом, спохватившись (уже знала кое-что из колдовских законов и правил), взяла с них клятву уйти с рассветом. Среди нечистиков оказалось несколько существ, которые в сумерках сияли мягким солнечным светом. Она поняла, что это духи светлого дня, но узнать, кто они, не успела. Как Карина и Митя, так и она бросилась к забору – ждать Данияра и Александра Михайловича, чтобы поскорей открыть для них калитку, если вдруг им придется спасаться бегством.

Вспоминая, что пережила в те минуты страшного открытия: старшие вороны побежали вслед за псевдомертвыми созданиями! – Руся вздохнула. Был момент, когда она в панике, ничего не соображая от страха, рванула на себя калитку, намереваясь изо всех сил бежать за Данияром, чтобы предупредить его об опасности. Удержала Карина, успевшая поймать ее за плечо, да и Митя, секунду помешкав, вцепился в ее руку, оттаскивая Русю от забора.

– Опоздала ты со своим предупреждением!

– Пустите меня! Их надо догнать и вернуть!

– Руся, успокойся! Не зря же мужчины взяли с собой топоры! Мне кажется, Данияр уже знает про упырей!

– Но...

– Руся, а если они сейчас уже близко к упырям?! – рявкнул Митя. – А ты закричишь! А если вся свора кинется на наших?!

– Сама подумай, Руся, – уговаривала воронушка, железно удерживая ее на месте и одновременно со страхом поглядывая за



ограду. – Ты же тоже слышала крик снизу! А если наши там уже рубятся и кого-то спасают? А если свора на тебя кинется? Ты же закричишь! И кого тогда Данияру спасать? Тех, на кого напали? Или тебя, которая с бухты-баракты туда явилась? Тебе самой потом стыдно не будет, что туда поперлась?! Стой здесь! Будем вместе ждать! Если что – калитку надо будет быстро открыть! Для них это, наверное, уже будет счастье!

Сумбурная речь Карины, перебиваемая возмущенными воплями Мити, сумела-таки убедить Русю остаться за защитой дачного забора.

А сейчас она сидела на подоконнике и смотрела в окно, забыв о домовом, который, вздыхая, тоже уставился на улицу. Руся размышляла над внезапной проблемой. Она вчера все время жалась к Данияру, потому что боялась отходить от него на пару шагов дальше, чем обычно. Из-за того некромантского приема, как объяснил ворон, – из-за «могильного холода», в который «этот дурак» погрузил ее, чтобы покуражиться над ней.

И вдруг... Она попыталась броситься за Данияром, когда за забором бушевала свора упырей?! Почему?! Ведь она испугалась! Она долго боялась всего! Очень долго – целый день! Но даже мысли не было, что это страшно – бежать по пустынной улице туда, где выли и рычали упыри!.. Нет. Страшно было. Но этот страх был за Данияра. Ну и за Александра Михайловича, конечно, как же иначе.

Это что? Клин клином выбило, как бабуля скажет? Значит, страх за себя не так страшен, как страх за кого-то?

– Руся... – шепотом позвали от двери. – Ты что это не спишь?

Домовой тут же скатился с подоконника. Бабуля его видела, но общаться не могла, так что Евсеич не любил «на глазах у хозяйки мельтешить».

– Сейчас пойду, – шепотом же откликнулась она. – Есть захотелось. И пить. Бабуля, у меня в комнате Карина спит. Ничего?

«Ничего» – значило: можно ли было без ее, бабулиного, разрешения?

– Ничего, – согласилась бабуля. – Но потом расскажешь.

«Шантажистка», – веселея, подумала Руся, съезжая с подоконника. Впрочем, ее, бабулино, право: привела внучка подружку – так хоть расскажи, что случилось, впервые же такое, что Карина осталась ночевать у Руси.

А утром Руся и Карина чуть ли не синхронно открыли глаза.

– Доброе утро... – шепотом поздоровалась Руся и взглянула на часы. Половина седьмого. И тогда она вполголоса (бабуля уже встала!) повторила: – Доброе утро. Ты проснулась или еще полежишь?

– Проснулась, – буркнула Карина и села на кровати. – Просто не сразу сообразила, где сплю... Спала.

– Тогда встаем? – предложила Руся. – Бабуля, чувствуется, что-то вкусненькое сварганила на завтрак. Кто первый умываться в ванную?

Карина наконец улыбнулась и кивнула.

– Я пойду, если не возражаешь.

За завтраком, с удовольствием уминая творожную запеканку и запивая ее какао, Карина спросила:

– Как вы думаете, можно где-нибудь поблизости от вашего дома снять квартиру или комнату? Хотелось бы быть рядом со всеми.

– Есть такие, как не быть, – отозвалась бабуля. – Да я вон вчера говорила с соседкой из дома напротив. У них там две квартиры сдаются. Сейчас здесь, в старом центре, не очень-то люди хотят жить. Все ищут места в новых микрорайонах. А если хочешь только комнату, то я поспрашиваю. У нас здесь стариков много – тех, кто первыми сюда заселялся, так что не откажут, если что.

В комнате Руси девушки вспоминали вчерашний день почти полчаса, анализируя его и обсуждая некоторые моменты, которых могло бы и не быть. Пока Русин мобильник не звякнул эсэмэской от Данияра: «Доброе утро!»

– Идем! – вскочила девушка. – Данияр проснулся!

Карина, глядя на нее, только усмехнулась.

Они прихватили с собой для мужчин тарелку горячих котлет и кастрюльку с картофельным пюре. Чай Карина собиралась заварить в квартире Данияра.

Первым делом Руся с тревогой взглянула на лицо Данияра и его руки. Надел рубашку с коротким рукавом, так что видно все сразу. Выдохнула про себя: ни порезов, ни царапин. А потом проснулось любопытство: он знает какие-то лечебные приемы? Как ее бабуля? Или здесь что-то иное?

Митя котлетам обрадовался. Он вообще любил основательно поесть, как заметила Руся. Но после вчерашних событий он буквально заталкивал в рот ложку за ложкой под жалостливые взгляды девушек.

«Хорошо, что бабуля не видит, – мысленно вздохнула Руся. И мысленно же хихикнула: – Она б сейчас в него еще больше затолкала!»

Чтобы мужчины за завтраком слишком не заморачивались, девушки разговаривали только о нейтральном. О погоде, например. А Карина, убирая грязные тарелки, рассеянно сказала, что собирается снять комнату в этом микрорайоне.

– Тебе же отсюда далеко до университета будет ехать, – напомнил Митя, с трудом проглотив последнюю котлету.

– И что? – возразила Карина. – Маршруток, что ли, в городе нет? Полно!

– А времени не жаль?

– Почему я должна его жалеть? – спокойно ответила девушка. – Думаешь, я не умею использовать свободное время? Учебники есть. Конспекты будут. Лекции – тоже. Сиди в маршрутке и работай.

– Деловая... – пробормотал Митя.

– А ведь это версия, – вдруг задумчиво сказал Данияр, до сих пор помалкивавший.

– Что за версия? – заинтересовался парнишка-ворон. – По поводу?

– Сначала ты, – сказал Данияр. – Наелся?

– Ага. А чего это – сначала я?

– Заткнись! – зашипела Карина. – Тогда Данияр сразу скажет.

– Тихо-тихо! – поднял руки ворон. – Я всего лишь хотел, чтобы Митя рассказал свой нынешний сон. Снилось что-нибудь?

– Сморгнул, – со вздохом повинился парнишка-ворон и шмыгнул носом. – Я забыл, что нельзя глаза открывать сразу. И сон сморгнулся.

Данияр посидел немного, бесстрастно глядя на него, а потом встал и вышел из кухни. Девушки тут же накинулись на несчастного Митю:

– Сколько раз тебе надо говорить, что ты сновидец и свои личные правила должен знать от и до – даже сонным!

– Что, трудно было сначала посмотреть свой сон с закрытыми глазами и запомнить его, а потом уже открывать глаза?! Эх ты!

– Отстаньте, – уныло сказал Митя. – И так облом полный, а тут вы еще...

Данияр вернулся, неся в руках бусы из мельчайшего черного бисера. На них болтались небольшие черные перышки, связанные воедино. Митя обернулся к ворону и хотел было встать, но тот велел:

– Сиди на месте. Глаза закрой. Смотри.

И надел бусы с перьями на голову парнишки-ворона, обвинив ее ими два раза так, чтобы перья оказались на лбу. Митя с закрытыми глазами, видимо помня, что у Данияра было в руках, послушно воспринял странное украшение и замер. Застыли и девушки, сообразившие, что за артефакт такой на голове юного ворона-сновидца. А старший ворон остался за спиной Мити, только ладони слегка поднял, будто хотел парнишке-ворону закрыть уши, но так и не притронулся к ним.

Плечи Мити опали. Он медленно откинулся на спинку стула и ссутулился. Руся затаила дыхание: его глаза под закрытыми веками забегали, словно он в самом деле глубоко и крепко уснул и теперь наблюдает за событиями сна. Внезапно Митя заговорил, явно изумленный:

– Мой дом?

– Как ты его видишь? – спокойно спросил Данияр, но Руся, следившая за ним, заметила, как вздрогнули его руки. Заметила, а потом неожиданно подумала, что ворон задал странный вопрос: «как?» Что значит – как?

Но Митя вопрос, как ни странно, понял.

– Как будто смотрю на него сбоку. Торец немного виден. Там, внизу, один кент однажды написал фразу из Булгакова. Ну вроде как: Аннушка уже масло разлила. Я вижу слово «масло». Оно немного затерто из-за дождей и снега, но все еще виднеется.

– Ты видишь свой дом, стоя на улице?

– Нет, как-то немного сверху.

– То есть из дома рядом?

– А-а... ну-у... получается так. – Митя помолчал, видимо приглядываясь к ситуации в своем сновидении, а потом кивнул. – Этажа так с пятого или четвертого.

– Ты точно видишь? – настаивал ворон.

– Точно, – твердо ответил парнишка-ворон.

Девушки с огромным удивлением увидели, как у Данияра зачастило дыхание. Но он справился с волнением и довольно ровно произнес:

– Митя. Сейчас я тебе скажу кое-что. Ты не удивляйся, а попробуй это сделать.

– И что это?

– Ты тот, кто смотрит на свой дом. Так?

– Так.

– Опустив взгляд на подоконник.

– Но я...

Митя поперхнулся, наверное вспомнив предупреждение именно попробовать сделать нечто необычное. Сжал губы, и его глаза под веками решительно дернулись так, что Руся сообразила: он выполнил просьбу Данияра.

– Хм. Получилось. Немного тяжело было, но... Что дальше?

Данияр облизал губы и, явно стараясь быть спокойным, предложил:

– Оглянись в комнате, где стоишь. Найди зеркало.

Брови Мити чуть подлетели кверху, но быстро опустились. Плечи дернулись, будто он собрался повернуться всем телом, а потом парнишка-ворон окаменел – кажется вспомнив, что оборачиваться надо во сне, который, как понимали переглянувшиеся девушки, переставал быть сном.

– Он... рыпается, не хочет... – сипло выговорил Митя.

– Я сейчас положу руки тебе на плечи, – монотонно произнес ворон. – Попробуй еще раз. Он просто не понял, что происходит. Когда поймет – поможет тебе.

Ладони Данияра легли на плечи парнишки-ворона. Несколько минут Митя сидел совершенно неподвижно, а потом он резко, будто прыгнул, тяжело задышал – и распахнул глаза. Девушки чуть не отшатнулись – карие глаза Мити сменили цвет на чисто черный. А потом он, словно так и надо, трижды похлопал по ладони Данияра у себя на плече.

– Не надо, Дани, – натужно, будто сопротивляясь чему-то, выговорил Митя. Его лицо исказилось в горестном отчаянии. – Пожалуйста, Дани!.. Они сейчас... придут!

Теперь отпрянул ошеломленный Данияр. Он, не веря, смотрел на Митин затылок, все еще не убирая ладони с его плеч. А парнишка-ворон резко передернулся и заморгал так часто, словно пытался пробудиться.

– Он меня выкинул! – с возмущением воскликнул Митя. – Из моего собственного сна! Представляешь?! Данияр, я ничего не мог сделать!

– Ты все сделал – и все сделал правильно, – равнодушно сказал ворон, тяжело опуская руки и пятясь от него. А потом развернулся и ушел в комнату.

– Чего это он? – спросил Митя, глядя ему вслед.

Карина вполголоса быстро рассказала ему то, о чем парнишка-ворон явно не знал. Тот аж рот открыл.

– Обалдеть... И что дальше?

– Дальше идем в комнату и требуем, чтобы Данияр все рассказал, – решительно сказала воронушка и встала, чтобы тут же целеустремленно выйти из кухни. Остальные – за ней, заинтригованные.

Ворон стоял у окна, глядя то ли на балкон, то ли на улицу. Руки напряжены и сжаты в кулаки. Не оглядываясь, он спросил:

– Митя, ты знаешь тот дом, из окна которого смотрел на свой?

– Конечно, знаю. А что?

– Когда ты вчера пришел в себя после пьяного сна, ты рассказал о том, что очутился в Нави. И увидел там того ворона, который был в машине некромантов. Зная, что происходит с вороном, когда он пьян, я взял оттуда, от газона рядом с трансформатором, немного земли. А потом ты рассказал свой сон. Вы с тем неизвестным нам вороном очутились в одном месте Нави, потому что оба находились рядом друг с другом. Сегодня ночью, точнее, ближе к рассвету, когда ты заснул, я насыпал этой земли рядом с твоей кроватью. Хотелось убедиться, что моя догадка верна. Убедился.

– То есть этот ворон находится в соседнем доме? – поразился Митя.

– Увы... Там находится не тот ворон, которого мы ищем, – с трудом скрывая злость, ответил Данияр. – Только один человек называл меня сокращенным именем – Дани. И это Мрак. Только этот старик мог повернуть такую штуку, как почувствовать того, кто видит его во сне, и влезть в его сознание, чтобы передать... привет...

– Но это же здорово, что мы нашли его! – укоризненно сказала Карина. – Почему ты злишься? Мы же можем его выручить!

– Ты тоже слышала его слова! – напомнил Данияр. – Он не хочет, чтобы чужие некроманты знали, что мы его нашли! А это может значить только одно: его шантажируют! И что-то мне подсказывает,

что шантажируют его из-за незнакомого нам ворона – того самого! Черт... у нас связаны руки...

– Если мы спасем Мрака, плохо будет тому незнакомому ворону? – медленно уточнил Митя, постепенно проникаясь ситуацией.

– Сегодня пятница, – вдруг сказала Карина. – Александр Михайлович работает. А завтра нет. Если он, как обычно, сумел воспользоваться парой часов для сна, значит, сегодня вечером он может помогать нам в течение нескольких дней.

– Мы и так слишком сильно на него насели, – хмуро напомнил Данияр. – Мы-то ладно. А у него семья.

– Ничего. Зато потом он... – Она насмешливо фыркнула. – Возьмет отпуск и будет спокойно ходить по городу. А сейчас – нет. Он ходит беспокойно. Ведь в городе еще несколько упырей, да еще неизвестно, что нужно чужим некромантам. Ну так вот. Что я хочу сказать. Надо подключить его к этой ситуации с Мраком – и пусть он тоже подумает.

– А если обратиться к нашим некромантам? – тихонько спросила Руся. – Попросим их снова ничего не говорить алконостам. А потом, когда дело будет сделано, посмотрим, что дальше делать.

– А пока найдем квартиру, в которой твой Мрак сидит! – воодушевленно сказал Митя. – Айда прямо сейчас? Время есть!

Данияр с сожалением взглянул на него.

– Некроманты издали узнают в нас воронов. А Мрак сказал, что они придут вот-вот.

– Тогда пойду я, – предложила Руся. – Я не ворон.

– Даже без твоей прически они узнают в тебе ту самую посредницу, которую увидели на вокзале. А это опасно. Если уж они используют ворона для своих целей... А если похитят и тебя?

– Нечистики! – выпалила Руся. – Можно подослать нечистиков, чтобы разузнать, что да как. Барабашки повсюду лезят. Им даже интересно будет.

– Они пройти не сумеют, – пожал плечами ворон. – Там защита, и очень сильная, если Митя до сих пор Мрака не видел во сне.

– А нам это и надо! – решительно подключилась к беседе Карина. – Если нечистики не сумеют попасть в квартиру, значит, Мрак там.

– Ага! – обрадовался парнишка-ворон. – Подъезд мы примерно знаем. Квартиру узнать легко по недоступности.

– А потом?

– А потом будем играть в разведчиков! Будем писать записки, а нечистики эти записки передавать Мраку. И от него.

– Ты забыл, что нечистики не умеют держать в руках материальные предметы, – возразил Данияр.

– Эх, такую идею запарол, – обиженно пробурчал Митя.

Ворон сел в кресло и как будто отдал приказ: Митя мгновенно плюхнулся на кровать, девушки присели у стола на стульях. В комнате стало тихо, только из открытой форточки доносились уличные звуки: гудение транспорта, невнятный говор людей, карканье ворон и трескотня галок... Данияр медленно рисовал пальцем на подлокотнике что-то видимое только ему, а потом поднял голову.

– Мы можем осторожно подойти к этому дому и заснять на выходе этих некромантов на мобильники. Потом свяжемся с Иннокентием и сбросим ему снимки – на всякий случай, если он сам или кто-то из его команды сумеет их узнать. Всегда есть надежда на авось. Далее – дожидаемся, когда они уйдут, и входим в подъезд, поднимаемся на нужный этаж. Опять авось: если Мрак не связан, он может поговорить с нами через дверь.

– Не связан, – быстро сказал Митя.

– Может статься, что он нам доверится...

– А там защита не подскажет своим хозяевам, что Мрак разговаривал с кем-то? – бдительно уточнила Карина. – Может, заранее вызвать Иннокентия? Он-то должен знать.

– Такое вряд ли может быть. – Данияр взглянул на Русю. – Есть один момент, когда нам понадобится помощь твоих нечистиков. Дорожных. Но это в том случае, если мы приедем до выхода некромантов из подъезда.

– Что ты хочешь?

– Если они еще будут там, надо быстро договориться с дорожными, чтобы они проследили маршрут машины. Если повезет, мы узнаем, где находится второй ворон.

– Подожди-ка, Данияр! – попросил чем-то озадаченный парнишка-ворон. – Вот ты сказал насчет второго ворона... Но ведь



именно второй ворон был со мной в лесу Нави! А мы нашли Мрака. Это как?

– Пока все не узнаем, ничего конкретного сказать не могу, – вздохнул ворон.

– Может, их в одном и том же месте постоянно не держат? – предположила Карина. – День здесь Мрак живет. День – тот, второй. Ты это имел в виду, Данияр, когда говорил, что мое желание снимать комнату поближе – это еще одна версия? Насчет того, что эти некроманты для пойманных воронов сняли квартиры?

– Да, именно это. – Ворон оглядел младших. – Ну что? Вызываю такси? Едем к дому Мити?

– Он еще спрашивает! – возмутился парнишка-ворон. – Давай быстрее! А то уйдут, а мне идея с дорожными нравится! А еще я понял, что квартира, в которой сейчас держат Мрака, – однокомнатная!

– Почему? – удивилась Руся, потому что Мите явно хотелось похвалы и удивления.

– Если снимать для шантажа, то только квартиру! – важно поднял палец Митя. – Сама подумай: комната не подходит, потому что соседи по квартире заинтересуются странным человеком, которому не позволяют выходить на улицу и которого запирают.

– Через минуту такси будет у подъезда, – сказал Данияр.

– Данияр! – завопил Митя. – У тебя черные очки были! Дай, а?!

– Малышня, – пренебрежительно оценила Карина, проходя мимо него в прихожую.

– Шпион! – горделиво поправил ее парнишка-ворон, забирая протянутые ему Данияром солнцезащитные очки.

А Руся устала в пол, стараясь не засмеяться. Вспомнилось, как про себя называла Шпионом ворона, не зная, кто он и почему следит за ней.

## Глава двадцать четвертая

### *Данияр*

Местечко для засады (или для наблюдения – как уж получится) выбрали самое то! Ряд разросшихся кустов на газоне надежно скрывал воронов и посредницу от соседнего подъезда, в котором томился похищенный (ну или добровольно-принудительно – под угрозой шантажа – прятавшийся) Мрак.

Приподъездные площадки здесь широкие, на две машины. Когда приехали и осмотрели местность издалека, выяснили, что на площадке стоит только одна машина. Черная. Чуть не подпрыгивая от нетерпения, Митя с горячностью утверждал, что машина принадлежит чужим некромантам. Поверив ему на слово, решили дожидаться, когда эти чужие выйдут.

Буквально на пять минут опоздал на встречу Иннокентий: пока ехали в такси, созвонившись, все-таки договорились встретиться. К своему подъезду опоздавшего некроманта вызвали, используя мобильник. И теперь он благоговейно – «Ну, Данияр! Никогда не думал, что вороны живут такой насыщенной приключениями жизнью!» – наблюдал, как сидевшая на низком бордюре Руся объясняла троим дорожным их задачу: проследить за, возможно, опасной машиной, передавая ее из рук в руки – от одного дорожного к другому.

Дорожные были кровно заинтересованы поучаствовать в расследовании: «иродов» они боялись, как и всякая другая нечисть, до ужаса. А когда узнали, что в городе спрятаны еще несколько упырей, да еще замаскированными, согласились на слежку мгновенно. Им лишь напомнили, что машина, за которой надо проследить, пока только под подозрением. Тем не менее двое из троих уже помчались встать на некотором расстоянии друг от друга по переулку, единственно выводящему отсюда к городским дорогам.

Насколько понимал Данияр, дорожные собирались бежать вместе с машиной некромантов. И передавать ее будут, как эстафетную палочку, оповещая своими способами остальных дорожных об опасной машине.

Дальше – ожидание. Причем всех – и воронов, и посредницу – волновал один и тот же вопрос: выйдут ли некроманты втроем или же они выведут Мрака, чтобы переместить его в другое место? Ведь предположили разок, что их, Мрака и неизвестного ворона, постоянно меняют местами?

Руся продолжала тихонько разговаривать с дорожным и вдруг замерла, глядя на нечистика с недоумением. Данияр шагнул к ним и услышал ее удивленное:

– Ты же сказал – не знаешь, когда они приехали!

Тот понимающе усмехнулся и снова начал что-то втолковывать ей. Руся кивала в ответ и хмурилась, а потом спросила:

– А если я барабашек попрошу, они это сделают?

Ответ дорожного Данияр понял, потому что на этот раз кивнул нечистик. Но... Что для девушки должны сделать барабашки?

– Объяснишь? – спросил он задумавшуюся Русю, которая, прикусив губу, сосредоточенно смотрела на соседний подъезд.

– Я хочу... – медленно сказала она и вздохнула. – Хочу зайти в подъезд и тайком сфоткать этих троих. А если там будет Мрак, то и его...

– Но как?

И остальные тоже уставились на посредницу с тревожным интересом.

– Дорожный сказал, что некроманты приехали недавно, – все так же медленно, наверное все еще раздумывая над примерным планом, проговорила она. – У меня есть время, чтобы добраться до нужного этажа и сделать вид, что я спускаюсь или поднимаюсь по лестнице. Барабашки предупредят меня, если некроманты выйдут из квартиры.

– Но как ты войдешь в подъезд? – спросил Данияр. Что-то ему не очень нравилась эта затея. Договорились же фотографировать отсюда!

– Так ты мне домофон откроешь, – хмыкнула она и улыбнулась. – Как в прошлый раз, когда ты ладонь приложил...

Но домофон не пришлось «взламывать». К подъезду подошла компания ребят, судя по болтовне, договорившихся собраться на квартире у друзей. Громко беседуя, они выждали, когда один из них откроет дверь, и гурьбой влились в дом. Руся, стрелой подлетевшая к ним, успела пройти за ними.

Данияр засопел, сжимая кулаки: ушла! И дверь закрылась! И войти следом нельзя – а вдруг ненароком навстречу ему пойдут некроманты?! Узнают немедля... Морок бы накинуть, да ведь некроманты «увидят» и сообразят сразу!.. Или решиться? Может, занятые своими делами, они не будут слишком пристально вглядываться в каждого встречного-поперечного?

И вздрогнул, когда кто-то слегка хлопнул его по плечу.

– Не переживай, – сказал Иннокентий. – Я ее подстрахую.

И стремительно, не давая времени на расспросы, бросился к подъездной двери.

– Куда?! – шепотом ахнула Карина.

Кусты, которые задел Иннокентий, до сих пор покачивались. Впрочем, ветер был довольно сильный. Недавно поднялся, нагоняя тучи... Данияр стоял растерянный – правда, эта растерянность перерастала в сердитое беспокойство... Ничего себе – мужичок Иннокентий! – каким ворон считал некроманта, до сих пор знакомого ему лишь по разговорам старших воронов. Шустрый какой... А если чужие некроманты прямо сейчас спускаются к выходу из подъезда? Что тогда? Выдаст и себя, и Русю!.. И зачем он, Данияр, отпустил девчонку? Думай теперь о ней, как бы не похитили! Места не находи...

– Данияр, – влез вперед, ближе к кустам, Митя, – как думаешь, кто сильней – те некроманты или наш Иннокентий?

Ну вот, Иннокентий уже наш...

Ворон только вздохнул, собираясь ответить на вопрос, как уныло запел домофон и дверь подъезда распахнулась. Вороны застыли, чуть пригнувшись за маскирующими их кустами и наблюдая за происходящим. Сначала вышли двое в черном и придержали дверь перед еще двумя, один из которых, явно преклонного возраста, опирался на руку спутника.

Данияр забыл дышать.

Мрак. Они перевозят его на другую снятую квартиру?

Потом, когда старого ворона заставили сесть в машину, Данияр с трудом заставил себя думать о насущном. Значит, их предположение было верным: Мрака и неизвестного ворона постоянно перемещают с квартиры на квартиру. Второе предположение, что вороны сумеют заснять чужих некромантов, не подтвердилось: чужие оказались в

черных очках! Обидно. Досадно... Ну ладно. Судя по спокойному поведению чужих, Руси и Иннокентия они не видели. Уже хорошо.

Бедняга Мрак... Как тяжело он шел к машине, несмотря на то что опирался на руку некроманта!.. Данияр чуть не начал падать, слишком сильно налегая на ветви кустов, чтобы чуть ближе рассмотреть загудевшую машину. Митя прав: номер расплывался при взгляде на него, а цифры лениво менялись местами... Но это пусть... Ага, вот он – дорожный! Уже приготовился бежать!

Руся несколько минут назад спросила, почему дорожные побегут, если есть возможность присесть на машину. Нечистик ответил без подсказки Данияра: защитные заклинания вокруг машины буквально отпихивают нечисть от нее. Но бежать рядом с машиной – это для них реально.

Так, тут план сработал.

Но что там с Русей и Иннокентием?

– Данияр... – прошептала Карина. – На твоей рубашке висит этот, как его... барабашка. Может, Руся послала?

Машина некромантов медленно выехала с приподъездной площадки и, постепенно разгоняясь, пропала за углом.

Только тогда ворон отвел взгляд от нее и посмотрел на свой бок. Барабашка встретился с ним глазами и бесшумно, но явно радостно захихикал. После чего молнией взлетел по рубахе и очутился так близко от уха, что мог бы шептать, а Данияр услышал бы его.

Но барабашка не стал болтать, зато повелительно протянул лапку, требовательно указывая на дверь соседнего подъезда. Это выглядело так утомительно, что Карина с Митей расхохотались. Данияр же, сдержанно улыбаясь, покивал барабашке и решительно пошел на соседнюю площадку. Чего спрашивать, если барабашка не понимает его – причем взаимно, но явно прислан посредницей?..

Иннокентий и Руся, тесно прижавшись плечом к плечу, сидели на верхней ступеньке лестницы, ведущей к подозрительной квартире, и что-то оживленно вполголоса обсуждали.

Данияр успел заметить эту картинку, едва лифт остановился на четвертом этаже и его двери разошлись. Сразу навалилась странная тяжесть. И уверенность: если Русю за руку рывком поднять с лестничных ступеней, оставив «нашего» некроманта сидеть в

одиночестве, тяжесть эта развеется. Но даже в мгновенной злости на Иннокентия ворон сумел сдержаться и мрачно пообещать себе: надо выяснить семейное положение «нашего» некроманта, чтобы знать, как себя с ним вести.

Дурацкая мысль – секунды спустя признал Данияр: пока он делал несколько шагов к ним, Иннокентий сам довольно живо встал и кивнул.

– Мы тут придумали кое-что.

Прежде чем ответить, ворон протянул руку девушке и помог ей подняться.

За его спиной Карина строго сказала:

– Правильно! Нечего на холодном бетоне сидеть!

– Лето же! – удивился Митя. – Да и сидели самую малость – че будет-то?

– А ты вообще на теплой земле валялся – ничего, что покашливаешь?

– Ой, да ладно!

– Тихо! – вполголоса шуганул Данияр впустую спорящих и обратился к Иннокентию: – Что у вас?

– Защита только возле двери, – несколько озадаченно доложил некромант, приторможенный младшими воронами.

– Но ведь четвертый этаж, – напомнил парнишка-ворон. – Что нам дает защищенная дверь, если в квартиру все равно нельзя попасть?

– Да и не знаем, есть ли там кто-нибудь, – поспешила добавить Карина.

Руся посмотрела на обоих и вздохнула, улыбаясь их торопливости.

– Не дослушали и бежите. Мы тут вот что придумали: да, четвертый этаж, но ведь есть окна. – И, взглянув на постепенно обалдевающего Митю, который, видимо, представил, как они дружно лезут снизу на балкон, рассмеялась. – Я хочу вызвать зеркальника! Пусть он сначала посмотрит в окно или заберется на балкон, а если там дверь открыта, то пусть проникнет внутрь...

Данияр хмыкнул. Девушка придумала – просто зашибись. Но есть маленькая корректировка. И он перебил:

– Если защищена только дверь, то зеркальник пройдет сквозь обычную стену. Не забыли об этом? Но остается вопрос к

Иннокентию. Пока мы ехали, обозначилась проблема: эта защита не передаст чужим некромантам все, что в данной квартире делается? Сигналок они не поставили на защиту?

– Нет здесь ничего из эхо-сигналов, – категорически сказал Иннокентий. – И заверяю еще одно: пришлые – не то что неопытные, они слабые. Защита сделана так, что я рукой махну, и от нее ключья останутся. Насколько я понял, у них – или у одного из них – отлично развита только одна способность: манипулирование упырями.

– Эхо-сигнал – это че? – шепотом поинтересовался Митя, ни к кому не обращаясь.

– Это ты задел защиту, а она тут же донесла хозяевам сигнал о касании, – отозвался «наш» некромант. – Ну что? С чего начнем? С поиска зеркальника?

– Подождите, – снова нетерпеливо прервал Митя. – Если этих эхо-сигналов нет, то, может, войти в квартиру так? Ну типа – на фиг смотреть на защиту?

– Нельзя, – категорически ответил Иннокентий. – Защита ощущается ее мастером. Дотронуться можно безнаказанно, но, если пройти сквозь нее или вовсе снять, она среагирует. Ну? Так с чего начнем?

– С поиска, – решил Данияр и велел всей компании подняться на площадку между этажами. Там и окно есть, и жильцы мешать не будут: наверняка подниматься-спускаться здесь привыкли только лифтом.

Зеркальник спустился, едва только Руся позвала его. Выяснилось, что он с самого начала наблюдал за чудными пришельцами. Так что на просьбу толмачихи откликнулся делом: немедленно вошел в стену, а вернувшись, передал Русе образы лежащего на диване человека. Поблагодарив его, Руся обернулась к Данияру.

– Что дальше?

– Пока ничего, – ответил некромант. – Все, что могли, мы сделали у этой двери. Честно говоря, хочется уже на свежий воздух.

Данияр заметил, что Митя бросил на Иннокентия подозрительный взгляд, но спрашивать парнишка-ворон ничего не стал. Ворон спрятал улыбку: кажется, Митя хотел спросить, не странно ли это для некроманта – говорить о свежем воздухе.

Они вышли на улицу, но прятаться у соседнего подъезда не стали. Уселись на скамью и начали размышлять, время от времени обмениваясь мнениями, что можно сделать в этой ситуации. Потом Карина в задумчивости встала со скамейки и принялась прогуливаться перед домом, глядя в основном на верхние этажи. Поскольку людей гуляло не так чтобы очень много и в то же время не так чтобы очень мало, то на девушку никто не обращал внимания. Разве что разок на нее чуть не наехала коляска, которую катила молодая мамаша, уткнувшаяся в мобильник. Но инцидент развития не получил, и дамы благополучно разошлись.

Воронушка вернулась к скамейке.

– У них здесь балконы соединенные, – сказала она. – Интересно, с той стороны дома – то же самое?

– Это ты к чему? – оживился Митя.

– Это я к тому, что вместо зеркальника мы могли бы забраться в квартиру и расспросить того ворона обо всем, что нас интересует.

Митя встал, ни слова не говоря, взял Карину под руку и прогулочным шагом увел ее за дом. Остальные с любопытством ждали результата их разведки.

Вернувшись, парнишка-ворон выпалил:

– То же самое! Балкон этой квартиры между двумя другими балконами. Мы уже вычислили: один балкон – это соседи по подъезду. Другой – соседей из другого подъезда. Что делаем?

Теперь на разведку пошли старшие – ворон и некромант, оставив взволнованных младших на скамейке. Данияр вернулся в подъезд с той квартирой, что сняли некроманты, а Иннокентий отправился в соседний. К скамейке они вернулись почти одновременно.

– В квартире кто-то есть, – сказал ворон.

– В моей – никого.

– А они не застекленные? – испуганно спросила Руся, до которой, видимо, только что дошло, что именно хотят проверить вороны и некромант.

Митя замотал головой:

– Все три балкона незастекленные. Ну что? Кто идет?

– Э-э-э... – виновато улыбнулся некромант. – Высоты побаиваюсь.

– Идем я и Руся, – спокойно сказал Данияр. – Я легко перелезу с балкона на балкон и помогу ей. Посредница мне нужна на всякий



случай.

– Согласна, – сказала Карина. – Это лучший вариант.

– Но я... – залепетала Руся, совсем перепугавшаяся. – Как же мы – в чужую квартиру?.. А если вернутся хозяева? Так нельзя!

Данияр посмотрел на Карину. Воронушка умела убеждать. Перехватив его взгляд, Карина шагнула к Русе и взяла ее за руку.

– Руся, до недавнего времени мы почти каждую ночь входили в чужие квартиры. Ты была с нами только пару раз, но знаешь об этом – обо всех квартирах, где мы были. Но тогда ты не возражала против нашего проникновения в чужой дом.

– Но это другое! – чуть ли не со слезами пробормотала девушка. – Там были... одинокие мертвые. Но здесь-то живые.

Вмешался некромант.

– Вот именно, – сказал он, чуть склонившись к Русе. – Подумай сама: мы ведь должны проникнуть туда, где ждет нашей помощи похищенный человек. А если его без нашего вмешательства убьют? И вы с Данияром не собираетесь ведь по дороге грабить те квартиры, через которые пойдете к нему!

Ворон внезапно сузил глаза, заметив, как его пальцы странно шевелятся, словно пишут что-то в воздухе, а потом схватил Иннокентия за плечо и велел:

– Не смей этого делать! Она должна решить сама!

Младшие вороны шарахнулись от некроманта. А тот с улыбкой оглядел всех и пожал плечами: поймали, мол, на мелочи. И чего придираются?

Как только Руся уяснила, что Иннокентий хотел повлиять на ее решение идти или не идти в чужую квартиру, она вцепилась в руку Данияра и поспешно закивала:

– Идем, идем!

Иннокентий заявил, что ему здесь больше делать нечего, но, поскольку его здорово интригует, чем все закончится, он все-таки подождет возвращения диверсантов из их рейда по чужим квартирам. Младшие вороны неприязненно фыркнули, но смирились.

Карина порылась в своей сумочке и сказала Русе:

– У меня с собой кое-какие медикаменты есть. И я помню, что Митя сказал про того ворона. Что он избит. Вот, возьми. Залеплять

пластырями раны не стоит, а то эти увидят, но хоть продезинфицируй их. Жалко же человека.

Данияр только вздохнул.

Через десять минут они проникли в квартиру соседей по балкону, а потом Данияр перешел на «свой» балкон и помог перейти Русе. Им повезло, что балконы выходили на сторону дома без подъездов. Здесь была тихая улочка – с невысокими домами через дорогу. Дома те скрывались за высоченными деревьями – пирамидальными тополями. Никого не потревожив своими странными, а по сути – противоправными действиями, они вошли в квартиру, снятую пришлыми некромантами. Переступая порог, Данияр подумал, что ему нравится, как перелезала между балконами Руся: словно решила на поступок. Словно отступить некуда.

А когда вошли и первым делом отыскиали диван с лежащим на нем вороном, вот тут и Данияр ощутил, как учащенно забилося сердце. Был взволнован так, что... Кто это такой, что из-за него шантажируют Мрака?!

Когда они попытались этого неизвестного ворона привести в чувство, обнаружилась жуткая вещь: ворон не спал. Не валялся в отключке.

Данияр ощутил сильнейшее желание немедленно найти Мрака и задать ему единственный вопрос: все ли вороны умеют такое делать – или надо быть особенным, со способностью уметь уходить в Навь, даже не будучи пьяным?

Смотреть на неподвижное тело, сердце в котором бьется едва уловимо, как будто человек всего лишь без сознания, было жутковато. Тем более в комнате, выходящей на север, с окнами, полузанавешенными плотными шторами, застоялся полумрак, в то время как на улице всеми светлыми красками лета играл солнечный день.

– Что с ним? – прошептала Руся, со страхом глядя на опухшее от побоев лицо ворона – и в самом деле довольно молодого человека, как охарактеризовал его Митя.

– Он в Нави, – ответил растерянный Данияр.

Руся присела перед диваном и, заранее скорчив брезгливую гримаску и помавав ладонью у лица неизвестного, осторожно понюхала воздух. После чего удивленно посмотрела на Данияра.

– Он не пьян.

– Нет, – покачал головой тот. – Он добровольно ушел в Навь. Умеет уходить.

Руся еще пару секунд смотрела на безразличное лицо неизвестного ворона, а потом открыла свою махонькую сумочку и вынула ватные диски и парочку баночек.

– Данияр, как думаешь, он долго здесь будет?

– Не знаю.

– Карина дала мне не только дезинфицирующее, но и от опухолей. Но антисептик испаряется быстро, а вот мазь останется на некоторое время. Стоит ли использовать?

– Используй, – решил Данияр и вздохнул. – А мы-то хотели его обо всем расспросить. Что ж... Теперь придется только оказать ему первую помощь – и сматываться отсюда.

– А сфоткать? – напомнила Руся. – На всякий случай, как ты любишь говорить!

Данияр разочарованно усмехнулся, глядя на ворона, с лица которого посредница усердно оттирала давно подсохшую кровь.

– В таком виде его мать родная не узнает.

Руся тоже вздохнула и горестно покачала головой.

– И что теперь делать?

– Дождемся дорожных, – сказал Данияр. – Они нам скажут, где некроманты оставили Мрака. И тогда мы похитим одновременно и этого ворона, и Мрака. Руки у нас у всех будут развязаны, потому что Мрак нам все и расскажет.

– А ты думаешь, он знает, зачем они это делают?

– Он знает хотя бы то, где они нашли ворона со способностью останавливать время. А мы знаем, на что были использованы эти способности.

– А его не накажут? – забеспокоилась девушка. – Ну вот этого?

– Все было сделано под угрозой обоюдного шантажа, – мрачно сказал Данияр. – Ворон не виноват. И поймали его не на слабости, а на нежелании рисковать жизнью другого человека. Нет, не накажут.

Руся помолчала, а потом пожала плечами, говоря, будто следуя своим пока не высказанным мыслям:

– А Степан бы его вытащил. Как Митьку.

– Это еще бабушка надвое сказала. Степан мог бы вытащить этого ворона из Нави, но при одном условии: если тот поверит, что Мраку ничто не грозит.

– Жаль, что ты не умеешь...

Руся закончила наносить мазь и встала на ноги. С сожалением посмотрела на неизвестного ворона, темноволосого, с очень худым лицом.

– Все? Уходим?

– Подожди. – Теперь перед диваном присел Данияр. – Дозваться его из Нави я не могу. Но поставить на него метку, чтобы знать, когда он придет в себя, – это сделаю. Все. Вот сейчас мы уходим.

Понадобилось минут пятнадцать, чтобы выбраться из одной квартиры и переждать в прихожей промежуточной квартиры, когда три соседки, что-то активно обсуждавшие на лестничной площадке, разбредутся по своим домам.

Младшие вороны и некромант с облегчением заулыбались при виде диверсантов. Даже не лучшие новости не смутили их.

– Подытожим, – сказал Данияр, присаживаясь на скамейку. – Судя по всему, пришлые некроманты меняют местами неизвестного нам ворона и Мрака каждые два дня. Сейчас у нас одни сутки, чтобы выкрасть у этих некромантов наших.

– Я в деле, – сказал Иннокентий. – Мои будут молчать. Даже клятвы брать с них не буду. Как только операцию разработаете, звоните. Мы можем забрать с нового адреса Мрака – благо старый ворон нам знаком, да и нас знает. А вы, вороны, выкрадывайте этого своего. А теперь мне пора. До обеда наши разбираются с именами, которые нам выдал списком Игорек.

– Это поселковый некромант, что ли? – уточнил Митя.

– Он самый.

– Иннокентий, ты точно знаешь, что пришлые некроманты дали ему денег на машину? – задумчиво спросил Данияр.

– И не только на машину.

– Я все больше склоняюсь к версии, что этот ворон с подачи пришлых убил того стоматолога. И что пришлые выполняют заказ кого-то из наследников.

– Алконосты проверяют, – пожал плечами Иннокентий. – Обещали сказать, когда все узнают. Может, нам повезет и Мрак что-то

знает об этом деле... Ладно, я побежал. Будут новости – звоните.

Глядя ему вслед, Карина поджала губы. Вздохнула:

– Мы уже несколько ночей не слушаем город. Попробовать послушать днем?

– Дорожные! – обрадовалась Руся, садясь на корточки.

Выслушала двоих запыхавшихся дорожных и вскоре помахала им рукой – они сгнули, пристукнув клюками об асфальт. А посредница встала и протянула Данияру вырванный из блокнота листок.

– Адрес, куда отвезли Мрака.

Данияр снова почувствовал, как теперь уже в предвкушении опасного предприятия колотится сердце.

– Так, едем туда, осматриваем объект. Вечером говорим с Александром Михайловичем. Он знает толк в военных операциях. Думаю, поможет с этим. Если только свой план не предложит. Но ему нужны факты. Факты по здешнему объекту у нас собраны. Едем к следующему объекту.

– А мы на такси? – спросил Митя, поспешно вскочив со скамейки.

– На такси.

– Тогда я назад – буду слушать город.

– Я тоже, – отозвалась Карина.

– Давай делиться? – азартно предложил парнишка-ворон, подпрыгивая рядом с ней. – Тебе какая половина города лучше?

Что ответила Карина – идущим позади них не было слышно.

– Отошла от страха? – тихо спросил Данияр у Руси.

– Отошла. Только пальцы дрожат, когда вспоминаю, как лезли через балкон, – виновато призналась девушка. – Данияр, а зачем пришлым некромантам сейчас быть в городе? Стоматолога они уже убили. Если был заказ – дело свое сделали.

– Знать бы, – вздохнул ворон. Предположение у него было – и достаточно уверенное, но пугать Русю не хотелось. – Я голову сломал, пока об этом думал.

– А почему ты не хочешь рассказать все алконостам? Некроманты – это, конечно, здорово, но алконостов-то больше, и использовать их можно так, чтобы и Мрака с его подопечным спасти, и чужих некромантов поймать – все это возможно одновременно.

– Не знаю, поверишь ли ты мне, но я не доверяю алконостам, – насмешливо сказал Данияр.

## Глава двадцать пятая

### *Данияр*

В квартире Данияра воронушка и Руся первым делом бросились на кухню. Еще по дороге, в такси, Митя начал жаловаться не только на привычный всем голод после пребывания в Нави, но и на сушняк от волнения. Так что девушки, заварив кому чай, кому кофе, вскоре позвали воронов к столу. Утолив первый голод, Митя шмыгнул носом, не решаясь взять с большого плоского блюда последний бутерброд, и задумчиво спросил:

– А если на полном серьезе? Почему эти пришлые из города не уходят... Может, они нас решили-таки добить? Но ведь за две недели они ничего так и не сделали!

– Не могут найти меня? Я же здесь недавно поселился, – неуверенно предположил Данияр и пожал плечами. – Зато они знают адреса ваши и Александра Михайловича. Разве что... Вас-то в последнее время дома почти и не бывает. А Митя так вообще у меня прописался.

– Ага! – с удовольствием сказал тот: воронушка только что чисто символически, на пару миллиметров, пододвинула к нему блюдо, и парнишка-ворон с полным основанием сграбастал с него тот самый спорный последний бутерброд.

– Мне кажется, притянуто за уши, – засомневалась Карина. – Если ты имеешь в виду, что мы постоянно здесь, а твоего адреса они не знают.

– Если судить по детективам, – вздохнула Руся, – получается, они хотят пересидеть в укрытии какое-то время, а потом убить еще кого-нибудь. Отсюда тишина (ну почти, если вспомнить железнодорожный вокзал), отсюда те несколько упырей, которых они фиг знает где держат.

– Что-то вспоминается в связи с несколькими упырями... – досадливо нахмурился Данияр. – Только очень смутно. Что-то о том, что бывает, когда эти упыри оказываются все в одном месте. Но что? Позвонить Иннокентию, что ли? Хотя он обещал приехать, тогда и спрошу.

– В общем, дело ясное, что дело темное, – благодушно заключил Митя, привстав и заглядывая в кофейник. – Че, все выпили? Жадины...

– Дуй чай! – велела Карина. – Или просто посиди немного: сытость обычно наступает через пятнадцать – двадцать минут после еды.

– Умная какая... – проворчал парнишка-ворон.

– Читать надо больше, а не квасить!

Данияр едва заметно улыбнулся. По лицу Мити понятно, о чем он раздумывает: продолжать препирательства с вредной воронушкой, которая на каждую его реплику находила весомый и порой весьма ехидный ответ, или промолчать? Потом парнишка-ворон, судя по его потеплевшему взгляду, брошенному на опустевшее блюдо, видимо, вспомнил о количестве съеденного-выпитого и уже спокойно откинулся на спинку стула.

Больше версий по поводу странного поведения пришлых некромантов не поступало. Их нелогичные поступки решили считать подготовкой к следующему убийству при помощи припрятанных упырей, а потому договорились выждать до появления Александра Михайловича, чтобы совместно разработать план ответного похищения похищенных воронов.

Молодежь удалилась в гостиную – обсуждать одну из книг по эзотерике, прочитанных Кариной. Воронушка давно твердо решила, что все младшие в их компании должны знать азы своего нового мира, а потому взяла за правило проводить такие чтения и разборы. Митя сначала ныл, что неинтересно, но затих, когда Карина неделю назад нашла на полках кучу книг о сновидениях. Руся тоже училась – и с большим любопытством, даже отмечала что-то в своем блокноте.

Устроившись на кухне за опустевшим и тщательно протертым столом, Данияр принялся записывать итоги поездки. Но для начала на отдельной странице записал примерное расположение жилищ пяти человек, которые ушли из жизни в одиночестве и которых нашли младшие, слушая город...

Постепенно он углубился в работу, а потому сильно вздрогнул, когда зазвонил мобильный. Взглянул на имя звонившего и удивленно приподнял брови: какие люди!

– Добрый день, Анжелика.

– Добрый, – мрачно отозвалась алконост. – Данияр, у нас ЧП. Поэтому обзваниваем всех, кто может помочь. У нас пропала девушка. Еще позавчера вечером. Из рядовых. Сначала мы не беспокоились. Но уже вчера выяснилось, что даже родители и ее молодой человек не знают ее местонахождения. В связи с нынешними событиями – ты сам понимаешь ситуацию! – вероятно, ее исчезновение идет частью вашего дела. Я сброшу тебе на телефон ее фото, а ты передай его своим. Будет возможность – там, на улицах, приглядывайтесь к людям.

«Даже в таком серьезном деле от шпильки не удержалась, – грустно усмехнулся Данияр, терпеливо выжидая появления фотографии пропавшей. – Тоже мне – часть нашего дела...» Звякнул мобильник. Появилось фото. Некоторое время Данияр смотрел на худенькое личико девушки с короткими светлыми волосами и синими глазами. Не скажешь, что легкомысленная. Что может сбежать куда-то, не предупредив своего парня или родных.

Прикинув, что к чему, Данияр в первую очередь отослал фото пропавшей Александру Михайловичу, сопроводив его эсэмэской: «Пропала девушка-алконост. Просят приглядеться к улицам». В первую очередь старшему ворону, потому что тот на работе, а возвращаясь, мог бы что-нибудь и заметить.

Затем вошел в комнату к младшим и, на ходу посылая снимок на их мобильные, рассказал о звонке Анжелики. Младшие с недоумением переглянулись.

– Поискать-то мы можем, – озадаченно сказал Митя, рассматривая экран своего мобильного. – Но почему Анжелика решила, что ее похитили некроманты?

– Тем более Анжелика сама сказала, что алконост из рядовых, – подхватила Карина, разделяя его недоумение. – Нет, Митя прав. Мы, конечно, будет приглядываться, если что. Но ведь эта алконост без способностей. Зачем она некромантам?

– Вы забываете, что алконосты, как и мы, это уже люди не просто со способностями, но с определенными особенностями, – возразил Данияр. – Например, на земле есть места, куда легко войдет алконост, но куда ход нам заказан.

– И она может провести туда некромантов, – медленно, явно замороженный представшей в воображении картинкой, проговорил



Митя. – Или войти туда одна, но под их воздействием и что-нибудь для них украсть оттуда. Вот это дела-а...

Он переглянулся с Кариной, после чего устался на Русю. Кажется, мысль, которая вдруг возникла у младших воронов, волновала и посредницу, потому что девушка тут же категорично сказала:

– А если там у них завеса, чтобы ее не нашли? Как с тем вороном и Мраком?

– Но попытаться-то можно! – азартно сказал Митя.

А Карина уже поспешно встала, разворачиваясь к балкону:

– Данияр, мы выйдем поговорить с нечистиками.

Как и предполагал Данияр, нечистики – всезнающие барабашки, скорей всего, – о девушке не знали, а поспрашивав барабашек из других домов, объявили посреднице, что не знают и те. Вернулись разочарованными. Митя бормотал:

– Может, поспать? С включенным мобильником, чтоб ее фотка на меня смотрела?

– А смысл – дрыхнуть? – возражала воронушка. – Если она скрыта, значит, на ней точно какая-нибудь завеса, как Руся говорит. Зато мы теперь точно знаем, что эта алконост похищена некромантами.

Митя плюхнулся на диван и сказал, мечтательно глядя в потолок:

– А вдруг она только для Анжелики рядовая? Вдруг она резко обрела способности – и бац! Пришлые некроманты это увидели сразу, не то что эта Анжелика!

– Кроме Анжелики там и другие алконосты имеются, – напомнил Данияр.

– А может, она от своего молодого человека сбежала? – предположила реалистка Карина. – Мы начнем искать, найдем, а она будет плакать, что ее слишком рано нашли!

– Вы как хотите, а я попробую поспать, – заявил Митя и в два скачка перебрался на кушетку, на которую и рухнул, не забыв положить рядом мобильный.

– Не закроется? – с сомнением спросила Руся, имея в виду экран мобильного.

– Оставь его, – с раздражением сказала Карина и чуть громче добавила: – Чем бы дитя ни тешилось. Русь, пойдём на кухню – скоро Александр Михайлович приедет.

Девушки убежали на кухню, а Митя открыл один глаз и вслед – Карине, наверное, – недовольно что-то пробормотал. И зажмурился.

Данияр только улыбнулся и сел за стол в гостиной: девушки прекрасно знали, что старший ворон приедет сразу с работы, не зайдя домой или в какую-нибудь забегаловку, потому и решили приготовить ему поесть. Здесь же, в опустевшей гостиной, воспользовавшись стараниями Мити заснуть, ворон закончил описание сегодняшних событий и теперь читал записи, пытаясь определить, все ли он учел, нет ли каких-то пробелов, а заодно время от времени записывал свои размышления и догадки, касавшиеся того или иного эпизода.

За несколько минут до приезда Александра Михайловича Данияр пришел к выводу, что первоначальный план остается в силе: надо двумя командами приехать по двум адресам, созвониться о синхронном начале операции, уточнить местонахождение пришлых некромантов и одновременно войти в снятые некромантами квартиры, чтобы забрать из них похищенных воронов.

Едва он сунул тетрадь с записями на прежнее место, на полку шкафа, как Митя, не открывая глаз, сонно сказал:

– Счас Александр Михалыч позвонит.

Приглядевшись к парнишке-ворону и сообразив, что тот пребывает в дремотном, то бишь по-вороньи – пророческом, состоянии, Данияр поспешил в прихожую. Звонок раздался в момент, когда ворон застыл перед домофоном.

Старший ворон переступил порог квартиры и с довольной ухмылкой втянул носом запахи с кухни. И вздрогнул от нового звонка домофона.

Данияр снял трубку, узнал, кто пришел, и снова нажал кнопку.

– Иннокентий, – объяснил он. – Александр Михалыч, идите на кухню. Девочки вам там приготовили ужин.

– А вы?

– Мы весь день кусочничаем да чаевничаем, – усмехнулся Данияр. – Ужинайте, а я пока встречу Иннокентия.

Данияр не только встретил городского некроманта, но и немедленно ознакомил с планом спасения воронов, чтобы тот вник в него, а еще спросил:

– Иннокентий, вот вертится у меня сегодня весь день на уме: что это значит – несколько упырей, собранных в одном месте? Смутно что-

то вспоминается, но никак не могу вспомнить. По твоей вроде части. Не подскажешь?

– Если в связи с нашей ситуацией, – встревоженно заговорил некромант, – то... Один из вариантов: если несколько упырей в куче, а в центре будет человек, то этот человек ничего не будет соображать некоторое время. Они его... опустошат. Сознанием он будет, образно говоря, ближе к умалишенному... В старые времена таким образом убивали человека, неугодного колдовским семьям или заказанного кем-то: похищали, а потом возвращали, но уже неадекватным. И это не считая того, что он будет абсолютно закрыт от мира. Его просто-напросто не найти.

Через полчаса они все вместе сидели за столом в гостиной и обсуждали предложение Данияра ворваться двумя группами в квартиры некромантов.

– Как я уже говорил, мы берем на себя квартиру, где сейчас содержится Мрак, – деловито сказал Иннокентий. – Он нас знает, не будет упираться. А вы поезжайте на квартиру, где держат того бедолагу, – пусть хоть, очнувшись, увидит себя среди своих – среди воронов. Итак, разъезжаемся по адресам, созваниваемся и начинаем операцию. Ничего не пропустил?

– Нет, – покачал головой Данияр и обратился к девушкам: – Будьте настороже. Честно говоря, Руся, я бы не взял тебя, но может понадобится твоя помощь с нечистью. Поэтому... Митя и Карина, держитесь рядом с Русей. На всякий случай.

Карина и парнишка-ворон переглянулись и мгновенно встали по бокам от толмачихи-посредницы – такие суровые, что, оглянувшись на них, Руся смешливо прикусила губу. Младшие не обратили на нее внимания, а лишь суперсерьезно похлопали ладонями по карманам джинсов, проверяя наличие оружия.

– Согласен, – кивнул Александр Михайлович, внимательно слушавший заговорщиков. – Иннокентий, вы как, на машине? Подвезти?

– Я на своей машине, – подтвердил некромант. – Ну, удачи нам!

Один за другим они покинули квартиру.

Распахнулась дверь подъезда, выпуская их...

И вся компания ошарашенно замерла, едва только выйдя из подъезда: часть улицы словно оцепенела, очищенная от прохожих

каким-то страшным вихрем. И это в шесть вечера!

Впечатление этого опустошения не умаляло даже присутствие нескольких человек.

На скамейке у подъезда сидела ссутулившись девушка-алконост. У Данияра дрогнуло сердце, когда он увидел вокруг поникшей фигурки болезненно-зеленоватую дымку, не позволяющую ей двигаться. А когда взгляделся, понял шипение сквозь зубы Карины, оханье Мити и невольно вырвавшийся жалобный стон Руси: девушка-алконост, несмотря на свою безучастность, была страшно избита. И даже багрово-черную кровь с ее светлых волос не смыли. Будто специально оставили.

А на границе между приподъездной площадкой и дорогой перед домом стояли три человека в черном. Чуть в стороне, ближе к газонам напротив, через дорогу, виднелась черная машина.

От гневного возгласа Иннокентия за спинами вздрогнули все:

– Не жалеть! Это уловка, чтобы ослабить нас! Не жалеть! – Чуть слышно щелкнул мобильник в его руках – он соединился с кем-то из своих и выдохнул: – Всех сюда! Адрес...

Данияр боковым зрением уловил движение рядом: не спуская с пришлых некромантов глаз, Александр Михайлович поднял руку – дотронуться до оберега на цепочке. То же самое сделали Иннокентий и Митя.

Карина шагнула ближе к двери и заставила отойти к ней Русю.

«Митька – неслух!» – хмуро решил Данияр и, пошевелив пальцами, поудобней устраивая их в кастетах, снова напомнил парнишке-ворону:

– Твоя драка – защита Руси!

И трое старших кинулись на пришлых некромантов.

Самый мощный достался Александру Михайловичу, и Данияр со спокойной совестью даже думать не стал о том, как будет справляться старший ворон со своим противником. Малорослый противник Иннокентия выглядел не слишком устрашающе, но в первую же секунду стычки попытался компенсировать свое видимое слабосилие метанием в лицо городскому некроманту той же зеленоватой пыли. Иннокентий, рыча, блокировал ядовитую пыль смешным и глупым на первый взгляд жестом – ладонью, вытянутой в приказе остановиться.

Как ни странно, это сработало: ядовитая пыль зависла, будто перед встречной стеной, и начала медленно опадать.

Удостоверившись, что Иннокентий не уступает противнику хотя бы в колдовском поединке, Данияр все свое внимание перенес на своего соперника. Тот успел получить от него ногой по бедру – правда, ворон и сам вскрикнул от боли, не уклонившись от кулака в лицо. Хорошо еще только скользнувшего по челюсти.

Продолжая драку, Данияр смутно заподозрил, что мимолетная сценка с колдовским поединком Иннокентия и малорослого некроманта – это предупреждение ему, намек на что-то не очень, мягко говоря, приятное. Но на что?.. Снова загадка – как та, что мучила его из-за упырей. Раздраженный, он полностью сосредоточился на своем противнике. Тот пока вроде как не слишком напирал.

И это было второе, что мимоходом насторожило Данияра. Но над странностями задумываться было некогда.

Одно только и утешало – что не пострадают люди: пришлые некроманты своими зельями расчистили себе площадку для нападения. Проскользнула мысль, что надо бы Русю отослать назад. Но тут же возникло возражение: уж лучше пусть она будет перед глазами, чем психовать в неведении, где она и что с ней... И еще одна мысль заставляла его то и дело посматривать на скамейку: зачем им алконост?! Не для предупреждения же воронам, что их ждет далее, в самом деле!

В какой-то момент Данияр обнаружил, что противник осторожно, но настойчиво уводит его от подъезда. Удивленный, но старательно прячущий все эмоции, ворон обрушился на некроманта, как хищник на потенциальную добычу.

И вот тут-то начала раскрываться подлость пришлых.

Данияр не сразу бы заметил, что происходит, если бы не отчаянный крик Мити:

– Дан, слева!

Ворон отпрыгнул из-под кулака противника – и взглянул. И расвирепел: пока Иннокентий молотил своего противника, Мощный успел осыпать Александра Михайловича тем самым зеленоватым порошком – и старший ворон застыл на месте. Впрочем, долго стоять на месте Мощный ему не дал: один удар в голову, и окутанный колдовской дымкой ворон рухнул на асфальт.

А воспрянувший некромант принялся бить его ногами по телу и по голове... Оберег не помог – слишком слаб против чужих зелий.

Вот оно – невнятное предупреждение поединка Иннокентия и некроманта!..

Данияр должен был предугадать, что некроманты воспользуются колдовскими приемами – в особенности зная, что среди воронов – неопытные!

В опасной близости от него просвистел солидный кусок кирпича – Митя не выдержал, где-то нашел и швырнул в Мощного. Тот отскочить не успел и зарычал, прыгая на одной ноге.

Данияр рванул к нему – ударить в бок, пока тот в слабой позиции.

– Данияр, сзади! – завопил Митя, приплясывая на крыльце, а девушки лихорадочно искали у подъезда камни – или те же кирпичные обломки.

Пригнувшись, ворон едва избежал удара в голову. Развернулся и увидел, как Иннокентий, не оборачиваясь, бросил в сторону поднимающегося Мощного горсть колдовского порошка, да еще выкрикнул пару незнакомых Данияру заклинаний. Тот вытаращился на ворона, явно не понимая, откуда пришла беда, и свалился. Мысленно благодаря Иннокентия, Данияр наконец сумел обернуться к своему недавнему противнику всем телом.

А того и след простыл. Точнее, не простыл, а постепенно остывал: некромант мчался к крыльцу, размахивая руками и обсыпая все вокруг себя зеленоватым порошком. Путь недолгий – от дороги перед домом до подъезда. Молодежь на крыльце закричала, завизжала. Карина – умница! – втокнула Русю в подъезд и закрыла дверь. Пришлый некромант взмахнул рукой – и оба младших ворона упали в стороны от двери.

На что надеялся пришлый?! Подъезд закрытый же! Второго выхода нет!

Расстояние – шагов пять. Дверь медленно закрывалась перед носом Данияра, который пытался нейтрализовать действие некромантского колдовского порошка, а сам уже задыхался и кашлял, вдохнув зелья.

– Отойди! – нетерпеливо крикнул Иннокентий, отодвигая ворона от двери, а заодно бросая ему в лицо что-то свое, мелкое. Нейтрализующее?

Дверь натужно заскрипела, выдираемая невидимой силой из пазов. Данияр, машинально опираясь на кирпичный дверной проем – из страха упасть, оглянулся: как там пришлый некромант, дравшийся с Иннокентием?

Лежит неподвижно.

– Беги!

На первом шаге его качнуло нехило: порошок пришлых продолжал свое черное дело. Противоядие Иннокентия действовало не сразу? Или ворон вдохнул слишком много некромантской пыли?

Иннокентий нетерпеливо подтолкнул его в спину.

– Куда девчонка побежит?! К тебе?! Домой?!

– Не-е зна-аю! – выдохнул Данияр, чувствуя, как освобождаются наконец от оцепенения мышцы и как с каждым новым движением его шага становятся уверенней.

Еще пара шагов – и он бросился вперед, обгоняя «нашего» некроманта, который бежал не совсем уверенно. Ворон знал лишь, что преследуемая и преследователь побежали на верхние этажи... Данияр добежал до первой лестницы, суматошно размышляя, что может сделать пришлый некромант в такой ситуации: ну догонит он Русю – и что дальше? Сбежать-то вместе с ней не сумеет!

Взбегая по следующей лестнице, он крикнул:

– Что он может с ней сделать?!

– Полное подчинение! – мгновенно откликнулся Иннокентий.

Сердце кольнуло ужасом: и знать точно не знал, но слышал о таком! Если пришлый некромант сумеет догнать Русю, он своими порошками может сотворить с ней непоправимое на целых три года! На целых три года приковать ее к себе душой и телом, сделать рабыней! И даже алконосты не сумеют нейтрализовать его воздействие!

У нее есть ключи от его квартиры! А на пороге у него заклинание для входящих только с его разрешения! Руся – одна из тех, кому позволено входить!

Сообразит ли она добежать до четвертого этажа?!

Только бы не заскочила к бабуле!

Пусть, пусть она добежит до его квартиры!

Заклинание не пустит некроманта за порог квартиры Данияра примерно минуту! Но не больше, поскольку он тоже представитель

Чернобога! Но этой минуты Данияру хватит, чтобы спасти девчонку! Только бы она не упала на бабулину квартиру! Только бы не...

Он проскочил третий этаж. Дверь в квартиру Русиной бабули закрыта. Если бы Руся рискнула прятаться от преследователя здесь, она бы была распахнута.

Мышцы полностью подчинялись ворону, он снова мог нормально двигаться. Данияр взлетел на свой этаж, и вот она – распахнутая дверь в его квартиру. Порог, над которым некромант почти повис, пытаясь прорваться в помещение, а там, внутри, пятится в комнату Руся. Увидела ворона – и остановилась. Тоненькая, махонькая по сравнению с этим проходимцем. Но в руках – закрытый зонт, прихваченный с вешалки. Тоже оружие... Но если заклинание не пускает чужака, то ведь некромант может воспользоваться порошком!

– Руся, на балкон! – рявкнул Данияр, очутившись в двух шагах от некроманта.

Девушка мигом исчезла из уязвимого расстояния.

А ворон стремительно ударил невероятно медленно поворачивающегося к нему пришлого некроманта. Сильные крылья, распахнутые за спиной, заставили Данияра расправить плечи...

Некромант удержался на ногах, хотя после удара жестко врезался в дверь квартиры напротив. Поднимался он, совершенно ошарашенный от удара, держась за ухо, и ладонь его быстро краснела от крови. Ворон пошел – не к нему, а на него! Некромант, хоть и был оглушен, догадался, что сейчас будет, и попытался сбежать – на пятый этаж. Видимо, понадеялся быстро прийти в себя.

Но ворон легко взбежал-взлетел следом и сбросил его с середины лестницы.

Некромант оказался живуч – и упорен. Огляделся и пополз к двери квартиры Данияра, собираясь переползти через порог: тот его уже определял как своего!

Но на пути встал Иннокентий и пнул его в бок, да так, что некромант скукожился от боли.

Данияр спустился, постепенно успокаиваясь, хоть и дрожа от нахлынувшего адреналина. Посмотрел на болезненно охающего пришлого и спросил Иннокентия:

– Что... дальше?



– Надо спустить его вниз, – привычно деловито сказал тот. – Мои небось уже подъехали. Сейчас заберем его к себе и начнем их всех раскалывать, что да как они тут затеяли, да с какого хрена... Простите, барышня.

– Ничего, – сипло сказала Руся, укрывавшаяся за полуоткрытой входной дверью и заплаканная до судорог, с которыми не могла справиться. – А сейчас можно... выходить?

– Иди ко мне, – велел Данияр. Теперь он боялся даже оставлять ее в своей квартире.

Она переступила порог и метнулась к нему мимо ползающего по полу пришлого некроманта. Прижалась к ворону, а потом и вовсе за него спряталась.

Иннокентий хмыкнул, взял пришлого за шкурку и потащил его по лестнице вниз. А когда Данияр усомнился, оставит ли он пришлого в живых, таща таким образом, «наш» некромант наставительно сказал:

– Пусть спасибо скажет, что я не за ногу тащу!

Данияр считал, что некромант ответил ему на вопрос, и больше не приставал. Там, внизу, у подъезда его ждали вороны. И почему-то он был уверен, что двое других пришлых некромантов им ничего не сделают. Уж на чем эта уверенность зиждилась, он бы не ответил.

А когда домофонная дверь пропела свою обязательную унылую мелодию, они все вновь застыли на пороге подъезда.

На площадке толпилось огромное количество народу!

Все в белом.

Алконосты бегали вокруг связанных двоих пришлых некромантов, несколько девушек врачевали Александра Михайловича, а еще две группы приводили в чувство младших воронов. Посреди этой организованной суматохи стояла Анжелика и прижимала к себе рыдающую девушку-алконоста – ту самую похищенную, которую сейчас у своей начальницы возмущенно пытались выдрать из рук другие алконосты – для оказания скорой помощи.

Озабоченные происходящим некроманты из команды Иннокентия стояли чуть в стороне и тарачились на творящееся безобразие, не смея вмешиваться... При виде своего начальства один неуверенно поднял руку, обращая на себя внимание, но Иннокентий только раздраженно отмахнулся и направился к Анжелике, все так же таща за собой

пришлого некроманта. Алконосты смотрели на это с ужасом, но все же не вмешивались.

Данияр и Руся переглянулись.

– Ну что? Пора выручать своих, – сердито сказал Данияр и шагнул вперед, успокаиваясь при виде недовольно ворчащего Александра Михайловича, огрызающейся на алконостов Карины и Мити, который, морщась, держался за ушибленный затылок.

Руся, не отпуская его руки, поспешила следом.

## Глава двадцать шестая

### Вместо эпилога

Данияру здорово повезло, что старенький стол в комнате – нечаянное наследство от умершей старушки – раскладывается. Покумекав немного, выдвинули боковые части в стороны, а затем уложили в расшатанные от старости пазы. Все. Теперь за столом могли уместиться шесть воронов, один некромант и одна посредница. Пригласили и травницу, но Русина бабуля помогла накрыть стол и ушла. Сказала только:

– Вы в своих делах разбираетесь, вот и говорите меж собой. А я что? Сбоку припека. Так что не отвлекайтесь на меня.

Собрались же все в квартире Данияра на следующий день после «великой битвы». Как говорится, когда страсти поостыли и улеглись, когда на холодную голову можно было разобраться, что к чему, да еще и в деталях.

Сели за стол парами – чуть ли не по интересам. Данияр – с Русей. Притихшие младшие время от времени перешептывались, с любопытством таращась на всех подряд – особенно на молодого ворона. Александр Михайлович с Иннокентием энергично обсуждали интересные моменты вчерашнего побоища. Старик Мрак сидел рядом с тем самым молодым мужчиной-вороном, который выглядел так, словно неделю блуждал дремучими чащобами без пропитания. Впрочем, так оно и было. Кроме всего прочего, ворон носил черные очки, которые его с трудом уговорили снять в квартире, и рубаху с длинным рукавом: синяки постепенно сходили на нет, а вот кровоподтеки его все еще вызывали оторопь. Но, несмотря на голодный и измученный вид, Вячеслав, как представил его Мрак, ел очень аккуратно и даже деликатно. Даже Митя впечатлился и обуздал свое стремление слопать все и сразу.

Мрак все никак не мог прийти в себя от потрясения, увидев посредницу-толмачиху в компании воронов! Время от времени Руся ловила на себе его ошеломленный взгляд и только смущенно улыбалась старику.

Заморив червячка, Данияр обратился к старому ворону:

– Мрак, может, расскажешь?

Недосказанный вопрос старик понял. Неуверенно спросил:

– Про город, откуда явились те трое, вам уже рассказали?

– Да. От алконостов мы знаем, что там появилась... скажем так, преступная группировка из не самых сильных, но зато весьма амбициозных младших некромантов. Знаем, что они искали талантливых воронов, некромантов и других колдунов и ведьм, чтобы выполнять заказы на убийства и грабежи. Правда, в своем городе не гадили, чтоб их сразу не засекали. Но... ты-то каким боком здесь?

– Все началось два месяца назад, – вздохнул Мрак и взглянул на Вячеслава, словно ожидая подтверждения. Тот кивнул. – Совершенно случайно Вячеслав оказался из того же города, что и некроманты-преступники. Среди тамошних воронов не оказалось мастера для ученика с яркой способностью манипулировать реальным временем – например, хотя бы примитивно задерживать его или ускорять. Юношу передали мне. Ты знаешь, что я умею совладать со временем. Закавыка в том, что я ослабел и больше не могу работать со временем. Слишком много сил уходит на создание временной ситуации. Но я вижу. Я могу объяснить, что и как делается. Или подправить неправильное владение таким уникальным даром. Благо сейчас лето, я поселил Вячеслава у себя на даче. Тренировки шли на природе, чтобы не причинять вреда людям. Мы останавливали воду. Подгоняли идущий дождь или, напротив, задерживали его появление... Много чего делали...

Он снова вздохнул и уставился в столешницу, хмуря брови.

Вячеслав слабо улыбался: наверное, тоже вспоминал.

Руся украдкой взглянула на Данияра. Ее губы чуть шевельнулись то ли в улыбке, то ли в желании что-то напомнить. Кажется – последнее. Данияр вспомнил, как объяснял прозвище Мрака, и вновь присмотрелся к старику. Да, он все так же темен, и даже седина не скрадывает этой странной тьмы что во внешности старого ворона, что в его глазах.

– Потом мне позвонили из родного города Вячеслава и предупредили, что его ищут младшие некроманты. Искали его, не объясняя причины поиска. Мы все решили, что в таком случае лучше не говорить, где он. Очень уж подозрительно выглядели эти ищущие.

– А у местных не поинтересовались, что они собой представляют? – спросил Александр Михайлович.

– Те некроманты о преступных замыслах своих не знали. На младших обычно мало обращают внимания. Пока те не проявят себя.

Иннокентий задумчиво кивнул.

– Но Вячеслав молод, – грустно усмехнулся Мрак, и молодой ворон виновато отвел взгляд. – Ему хочется общения. И он начал общаться с молодыми дачниками, пока меня не было. Что произошло далее – могу только предполагать. Пришлые некроманты, получив заказ на вашего стоматолога, в первую очередь нашли неучтенного некроманта в нашем городе. И он оказался из поселковой молодежи. То есть поначалу план некромантов по реализации заказа был таков: естественная смерть богатого человека от поднятого или поднявшегося упыря. Но пока поселковому некроманту объясняли, каким образом он может использовать свои силы, он начал «видеть». Так часто бывает: занимаешься определенным делом – и начинаешь все видеть отчетливей в силу своего дара. И он пошутил, что в поселке есть ворон, который однажды ему показал... – Мрак недовольно взглянул на виновато потупившегося Вячеслава. – Скажем так, показал фокус со временем. Дачный-то некромант видел, что он ворон, а потому и поддразнил его, подбивая показать хоть что-то.

– Прости, перебью, – хмуро сказал Вячеслав и досадливо поморщился. – Дело в том, что Игорь – дачный некромант – при мне поднял мертвую собаку. Я понял, что он... свой, и в ответ... Дурак был, в общем...

– Некроманты хоть и младшие, но сообразительными оказались... – признал Мрак, выслушав своего ученика. – И они сделали такую вещь...

В дверь позвонили.

Все притихли, встревоженно переглядываясь. Ведь позвонили в дверь квартиры, а не по домофону.

Будучи хозяином, Данияр нерешительно встал из-за стола и пошел в прихожую.

– Данияр, тебе... тебя подстраховать? – спросил Александр Михайлович.

– Нет, спасибо. Кажется, я понял, кто это, – с облегчением ответил ворон.

И правда. Кто мог спокойно пройти за все запертые двери, но воспитанно позвонить в дверь личного жилища ворона?

– Добрый день, – приветливо сказал Степан.

– Добрый. Заходи.

Удивление гостей за столом можно было черпать ковшом – настолько оно загустело. Разве что Мрак дружески поздоровался со Степаном, да младшие что-то промямлили в ответ на приветствие нового гостя. Данияр прихватил с кухни табуретку и вошел следом за алконостом.

– Присаживайся, – предложил он.

– Спасибо, – вежливо откликнулся Степан.

Алконосту налили чаю, положили на блюде пирожки, и Мрак как ни в чем не бывало продолжил повествование:

– Они изменили план действий, услышав о вороне с даром менять время и узнав в нем того, кого не нашли в своем городе. Поймали Вячеслава, напав на него внезапно. А потом приехали ко мне. Я уже знал, что с учеником произошло что-то плохое. Сами знаете, что связь «учитель – ученик» в нашем мире очень жесткая. Они поставили меня перед выбором: или я подчиняюсь им, или они убьют Всеволода и Вячеслава. Юношу мне показали на снимке с мобильного – лежащим в каком-то сарае. Я подчинился, сначала не ведая, что Всеволод уже убит. А позже они объявили мне о его смерти и дали мобильный, чтобы я позвонил тебе, Данияр, предупредить, что я отошел от активных действий. Мне опять-таки сказали, что это для твоей пользы. – Мрак помолчал, тяжело глядя на стол и явно не видя его. – Каким трусом ты меня посчитал, наверное, после того звонка... И лишь позже я узнал, что они пытались убить всех воронов – даже самых неопытных, тех, кто еще о себе-то, как о вороне, не знает. Квартира, в которой я жил первое время, да и вторая тоже оказались полностью закрытыми для проникновения колдовского взгляда. Что-то, а зельями для ритуалов они умели пользоваться.

– А как же вы узнали про Всеволода? – не выдержал Митя.

– Насколько сумел незаметно для них пробил в их охранной системе брешь и первым делом попробовал выяснить, что с ним. И... выяснил. Обнаружил раньше, чем они признали, что его смерть – их рук дело... Но брешь они заметили. – Мрак ссутулился, не смея взглянуть на Вячеслава. – И тогда они... – Он сглотнул.

– Тогда они впервые избili меня, – закончил молодой ворон.

– А тебя часто избивали? – с жалостью спросила воронушка.

– Нет. Первый раз меня избили в назидание Мраку. Второй – когда я отказался им подчиняться. Они сначала избили меня, а потом пригрозили убить Мрака. Третий – когда я узнал, что убил невинного человека, сжав вокруг него время.

– Это как это – узнал?! – поразился Митя. – Разве ты не видел... То есть разве ты не был всего лишь пьяным... – Парнишка-ворон окончательно запутался и беспомощно обвел вопрошающим взглядом сидящих за столом.

Но все притихли, размышляя над словами Вячеслава, который упрямо и мрачно опустил голову.

Данияр вспомнил обстоятельства, присовокупив к ним отчаянно злой и безнадежный вид Вячеслава, и сообразил, что случилось.

– Зелье подчинения? – сухо спросил он.

– Оно, – угрюмо ответил Вячеслав. – Когда пришел в себя, на мне было столько порошка, что он с головы сыпался. Эта зелень будто пропитала меня с ног до головы. А потом уже они сказали, что я убил человека.

– А мы думали, они тебя напоили, – вздохнул Митя и добавил: – А я тебя видел – там, в Нави!

– Я тоже видел кого-то, к кому на помощь пришел алконост, – нехотя улыбнулся молодой ворон. – Но позвать на помощь не мог: мое тело все равно оставалось во власти некромантов.

И тут Митя удивился:

– погоди, я запутался. Так ты был пьян или нет? Как ты попал в Навь?

Вячеслав переглянулся с Мраком.

– Мой учитель научил меня уходить в Навь. Я не хотел, чтобы за меня кто-то решал, что мне делать, а что – нет. Чтобы без меня решали, как по своему усмотрению использовать мою воронову суть. С телом-то, но без ворона они ничего не могли поделать. Так что я решил до упора оставаться в Нави, пока хоть что-то не изменится... – Он помолчал. – Ну и в четвертый раз меня избили из-за Карины.

– Ты спасал меня? – медленно спросила воронушка.

– Да. Как свою. Потому что я тебя не знал как человека. Время от времени я выходил из Нави проверить, не изменилась ли ситуация. В тот раз открыл глаза, понял, что я в машине – меня снова перевозили в другое место, и услышал некромантов. Они выехали из-за упырей,

сорвавшихся с подчинения и сбежавших пожрать. А когда некроманты сворачивали к привокзальной площади, они увидели тебя. Поднятых упырей у них хватало, могли парочкой пожертвовать. Так что решили убить тебя. Я еще не вполне разобрался, что происходит. Понял только, что они собираются убить какую-то девушку. Это только потом сообразил, что им твоя смерть, в общем-то, для дела не важна. Что этим гнидам просто моча в голову ударила, и они решили, что они до такой степени могущественны, что могут убивать налево и направо. И им за это ничего не будет... Я начал останавливать время, но психовал, что не успеваю. И тут увидел, что наперерез машине бежит Руся.

Он неожиданно тепло улыбнулся девушке-толмачихе, она покраснела, а почему-то сердитый Данияр обнял ее, хихикающую, за талию и подтащил к себе ближе. Воронушка тоже взглянула на Русю, насупившись было, но жест Данияра ее успокоил.

А Вячеслав продолжил:

– И это было самое замечательное в моей жизни зрелище!

Озадаченный Мрак спросил:

– А что там было?

– Руся бежала с птицами-огневицами на руках и плечах! Никогда не думал, что увижу их... Да еще в таком количестве! Руся бежала так, как будто сама птица – и вот-вот взлетит! Как будто... разгонялась для полета! Я знал об огневицах – духах светлого дня, но... – Он восхищенно покачал головой. – Они порвали мое время напрочь! Руся успела добежать до Карины и отпугнула некромантов.

Руся, кажется, хотела что-то сказать на последнюю фразу Вячеслава, даже наклонилась вперед, но передумала и снова прислонилась к плечу Данияра.

Воспользовавшись паузой, Митя поспешно спросил:

– А зачем им вообще воронов убивать?

– Я же говорю, они больные на всю голову! Сначала – чтобы Мрака и меня припугнуть. Потом – тем же шантажом мне угрожали.

– Кроме всего прочего, они не знали, насколько сильны здешние вороны, – неожиданно вмешался Степан. – И боялись, как бы им не помешали убить заказанную жертву. Все-таки смерть подходила к тому человеку в течение трех суток. Найди его в течение этих трех суток человек, знающий, что с ним произошло, вызови он ворона, тот мог бы



обратить этот процесс вспять. А за смертью заказанного стояли немислимо громадные деньги.

– Подтверждаю, – сказал Мрак и вздохнул. – Подтверждаю. Был бы я на месте, я и в третьи бы сутки действия скрученного времени успел бы вытащить его.

– Несколько алконостов погибло, – негромко сказал Данияр. – И Карина чуть не умерла... Кстати, Степан. Клятва Карины на верность алконостам и вправду была недействительной? Она свободна?

– Да, свободна, – покивал Степан и улыбнулся воронушке, когда та, вытянув губы, довольно громко выдохнула: «Фу-у!»

Данияр только глаза насмешливо опустил: младшие-то все еще сомневались. Потому и пришлось спросить алконоста при всех.

– Слушайте-слушайте! – заторопился Митя. – Мы знаем, что у этих пришлых было много-много упырей! Зачем им столько? Данияр, конечно, спрашивал уже, но там было чисто предположение. Так зачем им тот дурак из поселка столько упырей поднял?

– Я отвечу, – вступил в диалог Иннокентий. – Данияр тогда был прав со своим вопросом, как и я – с ответом. У них был второй заказ на другого человека. Не здесь, не в нашем городе. В соседнем – в трех часах на автобусе от нас. И они собирались ненадолго похитить жертву и посадить ее в одном помещении с упырями. Конкретно – довести человека до сумасшествия. И, как я уже говорил, доведение это было бы двойным: человек, если у него слабая воля, если он неуравновешен, в полном сознании долго находиться рядом с упырями не может. Вспомните: они ночные твари. И представьте, каково жертве было бы в компании тянущейся к нему голодной нежити, хоть и посаженной на цепь. С другой стороны, они воздействовали бы на него, постепенно отупляя, пока человек не сбрендил бы. Страх и отупение – два оружия упырьей своры. Зато опять-таки при расследовании смерти такого человека констатировали бы естественные причины. Ведь упыри до него бы даже не дотронулись.

Некоторое время за столом царила тишина. Неизвестно как остальным, но после слов Иннокентия Данияру не хотелось даже думать о еде. Он чувствовал под своей рукой мягкое тепло Руси, чувствовал, как это тепло успокаивает его...

Но Митя долго сидеть на месте не умел. Он поерзал, потом подтолкнул локтем Карину и что-то зашептал ей в ухо. Воронушка с сомнением бросила взгляд на Данияра, потом на Иннокентия. Пожала плечами, покосилась на алконоста. Митя снова с нетерпением ткнул ее в бок, и Карина сердито спросила не кого-то персонально, а в пространство над столом:

– А зачем те некроманты приехали сюда вчера? К нашему подъезду? Из-за Руси?

– Не так! – с досадой сказал парнишка-ворон и без обиняков спросил у Степана: – Зачем некроманты похитили вашу девушку?

– Ваши вопросы взаимосвязаны, – доброжелательно сказал алконост. – Дело в том, что Нина – та девушка, про которую вы говорите, – была похищена не просто так. Один из некромантов подслушал ее на остановке, когда она делилась с подругами впечатлением о посреднице-толмачихе. Это произошло еще две недели назад. Ее болтовня подтвердилась, когда на вокзале некроманты столкнулись с Русей, несущей огневиц на помощь Карине. И некроманты задались целью подчинить посредницу своей воле – и получить таким образом невероятного по своей силе информатора. По сути, они искали и собирали самых уникальных эзотериков для успешного исполнения своих преступных дел. Вячеслава после дела в нашем городе, например, они не собирались отпускать. Несмотря даже на то, что парень ушел в Навь на неведомо долгое время. Но найти Русю оказалось сложно. Зато девушку-алконоста некроманты ранее не только запомнили, но и проследили, где она живет. Они похитили ее, когда она выходила из дома по всеобщему вызову алконостов. – Степан неожиданно покраснел, глядя на Данияра. Тот удивленно приподнял брови. – Среди алконостов ходили слухи, что посредница осталась с воронами из-за тебя, Данияр.

Ворон только хмыкнул, а Руся вызывающе заявила:

– Ну да, все правильно. Это я ему сказала, что он будет моим парнем, и он согласился! Вот! И нечего тут!

За столом необидно посмеялись над ее воинственным тоном.

Степан дождался, пока смех утихнет, и продолжил:

– Те некроманты выудили эту информацию из нашей девушки без особых хлопот. Проблемой для них оказалось то, что она не знала твоего адреса, Данияр. А они решили: знает про Данияра – знает его

адрес. И били ее, пока до них не дошло, что она и в самом деле ничего не знает.

В комнате стало тихо.

– По ее словам, они совещались, стоит ли поймать еще одного алконоста. Но потом они вспомнили, что довольно заметный Александр Михайлович тоже входит в вашу компанию, и решили проследить за ним. Нина подтвердила эту информацию. Думала, после этого они отпустят ее. Но они взяли ее с собой. Хотели использовать для отвлечения внимания. Ну, чтобы она позвонила в дверь Данияра. Но Нина испугалась, когда поняла, что ее везут к остановке в парк. Она решила, что они хотят убить свидетеля. И, девушка чувствительная, она потеряла сознание. Некроманты усадили ее на скамейку и осыпали зельем подчинения, чтобы не сбежала... Но были несколько минут, когда Нину выводили из закрытой для просматривания машины и блокировали зельем. И эти несколько минут дали алконостам возможность вычислить, где находится пропавшая. А когда она снова исчезла, аналитики выяснили, что ее закрывает некромантская дымка. Анжелика велела всем нашим командам немедленно ехать по вычисленному адресу, но сразу к нужному месту не подходить, чтобы себя не выдать. Она хотела сначала узнать обстановку. Однако, когда приехали, посланные к подъезду алконосты созвонились с ней и доложили, что происходит. И все команды ринулись помочь тем, кто нуждается в помощи, и схватить тех, кто являлся преступником. Вот и весь ответ на ваш вопрос, – улыбнулся он Мите и Карине.

– Вроде все узнали, – неуверенно сказал Митя, и все снова засмеялись – но уже с каким-то облегчением.

– И что дальше? – спросил Данияр, глядя преимущественно на Мрака. – Ты возвращаешься?

– Конечно. Мальчик будет жить в моей квартире и учиться. С родителями договоренность есть.

– Ничего себе мальчик. – Шепот услышали все и оглянулись на Митю. И тот, растерявшись от всеобщего внимания, заносчиво произнес: – А че? Нет, что ли?

Мрак неожиданно ласково улыбнулся задиристому парнишке-ворону, а потом взглянул на Вячеслава.

– Скажем?

– Мрак – мой прадед, – усмехнулся тот. – Правда, дед? Поэтому я для него всегда мальчик. Он не хотел говорить, потому что думал – я буду выпрашивать у него поблажки и привилегии во время учебы.

– А мы?! – вырвалось у возмущенного Мити. – Данияр не все знает, а мы с Кариной тоже хотим учиться! Я сновидец, Данияр подтвердит! Да ведь, Данияр?!

– Подтверждаю, – покивал ворон и обратился к старику: – Мрак, тебе и впрямь придется взяться за обучение всех новичков. Ты же знаешь, что для меня это... трудновато. Да и времени...

– Зато ты научил нас слушать город, – тихонько вставила Карина, которая неведомо каким образом очутилась рядом с Вячеславом. – И здорово было бы уже сегодня съездить по адресам, а то за последние дни совсем забросили эту работу.

– Неплохо, – оценил слегка удивленный Мрак.

– Э-э-э... – вмешался Степан. – Данияр... э-э-э... Уважаемые вороны, давно хотел предложить вам. Если вы сейчас работаете довольно сплоченной группой и, естественно, не хотите присоединяться к нам, то почему бы не сбрасывать на нас какие-нибудь мелкие дела по городу? Кое-что о том, что значит слушать город, я знаю. Но зачем?

Алконосту коротко объяснили, что в городе есть старики или больные люди, которые умирают в одиночестве. О чем даже соседи, не то что родные, узнают лишь по горестному запаху тления. А вороны находят таких мертвецов и сообщают в полицию, прячась за иными именами и чаще всего пользуясь мобильными телефонами умерших... Степан выслушал внимательно и внезапно предложил:

– Согласен. Присоединяться к нам необязательно, но вы можете звонить нам и сообщать адреса, которые нашли. А мы будем передавать нашим ребятам, которые работают в полиции. И тогда не надо будет притворяться кем-то еще.

– Хорошая идея, – согласился Александр Михайлович и переглянулся с Иннокентием. – Мы, конечно, уже обсуждали этот вариант, но побаивались, что взамен вы можете предложить то же, что ранее, – взять нас под свое крылышко.

Пока алконост и Александр Михайлович обсуждали, каким образом лучше организовать такое сотрудничество, а еще, как ни

странно, стоит ли об этом сообщать Анжелике, Мрак нагнулся к Данияру и, кивком указав на Александра Михайловича, прошептал:

– Хватка у него... Всеволодова. Замечаешь?

– Замечаю, – улыбнулся тот. – Он и документы читает неплохо. Мрак... Все возвращается на круги своя?

– Возвращается, – ответил старик. – И ты даже не представляешь, как я рад этому.

Руся выбралась из-за стола и подошла к младшим, в круг которых влился и Вячеслав. Уловив взгляд Карины, сидевшей рядом с ним, толмачиха насмешливо сказала:

– Бабулю-травницу предлагать не буду. Сама справишься!

– Справлюсь, – хмыкнула воронушка.

И уже шепотом Руся пообещала:

– Ты не бойся. Я на твоего ворона не претендую. У меня свой есть.

– Эй, вы! – недовольно воззвал Митя. – Хорош в обществе шептаться! – И снова обратился к Вячеславу: – А ты слушать город умеешь?

– Умею. Митя, а как вы нашли те квартиры, которые снимали некроманты? – поинтересовался молодой ворон.

– Это долгая история, – важно сказал парнишка-ворон. – И началась она с того, что я увидел тебя в Нави...